

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva**† (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman**† (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zanoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко

Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)

Keywords: Moldova, Middle Dniester area, Late Palaeolithic, Cosauti site, raw material.

Cuvinte cheie: Moldova, cursul mijlociul al râului Nistru, paleoliticul târziu, stațiunea Cosăuți, materii prime de piatră.

Ключевые слова: Молдова, Среднее Приднестровье, поздний палеолит, стоянка Косэуць, каменное сырье.

Serghei Covalenco

Stone raw materials in the multi-layered Paleolithic site Cosăuți (sources, primary selection and processing purpose)

The article indicates the main sources of raw stone used by the inhabitants of the multi-layered site of the upper Paleolithic Cosăuți. Based on the geological structure of the Dniester valley and the characteristics of deluvial and alluvial sediments of river terraces, the most promising areas for the collection of flint concretions and pebbles, sandstone and shale pebbles and tiles are determined. In some cases, their function is specified.

Serghei Covalenco

Materii prime de piatră din situl paleolitic multistrat Cosăuți (surse, selecție și prelucrare primară, scop)

Articolul descrie principalele surse de materii prime de piatră folosite de locuitorii stațiunii multistratificate din paleoliticul târziu de la Cosăuți. Pe baza rezultatelor analizei structurii geologice a văii nistrene și a caracteristicilor sedimentelor deluviale și aluviale ale teraselor râurilor, se determină zonele cele mai promițătoare pentru colectarea concrețiilor și galeților de silex, a galeților din prundiș, gresie și șist. În unele cazuri este indicat scopul lor.

Сергей Коваленко

Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)

В статье рассмотрены основные источники каменного сырья, используемые обитателями многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць. Исходя из геологической структуры долины Днестра и особенностей делювиальных и аллювиальных отложений речных террас, определяются наиболее перспективные участки для сбора кремневых желваков и галек, песчаниковых и сланцевых галек и плиток. В некоторых случаях указывается на их предназначение.

При исследовании любого палеолитического памятника возникают закономерные вопросы о составе, свойствах и источниках каменного сырья, использованного обитателями древних стоянок. Порой требует уточнения и сам статус изучаемого памятника. В зависимости от его принадлежности к стоянкам с полным циклом обработки камня, стоянкам-мастерским с гипертрофированной первичной обработкой каменного сырья и мастерским у мест выхода или естественной его концентрации, неоднозначно рассматриваются многие аспекты хозяйственной и производственной деятельности. Не является исключением и многослойная эпиграветская стоянка Косэуць, исследованная на сравнительно большой площади И.А. Борзьяком в 80-90-е года прошлого века¹. В еже-

годных отчетах о полевых исследованиях этой стоянки и в нескольких публикациях, посвященных описанию кремневых изделий по отдельным культурным слоям [Borziiak, Kovalenko 1989; 1990; 1992a, 1992b], можно найти краткую характеристику сырьевой базы. К сожалению, специальных работ по минералого-петрографическому составу коллекций каменных артефактов сделано не было, хотя мы располагаем некоторой общей информацией по литологии отдельных видов каменного сырья Среднего Поднестровья [Peres 1963; 1968]. Не менее значимы для нас данные по геологическому строению долины р. Днестр и геоморфологии окрестностей стоянки [Ivanova 1977, 127; Khubka 1983], также как и сведения по палеогеографии района исследований [Adamenko et al. 1996, 64-72]. Собственно геология и геоморфологическое описание днестровской долины, наиболее изученной

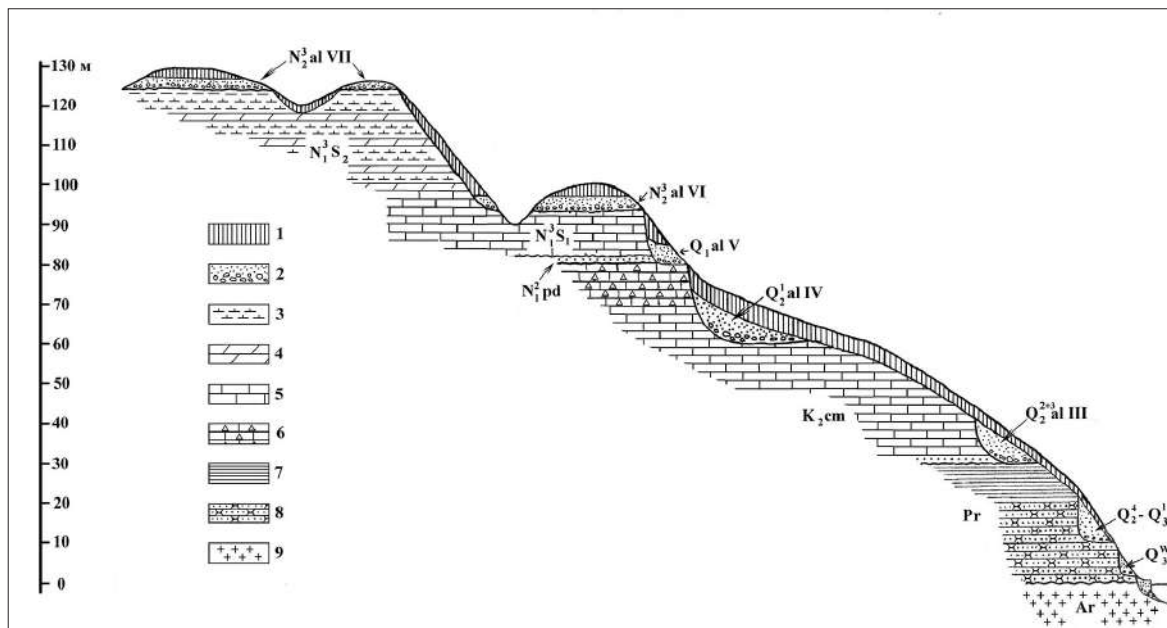
1. Стоянка расположена к западу от с. Косэуць Сорокского района (Молдова), на правом берегу р. Днестр.

на её среднем участке, в частности от Могилев-Подольского до г. Сороки, позволяет наметить те отложения, прорезаемые рекой вплоть до кристаллического ложа, которые потенциально могли быть источниками тех или иных разновидностей каменного сырья.

Самые древние породы, вскрываемые рекой на глубину до 70 м, представлены толщей аргиллитов и алевролитов (рис. 1,7-9), переслаивающихся песчаниками верхнего протерозоя, порой образующих крутые обрывистые склоны. Наверняка эти плотные скалистых обнажения на уровне уреза вод были доступны и в верхнем палеолите. В коллекции каменных артефактов предположительно с ними связаны обломки плит толщиной до 6-8 см, отождествляемые археологами с кремнистыми песчаниками и сланцами. Их отличает неизменная плотность и сравнительно большой вес, окатанные грани и наличие одной-двух естественно выровненных плоскостей. Цвет этих пород варьирует от коричневатого до серого. По данным минералогии они могут быть связаны с опало-

глауконитово-кварцевыми алевритами органического происхождения и мелкозернистыми карбонатными песчаниками [Peres 1968, 960], широко распространенным на сопредельных территориях Украины и Румынии. По некоторым наблюдениям из их толщи могли происходить шаровидные конкреции фосфоритов диаметром до 10 см [Khubka 1983, 2], используемые обитателями стоянок для изготовления краски.

На отложения протерозоя налегает толща меловых отложений сеноманского возраста (рис. 1,5-6), мощностью от 40 до 60 м, насыщенных кремнем. Эти мелоподобные напластования известняка и песчанистого мергеля чередуются с серым ракушечником шламово-детритового характера, кверху переходящие в мелкозернистые кремнеземистые известняки, перекрываемые светлыми легкими трепелами [Peres 1968, 957-958]. Повсеместно встречаются желваки халцедоновых кремней, число которых возрастает вверх по разрезу, достигая максимальной концентрации в слое «беспорядочно сгруженных» кремневых конкреций, мощностью до 10

Рис. 1. Геологическое строение долины Днестра вблизи стоянки. 1 – покровные отложения – лёссовидные суглинки с горизонтами ископаемых почв; 2 – террасовый аллювий – песчано-гравийно-галечные отложения; 3 – карбонатные глины среднего сармата; 4 – мергеля среднего сармата; 5 – известняки среднего сармата и сеномана; 6 – трепела, кремнеземистые известняки сеномана; 7 – аргиллиты протерозоя; 8 – песчаники протерозоя; 9 – кристаллические породы фундамента.

Fig. 1. Geological structure of the Dniester Valley near the site. 1 – cover sediments - loess loam with fossil soil horizons; 2 – alluvium terraces - sand-gravel-pebble deposits; 3 – carbonate clays of average Sarmatian; 4 – marl average Sarmatian; 5 – limestone middle Sarmatian and Cenomanian; 6 – Tripoli, siliceous limestones of the Cenomanian; 7 – Proterozoic mudstones; 8 – Proterozoic sandstones; 9 – crystalline basement rock.

м, в самой кровле меловых отложений [Ivanova 1977, 127]. Иногда желваки и валунчики имеют весьма причудливые очертания и находятся так близко друг от друга, что создают впечатление некоего самостоятельного горизонта, который можно считать маркирующим [Murav'ev 1976, 98]. По подсчетам Ф.С. Переса, на переходе к кремнеземистым известнякам количество кремней повышается от 1-10 до 30-40%, а на уровне трепелов превосходит 70%. Именно в верхней части разреза, вместе с серым желвачным кремнем, которого особенно много снизу, отмечается появление черных и смолянисто-черных его разновидностей [Peres 1963, 79].

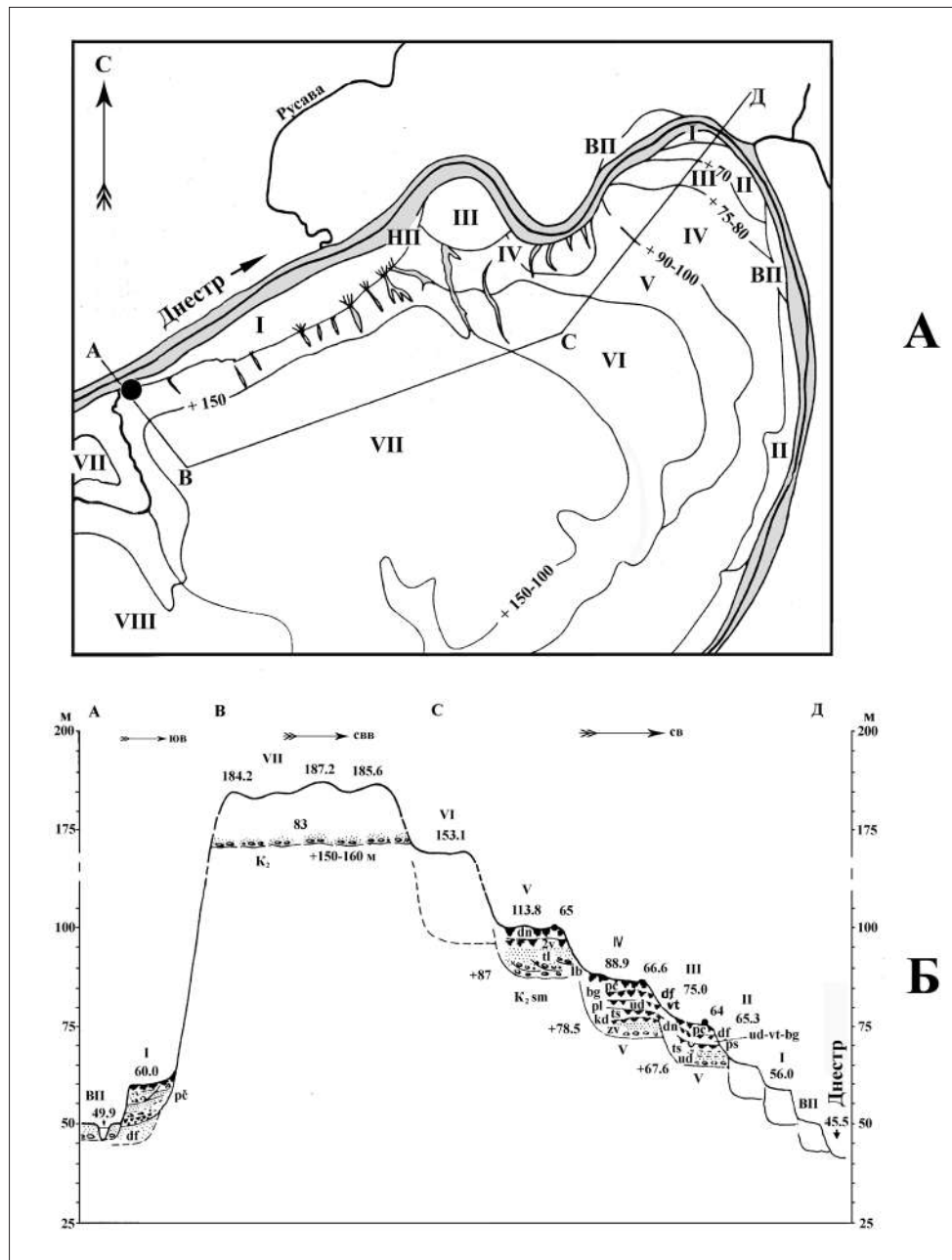
По морфологическим признакам в меловых отложениях выделяются три типа кремнистых образований. Прежде всего, это светло-серые округлые желваки продолговатой или эллипсоидной формы, достигающие длины 10-15 см, в отдельных случаях с мелкими закругленными отростками. Качество этого кремня обычно не высокое, а твердость не вполне достаточна для полноценного раскалывания. Также встречаются серые палочковидные кремни длиной до 20 см с необычной гофрированной поверхностью. Более высокими изотропными свойствами обладают редкие черные (пятнистые) мешковидные конкреции диаметром до 15 см. Часть желваков локализуется в небольших прослоях и линзах мощностью 3-10 см. Исключительным явлением можно считать кремни из пластообразных прослоев мощностью 4-10 см. Их отличительная особенность связана с «петельчатой текстурой, обусловленной чередованием черных эллипсоидных участков с серыми» [Peres 1963, 76-78].

Интенсивный размыв меловых отложений обеспечил формирование мощного пролювиально-делювиального шлейфа, прикрывшего пологие участки днестровской долины обломочным материалом в виде кремневых желваков и щебня, который образует прослой и конуса выноса. Особенно показательны конуса выноса на месте размещения стоянки Косэуць, иногда весьма мощные до 0,5 м, представленные конгломератом меловых и кремневых конкреций, обломков известняка и мергеля, песчаниковых галек, залегающих в плотно спрессованном слое вместе с валунами и глыбами ракушечника. Безусловно, в разное время они были доступны

палеолитическому человеку, который посредством роговых мотыжек был вполне способен извлекать из кремнесодержащих наносов отдельные конкреции.

Над меловыми отложениями располагается пачка глинистых («клейких») песков среднего миоцена мощностью 5-7 м. Еще выше залегают алевриты, карбонатные глины и сарматские известняки органогенного происхождения мощностью до 30 м (рис. 1,3-4), создающие на отдельных участках днестровской долины отвесные обнажения [Khubka 1983, 2] с небольшими карстовыми полостями и нишами, однако без признаков их использования первобытным человеком в качестве убежищ. Крупные куски и блоки этой сравнительно мягкой породы камня, переотложенные на низкие террасы, могли эпизодически использоваться в хозяйственной деятельности человека.

Источником каменного сырья, без сомнения, являлись аллювиальные напластования речных террас, содержащие прослой галечного материала (рис. 1,2), вскрываемые овражно-балочной сетью. В Среднем Приднестровье выделяются до восьми речных террас [Ivanova 1977, 139, tab. 3]. Самая древняя VIII терраса фиксируется на возвышенности к юго-западу от стоянки Косэуць (рис. 2,А). Частично размывшие остатки аллювиальных отложений этой террасы, выступающие на поверхности (рис. 3,2), включают «карпатскую» гальку в виде окатанных обломков менелитовых сланцев, яшмы, мелкозернистого песчаника [Khubka 1983, 2-3]. Малоперспективным для сбора каменного сырья был и аллювий VII террасы, охватывающей большую часть водораздельного плато, редкие обнажения которой доступны для изучения в нескольких местных карьерах. Следующая VI терраса, частично выполняющая роль надканьонной, уже содержит в составе своих русловых отложений, в массе гравийно-галечных осадков, до 25% сеноманских кремней. В грубообломочном материале аллювия V террасы, четко видимого в обнажениях левого борта правобережного днестровского притока Йоржница (рис. 3,3), местных пород камня – сеноманских кремней, палеозойских и протерозойских песчаников, аргиллитов и алевролитов, уже почти 60% [Khubka 1983, 5-6]. Сходный литологический состав гравийно-щебнисто-галечно-валуной массы отмечен в основании IV-II надпойменных террас,

Рис. 2. Днестровские террасы на косэуцкой излучине (А) и её продольно-поперечный разрез (Б) (кружком обозначено местоположение стоянки; по А.Н. Хубка).

Fig. 2. The Dniester terraces on the Cosăuți meander (A) and its longitudinal-transverse section (B) (the circle indicates the location of the site; by A.N. Khubka).

которые сохранили почти полный свой профиль на пологом восточном склоне косэуцко-сорокского меандра (рис. 2,Б). Доступность для палеолитического человека галечников I надпойменной террасы представляется менее вероятной.

И, наконец, в период функционирования палеолитических стоянок, для поиска и сбора каменного сырья, могли активно использовать-

ся русловые галечники самого Днестра. Вблизи косэуцкой стоянки наверняка они были доступны на перекатах и отмелях, образуемых у устьев рек Йоржница и Мурафа (рис. 3,5). Вместе с тем, анализ выборки каменных конкреций из современных галечников на различных участках днестровской долины показал сравнительно малое число пригодных для раскалывания

кремней. Тем не менее, для нас принципиально важно установить связь с днестровскими галечниками одной весьма важной разновидности кремней, отличающейся максимально благоприятными для раскалывания качествами. Речь идет об исключительно однородной по своему минералогическому составу, полупрозрачной на изломе, коричневатой по цвету, галечной породе, чьи изотропные свойства до сих пор остаются непревзойденными. Она также легко распознается по пористому корочному покрытию бурого цвета. Обычно это гальки округлой формы диаметром до 8 см.

Таким образом, источники каменного сырья в окрестностях палеолитической стоянки Косэуць были достаточно разнообразны, как по составу, так и качеству. Конечно, они не могли быть доступны в равной степени на протяжении всего периода её функционирования от 20 до 14 тыс. лет. Тем не менее, основные производственные запросы, связанные с изготовлением орудий труда и хозяйственного инвентаря могли быть обеспечены из этих источников практически в полном объеме. Более того, обилие сырья сказалось, на не экономном, порой небрежном его использовании.

Самым востребованным сырьем для производства орудий и охотничьего инвентаря являлся галечный и желвачный кремь. Крайне редки случаи изготовления инструментов из пластового кремня. Степень использования галечного и желвачного сырья от одного культурного слоя к другому варьирует, хотя доминирующее положение всегда сохраняет за собой желвачная его разновидность. В первом и втором культурных слоях стоянки она составляет 80% от общего числа кремней и лишь среди нуклеусов каждый четвертый выполнен из галек. В нижележащих культурных слоях доля желвачного кремня несколько снижается. В слое 3Б его уже около 70%, в слое 3 опять 80%, но при ведущей роли орудий и пластинок, выполненных из галечного сырья. Максимально низкого значения достигает использование желвачного кремня в слое 5, составляя менее 70%, а по нуклеусам лишь 60%. Вместе с тем, в небольшой коллекции находок из слоя 10 уже присутствует исключительно желвачная порода.

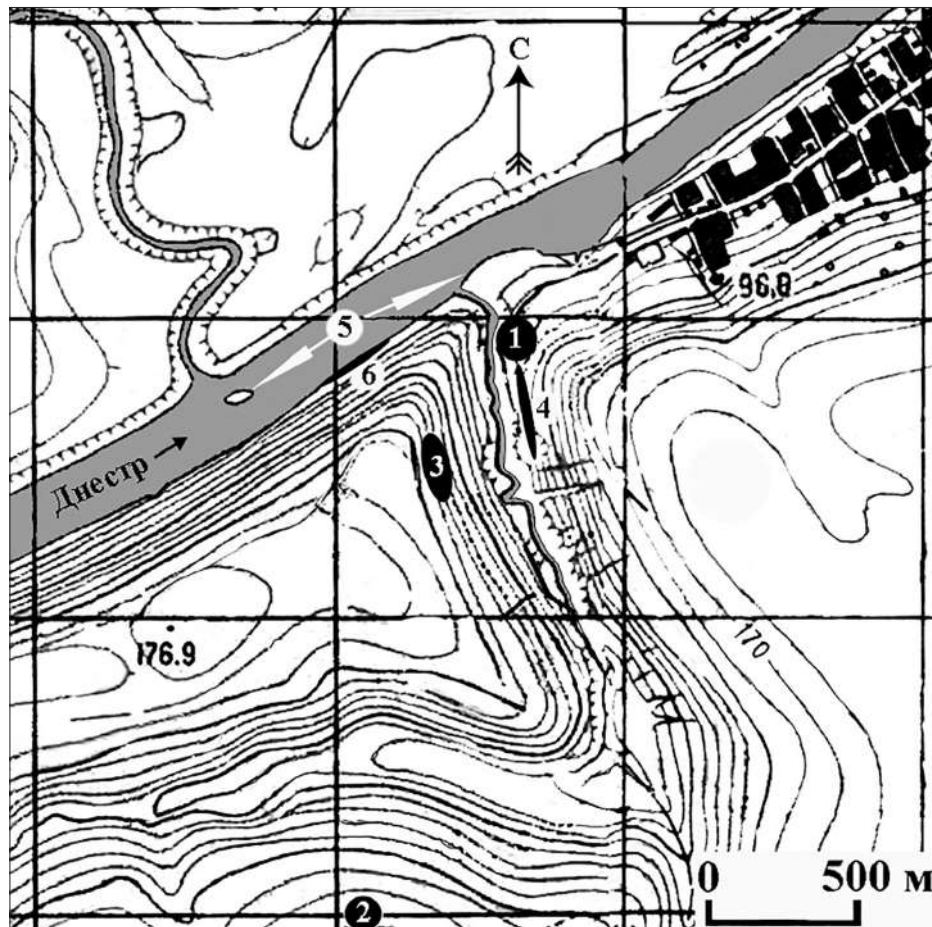
Желвачное сырье изменяется по цвету от темно-серого до светло-серого. Обычно на-

ходки из темно-серого и светло-серого кремня представлены в пропорции 3:1. Достаточно распространены находки из светло-коричневого, реже черного цвета, часто с белесыми вкраплениями. Встречается особая разновидность светло-серого желвачного сырья, которая получила условное обозначение, как «молочный» кремь. Именно из такой породы изготовлены практически все находки самого нижнего культурного слоя, десятого по рабочей нумерации². Эпизодически его можно наблюдать и в составе коллекции других нижних слоев стоянки, где, в отличие от слоя 10, он более известковистый и низкого качества³.

Судя по данным экспериментов, проведенных автором под контролем Е.Ю. Гири в экспедиции Г.Ф. Коробковой в 1992 г., местный светло-коричневый желвачный кремь отличается высокой степенью пластичности и легко раскалывается. С каждого из нескольких объемных призматических нуклеусов средних размеров посредством песчаникового отбойника удалось сколоть по несколько десятков пластин. Достоинством этого кремня являются сравнительно крупные размеры желваков, достигающих в поперечнике 15 см, а недостатками наличие мощной известковой корки, глубоких каверн и трещин. Известковистая или меловая корка на отдельных участках может достигать по толщине 0,5 см. Предполагается происхождение такого кремня непосредственно из меловых отложений, вскрываемой долиной Днестра на уровне между IV и V надпойменными террасами (рис. 3,3), а также из перемещенного обломочного материала вниз по склону, в составе так называемых конусов выноса (рис. 3,4). Желвачный кремь с более тонкой коркой и с отдельными признаками окатанности может быть сопоставлен с сырьем из аллювиальных отложений террас. Прежде всего, для него свойственна наибольшая трещиноватость, которая являлась причиной выбраковки многих нуклеусов. Часть конкреций из аллювия имеет высокую степень

2. «Молочный» кремь слоя 10 отличается повышенной плотностью, лучше колется, хотя внутри он неоднородный по текстуре, а снаружи имеет мощную белую меловую корку, толщиной до 0,5 и более сантиметров.

3. В слое 7 найден желвак-пренуклеус из такого кремня до 10,5 см в поперечнике, с известковистой коркой до 0,3 см, пронизанного многочисленными трещинами, с кавернами, явно не перспективный для раскалывания.

Рис. 3. Местоположение стоянки Косэуць на топографической карте (масштаб 1:50000) и основные источники каменного сырья. 1 – размещение стоянки на местности; 2 – выходы аллювия высоких террас на поверхности; 3 – современные обнажения кремнеземных отложений сеномана; 4 – конуса выноса обломочного материала у подножья крутого склона речной долины; 5 – современные галечники Днестра у устья рек Мурафа и Йоржница; 6 – завалированные обнажения аргиллитов и алевролитов.

Fig. 3. The location of the Cosăuți site on a topographic map (scale 1: 50,000) and the main sources of raw stone. 1 - position of site; 2 - alluvium of high terraces; 3 - modern outcrops of Cenoman deposits; 4 - diluvium fan at the foot of a steep slope of a river valley; 5 - modern pebbles-shingles of the Dniester at the mouth of the Murafa and Yorzhnitsa rivers; 6 - veiled outcrops of argillites and aleurolites.

окатанности, вероятно, образовавшуюся в результате воздействия на них различного рода русловых процессов. Однако идентификация находок из такого кремня затруднена, так как, обладая всеми признаками желвачного кремня (структура, цвет, присутствие каверн), по своим внешним характеристикам (состоянию корочного покрытия, конфигурации), он все-таки является разновидностью галечного материала.

Помимо типично галечного кремня шаровидной и вытянутой эллипсоидной формы с сечтато-трещиноватой или пористой поверхностью, в большом числе встречаются гальки небольших размеров с тонкой, матовой, цель-

ной коркой, которые на изломе имеют не только коричневатую окраску, но и черную или светло-серую. Отличительной особенностью последней разновидности галек можно считать и более светлую тональность их кавернозной сердцевины. Всего лишь единственной находкой представлена галька, предположительно из яшмо-кварцита, обнаруженная в слое 2Б. Её длина до 8 см, она продолговатой формы с гладкой темно-коричневой коркой, на изломе серого цвета, пронизанная большим числом трещин от явного пересыхания. Не исключено её происхождение из аллювия самых верхних террас (рис. 3,2) и связь с «карпатской» галькой.

Судя по находкам желваков и расколотых галек, отдельным пренуклеусам и большому числу нуклевидных обломков с единичными сколами, на стоянке Косэуць отбор, апробирование и первичная обработка сырья производилась на месте. О продолжении этого процесса здесь же свидетельствуют четко локализованные участки по обработке кремня практически в каждом культурном слое стоянки, представленные нуклеусами на начальной стадии утилизации, многочисленными первичными и полупервичными отщепами, обломками кремня, сколами подготовки ударных площадок, чешуйками и мелкими сколами, образовавшимся от подправки рабочих фронтов. Концентрация продуктов и отходов кремнеобработки на таких участках крайне высокая и почти все они сопровождаются песчаниковыми отбойниками с четко выраженными следами износа от их эксплуатации в качестве ударных инструментов. Реже в таких скоплениях присутствуют тяжелые кремневые отбойники и молотковидные изделия из отростков рога северного оленя.

Вероятно, транспортировка сырья на стоянку не создавала особых трудностей. Чаще всего приносились продолговатые и кубовидные желваки около 10 см в поперечнике и эллипсоидные гальки длиной 6-8 см. Предполагается, что некоторые из них хранились отдельно, возможно, в небольших углублениях, как резерв сырья. В частности, такого рода «клад» из желваков был исследован в шестом культурном слое [Borziak 1985, 6]. По нашим наблюдениям, первичная оббивка производилась «на весу», без использования наковален, хотя отдельные каменные плиты с локальными выбоинами иногда присутствуют поблизости. В любом случае их роль была вспомогательной. Не исключено, что более крупные конкреции разбивались на отдельные части посредством применения «block-on-block technique». По мнению некоторых исследователей, разбивание желваков и отсечение ненужных отростков, производилось «как технологически целенаправленно, так и относительно хаотично» [Matiukhin 2003, 20, 23]. Уже первые, пусть даже «хаотичные» сколы на кремневых отдельностях и гальках позволяли составить представление о наличии в них трещин или каких-либо других изъянов, а, значит, позволяли определиться с перспективностью

их раскалывания. Наиболее востребованной последовательностью дальнейших действий, как это не покажется странным, была не очистка будущего нуклеуса от корки, а подготовка, как правило, широкой ударной площадки, с которой и производились снятия, формирующие плоскость расщепления. В целях придания ей необходимой выпуклости подготавливались и удалялись продольные ребристые и реберчатые края. Сама ударная площадка на начальном этапе подправлялась крайне редко, также как и тыльная сторона пренуклеуса. Именно на этапе формирования пренуклеуса, определялась стратегия его дальнейшего раскалывания как призматического, торцового или плоскостного нуклеуса с однонаправленным, встречным или иным способом снятия заготовок.

Другой наиболее востребованной категорией каменного сырья являются песчаниковые и кварцитовые гальки, которые часто встречаются на береговых отмелях (бечевниках), а также на размываемых склонах днестровской долины. Из всего разнообразия такого рода сырья, представленного гальками различной величины и формы, обитатели стоянки Косэуць отбирали, прежде всего, округлые в плане образцы диаметром 7-12 см, обязательно с уплощенным профилем. Называть их «сжатыми эллипсоидами» пока не принято. Следы износа на торцах этих предметов, указывают на их принадлежность к отбойникам и пестам. В некоторых случаях, при интенсивной эксплуатации, они принимали вид так называемых «таблеток». Не менее выразительны и песчаниковые гальки со следами утилизации на уплощенных поверхностях, которые использовались как терочники. Нередко такие орудия совмещали в себе признаки работы в технике пикетажа и растирания одновременно, что позволяет их называть пестами-терочниками. Такие находки обнаружены серийно в большинстве культурных слоев стоянки. К примеру, в слое 3 собрано более 20 пестов-терочников, из которых четыре использовались для дробления и растирания кусочков охры. В процессе сильного износа, они порой теряли до 1/3 от своего первоначального размера и приобретали цилиндрическую форму. Менее востребованными были мелкие гальки эллипсоидной и шаровидной конфигурации диаметром 3-6 см из мелкозернистого песчаника и сланца, непременно с

одной или двумя затертыми поверхностями⁴, которые идентифицируются как орудия для лощения. Для двух удлиненных стержневидных галек из сланца отмечены следы утилизации, образующиеся в результате работы в качестве ретушеров-отжимников.

И, наконец, из наиболее древних отложений, вскрываемых рекой (рис. 3,6), происходят находки обломков плит и плиток, используемых в качестве наковален, основ для растирания или в качестве абразивов для заточки костяных острий и игл. В отчетах и публикациях они упоминаются как изделия из нескольких разновидностей песчаника и сланца. Так, для растирания охры использовались плиты и их крупные фрагменты⁵ из мелкозернистого песчаника и кварцита до 28 см в поперечнике и около 5 см по толщине, на уплощенных сглаженных поверхностях которых наблюдаются линейные, продольные, параллельные друг другу полосы от растирания минеральной краски бардового и вишневого цвета. Еще не менее 15 обломков плит аналогичных размеров и различной конфигурации из песчаника, сланца и один экземпляр из гранита, а также крупный песчаниковый валун (голыш) имеют следы затертости по крайней мере одной из уплощенных поверхностей, иногда образующих небольшую вогнутость. Точно установлено предназначение трех плит со следами выбоин и выщерблин на поверхности, которые сосредото-

точены небольшими группами, как наковален. Другие три песчаниковые находки, обломок плиты и две плитки имеют на поверхности глубокие линейные бороздки, как параллельные друг другу, так и перекрещивающиеся, предположительно привлекались в качестве абразивов для заострения и заточки костяных изделий. Допустимо сопоставление всех этих находок с аргиллитами и алевролитами. Помимо этого встречается масса обломков сравнительно тонких плиток местного косэуцкого песчаника без следов утилизации.

Заслуживает упоминания и последняя категория особых находок из мягкого камня – мергеля, плотные стяжения которого, иногда в виде галечек до 5-8 см в поперечнике или обломков плиток, были доступны обитателям стоянки культурного слоя 2А и в меньшей степени нижележащих слоев. Именно из этой породы камня, которая была доступна в делювиальных напластованиях, выполнены статуэтка женщины, фигурка бизона, амулет-подвеска.

Приведенная характеристика источников каменного сырья, используемого обитателями многослойной палеолитической стоянки Косэуць, привязка этих источников к конкретным участкам геологического разреза днестровской долины и попытка их соотношения с известными в настоящее время обнажениями и месторождениями каменного сырья, а также идентификация отдельных категорий каменных орудий и инвентаря, будет уточнена и продолжена в дальнейших исследованиях.

4. В отдельных случаях отмечена «жирная» залощенность и темная окрашенность поверхности.

5. Всего известно шесть таких плит, две из слоя 3Б, еще три – из слоя 3 и одна из слоя 3А.

Библиография

- Adamenko et al. 1996:** O.M. Adamenko, A.V. Gol'bert, V.A. Osiuk, Zh.N. Matviishina, S.I. Medianik, V.E. Motok, N.A. Sirenko, A.V. Cherniuk, Chetvertichnaia paleogeografia ekosistemy Nizhnego i Srednego Dnestra (Kiev 1996) // О.М. Адаменко, А.В. Гольберт, В.А. Осюк, Ж.Н. Матвишишина, С.И. Медяник, В.Е. Моток, Н.А. Сиренко, А.В. Чернюк, Четвертичная палеогеография экосистемы Нижнего и Среднего Днестра (Киев 1996).
- Borziak 1985:** I.A. Borziak, Issledovanie mnogoslinoi paleoliticheskoj stoianki Kosautsy v 1984 godu. Arkhiv NMIM. Inv. nr.207 (Kishinev 1985) // И.А. Борзияк, Исследование многослойной палеолитической стоянки Косауцы в 1984 году. Архив НМИИ, Инв №207 (Кишинев 1985).
- Borziak 1996:** I. Borziak, Pieces de marne du Paleolithique superieur de la valle du Dniestr. Prehistoire Europeenne 9, 1996, 393-404.
- Borziak, Kovalenko 1989:** I.A. Borziak, S.I. Kovalenko, Poselenie sloia 1 mnogoslinoi paleoliticheskoj stoianki Kosautsy na Srednem Dnestre. AIM v 1984 g., 1989, 16-32 // И.А. Борзияк, С.И. Коваленко, Поселение слоя 1 многослойной палеолитической стоянки Косауцы на Среднем Днестре. АИМ в 1984 г., 1989, 16-32.
- Borziak, Kovalenko 1990:** I.A. Borziak, S.I. Kovalenko, Issledovaniia vtorogo kul'turnogo sloia mnogoslinoi

paleoliticheskoj stoianki Kosoutsy na Srednem Dnestre. AIM v 1985 g., 1990, 3-23 // И.А. Борзьяк, С.И. Коваленко, Исследования второго культурного слоя многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. АИМ в 1985 г., 1990, 3-23.

Borziak, Kovalenko 1992a: I.A. Borziak, S.I. Kovalenko, Issledovaniia sloia 3B mnogoslinoi paleoliticheskoj stoianki Kosoutsy na Srednem Dnestre. AIM v 1986 g., 1992, 3-28 // И.А. Борзьяк, С.И. Коваленко, Исследования слоя 3Б многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. АИМ в 1986 г., 1992, 3-28.

Borziak, Kovalenko 1992b: I.A. Borziak, S.I. Kovalenko, Poselenie sloia 3 stoianki Kosoutsy na Srednem Dnestre. In: (red. V.I. Grosu) Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldovy (Kishinev 1992), 48-69 // И.А. Борзьяк, С.И. Коваленко, Поселение слоя 3 стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В: (ред. В.И. Гросу) Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы (Кишинев 1992), 48-69.

Ivanova 1977: I.K. Ivanova, Geologiya i paleogeografiia stoianki Korman' IV na obshchem fone geologicheskoi istorii kamennogo veka Srednego Pridnestrov'ia. In: (red. V.I. Goretskii, S.M. Tsetlin) Mnogosloinaia paleoliticheskaia stoianka Korman' IV (Moskva 1977), 126-181 // И.К. Иванова, Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья. В: (ред. В.И. Горецкий, С.М. Цейтлин) Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV (Москва 1977), 126-181.

Khubka 1983: A.N. Khubka, Geologicheskaja i geomorfologicheskaja kharakteristika paleoliticheskikh stoianok Kosoutsy I, Ataki I, Ataki II. Arkhiv NMIM. Inv. nr. 221 (Kishinev 1983) // А.Н. Хубка, Геологическая и геоморфологическая характеристика палеолитических стоянок Косоуцы I, Атаки I, Атаки II. Архив НМИМ, Инв №221 (Кишинев 1983).

Matiukhin 2003: A.E. Matiukhin, Ob elementarnykh sposobakh raskalyvaniia kamnia v paleolite. AV 10, 2003, 13-25 // А.Е. Матюхин, Об элементарных способах раскалывания камня в палеолите. АВ 10, 2003, 13-25.

Murav'ev 1976: V.I. Murav'ev, O obrazovanii trepelov. Litologiya i poleznye iskopaemye 3, 1976, 93-107 // В.И. Муравьев, ОБ образовании трепелов. Литология и полезные ископаемые 3, 1976, 93-107.

Peres 1963: F.S. Peres, Kremnistye obrazovaniia iz melovykh otlozhenii severo-vostochnoi chasti Moldavskoi SSR. Materialy po geologii i poleznym iskopaемым Moldavii (Kishinev 1963), 75-89 // Ф.С. Перес, Кремнистые образования из меловых отложений северо-восточной части Молдавской ССР. Материалы по геологии и полезным ископаемым Молдавии (Кишинев 1963), 75-89.

Peres 1968: F.S. Peres, Novye dannye po litologii verkhmelovykh otlozhenii Moldavskoi SSR. Doklady Akademii nauk SSSR 179 (4), 1968, 957-960 // Ф.С. Перес, Новые данные по литологии верхнемеловых отложений Молдавской ССР. Доклады Академии наук СССР 179 (4), 1968, 957-960.

Сергей Коваленко, доктор истории, Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001, Кишинев, Республика Молдова, e-mail: covalenco@bk.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”**
(Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого**
(Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)**
(Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой**
(Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Dmytro Kiosak

Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)

Keywords: Cucuteni-Trypillia, earthworks, bifacial arrowheads, Eneolithization.

Cuvinte cheie: Cucuteni-Tripolie, șanț, vârfuri de săgeată bifaciale, eneolitizare.

Ключевые слова: Кукутень-Триполье, рвы, бифасиальные наконечники стрел, энеолитизация.

Dmytro Kiosak

Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)

The paper presents the results of recent field-work in central Ukraine. The Kamyane-Zavallia 1 settlement (Trypillia B1) yielded a series of bifacial arrowheads. Two parallel ditches surrounded the site. These finds indicate that the “warfare-like” pattern of archaeological finds typical for key regions of Cucuteni-Trypillia cultural block during this period also extended in the Southern Bug valley. According to the author, the emergence of this pattern resulted from the social disintegration of the Late Neolithic societies and the process of Eneolithization that affected the groups of early farmers in the second half of the V mill. BC.

Dmytro Kiosak

Atac și apărare? Date noi despre contactele „Tripolie-stepă” din valea râului Bugul de Sud (Ucraina Centrală)

În articol sunt prezentate rezultatele cercetărilor de teren efectuate recent, în yona centrală a Ucrainei. În așezarea Kamyane-Zavallia 1 (Tripoli B1) a fost colectată o serie impresionantă de săgeți bifaciale. Situl era înconjurat de două valuri paralele. Aceste descoperiri demonstrează că acest complexul arheologic indică militarizarea caracteristică pentru regiunile cheie ale comunităților Cucuteni-Tripolie din această perioadă, care se răspândește și în valea Bugului de Sud. Potrivit autorului, apariția acestui complex provine de la dezintegrarea socială a comunităților neolitice târzii și a procesului de eneolitizare, în care au fost implicate grupurile de agricultori timpurii din a doua jumătate a mil. V a.Chr.

Дмитрий Киосак

Нападение и защита? Новые данные к «трипольско-степным» контактам в долине р. Южный Буг (Центральная Украина)

Статья представляет результаты недавних полевых исследований в Центральной Украине. На поселении Камяне-Завалля 1 (Триполье B1) была собрана выразительная серия бифасиальных наконечников стрел. Два параллельных рва окружали памятник. Эти находки доказывают, что комплекс археологических свидетельств милитаризации, характерный для ключевых регионов кукутенско-трипольской общности в это время распространялся и в долине р. Южный Буг. Согласно автору, возникновение этого комплекса происходит из социальной дезинтеграции позднеолитических обществ и процесса энеолитизации, в который были вовлечены группы ранних земледельцев во второй половине V тыс. до н.э.

1. Introduction

The relationship between the farmers of Trypillian culture in the forest-steppe between the Carpathians and Dnieper River on the one side, and the cattle-breeders of the steppe to the east of Danube on the other, is an open question [Dumitrescu 1955; Movsha 1961; Marinescu-Bilcu 1974; Mantu 1998; Sorochin 2002; Govedarica 2004; Kotova 2004; Rassamakin 2004; Palaguta 2007; Kotova 2008]. The interactions lasted for millennia and were already well established in the early stage of Trypillia B1 phase and the second (Skelia) period of Seredny Stog culture [Kotova 2008].

Living together in a direct territorial proximity for centuries made cultural contacts possible. They

are mostly known from imports of tools, pottery and ornaments during the V mill. BC. Lately, the issue of agricultural population and cattle-breeders' interaction became a subject of vivid scientific discussion. Primarily, the nature of relations (military or peaceful) was a bone of contention [Manzura 2005; Dergaciov 2010]. The problem was usually met by means of traditional cultural-historical approach looking for migration traces and diffusion of ideas. In fact, the adoption of a certain type of objects or of particular behavioral patterns is conducted by social groups in accordance with their internal social practices. The external example is not enough to make adopters follow it automatically [Roux et al. 2018]. Finding the earliest occurrence

of the type in question does not answer the question why it had diffused and why it was adopted in other societies [Godin 2014, 15].

V.A. Dergachev, a proponent of “conflicting hypothesis”, defined and mapped some categories of material culture that emerged at the Cucuteni A – Trypillia B1 stage and could be a piece of evidence in favour of developed warfare [Dergaciov 2007, 36-58]. This list includes defensive structures (mostly arches of earthworks) and weapons of different types. In the Southern Bug valley, these features were poorly known until recently, despite the abundant archaeological record of Trypillia B1 [Dergaciov 2007, 52-54]. The Kamyane-Zavallia 1 site yielded both semi-circular outer ditches and a well-defined sample of projectile points (bifacial arrowheads). This paper treats these finds in their cultural context searching for comparisons with other micro-regions of Cucuteni – Trypillia area.

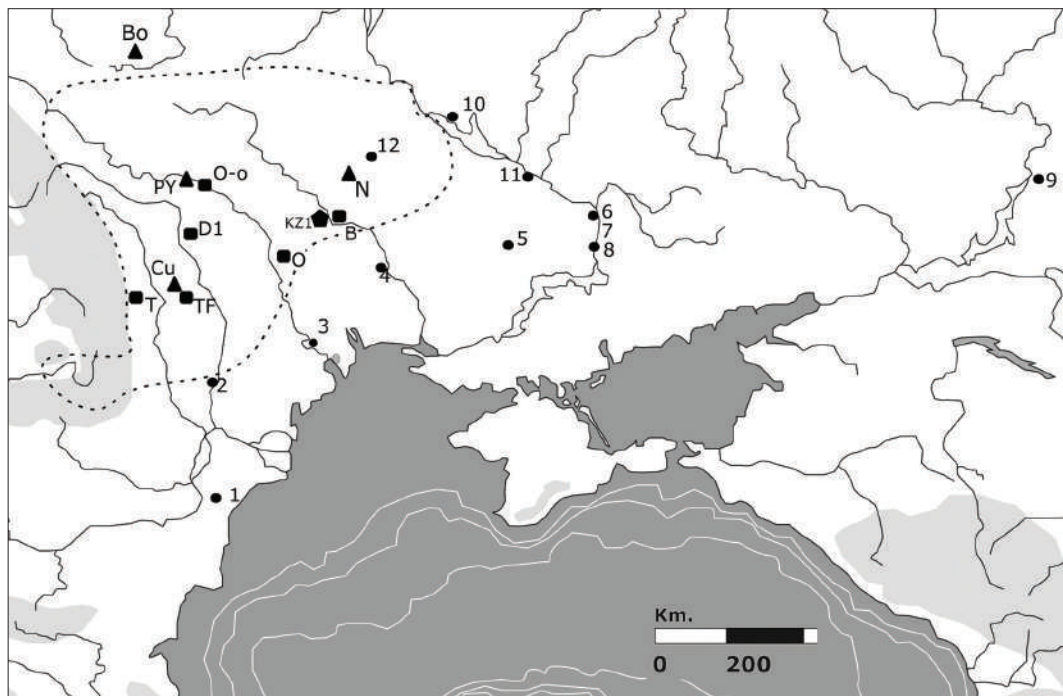
2. State of art

The Trypillian culture finds were revealed in the basin of the Southern Bug in the early XX century. In 1908, a student of Odessa University

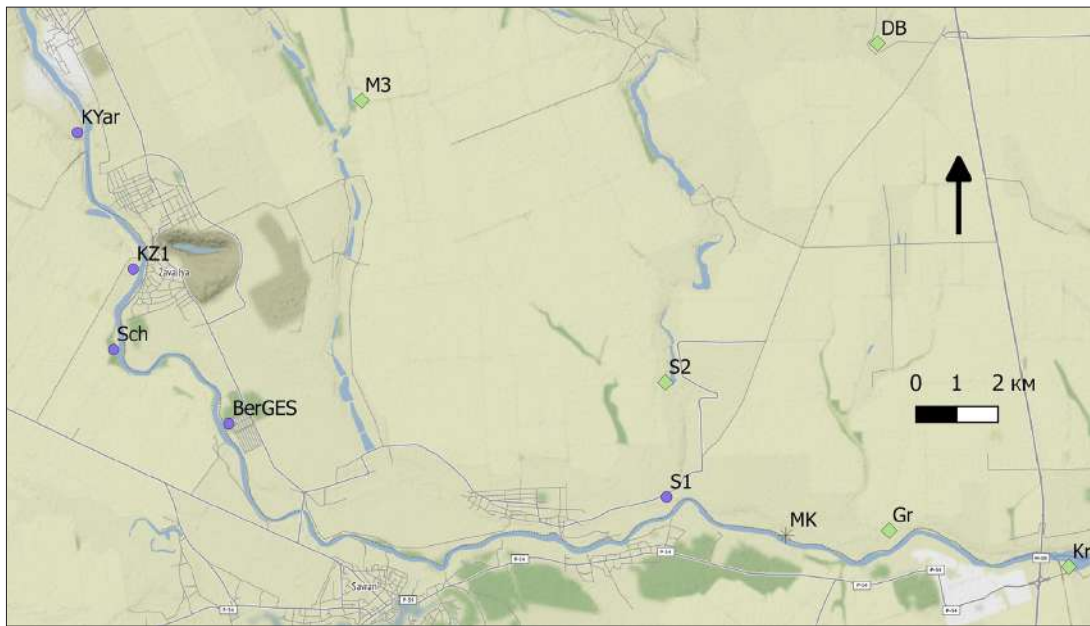
(now Odessa I.I. Mechnikov National University) Skhodchenko found a Trypillian figurine near the town of Ananiev. In 1909-1913, S.S. Gamchenko carried out an extensive project on Trypillian sites in the region (fig. 1-2). His aim was to understand the nature of “ploschadkas” – burnt thick clay platforms found in a number of excavations in Moldova and Central Ukraine. He discovered and excavated several important Trypillian sites there – early Trypillia (Danylova Balka) and the developed period (Korytne, Krynychky) [Zbenovich 1996, 33].

In 1920s, the local amateur S. Chub detected some Trypillian settlements in the vicinity of Sabatynivka village. Sabatynivka 1 (fig. 2) was excavated by P.V. Kharlampovich, A. Dobrovolsky, O. Lagodovska in 1932, 1938-1939, 1947 [Kiosak 2009]. Later, it became a reference-site for Trypillia B1 of the region (see below).

Large-scale excavations were carried out after the Second World War. The rescue expeditions investigated over 20 sites. One should mention here Middle Bug expedition (V.M. Danilenko, M.L. Makarevich), Southern Bug expedition (O.G.

Fig. 1. Map of relevant sites. Triangles – selected Cucuteni-Trypillia sites with ditches, Cu – Cucuteni-Cetățuia, PY – Polyvaniv Iar, Bo – Bodaki, N – Nebelivka; circles – selected sites of Steppe groups with triangular bifacial projectiles, 1 – Casimcea, 2 – Fălciu, 3 – Maiaki, 4 – Gard, 5 – Kryvyi Rih, 6 – Strilcha Skelia, 7 – Petro-Svistunove, 8 – Seredny Stog, 9 – Konstantinovka; 10 – Buzki, 11 – Dereivka, 12 – Moliukhiv Buhor; rectangles – selected Cucuteni-Trypillia sites with small bifacial arrowheads, D1 – Druța 1, O-o – Ozheve-ostrov, B – Berezivska GES, TF – Târgu Frumos, T – Târpești, O – Olexandrivka; pentagon – Kamyane-Zavallia 1.

Fig. 2. The Trypillian sites of Haivoron-Savran region. Diamonds – Trypillia A: M3 – Mohylna 3, S2 – Sabatynivka 2, Gr – Hrenivka, DB – Danylova Balka, Kr – Krasnenke; circles – Trypillia B1 (Sabatynivka 1 group): S1 – Sabatynivka 1, BerGES – Berezivska GES, Sch – Shamrai, KZ1 – Kamyane-Zavallia 1, KYar – Kozachyi Iar; flake – Trypillia B1-B2, MK – Melnychna Krucha.

Shaposhnikova, M.T. Tovkailo), Bug-Dniester expedition (I.V. Sapozhnikov, V.G. Petrenko) and many others [Burdo 2015]. Local amateurs actively participated in the field surveys. M.S. Gasiuk discovered a group of Early Trypillian sites near village Mohylna and S. Rakhubenko revealed a developed Trypillia site in Poznanka [Passek 1961]. In 1972 V.M. Danilenko and M.M. Shamglij united some sites of Trypillia B1 in Sabatynivka 1 type [Danilenko, Shmaglii 1972]. The characteristic features of the latter included constant occurrence of some artefacts of “Steppe origin”. The large-scale historic events (like movement of “Eastern Indo-Europeans” into the South-Eastern Europe) were thought to start here.

E.K. Chernysh limited the Sabatynivka 1 group to the sites of the Southern Bug valley that contained some painted pottery. She also constantly underlined a massive Steppe influence on their ceramic assemblages. The sites of Sabatynivka 1 group were believed to transmit the Steppe impulses further to the west, inside the Cucuteni-Trypillia area [Chernysh 1982].

Only small scale excavations were conducted in the last 20 years. O. Tsvek investigated the site (fig. 2) of Berezivska GES [Tsvek 2004]. She also estimated the “Steppe influence” as quite notable. Up to 5% of recovered potsherds belonged to shell-tempered “Steppe” ceramic.

N.B. Burdo doubted the evidence for mobile herders’ impact on the material culture of Sabatynivka 1 group [Burdo 2015]. She re-defined the latter and added up six new sites mostly discovered by O.S. Peresunchak and his colleagues in 1998-2012 [Peresunchak 2012]. The new archaeological evidence for the Trypillia-Steppe interaction comes mostly from these sites, namely Kamyane-Zavallia 1 and Shamrai (fig. 2). Our research focuses on the former site.

3. The field-work and obtained results

3.1. The site

Kamyane-Zavallia 1 is a Trypillia B1 site, situated on the western (right) shore of the Southern Bug around 200 meters from the riverbank (fig. 2-3). It stands on the promontory of the first terrace facing southeast, slightly sloping to the meadow plain.

Kamyane-Zavallia 1 was revealed by the survey team of Odessa “I.I. Mechnikov” State University (ONU) guided by V.N. Stanko in 1974. At the moment of the discovery, the site was covered by natural vegetation. So, the first investigators succeeded to gather only 8 artefacts – two lithic end-scrapers and 6 potsherds of yellowish and reddish paste with incised ornament. Thus, they suggested that the site is dated to the Early Trypillia (Tryp-

illia A). It was mentioned and mapped as early Trypillian site in several general works [Zbenovich 1996].

In 1998, the local school teacher O.S. Peresunchak started to survey the site systematically. The site became a part of arable field until then. O.S. Peresunchak's research yielded much more material (kept in Zavallia secondary school regional history museum). The new finds allowed O.S. Peresunchak to state that Kamyane-Zavallia 1 is in fact a Trypillia B1 site [Peresunchak 2012]. This re-dating was based on several observations. Potsherds decorated by stamp and fluting prevail over other types of pottery. There are some painted potsherds and a rather large quantity of bifacial projectile points in the collection.

In 2012-2016, the author (in the framework of Podillian-Pontic expedition of Odessa Archaeological Museum of NAS of Ukraine and field practices of “I.I. Mechnikov” ONU) surveyed the site and opened several test-trenches. The trench aimed at the maximum concentration of finds on surface revealed a saturated layer of finds in the grayish subsoil, 30-60 cm deep. In 2013, the geomagnetic survey was carried out on the site by Regensburg University team (prof. T. Saile, M. Debiec, M. Posselt) [Saile et al. 2016a; Kiosak 2017]. The magneto-gram (fig. 3) covered c. 4 ha and revealed the “dwelling zone”, probably marked by scatters of burnt clay, surrounded by two semi-circular parallel ditches. The ditches separated the “dwelling zone” from the outer side of the prom-

ontory that houses the site. There is a 10 meters stripe devoid of geomagnetic anomalies between the “dwelling zone” and the inner ditch [Dębiec et al. 2014; Saile et al. 2016b; Saile et al. 2016c].

The surface material was gathered on the area of 250x100 meters. The actual area of the site was smaller [Saile et al. 2016c]. There are at least two scatters of burnt clay on surface that can indicate remains of “ploschadkas” damaged by ploughing.

A stratigraphy is as follows (after a test-trench 2012: 1. dark-grey humus layer (arable soil, up to – 20-30 cm); 2. grayish subsoil (up to – 55-70 cm); 3. light-grey layer with carbonates and mechanical intrusions of yellow loam (up to – 80-95 cm); 4. yellow loam. The finds and burnt clay pieces were concentrated in the grayish subsoil at the depth of 30-65 cm.

Lithic inventory is quite numerous (over 250 items). Retouched tools comprise end-scrapers on blades and flakes, simple side-scrapers on flake side, oblique truncations on blades, bifacial projectile heads with straight, concave or convex base, blades with semi-abrupt, convergent retouch on edges, borers, blade fragment with characteristic gloss (sickle?). There are numerous *debitage* pieces, trapeze-shaped small flat polished axe, stone ball (bolas?).

Coarse – ware has thick walls (up to 25 mm). It was produced from a coarsely-grained paste with admixtures of chamotte, organics, sand and gravel. Coarse-ware is decorated with finger imprints, incised lines and clay *appliqué*. There are

Fig. 3. The Kamyane-Zavallia 1 site on the Bing satellite photo. Drawing after Saile et al. 2016, Fig. 10-11 georeferenced with QGIS 2.18. Light grey – ditches, dark grey – “habitation zone”, tt1 – test-trench 1, tt2 – test-trench 2.

some potsherds rich in crushed shell temper. They have similar paste, surfaces, ways of finishing and decoration as other coarse-ware shards. Fine-ware had thin walls (up to 8 mm) from fine prepared paste with uniform colour in section, with almost invisible admixtures of sand and chamotte. Local peculiarity is an admixture of graphite. Fine-ware potsherds are decorated with incised lines, sometimes very wide (up to 4 mm), rectangular and oval stamp, flutes. Some potsherds bear traces of painted decoration – mostly black and brownish stripes on yellowish *engobe* (fig. 4).

There are several fragments of anthropomorphic figurines. The most characteristic is a piece of flat female figurine made from light-red clay with incised ornamentation [Peresunchak 2012].

Bones recovered from a test-trench belonged to red deer and a swine (after O.P. Sekerskaya).

The site belongs to Sabatynivka 1 group of Trypillia B1. The characteristic traits are curvilinear compositions of fluted surfaces surrounded by lines of stamp imprints (fig. 4,7). This complex of material culture has two important components related to the issue of Trypillia-Steppe interaction:

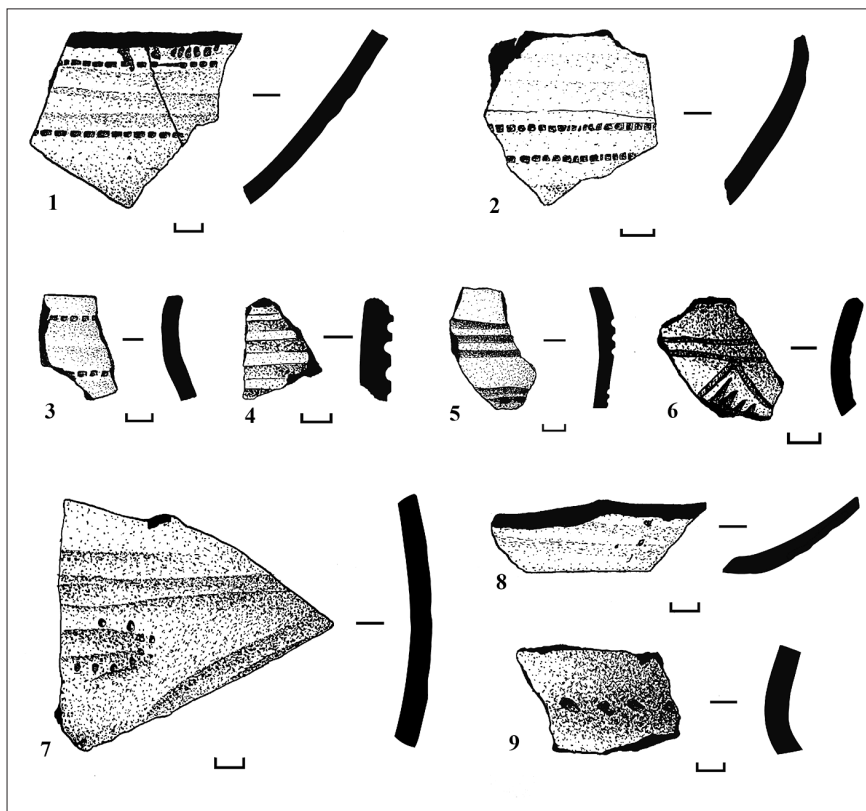

Fig. 4. Kamyane-Zavallia 1. Potsherds (drawing by O. Demchenko).

a large amount of bifacial arrowheads gathered on the surface of the site and the ditches surrounding the site.

3.2. Bifacial arrowheads

The Kamyane-Zavallia 1 site yielded a notable collection of bifacial arrowheads. 32 items were examined by the author. They usually constitute around 5-7 % of the assemblage gathered on the surface of the site. The precise figure fluctuates because archaeological materials were gathered by many collectors and on various occasions [Peresunchak 2012]. A single fragmented specimen was encountered in the test-trench in a clear Trypillian stratigraphic context.

Bifacial arrowheads are 19-46 mm long and 12-26 mm wide (fig. 5). Length/width ratio is 1-1.8 and it never exceeds 2. Some points with elegant contours and slim proportions could be done on blade sections, while the majority rather indicates that a suitable flake was selected for a blank.

Points are triangular or sub-triangular in outline with straight or slightly concave bases and straight or slightly convex lateral edges. They

were shaped by partial or total bifacial retouch on the front- and backside. Patches of ventral surfaces of blanks sometimes remained unretouched. The bifaces are mostly slightly curved in longitudinal section and are often asymmetrical in transversal section. A side is flat or even concave, while another one is sensibly convex. The flat side as a rule is shaped by relatively large flake scars extending well beyond the midline of a piece. It was used as a platform in order to remove shorter flakes from the opposite side. Here, the majority of flake scars terminate at midline; however there are some important exceptions, probably reflecting the first cycles

of shaping. Point bases were systematically thinned

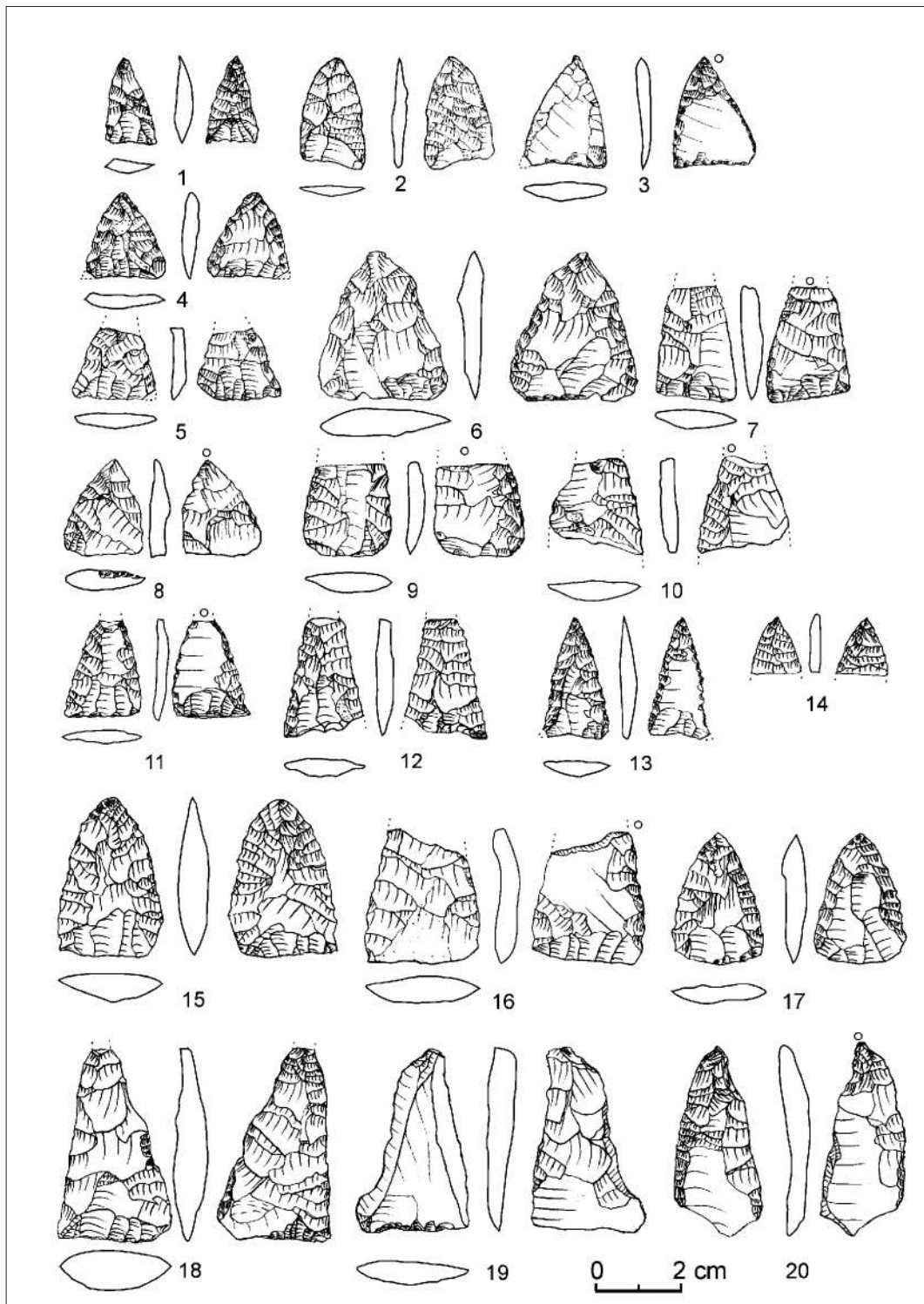

Fig. 5. Kamyane-Zavallia 1. Bifacial arrowheads.

by bifacial removals parallel to the axis of a piece. Bases are always wedge-like in longitudinal section and it seems to be an important feature prepared for hafting of a point. The finishing of biface was accomplished by very regular parallel narrow and in-

vasive retouch, clearly done by application of pressure. The series of these detachments are situated in an alternate way, when obverse retouch is present on one point edge, while inverse retouch is apparent on the opposing point edge. They generally cut

the negatives of base-thinning flakes and, thus, they were the very final step in the point production. Their contro-bulb notches are rarely removed and give a “notched outlook” to the point edges. In rare cases, both edges were finished by direct retouch (fig. 5,13).

So, “thin” Trypillian bifaces were typically formed in the following reduction sequence: **1.** selection of a blank (either flake or blade); **2.** primary trimming of a blank by wide flakes “from edge to edge”, formation of asymmetrical concave-convex transversal profile; **3.** secondary trimming, focusing on a convex side, by flakes not overpassing the midline; **4.** thinning the base by long flakes parallel to the axis of a biface and by finer retouch on both sides; **5.** finishing the arrowhead by two alternate series of parallel regular, invasive detachments; **6.** maintenance of the finished tool during its use-life. Although biface reduction is a continuous process and a Trypillian knapper had a right to omit certain stages, if they were not necessary for a desired product, the author sorted arrowheads into categories reflecting these stages. There are two pieces discarded at the earlier stages of trimming (fig. 5,19-20). An arrowhead was broken in the course of the secondary trimming as indicated by a peculiar morphology of a break. It has a clearly visible wave and is slightly twisted resembling burin removal’s negatives (fig. 3,16). Most artefacts are finished projectile points. In two cases, there are indecisive macro-traces of impact near the tips of the points. There is also a re-shaped point in the collection. It was the tip of a larger point that broke away. Later on, the tips’ break was retouched, maybe, in an attempt to re-use it again without thinning its base (fig. 5,8). Thus, the arrowheads were manufactured on-site rather than were brought to it by some outsiders.

A triangular bifacial arrowhead is a *fossil directeur* for Trypillia B1 stage [Passek 1961, 136]. Some bifacial points were recorded at Trypillia A sites [Zbenovich 1996, 41-42]. However, they are few and atypical. Rhomboid points made by abrupt retouch on blade fragments are typical projectiles for the Early Trypillia [Markevich 1974]. Small “thin” bifacial points with stable morphology appear in numerous series starting from Trypillia B1. On some sites, they are very abundant [Dergaciov 2007]. Several tens of them were recovered at the Druța I settlement in the plani-

graphical context that would imply the military conflict [Ryndina, Engovatova 1990]. 128 items were found at the Ozheve-Ostriv site [Chernovol, Radoms’kii 2015].

V.A. Dergachev names them “a weapon of invader” and links their arrival in the Trypillia B1 time with reconstructed Steppe invasion into the area inhabited by Trypillia-Cucuteni early farmers. He carried out a systematical mapping of the find-spots of projectiles in the V millennium context and supposed that there was a marked increase in the quantity and quality of projectiles in Trypillia B1 as compared with Trypillia A due to a military danger from Steppe mobile population [Dergaciov 2007]. Generally, his concept was criticized by I. Manzura and several other authors [Manzura 2005; Petrenko 2009, 24; Manzura 2013, 118-120]; however the issue of projectile weapons remained largely untouched by their argument.

From the perspective of recent discoveries on the lithic industry of Trypillia [Skakun 2012; Tsvetk et al. 2012; Shidlovs’kii, Slesarev 2015; Videiko et al. 2015; Kiosak 2016a], the author can state that the quantitative difference between Trypillia A and Trypillia B1 is overestimated to a certain extent. The projectiles of earlier stage were microlithic and were easily lost in the traditional “spade and shovel” excavations of Trypillian settlements. The systematic use of water-sieving resulted in the recovery of numerous rhomboid points in Bernashivka [Shidlovs’kii, Slesarev 2015] and even a single “rhomb” in Nebelivka [Videiko et al. 2015]. Maybe, when such approach will be applied to other sites we can expect a rise in the percentage of microlithic points in their assemblages too. However, the point put forward by V.A. Dergachev [Dergaciov 2007] remains valid: none of the Early Trypillia-Precucuteni sites yielded over a hundred “rhombs”, which is the case of bifacial arrowheads at least at the sites mentioned above (fig. 1, rectangles).

On the other hand, the exact origin of bifacial technology in Trypillia is far from being clear. I. Lichardus and M. Lichardus-Itten put forward a hypothesis of their Steppe origin [Lichardus, Lichardus-Itten 1995]. This hypothesis was doubted by I. Manzura on chronological grounds (the earliest bifaces are known on Balkans prior to the supposed invasion) and based on the spatial distribution of finds (bifacial arrowheads are well-known in early farmers’ villages and their number de-

creases when moving eastwards into the Steppe) [Manzura 2000, 266-269].

The authors working with earliest Eneolithic projectiles from the steppe and forest-steppe between Don and Volga rivers link their origin with the western contemporaries, namely with Serechny Stog culture [Poplevko 2007; Gorashchuk 2010]. Its sites (mainly burials) contain many triangular bifacial projectiles [Telegin 1973; Govedarica 2004; Rassamakin 2004; Kotova 2008]. Some items were recovered from the Danube region (fig. 1,1-3), immediately adjacent to the areas of Trypillia-Cucuteni and Gumelnița [Păunescu 1970; Petrenko 2009]. The bifaces of the Serechny Stog seems to come from their rough precursors reported at the sites of Dnieper-Donets culture or cultural region [Telegin 1973, 67-68]. Some authors believe that Trypillian bifacial technology arises under the influence of Gumelnița-Karanovo VI-Kodjadermen-Varna cultural block, where bifaces are known somewhat earlier than the onset of Trypillia B1 [Radoms'kii 2017].

J. Apel presented an overview of “pressure-flaked bifacial arrowheads” in Eurasia and North Africa in Holocene. According to him, the idea of pressure-flaking of projectiles appears in Pre-Pottery Neolithic of Anatolia and the Levant (c. 7500-6000 BC). Later on (5900-5500 BC) the points become smaller (less than 4 cm) and “is likely that these points... [were] used in archery”. The technology was introduced in Egypt and North Africa with Neolithization, while most Europe accepted it with a notable time lag. The earliest bifacial arrowheads in Europe (except for some peculiar cases) are known exactly from Trypillia-Cucuteni and Steppe contexts of southern Ukraine, Russia and Kazakhstan c. 5000 BC. J. Apel believes that the innovation of pressure-flaked arrowheads was spread as an idea rather than was brought to Europe by a particular group of population. He compares it to “successful loanword” [Apel 2012].

It is important to differentiate larger bifacial projectiles (longer than 5 cm) usually called “dart-heads” from the small bifacial points (arrowheads) [Klochko 2001, fig. 2]. The denominations are conventional and do not reflect the practice of archery as noted by D. Chernovol and I. Radomskiy [Chernovol, Radomskiy 2015]. Nevertheless, the steppe contexts are almost devoid of small arrowheads prior to the time of Trypillia B1. They

are known in abundance on Konstantinovka (fig. 1,9) site in the Don River region [Poplevko 2007], however there they evidently post-date their first appearance in the west. The same can be said about small arrowheads encountered on the Dereivka and Moliukhov Buhor sites (fig. 1,11-12) [Telegin 1973; Klochko 2001].

The indicative case study is represented by the site of Buzki (fig. 1,10). This multi-layered site yielded a series of small bifacial arrowheads. They were published as a part of Dnieper-Donets complex culture assemblage [Telegin 1968]. V. Manko doubted their Neolithic dating on typological grounds and N.S. Kotova demonstrated by refined stratigraphic analysis that none of the points comes from a secure stratigraphic context at the Buzki site [Kotova 2012]. Thus, they can be intrusive in Dnieper-Donets layer and come there due to post-depositional processes. It can be the case also for certain cemeteries of Dnieper Rapids region where bifacial projectiles were gathered from the “cultural layer” of a cemetery rather than from a well-defined burial context [Telegin, Potekhina 1987, fig. 37].

The same critique can be applied to the hypothesis of Gumelnița origin of Trypillian arrowheads. As it was mentioned above, the small amount of arrowheads is known from Trypillia A3 sites, probably synchronous with the onset of this technology in the Balkans. V. Zbenovich lists at least four sites of Early Trypillia with arrowheads: Olexandrivka (fig. 1,O), Bernove, Sabatynivka II (fig. 2) and Luka-Vrublevetska. I. Radomskiy criticized this statement on taphonomical grounds quite successfully [Radomskiy 2017]. However, D.-M. Vornicu demonstrated recently that arrowheads and geometric microliths co-existed in the Precucuteni III sites Târgu-Frumos and Târpești (fig. 1,TF and T). She reasonably places their advent in the Precucuteni III stage [Vornicu 2012; 2017]. Thus, from the point of view of relative [Sorochin 2001] and absolute [Rassamakin 2012; Reingruber 2012] chronology there is little proof of Gumelnița being the center of the bifacial arrowheads diffusion in the early farmers' communities between Danube and Dnieper.

So, at the moment, the analysis of the available data shows that small bifacial arrowheads entered the archaeological record in Carpathian-Danube-Dnieper region at Precucuteni III-Tryp-

illia A3-Gumelnița A1 stage, circa 4600-4400 BC. There is no evidence for a chronological priority of a single center of their introduction. They represented an intercultural type rather than belonged to a certain “cultural entity”.

The reasons for their wide distribution should be sought not in the migrations and “influences”. This process is rather rooted in the economic and social contexts of the mid-V mill. BC. The spread of copper tools gave a universal tip for pressure flakers in the hands of Eneolithic craftsmen. While the making of larger bifaces could also be accomplished with the pressure by an antler tool, the small arrowheads are likely made with a metal-tipped flaker. J. Apel believes that some copper “awls” of Trypillia-Cucuteni are in fact these tips [Apel 2012].

The emergence of bifacial arrowheads coincides with the major transition in the Trypillian lithic industry. The Early Trypillian complexes with end- and side- scrapers on flakes, lamellar blanks and geometric microliths are replaced by Trypillia B1 assemblages with most end-scrapers on blades, laminar supports and “thin” bifaces as projectiles. This shift corresponds to the similar development on the Lower Danube and, thus, we need to seek not a culture-specific but rather a general explanation for this pattern [Kiosak 2016a].

3.3. Ditch

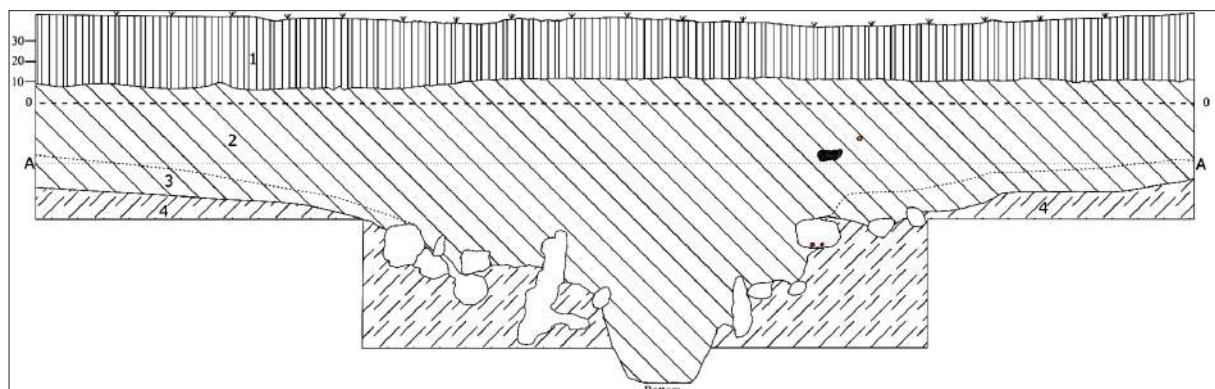
A supposed ditch surrounds Kamyane-Zavallia 1 site from west and north limiting the territory of the promontory settled by Trypillians. It is represented as a double elongated anomaly on magnetograms produced in 2013 by M. Posselt

[Dębiec et al. 2014; Saile et al. 2016b; 2016c]. In 2015, the author tested this feature by a trench.

A point for testing was chosen at the turn of the “internal ditch” where it changes its course from S-N to SW-NE (fig. 3). A picture of the magnetogram, kindly provided by M. Debiec, was georeferenced in QGIS software and then, a point on surface was selected using hand-held GPS. The trench 6x1 m was oriented N-S.

A trench was excavated until the depth of -60 cm when in the northern and southern corners yellow sandy clay was brought to light under some 75-80 cm thick chernozem (black soil) layer. There was a dark-grey stripe in the middle of the trench. After a horizontal cleaning it appeared to be an excavated feature. It was around 300 cm wide and was cut by trench almost perpendicularly to its course. In order to obtain the profile of a pit we excavated deeper the middle part of the trench reaching the depth of -136 cm (from conventional zero of measurements and -180 cm from the modern surface) till the bottom of the ditch.

The ditch was at least 2.80 m wide and 1.05 cm deep from the surface of yellow sandy clay (fig. 6-7). It could be wider and deeper because a living surface for Trypillian habitation is reconstructed some 30-40 cm above the yellow sandy clay in the middle of chernozem layer. This surface was not visible in trench 2 but it was detected at the level where most of big pieces of burnt clay were found in trench 1 opened closer to the promontory tip (fig. 1B,1). The ditch had reversed cone shape with convex sides (funnel-shaped). It was sloping gently downwards at first 50 cm of depth then its sides became steeper going down at an angle of

Fig. 6. Kamyane-Zavallia 1. The inner ditch section. 1 – arable layer; 2 – grey and dark-grey subsoil; 3 – mixed yellow-greyish layer; 4 – yellow sandy clay; A – hypothetical minimal level of the ditch upper part; grey filling – stone, red filling – burnt clay; yellow filling – potsherd.

Fig. 7. Kamyane-Zavallia 1. The eastern wall of test-trench 2: inner ditch section (photo-collage by A. Kolesnychenko).

60-70 degrees. The dark-grey filling of the ditch contained bone fragments, burnt stones, Trypillian potsherds and pieces of charcoal. Potsherds are quite typical for Trypillia B1 stage and analogous with the large collection of shards gathered on surface and in trench 1. The bones of animals from the ditch were C14 dated at the MICADAS facility in LARA radiocarbon laboratory producing a combined age of 4337-4056 calBC [Kiosak et al. in preparation].

Similar trenches were found in other settlements of Trypillia-Cucuteni. They are well-known in over 20 settlements of Cucuteni A stage in Romanian Moldova [Lazarovici et al. 2009, 31], on tens of sites in the Republic Moldova [Dergaciov 2007] and in some settlements in Ukraine – Polyvaniv Yar, Bodaki [Skakun et al. 2014, 94]. They were little known to the east of Dniester (fig. 1, triangles). In 2014, the British-Ukrainian team excavated a funnel-shaped ditch on the mega-site of Nebelivka [Videiko et al. 2015, 148-150] (Trypillia B2). In the latter case, the trench was interpreted as a palisade foundation.

4. Interpretation

The Trypillia B1 sites of the Southern Bug valley were assumed to be typical examples of the “Steppe -influenced” early farmers’ assemblages. V.M. Danilenko and M.M. Shmaglii described the settlements of “Sabatynivka 1 type” as reflecting vivid interaction with mobile (probably on horseback!) Steppe groups. The types of evidence for the latter comprised the schematic stone scepter from the Berezivska GES settlement, the polished stone

axe, antler “proto-psalia”, shell-tempered pointed bottom ceramic vessels. These finds entered the literature on the subject and were cited for quite a long period [Danilenko, Shmaglii 1972]. In 2015, N.B. Burdo revisited the collections of Berezivka GES and Sabatynivka 1 in order to show the absence or low visibility of “Steppe components” in their complexes. Her general conclusion was that “such ceramic [shell-tempered] is represented by sporadic fragments” [Burdo 2015]. Paradoxically enough, she included the recently-discovered site, Shamrai in Sabatynivka cultural taxon and this settlement yielded an abundant collection of pottery made in Serebny Stog style, namely ornamented with comb impressions and rich in crushed shell [Kiosak 2016b]. The situation seems to be back to square one.

Widening the perspective, V.A. Dergachev suggested that projectile points, defensive earthworks and maces could be an evidence of the Steppe herders’ presence in Cucuteni-Trypillia area [Dergaciov 2007]. His observations were supported by the mapping of the relevant categories of material culture. The projectile points and moats are known in Romanian Moldova, in northern Moldova and in the Dniester river valley with the beginning of Trypillia B1 phase [Dergaciov 2007]. I. Manzura proposed to unite these “military traits” under a heading “the war horizon” [Manzura 2000] but on the contrary links them with the internal crisis of Cucuteni-Trypillia and the internal aggression. The finds from Kamyane-Zavallia 1 confirm the pattern of “war horizon” and indicate its presence in other micro-regions of Trypillia-Cucuteni area, namely in the Southern Bug valley.

Nevertheless, the observed empirical regularities do not imply with necessity the sophisticated historical interpretation proposed by V.A. Dergachev [Dergaciov 2007]. In particular, the bifacial arrowheads were manufactured on-site in Kamyane-Zavallia 1. They seem to be rooted in Trypillian technological context there. They belonged to Trypillian technological tradition at least for several centuries before their occurrence in the Trypillia B1 lithic assemblage as evidenced by sporadic finds of small bifacial points in Precucuteni – Early Trypillia complexes. The small bifacial arrowheads could not be treated directly as “invader’s weapon”. If this expression is rather a metaphor (and I believe it is), even then, there is no convincing evidence for the origin of small bifacial arrowheads in the Steppe. They appeared on a wide area from Danube to Don in an archaeologically invisible instant of time. Their emergence should be explained rather by social processes inside the Trypillian society than by external pressure [Manzura 2000; Radoms’kii 2017].

The ditch found and cross-cut by a test-trench in Kamyane-Zavallia 1 can also be interpreted in several ways. While evidently recalling the impressive earthworks of Cucutenian sites in Romania [Lazarovici et al. 2009], it is not wide enough and not really deep in order to represent a major defensive structure. Its filling is homogeneous and, thus the ditch was re-filled quite fast. Its dimensions, funnel-shaped morphology, filling and the presence of outer “interrupted” ditch makes us suppose that the Kamyane-Zavallia 1 inner ditch was in fact the foundation pit for a palisade. If this is true, then such construction would not be able to execute a serious protective function. More likely, it was delimiting the living space from the outer world, served as the settlement boundary, probably helped to protect the livestock and maybe limit the movements of children.

Thus, the arrowheads and the ditch are not necessarily requisites of Steppe invasion. They can be interpreted along several different lines. They do rather belong to Trypillia social context and should be explained as a manifestation of profound societal change that took place in the second half of the V mill. BC.

5. Conclusion

The Trypillia A3-Precucuteni III phase was marked by the disintegration of the homogeneous

Early Trypillia – Precucuteni entity that resulted in the mosaic of local groupings of Cucuteni A-Trypillia B1 [Sorochin 2002; Palaguta 2007; Burdo 2015]. This process finds close correspondences in the dismantling of the Linear Pottery Culture zone and establishing the variety of post-Linear cultural aspects in Central Europe [Pavuk 2005]. It seems that this development was accompanied by the rise of inter-communal violence and it witnessed some events of total extermination of the rival groups [Golitko, Keeley 2007]. At the same time, the types of projectiles also changed reflecting the need for a weapon of new type [Allard 2004]. Similar social conditions in Trypillia B1 *milieu* could bring to light the need for an effective pointed item serving as heads of projectiles.

The disintegration and separation of local communities may have resulted in a need to delimit a settlement’s own space. The ditches found to the east of the Dniester River so far are usually small enough to suppose their symbolic function [Videiko et al. 2015]. The actual defensive moats are known in Romanian Moldova where the processes of social transformation were particularly intensive [Manzura 2000]. In fact, the zone between the Carpathians and the Prut River played the role of an innovative center for the further development of the total Cucuteni-Trypillia entity [Mantu 1998]. The new Cucutenian supra-communal identity was coined and expressed. The enhanced density of linear and semi-circular earthworks in this region is an additional proof of their relation to the social mutation, which marked the Precucuteni/Cucuteni transition.

The above-mentioned social processes formed a part of the general trend that affected the Balkans, the Carpathian Basin, Ukraine and Moldova as well as the Central Europe in the second half of the V millennia BC and was called “eneolithization” by S. Kadrow [Kadrow 2015]. He explains it by “the adaptation of the ‘patriarchal’ ethos (warrior-knight or warrior-priest)”. While several other social interpretations were proposed, S. Kadrow’s model corresponds well with the surrounding of villages by palisades and with the wide distribution of men’s most common weapon – arrows and bows.

Eneolithization expanded well beyond the Cucuteni-Trypillia zone, penetrating deep eastwards into the Pontic Steppe. Mobile herders of Seredny Stog were “eneolithized” along with their

early farming contemporaries. I. Manzura supposed that the ideological standards were imposed on the Steppe population in the course of colonization following the “frontier model” [Zvelebil, Rowley-Conwy 1984; Manzura 2005]. The Southern Bug valley is a corridor linking the Steppe and Forest-Steppe zones. The abundant resources of the river attracted people of various cultural backgrounds for millennia [Tovkailo 2014]. It is a natural interaction zone and vivid relations took place there between the dwellers of the settlements of Sabatynivka 1 type and mobile steppe groups. However, the exclusive military character of these contacts is very doubtful. The bearers of sedentary and mobile ways of life were equally involved in the general process of creation of a new society of fully Eneolithic type.

Acknowledgements

The fieldwork on Kamyane-Zavallia 1 was

carried out in the course of the didactic practices of the students of “I.I. Mechnikov” Odessa National University with partial financial support of the institution. In 2013, the team (Prof. T. Saile, Dr. M. Debiec and M. Posselt) of Regensburg University contributed largely to this study by conducting the geomagnetic survey on the site. The fieldwork of 2016 on Kamyane-Zavallia 1 and C14 dating of the site was partially supported by SNF SCOPES project “Responses of vegetation and pre-historical society to climatic changes in Ukraine”. The animal bones from Kamyane-Zavallia 1 were studied by Dr. O.P. Sekerska (K.D. Ushinsky South Ukrainian State Pedagogical University). The ideas expressed in the paper partially arose from discussions with Prof. I. Manzura, Dr. N. Burdo, Prof. M. Videiko, Prof. S. Kadrow, Dr. N. Kotova and on-line conversation with I. Radomskyi. The author is very grateful to the above-mentioned people and institutions for their help.

Bibliography

- Allard 2004:** P. Allard, L'industrie lithique des populations rubanées du Nord-Est de la France et de la Belgique (Rahden 2004).
- Apel 2012:** J. Apel, Tracing pressure-flaked arrowheads in Europe. In: (ed. C. Prescott, H. Glorstad) *Becoming European: The transformation of third millennium Northern and Western Europe* (Oxford 2012), 156-164.
- Burdo 2015:** N. Burdo, Mesto pamiatnikov sabatinovskogo tipa v strukture kul'turnogo kompleksa Kukuten'-Tripol'e. *MASP* 13, 2015, 11-26 // Н.Б. Бурдо, Место памятников сабадиновского типа в структуре культурного комплекса Кукутень-Триполье. *МАСП* 13, 2015, 11-26.
- Chernysh 1982:** E.K. Chernysh, Eneolit Pravoberezhnoi Ukrainy. In: (red. V.M. Masson, N.Ia. Merpert) *Eneolit SSSR* (Moskva 1982), 166-347 // E.K. Черныш, Энеолит Правобережной Украины. В: (ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт) *Энеолит СССР* (Москва 1982), 166-347.
- Chernovol, Radoms'kii 2015:** D. Chernovol, I. Radoms'kii, Krem'iani vistiria z tripil's'kogo poselennia Ozheveostriv. In: (red. O. Diachenko i dr.) *Kul'turnyi kompleks Kukuten'-Tripillia ta iogo susidi. Zbirka naukovikh pratsi pam'iaty Volodimira Krutsa* (L'viv 2015), 367-383 // Д. Черновол, І. Радомський, Крем'яні вістря з трипільського поселення Ожеве-острів. В: (ред. О. Дяченко и др.) *Культурний комплекс Кукутень-Трипілля та його сусіди. Збірка наукових праць пам'яті Володимира Круца* (Львів 2015), 367-383.
- Danilenko, Shmaglii 1972:** V.M. Danilenko, M.M. Shmaglii, Pro odin povorotnyi moment v istorii eneolitichnogo naseleniia Pivdennoi Evropi. *Arkheologiya* 6, 1972, 3-20 // В.М. Даниленко, М.М. Шмаглій, Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. *Археологія* 6, 1972, 3-20.
- Dębiec et al. 2014:** M. Dębiec, D. Kiosak, A. Pelisiak, M. Posselt, T. Saile, T. Tkachuk, S. Terna, Geomagnetic Prospection on Tripillian Sites in Central Ukraine. In: (ed. Gh. Dumitroaia, C.-D. Nicola) *Cucuteni culture within the European Neo-Eneolithic context. International Colloquium CUCUTENI – 130: abstracts: Piatra-Neamt, 15-17 octombrie 2014* (Piatra-Neamt 2014), 72-73.
- Dergaciov 2007:** V.A. Dergaciov, O skipetrakh, o loshadiakh, o voine (Sankt-Petersburg 2007) // В.А. Дергачев, О скипетрах, о лошадях, о войне (Санкт-Петербург 2007).
- Dergaciov 2010:** V. Dergaciov, Eneoliticul mijlociu și târziu. In: (ed. V. Dergaciov) *Istoria Moldovei: Epoca preistorică și antică (pana în sec. V)* (Chișinău 2010), 249-264.
- Dumitrescu 1955:** V. Dumitrescu, Câteva precizări cu privire la sceptrele în formă de capete de cal din R.P.R. și din U.R.S.S. *SCIVA* VI(3-4), 1955, 926-935.

- Godin 2014:** B. Godin, Invention, diffusion and linear models of innovation: the contribution of anthropology to a conceptual framework. *Journal of Innovation Economics & Management* 15, 2014, 11-37.
- Golitko, Keeley 2007:** M. Golitko, L. Keeley, Beating Ploughshares Back into Swords: Warfare in the Linearbandkeramik. *Antiquity* 81, 2007, 332-342.
- Gorashchuk 2010:** I.V. Gorashchuk, Kamennye orudia khvalynskoi kul'tury. In: (red. S.A. Agapov) *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaia eneoliticheskaia kul'tura. Issledovania materialov* (Samara 2010), 285-347 // И.В. Горашчук, Каменные орудия хвалынской культуры. В: (ред. С.А. Агапов) *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов* (Самара 2010), 285-347.
- Govedarica 2004:** B. Govedarica, Zepterträger - Herrscher der Steppen. *Die frühen Ockergräber des Äneolithikums im karpaten-balkanischen Gebiet und im Steppenraum Südost- und Osteuropas* (Mainz 2004).
- Kadrow 2015:** S. Kadrow, The Idea of the Eneolithic. In: (ed. K. Kristiansen, L. Šmejda, J. Turek) *Paradigm found. Archaeological Theory Present, Past And Future. Essays in Honour of Evžen Neustupný* (Oxford and Philadelphia 2015), 248-262.
- Kiosak 2009:** D. Kiosak, The Flint Inventory of the Sabatynivka 1 site (Trypillja B1). In: (ed. F. Drasovean) *Ten Years After: the Neolithic of Balkans as uncovered by the Last Decade of Research* (Timisoara 2009), 275-288.
- Kiosak 2016a:** D. Kiosak, К интерпретации кремнеобработки Precucuteni-Триполья А. *Tyragetia X*, 1, 2016, 147-163 // Д. Киосак, К интерпретации кремнеобработки Прекукутени-Триполья А. *Tyragetia X*, 1, 2016, 147-163.
- Kiosak 2016b:** D. Kiosak, "Stepovii vpliv" ta pam'iatki tipu Sabatinivka 1 (za materialami poseleння Shamrai). *Starodavne Prichenomor'ia XI*, 2016, 226-232 // Д.В. Киосак, «Степовий вплив» та пам'ятки типу Сабатинівка 1 (за матеріалами поселення Шамраї). *Стародавнє Причорномор'я XI*, 2016, 226-232.
- Kiosak 2017:** D. Kiosak, Kamyane-Zavallia, the easternmost Linear Pottery culture settlement ever excavated. *Sprawozdania Archeologiczne* 69, 2017, 253-270.
- Kiosak et al. in preparation:** D. Kiosak, N. Kotova, W. Tinner, S. Szidat, E. Nielsen, S. Bruegger, A. de Capitani, S. Makhortykh, The human settlement of Central Ukraine prior to the Trypillian mega-sites. Manuscript to be submitted.
- Klochko 2001:** V.I. Klochko, Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000-700 BC (Poznan 2001).
- Kotova 2004:** N.S. Kotova, First cattle-breeders of the steppe Ukraine (the mesolithic-early eneolithic). In: *Nomadism and pastoralism between Vistula and Dnieper (Neolithic, Eneolithic and Bronze Age)* (Poznan 2004).
- Kotova 2008:** N.S. Kotova, *Early Eneolithic in the Pontic Steppes* (Oxford 2008).
- Kotova 2012:** N.S. Kotova, Eneoliticheskie i pozdneneoliticheskie materialy poselenia Buzki v lesostepnom Podneprov'e. *ADIU* 8, 2012, 5-12 // Н.С. Котова, Энеолитические и позднеэнеолитические материалы поселения Бузьки в лесостепном Поднепровье. *АДИУ* 8, 2012, 5-12.
- Lazarovici et al. 2009:** C.-M. Lazarovici, G. Lazarovici, S. Ţurcanu, Cucuteni. *A Great Civilization of the Prehistoric World* (Iaşi 2009).
- Lichardus, Lichardus-Itten 1995:** I. Lichardus, M. Lichardus-Itten, Kupferzeitliche Silexspitzen im nord-und westpontischen Raum. *Archaeologia Polona* 33, 1995, 223-240.
- Mantu 1998:** C.-M. Mantu, *Cultura Cucuteni. Evoluţie, cronologie, legături* (Piatra-Neamţ 1998).
- Manzura 2000:** I.V. Manzura, Vladiushchie skipetrami. *Stratum plus* 2, 2000, 237-295 // И.В. Манзура, Владееущие скипетрами. *Stratum plus* 2, 2000, 237-295.
- Manzura 2005:** I.V. Manzura, Steps to the Steppe: or, how the North Pontic Region was Colonised. *Oxford Journal of Archaeology* 24(4), 2005, 313-338.
- Manzura 2013:** I.V. Manzura, Kul'tury stepnogo eneolita. In: (red. I.V. Bruiako, T.L. Samoilo) *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (k 95-letiiu Natsional'noi akademii nauk Ukrainy)* (Odessa 2013), 115-153 // И.В. Манзура, Культуры степного энеолита. В: (ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины)* (Одесса 2013), 115-153.
- Marinescu-Bilcu 1974:** S. Marinescu-Bilcu, *Cultura Precucuteni pe teritoriul României* (Bucureşti 1974).
- Markevich 1974:** V.I. Markevich, Bugo-Dnestrovskaia kul'tura na teritorii Moldavii (Kishinev 1974) // В.И. Маркевич, Буго-днестровская культура на территории Молдавии (Кишинев 1974).
- Movsha 1961:** T.G. Movsha, O svyaziakh plemen tripol'skoi kul'tury so stepnymi plemenami mednogo veka. *SA* 2, 1961, 186-199 // Т.Г. Мовша, О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. *СА* 2, 1961.
- Palaguta 2007:** I. Palaguta, *Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (B1: The relative chronology and local grouping of sites)* (Oxford 2007).

- Passek 1961:** T.S. Passek, Rannezemledel'cheskie (tripol'skie) plemena Podnestrov'ia (Moskva 1961) // Т.С. Пасек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья (Москва 1961).
- Pavuk 2005:** J. Pavuk, Typologische Geschichte der Linearbandkeramik. In: (ed. J. Lüning, C. Frirdich, A. Zimmermann) Die Bandkeramik im 21. Jahrhundert. Symposium in der Abtei Brauweiler bei Köln vom 16.9.-19.9.2002 (Rahden 2005), 17-39.
- Păunescu 1970:** A. Păunescu, Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României (București 1970).
- Peresunchak 2012:** O.S. Peresunchak, Novi tripil's'ki poselennia na Pivdenному Buzi. In: (red. V.V. Otroshchenko) Zemledel'tsi i skotovody Drevnei Evropy. Problemy, novye otkrytia, gipotezy (dopolnennoe izdanie) (Київ-Санкт-Петербург 2012), 149-159 // О.С. Пересунчак, Нові трипільські поселення на Південному Бугі. В: (ред. В.В. Отрошенко) Земледельцы и скотоводы Древней Европы. Проблемы, новые открытия, гипотезы (дополненное издание) (Київ-Санкт-Петербург 2012), 149-159.
- Petrenko 2009:** V.G. Petrenko, Problema “Tripol'e i Step'” i pamiatniki eneolita - rannei bronzy Severo-Zapadnogo Prichenomor'ia. MASP 11, 2009, 10-38 // В.Г. Петренко, Проблема “Триполье и Степь” и памятники энеолита - ранней бронзы Северо-Западного Причерноморья. МАСП 11, 2009, 10-38.
- Poplevko 2007:** G. Poplevko, Metodika kompleksnogo issledovania kamennykh industrii (Sankt-Petersburg 2007) // Г.Н. Поплевко, Методика комплексного исследования каменных индустрий (Санкт-Петербург 2007).
- Radoms'kii 2017:** I. Radoms'kii, Genezis kremnevoi industrii Tripol'ia В/І v Srednem Podnestrov'ia. RA XIII, 1-2, 2017, 22-40 // І. Радомський, Генезис кремневої індустрії Триполья В/І в Середньому Поднестров'ї. RA XIII, 1-2, 2017, 22-40.
- Rassamakin 2004:** Y. Rassamakin, Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit (Mainz 2004).
- Rassamakin 2012:** Y. Rassamakin, Absolute chronology of Ukrainian Tripolian settlements. In: (ed. F. Menotti, A. Korvin-Piotrovsky) The Tripolie culture giant-settlements in Ukraine. Formation, Development and Decline (Oxford and Oakville 2012), 19-69.
- Reingruber 2012:** A. Reingruber, Absolute and relative chronologies in the Lower Danube Area during the 5th millennium BC. In: (ed. S. Hansen et al.) Neolithic and Copper Age between the Carpathians and the Black Sea (Bonn 2012), 301-324.
- Ryndina, Engovatova 1990:** N.V. Ryndina, A.V. Engovatova, Opyt planigraficheskogo analiza kremnevnykh orudii tripol'skogo poseleniia Drutsy I. In: (red. V. Zbenovich) Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine (Kiev 1990), 108-114 // Н.В. Рындина, А.В. Энговатова, Опыт планиграфического анализа кремневых орудий трипольского поселения Друцы I. В: (ред. В. Збеневич) Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине (Киев 1990), 108-114.
- Roux et al. 2018:** V. Roux, B. Bril, A. Karasik, Weak Ties and Expertise: Crossing Technological Boundaries. Journal of Archaeological Method and Theory 25(4), 2018, 1024-1050.
- Saile et al. 2016a:** T. Saile, M. Dębiec, M. Posselt, S. Țerna, D. Kiosak, Zur Bandkeramik zwischen Pruth und Südllichem Bug. PZ 91, 2016, 1-15.
- Saile et al. 2016b:** T. Saile, M. Posselt, M. Dębiec, D. Kiosak, T. Tkachuk, Prospections magnetometriques sur des sites de la culture Cucuteni – Trypillia sur le course du Dniestre et du Boug de Sud. In: (ed. C. Preoteasa and C.-D. Nicola) Cucuteni culture within the European Neo-Eneolithic context. Proceedings of the International Colloquium “Cucuteni-130”. 15-17 October, Piatra Neamt, Romania. In memoriam dr. G. Dumitroaia (Piatra-Neamt 2016), 581-596.
- Saile et al. 2016c:** T. Saile, M. Posselt, M. Dębiec, D. Kiosak, T. Tkachuk, Zwei Magnetometerprospektionen auf ukrainischen Fundstellen des Cucuteni-Tripolje-Komplexes an Dnjestr und südlichem Bug. Archäologisches Korrespondenzblatt 46, 2016, 465-477.
- Shidlovs'kii, Slesarev 2015:** P.S. Shidlovs'kii, E.S. Slesarev, Tekhnologichni osoblivosti krem'ianogo kompleksu rann'otripil's'kogo poselennia Bernashivka I. Kam'iana doba Ukraïni 16, 2015, 204-224 // П.С. Шидловський, Є.С. Слесарев, Технологічні особливості крем'яного комплексу ранньотрипільського поселення Бернашівка I. Кам'яна доба України 16, 2015, 204-224.
- Skakun 2012:** N.N. Skakun, Excavations at Bodaki, Ukraine, and the importance of flint working activities in the eneolithic. In: (ed. J.-C. Marquet, C. Verjux) L'Europe, deja, a la fin des temps prehistoriques. Actes de la table-rinde internationale, Tours (Indre-et-Loire, France) 7 Septembre 2007, 2012, 91-108.
- Skakun et al. 2014:** N.N. Skakun, A. Samzun, B. Mateva, V. Terekhina, Features of flint mining and processing during the Chalcolithic period in the Southeast of Europe (based on the materials of the Tripolian Bodaki settlement, Ukraine). In: (ed. F. Bostyn, F. Giligny) Lithic Raw Material Resources and Procurement in Pre- and Protohistoric

Times. BAR International Series 2656, 2014, 93-105.

Sorochin 2001: V. Sorochin, Relațiile între culturile Precucuteni-Tripolie A și Bolgrad-Aldeni. *Tyragetia X*, 1, 2001, 81-90.

Sorochin 2002: V.J. Sorochin, Aspectul cultural cucutenian Drăgușeni-Jura (Piatra Neamț 2002).

Telegin 1968: D. Telegin, Dnipro-donets'ka kul'tura. Do istorii naseleunia epokhi neolitu – rann'ogo metalu pivd-nia Skhidnoi Evropi (Київ 1968) // Д.Я. Телегін, Дніпро-донецька культура. До історії населення епохи неоліту – раннього металу півдня східної Європи (Київ 1968).

Telegin 1973: D.Ia. Telegin, Seredn'ostogivs'ka kul'tura epokhi midi (Київ 1973) // Д.Я. Телегін, Середньостогівська культура епохи міді (Київ 1973).

Telegin, Potekhina 1987: D. Telegin, I.D. Potekhina, Neolithic Cemeteries and Populations in the Dnieper Basin (Oxford 1987).

Tovkailo 2014: M.T. Tovkailo, Neolitizatsiia Iugo-Zapadnoi Ukrainy v svete novykh issledovaniï poseleniia Gard. *Stratum Plus 2*, 2014, 183-245 // М.Т. Товкайло, Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард. *Stratum Plus 2*, 2014, 183-245.

Tsvek 2004: O.V. Tsvek, Berezivka (Berezivs'ka GES). In: (red. M.Iu. Videiko, N. Burdo, S.M. Liashko) Entsiklopediia tripil's'koï tsivilizatsiï, T.2 (Київ 2004), 38-39 // О.В. Цвек, Березівка (Березівська ГЕС). В: (ред. М.Ю. Videiko, Н.Б. Бурдо, С.М. Ляшко) Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. 2 (Київ 2004), 38-39.

Tsvek et al. 2012: E.V. Tsvek, I.I. Movchan, N.N. Skakun, Eneolithic centres of flint processing on the territory of Central Ukraine. In: (ed. J.-C. Marquet, C. Verjux) L'Europe, deja, a la fin des temps prehistoriques. Actes de la table-ronde internationale, Tours (Indre-et-Loire, France) 7 Septembre 2007, 2012, 109-119.

Videiko et al. 2015: M.Iu. Videiko, J. Chapman, N.B. Burdo, B. Gaidarska, S.V. Tserna, V.S. Rud', D. Kiosak, Kompleksnye issledovaniia oboronitel'nykh sooruzhenii, proizvodstvennykh kompleksov i ostatkov postroek na tripol'skom poselenii u sela Nebelevka. *Stratum Plus 2*, 2015, 147-170 // М.Ю. Videiko, Д. Чепмэн, Н.Б. Бурдо, Б. Гайдарска, С.В. Церна, В.С. Рудь, Д. Киосак, Комплексные исследования оборонительных сооружений, производственных комплексов и остатков построек на трипольском поселении у села Небелевка. *Stratum Plus 2*, 2015, 147-170.

Vornicu 2012: D.M. Vornicu, Industria litică cioplită a comunităților Precucuteni. Studiu de caz: așezările de la Isaiia și Târgu Frumos, manuscrisul tezei de doctor (Iași 2012).

Vornicu 2017: D.M. Vornicu, The chipped stone assemblage from the Early Chalcolithic settlement at Isaiia – Balta Popii. *MCA XIII*, 2017, 191-212.

Zbenovich 1996: V.G. Zbenovich, Siedlungen den frühen Tripol'e-Kultur zwischen Dnestr und Südlichem Bug (Espelkamp 1996).

Zvelebil, Rowley-Conwy 1984: M. Zvelebil, P. Rowley-Conwy, Transition to farming in northern Europe: a hunter-gatherer perspective. *Norwegian Archaeological Review 17*, 1984, 104-128.

Dmytro Kiosak, candidate of historical sciences, docent of "I.I. Mechnikov" Odessa National University, 2 Dvorianska str., Odessa, 65026, Ukraine, e-mail: dkiosak@ukr.net

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chișinău</i>). Plastica antropomorfă din așezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Levițki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chișinău</i>). Investigațiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chișinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costești-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chișinău</i>). Geocronologia stațiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuți și unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chișinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zanoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Илья Палагута

О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья ВІ - Кукутень А

Keywords: Cucuteni-Tripolye culture, periodisation, relative chronology, local variants and groups of sites, ceramic assemblage, ceramics typology.

Cuvinte cheie: cultura Cucuteni-Tripolie, periodizare, cronologie relativă, variante locale, grupuri de monumente, complex ceramic, tipologia ceramicii.

Ключевые слова: культура Триполье-Кукутень, периодизация, относительная хронология, локальные варианты памятников, группы памятников, керамический комплекс, типология керамики.

Ilia Palaguta

On the methods of studies of ceramic assemblages and the principles of local and chronological subdivision of Tripolye ВІ – Cucuteni А

The article discusses the principles of the study of ceramic assemblages, which form the basis for the reconstruction of the local grouping and the relative chronology of the Cucuteni А – Tripolye ВІ sites. They are based on the completeness and reliability of the data, analysis of the distribution of ceramics in the layer, studies on ceramic technology, typology of pottery that is built on the basis of comparison of the shapes and decorations of vessels, which allows to reveal the pottery manufacturing traditions, peculiar to both individual settlements and their local groups. A critical analysis of the “structure” of culture during the considered period and the methods of its reconstruction proposed by N.B. Burdo [Burdo 2018] reveals that this approach does not correspond to the modern methods of analysis of materials. The construction of “social models” on this basis is a reasonable doubt.

Ilia Palaguta

Despre metodele de cercetare ale complexelor ceramice și principiile diviziunii locale și cronologice din Tripolie ВІ – Cucuteni А

În articol se analizează principiile de studiere a complexelor ceramice, care stau la baza reconstrucției grupurilor locale și a cronologiei relative a monumentelor Cucuteni А – Tripolie ВІ. Acestea se bazează pe complexitatea și veridicitatea datelor; analiza distribuției ceramicii în straturile culturale; cercetarea tehnologiei ceramice; tipologia ceramicii, efectuată în baza comparației formelor și ornamentelor vaselor, care au permis identificarea tradițiilor ceramice caracteristice atât unor monumente individuale, cât și unor grupuri locale. Analiza critică a „structurii” culturii la această etapă și a metodelor de reconstrucție propuse de N.B Burdo [2018], demonstrează că această abordare nu corespunde metodelor moderne de analiză a materialelor ceramice. Elaborarea „modelelor sociale” pe această bază ridică îndoieli rezonabile.

Илья Палагута

О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья ВІ – Кукутень А

В статье рассматриваются принципы исследования керамических комплексов, которые положены в основу реконструкции локального подразделения и относительной хронологии памятников Кукутень А – Триполье ВІ. Они базируются на полноте и достоверности данных; анализе распределения керамики в слое; исследовании керамических технологий; типологии керамики, выстроенной на базе сопоставления форм и орнаментов сосудов, что позволяет выявить традиции изготовления керамики, свойственных как отдельным памятникам, так и их локальным группировкам. Критический анализ «структуры» культуры на рассматриваемом этапе и методов ее реконструкции, предложенных Н.Б. Бурдо [Burdo 2018], показывает, что такой подход не соответствует современной методике анализа керамических материалов. Построение «социальных моделей» на этой основе вызывает обоснованные сомнения.

В исследовании любой археологической культуры основной проблемой является реконструкция ее как системы взаимосвязанных памятников, образующих группировки различного масштаба – от группы близлежащих поселений до проявлений сходных локальных черт, охватывающих значительные по размеру части

ее ареала. Эта система изменяется во времени и пространстве: ведь сходное по культурному облику население периодически по разным причинам меняет места поселений и перемещается в пределах той области, которую оно первоначально заселило, а также за ее границы. Реконструкция этого процесса тем более сложна, в

связи с тем, что нам приходится иметь дело не со всей совокупностью памятников, а лишь с теми, которые в той или иной мере были затронуты археологическими исследованиями. Представленный материал составляет едва ли не сотую часть того, что сокрыто в земле или уже уничтожено безвозвратно в результате действий природных сил или деятельности человека.

Тем не менее, эта задача решаема – на различных уровнях накопления эмпирического материала, когда при его недостатке можно обозначить основные хронологические этапы развития культуры, а по мере возрастания его количества пополнять, уточнять и, если это необходимо, вносить изменения в выстроенные ранее схемы. Это – естественный научный процесс. Важнейшей частью этого процесса является работа с археологическими источниками [Klein 1978]. Извлекая из них максимальный объем информации, мы тем самым создаем достаточные основания для последующих обобщений и реконструкций развития культуры. Это касается и изучения культуры Триполье-Кукутень, подходам к изучению одного из этапов развития которой посвящена эта работа.

Периодизации Триполья-Кукутень: историко-географический экскурс

Особенностью исследования культуры Триполье-Кукутень является то, что ее ареал расположен на территории нескольких государств: конце XIX в. – первой половине XX в. – России, затем СССР, Румынии и Австро-Венгрии, затем Польши, во второй половине XX в. – СССР (сейчас уже бывшего СССР – Молдовы и Украины) и Румынии. Поэтому разработка периодизации культуры велась параллельно разными школами исследователей. «Языковой барьер» не преодолен и в настоящее время: мы часто до сих пор вовремя не замечаем работы ученых соседних стран, поэтому иногда приходится «изобретать велосипед» или с опозданием знакомиться с новыми материалами.

В 1930-е годы, на фоне накопленного к тому времени сравнительно небольшого массива материала, путь создания общей классификации керамики на базе различия в технике исполнения и стилистике орнаментов был достаточно продуктивным. Этот материал было необходимо упорядочить. Так на материалах

стратифицированного эпонимного памятника Кукутень в Румынии была выстроена периодизация Г. Шмидта, где для обозначения разновидностей декора расписной посуды он использовал термин «стиль» [Schmidt 1932]. Впоследствии систему стилей доработал Вл. Думитреску [Dumitrescu 1945]. На основе классификации разновидностей орнамента Т.А. Пассек была сформирована и система периодизации трипольской культуры территории СССР [Passek 1935; 1949]. Так была создана основа для хронологического деления материалов культуры «круга расписной керамики» обширных территорий от Карпат до Днепра.

В схеме Т.С. Пассек изначально присутствовал ряд слабых мест, требовавших дальнейшей разработки и связанных с отсутствием материала по ряду этапов. Корректировки в нее были внесены автором [Passek 1961] (в частности, после публикации результатов исследования Луки-Врублевецкой [Bibikov 1953]), но некоторые «натяжки» послужили дальнейшим источником для усложнения периодизации. Так, нестыковка систем хронологии касалась периода Кукутень А-В, соответствующего VII в системе Т.С. Пассек. Лакуна была заполнена поселением Владимировка, который на самом деле синхронен уже следующему этапу Кукутень В. В 1970-х Н.М. Виноградова добавила в схему новый период Триполье VI-VII, чем усложнила и без того сложную многоступенчатую периодизацию [Vinogradova 1983].

Периодизации Т.С. Пассек и Вл. Думитреску к 1950-1960-м годам [Passek 1949; Dumitrescu 1963], когда разворачиваются масштабные полевые исследования и количество раскопанных и вводимых в научный оборот материалов начинает стремительно расти, позволили в целом укладывать их в рамки этих периодизационных схем, а также определять принадлежность вновь найденного памятника к тому или иному периоду по нескольким характерным керамическим «маркерам».

Но дальше возникают проблемы: раскопки новых поселений все более показывают наличие локальных отличий, также возникает необходимость более точного определения относительной хронологии близких по времени памятников. В итоге возникает «неразбериха, царящая в специальной литературе в связи с вопросами

синхронизации трипольских поселений отдельных районов и построения локальных хронологических колонок» [Chernysh, Masson 1982, 175].

Это касается и периода Триполье VI – Кукутень А, к которому относится более 700 известных ныне памятников [Sorokin 1997; Porovici 2000]. В разработанную Вл. Думитреску на основе стратиграфии Извоаре¹ периодизацию Кукутень А в Румынии, корректировки вносит А. Ницу, детально проанализировавший стилистику декора посуды с рельефным и расписным декором и обозначивший необходимость сокращения ступеней периодизации Кукутень А и, вслед за Вл. Думитреску, существование локальных отличий [Dumitrescu 1974; Nițu 1980]. Памятникам Пруто-Днестровского междуречья были посвящены исследования В.Я. Сорокина, где им был выделен локальный вариант Дрэгушени-Журы [Sorokin 1990; 2002]. В 1990-е годы обобщение материалов Триполья VI – Кукутень А с территории Молдовы и Украины стало также целью моей исследовательской работы, результаты которой были опубликованы на английском и русском языках [Palaguta 2007; 2016].

Последней работой, где данная проблематика рассмотрена на всем протяжении ареала культуры Кукутень А – Триполье VI, стала статья Н.Б. Бурдо. Ее автор предполагает, что «рассмотрев детально структуру культурного комплекса на определенном этапе существования и его изменения, прежде всего на основе детального анализа керамических традиций, можно попытаться восстановить затем историю трансформации его общественных структур» [Burdo 2018, 17]. Предлагаются и соответствующие «принципы исследования» [Burdo 2018, 19-21]. При этом Н.Б. Бурдо полагает, что принципы «на которых основана ... структура Кукутень А – Триполья VI», предложенная в работах автора статьи², «отличаются от принятых для выделения локально-хронологических групп ... культурного комплекса Кукутень-Триполье» [Burdo 2018, 19]. Поэтому необходимо прояснить ситуацию и изложить их подробнее, чтобы сопоставить с теми новыми «принципами», которые предлагаются исследовательницей.

1. Критический анализ этой стратиграфии произведен Т.С. Пассек [Passek, Rikman 1959].

2. Судя по ссылкам на литературу, приведенным Н.Б. Бурдо, публикация монографии на русском языке, содержащая ряд дополнений и вышедшая в Киеве в 2016 г. [Palaguta 2016], к сожалению, оказалась ей не знакома.

О принципах работы с материалом и выявлении локальных групп

При работе с керамическим материалом важно следование общенаучным принципам работы с эмпирическим материалом. В первую очередь, это принцип достоверности и полноты информации, который у Л.С. Клейна звучит как «принцип полноты исследования» [Klein 2001]. Основой любых построений должны быть наиболее исследованные памятники, с достоверными комплексами. Материал, представляющий их керамические комплексы, должен быть не только тщательно систематизирован, но также должны быть проанализированы особенности его залегания в слоях памятника: в пределах культурного слоя, где керамика предстает во фрагментированном и переотложенном виде, либо в пределах достоверных комплексов ям или жилищ, где сосуды располагаются *in situ*.

В качестве исходного постулата – представление об **археологическом комплексе** не как об абстрактном наборе изделий, оказавшихся в виде выборки на неизвестных основаниях, а как на следы жизнедеятельности определенной группы людей. Ведь в слое археологического памятника так или иначе отражен **функциональный комплекс** керамики – набор сосудов, необходимых для жизнеобеспечения конкретного человеческого коллектива [Kozhin 1989; 2011, 139-140, 151].

Реконструкция процесса формирования археологических комплексов стала областью этноархеологических разработок 1970-х гг., когда на волне «новой археологии» были проведены исследования как технологий лепной керамики, так и того, как происходит процесс использования керамических изделий там, где керамика собственного производства еще не была заменена фабричной посудой [Palaguta 2011].

С их результатами вполне соотносятся данные, полученные при исследовании керамических комплексов различных периодов культуры Триполье-Кукутень [Palaguta 1999; 2007, 16-17, fig. 8-14; сходные результаты: Starkova 1998; 2013; Ryzhov 1990, ris. 3]. Они показывают, что в культурном слое поселений, представляющем «открытые» археологические комплексы длительного накопления, преобладают те формы сосудов, которые наиболее часто употреблялись и, соответственно, имели наимень-

ший «срок использования». В Триполье VI это обычно миски, кубки, а также неорнаментированные «кухонные» сосуды в виде глубоких мисок («котлы») и боченковидных «пифосов». Сосуды других форм здесь присутствуют в относительно меньшем количестве. Это показывает, что подсчет доли керамики по фрагментам с различными разновидностями орнамента отражает не столько реальные отличия или сходство, а характеристики слоя или достоверных комплексов. Это нужно учитывать при анализе керамических комплексов и их последующем сравнении [Palaguta 1999; 2003].

Характеристики функционально-производственного керамического комплекса поселения проявляются при исследовании техники и технологии изготовления сосудов и их типологии на основе сопоставления форм и орнаментов³, на основании чего можно выявить определенные **традиции изготовления керамики**.

Таким образом, керамический комплекс поселения представляет собой набор изделий, выполненных в рамках единой или нескольких, в большей или меньшей степени взаимосвязанных, традиций. Поэтому исследование его не исчерпывается вычленением разновидностей форм и/или орнаментов изделий и их количественного соотношения (классификационно-статистический анализ), определении особенностей техники и технологии их изготовления, а предусматривает выявление взаимосвязей между ними.

Такой подход, рассматривающий керамику трипольских поселений в рамках единых функционально-производственных комплексов, позволяет исследовать ее путем выявления однонаправленных типологических изменений изделий [Kozhin 1984, 202-205; 1994, 122]. В рамках такого функционально-производственного комплекса часто одна из керамических традиций является доминирующей, и именно она определяет его основные характеристики. Другие традиции – вторичны, и могут быть образованы сериями подражательных или деградирующих изделий. На этой базе и можно проводить сравнительный анализ, который

позволяет выявить группировку памятников со сходными или различными керамическими традициями [Palaguta 2016, 68-69].

На этих принципах, на основании анализа керамических комплексов базовых, эталонных памятников периода Кукутень А – Триполье VI и последовательного сопоставления их керамических традиций с доступными материалами других поселений, представленных в публикациях или музейных коллекциях (здесь, конечно же, при недостатке данных, можно опираться на соответствующие «маркеры»), автором настоящей статьи было предложено разделение ареала культуры на локальные варианты, объединяющие ряд локальных групп и микрогрупп памятников [Palaguta 2016, ris. 88, 89]. Подробное обоснование этого подразделения и ряд соображений по поводу тех процессов в развитии культуры, следствием которых наблюдается в материалах археологических памятников, изложены в упомянутом монографическом исследовании [Palaguta 2007; 2016]. Вряд ли есть смысл повторять его в рамках данной статьи. Необходимо только отметить, что разрешение этих вопросов возможно только «на основе **археологического материала, а не абстрактного моделирования**», как отметил П.М. Кожин в предисловии к книге [Kozhin 2016, 16].

Различная степень изученности ареала не позволяет пока четко обозначить структуру каждого из выделенных локальных вариантов на уровне групп памятников. Локализация вариантов тоже далеко не окончательна – она может изменяться с появлением материалов новых памятников, хотя, судя по последним исследованиям, основные моменты здесь были обозначены верно.

Так, публикации материалов поселений Думешти и Скынтея [Alaiba 2007; Chirica et al. 1999], расположенных в верховьях рек, входящих в бассейн р. Бырлад в южной части Румынской Молдовы, позволяют отнести их к южному варианту памятников Триполья VI – Кукутень А и наметить границу между ними, примерно по водоразделу бассейнов рек Бахлуй и Бырлад. Разрыв в ареалах обеих группировок памятников, проходящий по этому водоразделу, демонстрирует и карта, приведенная в своде памятников Кукутень А, составленном Д.Н. Поповичем [Popovici 2000, fig. 8].

3. Аналогичный подход успешно был применен к позднему периоду Триполья В.А. Дергачевым, что позволило выявить локальные группировки памятников и обозначить направления развития культуры [Dergachev 1980].

В центральной части румынской Молдовы, в бассейне р. Бахлуй, произведены раскопки поселений Хойсешти и Преутешти [Bodi 2010; Ursulescu, Ignătescu 2003], а в районе Тыргу-Фрумос были проведены комплексные исследования поселений Костешти и Джурджешти, входящих в микрогруппу памятников в бассейне р. Бахулец [Boghian et al. 2014]. К.-М. Лазарович и Г. Лазаровичем были также проведены новые исследования поселения Ружиноаза, по результатам которых издана объемная монография [Lazarovici, Lazarovici 2012]. Судя по опубликованным материалам, эти поселения вполне можно отнести к центральному локальному варианту Триполья VI – Кукутень А.

На территории Республики Молдова представленную картину существенно дополняют исследования ряда памятников, открытых в последние десятилетия. Среди них Кобань в Глодянском районе, материалы которого близки Старым Куконештам [Bodean et al. 2019] и могут четче обозначить локальную группу поселений этого времени в бассейне Среднего Прута.

Важную роль в исследовании процесса культурогенеза в период Триполье VI – Кукутень А играют поселения, расположенные южнее горного массива Кодр, в бассейнах рек Бык и Ботна. Группа памятников, материалы которых близки Новым Русештам, выявлена к югу от Кишинева, но пока о них известно лишь по предварительным публикациям [Bodean 2015; 2017]. Они, возможно, могут впоследствии обозначить раннюю фазу формирования южного локального варианта.

К сожалению, ареал восточного локального варианта Триполья VI – Кукутень А в последние десятилетия изучался не столь интенсивно, а материалы памятников в меньшей степени отражены в публикациях. Несомненно, важным открытием здесь стало обнаружение оборонительного рва, окружающего поселение Каменное, входящее в группу памятников типа Березовская ГЭС на Южном Буге, – самое восточное из укрепленных поселений Триполья-Кукутень этого периода [Saile et al. 2016].

Новая «структура» – новые методы?

Предполагается, что появление нового варианта «структуры Кукутень А – Триполья VI», основанного на «выявлении группировок па-

мятников по сходству их керамических ансамблей», предложенного Н.Б. Бурдо [Burdo 2018], очевидно, знаменует собой новую веху в исследовании этого периода развития культуры.

Источниковедческой базой в данном исследовании выступает керамика памятников периода Кукутень А – Триполье VI, материалы большинства из которых изданы фрагментарно и не полностью введены в научный оборот. Так, материалы из Новых Русешт и Жора де Сус, опубликованы в далеко неполном виде в виде предварительных публикаций. Коллекции из раскопок В.И. Маркевича и В.Я. Сорокина, хранящиеся в Национальном музее Республики Молдова, когда автор с ними знакомился в 1990-е гг., были все еще полностью не разобраны. Поэтому не ясно, было ли в Новых Русештах два слоя, Триполья А и VI, или один Триполья VI [Palaguta 2016, 138]. В монографии В.Я. Сорокина [Sorochin 2002] представлены материалы из раскопок Путинешт II и III, но, к сожалению, автор не успел довести работу до конца – она была издана уже после его смерти. Ряд вопросов к представленным В.Я. Сорокиным материалам остается. В статье Н.Б. Бурдо, к сожалению, нет указания на непосредственное знакомство автора с какой-либо из этих керамических коллекций.

Результаты раскопок в Поднестровье и Побужье начала XX в. – коллекции из Озаринцев, Борисовки, Плискова, Городницы-Городища, представляют выборку материалов на не вполне ясных основаниях. Их публикации не содержат полных серий прорисовок основных форм сосудов, исследований технологий, а также количественных данных. Это касается и материалов Незвиско II из раскопок Е.К. Черныш [Chernysh 1962], хранящихся в музее Ивано-Франковска.

Тем не менее, материалы старых раскопок, при детальном их рассмотрении, могут дать представление о технологии изготовления, наборе форм, декоре и типологии керамики памятника, даже несмотря на низкое качество раскопок и полную либо частичную утрату документации [Kadrow 2013; Starkova 2013; Smirnova et al. 2018]. Все эти данные могут быть использованы для достаточно полной характеристики керамического комплекса памятника. Необходима только тщательная повторная об-

работка коллекций, но относительно указанных памятников это не произведено.

Результаты раскопок А.В. Добровольского в Сабатиновке I и В.П. Цыбескова в Березовской ГЭС [Dobrovol's'kii 1952; Tsybeskov 1971] рассмотрены Н.Б. Бурдо в специальной работе, посвященной памятникам сабатиновского типа на Южном Буге [Burdo 2015]. Однако и здесь отсутствует развернутая характеристика керамических комплексов этих памятников, как и критический анализ выводов В.П. Цыбескова относительно стратиграфии этого поселения.

Итогом работы Н.Б. Бурдо над коллекциями из Луки-Врублевецкой стал вывод о том, что этот памятник относится не к раннему Триполью, как считалось ранее [Zbenovich 1989], а к периоду Триполье VI [Burdo 2002]. Аналогичное предположение высказывалось и мною [Palaguta 2016, 115]. Однако для обоснования данной точки зрения необходима детальная систематизация материала на основе тщательной реконструкции форм керамики и дальнейшего соотнесения их с разновидностями орнамента, при этом в один таксономический ряд не могут попасть «сосуды с ямками» и «горшки с S-видным профилем» [Burdo 2002, 67, tabl. 2]⁴.

Однако трудоемкий путь поэтапного комплексного анализа керамики автор старательно избегает. Новая «структура» выстроена на основании «одного из возможных стилистических принципов – способов орнаментации керамики» [Burdo 2018, 21]. Таким образом, создается общая, для всего массива материала, классификация керамики по категориям и стилям орнамента, которая потом прикладывается к образцам из конкретных памятников.

Категории здесь обычны: керамика без орнамента, орнаментированная рельефным орнаментом и росписью. Но маркировка «стилей» греческими буквами вводит в заблуждение, прежде всего, румынских исследователей, традиционно привыкших использовать маркировку стилией росписи Г. Шмидта и Вл. Думитреску. При этом неясен сам принцип их выделения. Так, в качестве одного из показателей различия «стилей» в группах α ($\alpha_1, \alpha_2, \alpha_2a$) и β ($\beta_a, \beta_b, \beta_1, \beta_1a$), различающихся по характеру углублен-

ных линий, указано, помимо наличия или отсутствия дополнительной окраски, дополнение декора ямками. Однако этот прием используется в это время практически на всей керамике с углубленным декором. Так что этот признак использован быть не может. Кроме того, дополнительная покраска часто не сохраняется из-за местных свойств почвы, поэтому этот признак тоже нужно использовать с оговорками. Группы стилией $\delta, \gamma, \sigma, \lambda$ также выделены формально: по принципам дополнения линий каннелюр ямками или гребенчатым штампом, или использования только ямок, наличия или отсутствия покраски [Burdo 2018, 21-22]. Анализ наборов форм, на которые нанесен декор, при этом отсутствует. Следовательно, типология изделий не ясна, а структура комплексов остается невыявленной.

Все статистические данные взяты из публикаций других авторов без сопутствующего им критического анализа. Между тем, сама Н.Б. Бурдо прежде заявляла, что использование статистического метода для сопоставления керамики раннетрипольских поселений невозможно из-за различий археологического контекста, где варьирует и степень фрагментированности материала, и количество разных категорий посуды [Burdo 1998, 81]. Получается, что для раннего этапа культуры этот методический прием невозможен, а для последующего – является основным?

По сути, здесь автор возвращается к методам работы, принятым в первой половине XX в. и предназначенным для решения иных задач – первичного определения основных характеристик материала. В итоге вся «структура» культуры Кукутень А – Триполья VI сводится к обозначению точек на карте – более-менее затронутых раскопками и опубликованных памятников, представлявших, по мнению автора «многочисленные культурные группировки, возникшие на основе единообразной в культурном отношении культуры Прекукутень-Триполье А, в керамических ансамблях которых причудливо переплетаются прекукутенские и кукутенские керамические традиции» [Burdo 2018, 30]. Эти «группировки», состоящие из **одного-двух** более-менее изученных поселений, названы «типами памятников». Среди них присутствует и одна «группа», названная Дрэ-

4. Вызывают сомнения и аргументы в пользу интерпретации Луки-Врублевецкой в качестве «ландшафтного святилища» [Burdo 2012].

гушень-Путинешть. Таких типов – 10 [Burdo 2018, 29, tabl. 1]. Румынских памятников, кроме Дрэгушень и Берешть, у Н.Б. Бурдо просто не существует, хотя многие из них, как показано выше, детально опубликованы. Похоже, в данном случае играет роль «языковой барьер», но зачем же тогда претендовать на всеобъемлющую «систему»? И какую «историческую интерпретацию» здесь можно предложить, кроме досужих рассуждений о «сегментации родовых коллективов» и «объединении сегментарных групп» [Burdo 2018, 30-31]⁵?

Керамика в выявлении межкультурных взаимосвязей: реальности подлинные и мнимые

Тот же принцип исследования, основанный на анализе керамических комплексов, выявлении доминирующих традиций изготовления керамики, ложится и в основу определения «импортов» и «подражаний» – тех элементов, которые позволяют синхронизировать памятники не только в пределах определенного культурного ареала, но разных археологических культур.

Для Триполья VI – Кукутень А актуальными на сегодняшний день являются вопросы синхронизации культуры с ее западными соседями. Если связи с культурой Гумельница, степным энеолитом и неолитом Поднепровья на основании керамического материала более-менее обозначены [Palaguta 2016, 186-191, 196-211], и отдельные дискуссии возникают на уровне деталей [Burdo 2016]⁶, то вопрос о связях с культурами и группами памятников к западу от Карпат – Тиса, Херпай, Петрешти, Тисаполгар, Зэу, Турдаш – остается по большей части открытым. Так, например, появление в материалах прикарпатских памятников наиболее ранней росписи – «бихромии раннего типа», хоть я и связывал ее с культурой Гумельница [Palaguta

2016, 188], может быть результатом взаимодействий с культурными группами Трансильвании – Зэу и Турдаш [Lazarovici, Lazarovici 2010]. Чтобы четче обозначить эти связи, необходимо более тщательное исследование керамических материалов и развернутая публикация его результатов.

Рассмотрению влияний «карпатских» традиций на керамический комплекс Триполья-Кукутень раннего и начала среднего периодов посвящена работа Н.Б. Бурдо, которая обратила внимание на отдельные параллели в формах и деталях конструкции неорнаментированной, так называемой «кухонной», керамики [Burdo 2007].

В качестве примеров фигурируют материалы из таких поселений периода Кукутень А – Триполья VI, как Красноставка, Незвиско II, Поливанов Яр III, Новые Дуруиторы, Старые Куконешты, Путинешты II, Трушешти, Дрэгушени, Тырпешти [Burdo 2007, ris. 5-9]. На основании этого автор констатирует наличие «элементов тисаполгарской традиции» и весьма ощутимого «тисаполгарского компонента», оказавшего влияние на формирование комплексов северо-западной части трипольско-кукутенского ареала [Burdo 2007, 284].

Однако, приведенные Н.Б. Бурдо в качестве «керамики с элементами тисаполгарских традиций» образцы материалов из Поливанова Яра III [Burdo 2007, ris. 6, 4-27], рисунки которых взяты из монографии Т.А. Поповой [Порова 2003], в реальности соответствуют остальной «кухонной» посуде этого памятника по технике исполнения, обработке поверхности, особенностям среды и качества обжига (Государственный Эрмитаж, опись хранения 72-74, некоторые рисунки для Т.А. Поповой выполнены мною). Присутствие нескольких фрагментов с характерными «воротничками» под венчиком, предназначенных для фиксации крышки, указывает, скорее, на аналогии из ареала культуры Гумельница – Караново VI [Порова 2003, 84]. То же можно сказать и об образцах из северомолдавских памятников финала Триполья VI: воспроизведенные по монографии В.Я. Сорокина [Sorochin 2002], рисунки «керамики с элементами тисаполгарских традиций» из Старых Куконешт, Новых Дуруитор, Путинешт и других поселений [Burdo 2007, ris. 7] на деле демонстрируют керамику, вполне

5. Относительно реконструкции «сакрального мира трипольской цивилизации» ситуация достаточно подробно изложена в рецензии К. Рахно [Rakhno 2012].

6. Правда, на фоне ряда наблюдений над особенностями керамики «типа С» в рамках «общего среднетрипольского горизонта», от Триполья VI – Кукутень А до Триполья CI – Кукутень В», некоторым диссонансом смотрится утверждение о том, что «относительная типологическая однородность керамики типа Кукутень С на просторах от Карпат до Днепра на протяжении сотен лет» «может объясняться только общностью сакральной традиции» [Burdo 2016, 34].

вписывающуюся в контекст трипольско-кукутенского керамического комплекса (материалы хранятся в Национальном музее истории Молдовы в г. Кишиневе, автор настоящей статьи с ними непосредственно знаком).

В реальности мы здесь имеем дело не с керамикой «с элементами тисаполгарской культуры», а с традиционной кукутенско-трипольской кухонной посудой – боченовидными «пифосами» и глубокими мисками – «котлами», снабженными несколькими рядами ручек и выступов-упоров, широко представленными в керамических комплексах периода Триполье VI – Кукутень А. Формы этих деталей при этом разнообразны: от простых ручек-ушек с отверстиями до «клювовидных» или выступов со специальным пазом для фиксации шнура [Palaguta, Starkova 2018, fig. 2].

При рассмотрении «кухонной» посуды необходимо учитывать, что при окончательном ее оформлении могли использоваться оплётки и обвязки из органических материалов, ручки из веревочных петель, крепившиеся к керамическим ушкам. Поверхность сосудов также могла обмазываться клеевой массой на основе смолы, поверх которой крепились аппликации из циновки, плетенки, древесной коры или ткани. Находки таких «дополнений» в колодцах культуры линейно ленточной керамики [Elburg 2013] еще раз подтверждают «техническое» происхождение ряда разновидностей керамического декора [Palaguta 2009; Kozhin 2014].

Можно ли считать наличие специальных ручек и упоров влиянием какой-либо одной керамической традиции на другую, не учитывая весь комплекс морфологических или технологических особенностей керамики? При этом ни характерного для тисаполгарской традиции обжига, при котором керамика приобретает разные оттенки серого и темно-коричневого тонов, ни сглаживания и лощения поверхности в кукутенско-трипольской «кухонной» керамике не наблюдается. Очевидно, что эту посуду с тисаполгарской связывает лишь некое внешнее подобие формы, которое некоторые исследователи угадывают в сильно уменьшенных и не вполне точных иллюстрациях⁷.

7. Вопрос о соотношении керамических материалов, свидетельствующих о возможных связях Кукутень-Триполья с соседними культурами, с результатами радиокарбон-

К сожалению, мы не всегда можем охватить весь материал, поэтому доверяем выводам, сделанным другими исследователями. Ссылки на ложные аналогии, приведенные Н.Б. Бурдо, уже приведены в исследовании Д. Бояна и С. Еня [Boghian, Enea 2013, 37-38].

Выводы

Надеюсь, что вдумчивый читатель сделает выводы самостоятельно. Позволю себе лишь процитировать своего учителя П.М. Кожина: «В своем увлечении словами, определениями, смелыми «новаторскими» идеями мы часто не отдаем себе отчета в том, что наука – это прежде всего систематизация знаний, размещение этих знаний в логически непротиворечивой системе, которая должна оказаться возможно более устойчивой и ненарушимой при включении в нее новых (и даже многочисленных) фактов. Конструктивная логика принятой исследовательской системы в идеале не должна деформироваться от избытка новых фактических данных, а лишь, вмещая их, создавать возможности для устроения, уточнения терминов, классификационных подразделений, разграничений в пограничных областях смежных понятий и т.п. Только при указанных условиях приложимо к системе, для которой не существует эмпирической возможности определения генеральной совокупности, использование статистических методов, включая и установление статистической достоверности результатов» [Kozhin 2011, 210]. Поэтому я убежден, что только работа с конкретным материалом, его всестороннее исследование, а не умозрительное построение «структур» и оперирование «социальными моделями», может раскрыть те сценарии, по которым разворачивались события далекого прошлого.

Благодарности

В заключение я хотел бы вспомнить своих учителей: Екатерину Константиновну Черныш (1924-2006), познакомившую меня с основной проблематикой исследований Триполья-Кукутень, и Павла Михайловича Кожина (1934-2016), научившего меня работе с археологическим материалом. Также благодарю коллег за понимание.

ного датирования памятников был рассмотрен отдельно [Palaguta, Starkova 2018].

Библиография

- Alaiba 2007:** R. Alaiba, Complexul cultural Cucuteni-Tripolie: meșteșugul olăritului (Iași 2007).
- Bibikov 1953:** S.N. Bibikov, Rannetripol'skoe poselenie Luka-Vrublevetskaia na Dnestre (k istorii rannikh zemledel'chesko-skotovodcheskikh obshchestv na iugo-vostoke Evropy). MIA SSSR 38, 1953 // С.Н. Бибииков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре (к истории ранних земледельческо-скотоводческих обществ на юго-востоке Европы). МИА СССР 38, 1953.
- Bodean 2015:** S. Bodean, Cercetări arheologice de salvare în așezarea Cucuteni A/Tripolie BI de la Vadul lui Vodă, municipiul Chișinău. In: Conferența științifică internațională „Problemele actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor” ediția a VII-a, Chișinău, 26-28 mai 2015. Programul și rezumatele comunicărilor (Chișinău 2015), 16.
- Bodean 2017:** S. Bodean, Locuirea eneolitică din bazinul râului Botna. In: Sesiunea științifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală și Arheologie, ediția a IV-a, Chișinău, 28 aprilie 2017. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2017), 31.
- Bodean et al. 2019:** S. Bodean, Vl. Vornic, I. Ciobanu, Ceramica așezării Cucuteni A de la Cobani (Raionul Glodeni, Republica Moldova). Considerații preliminare. In: Simpozionul Național PETRODAVA. Ediția I. Program și Rezumate (Piatra-Neamț 2019), 87-90.
- Bodi 2010:** G. Bodi, Hoisești – La pod: o așezare cucuteniană pe Valea Bahluiului (Iași 2010).
- Boghian, Enea 2013:** D. Boghian, S.-C. Enea. The Pre-Cucuteni-Cucuteni/Tripolye cultural complex – between the west and the East. RA IX, 1, 2013, 30-47.
- Boghian et al. 2014:** D. Boghian, S.-C. Enea, S. Ignătescu, Comunitățile cucuteniene din zona Târgului Frumos: cercetări interdisciplinare în siturile de la Costești și Giurgești (Iași 2014).
- Burdo 2002:** N.B. Burdo, Rann'otripil's'ke poselennia Luka-Vrublivets'ka i problema sinkhronizatsii Prekukuteni-Kukuteni-Tripillia. Zapiski naukovoogo tovaristva imeni Shevchenka CCXLIV (244), 2002, 66-88 // Н.Б. Бурдо, Ранньотрипільське поселення Лука-Врублівецька і проблема синхронізації Прекукутені-Кукутені-Трипілья. Записки наукового товариства імені Шевченка CCXLIV (244), 2002, 66-88.
- Burdo 2007:** N.B. Burdo, Spil'ni keramichni traditsii kul'tur Karpato-dunais'kogo regionu dobi rann'ogo eneolitu. In: (red. L. Bakalarska) Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski (Warszawa 2007), 270-288 // Н.Б. Бурдо, Спільні керамічні традиції культур Карпато-дунайського регіону доби раннього енеоліту. In: (red. L. Bakalarska) Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski (Warszawa 2007), 270-288.
- Burdo 2012:** N.B. Burdo, K voprosu ob interpretatsii uglublennykh ob'ektov na poseleniakh tripol'skoi kul'tury. RA IX, 1, 2012, 48-53 // Н.Б. Бурдо, К вопросу об интерпретации углубленных объектов на поселениях трипольской культуры. RA IX, 1, 2012, 48-53.
- Burdo 2015:** N.B. Burdo, Mesto pamiatnikov sabatinovskogo tipa v strukture kul'turnogo kompleksa Kukuten'-Tripol'e. MASP 13, 2015, 1-26 // Н.Б. Бурдо, Место памятников сабаатиновского типа в структуре культурного комплекса Кукутень-Триполье. МАСП 13, 2015, 1-26.
- Burdo 2016:** N.B. Burdo, Keramika „tipa Kukuten' C” v keramicheskikh ansamblakh kul'turnogo kompleksa Kukuten'-Tripol'e (postanovka probleme i kratkaia istoriografia). Tyragetia X [XXV], 1, 2016, 7-38 // Н.Б. Бурдо, Керамика «типа Кукутень С» в керамических ансамблях культурного комплекса Кукутень-Триполье (постановка проблемы и краткая историография). Tyragetia X [XXV], 1, 2016, 7-38.
- Burdo 2018:** N.B. Burdo, Struktura i sotsial'nye modeli kul'tury Kukuten' A – Tripol'e VI. Stratum plus 2, 2018, 17-34 // Н.Б. Бурдо, Структура и социальные модели культуры Кукутень А – Триполье VI. Stratum plus 2, 2018, 17-34.
- Chernysh 1962:** E.K. Chernysh, K istorii naseleniia eneoliticheskogo vremeni v Srednem Pridnestrov'e (po materialam mnogoslainogo poseleniia u s. Nezvisko). In: (ed. T.S. Passek) Neolit i eneolit Iuga Evropeiskoi chasti SSSR. MIA SSSR, 102 (Moskva 1962), 5-85 // Е.К. Черныш, К истории населения энеолитического времени в Среднем Приднестровье (по материалам многослойного поселения у с. Незвиско). В: (ред. Т.С. Пассек) Неолит и энеолит Юга Европейской части СССР. МИА СССР, 102 (Москва 1962), 5-85.
- Chernysh, Masson 1982:** E.K. Chernysh, V.M. Masson, Eneolit Pravoberezhnoi Ukrainy i Moldavii. In: (red. V.M. Masson, N.Ia. Merpert) Eneolit SSSR. Arkheologiiia SSSR (Moskva 1982), 165-320 // Е.К. Черныш, В.М. Массон, Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В: (ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт) Энеолит СССР. Археология СССР (Москва 1982), 165-320.
- Chirica et al. 1999:** V. Chirica, C.-M. Mantu, S. Țurcanu (eds.), Scânteia. Cercetare arheologică și restaurare. Catalog de expoziție (Iași 1999).
- Dergachev 1980:** V.A. Dergachev, Pamiatniki pozdnego Tripol'ia (opyt klassifikatsii) (Kishinev 1980) // В.А.

Дергачев, Памятники позднего Триполья (опыт классификации) (Кишинев 1980).

Dobrovols'kii 1952: A.V. Dobrovols'kii, Pershe Sabatiniv's'ke poselennia. Arkheologichni pam'iatki URSS IV, 1952, 78-88 // А.В. Добровольский, Перше Сабатинівське поселення. Археологічні пам'ятки УРСР IV, 1952, 78-88.

Dumitrescu 1963: Vl. Dumitrescu, Originea și evoluția culturii Cucuteni-Tripolie, I. SCIV XIV, 1, 1963, 51-78.

Dumitrescu 1974: Vl. Dumitrescu, Aspecte regionale in aria de răspîndire a culturii Cucuteni, în cursul primei sale faze de dezvoltare. SCIVA 25, 4, 1974, 545-554.

Elburg 2013: R. Elburg, Bandkeramik anders: Een Vroeg-Neolithische waterput uit Altscherbitz (Saksen, Duitsland). Archeologie 14, 2013, 14-27.

Kadrow 2013: S. Kadrow (red.), Bilcze Złote. Materiały kultury Trypolskiej ze stanowisk Werteba i Ogród (Kraków 2013).

Klein 1978: L.S. Klein, Arkheologicheskie istochniki. Uchebnoe posobie (Leningrad 1978) // Л.С. Клейн, Археологические источники. Учебное пособие (Ленинград 1978).

Klein 2001: L.S. Klein, Printsipy arkheologii (Sankt-Petersburg 2001) // Л.С. Клейн, Принципы археологии (Санкт-Петербург 2001).

Kozhin 1984: P.M. Kozhin, Tipologiya drevnei material'noi kul'tury Evrazii (neolit – zheleznyi vek). In: (ed. M.V. Kriukov, A.I. Kuznetsov) Tipologiya osnovnykh elementov traditsionnoi kul'tury (Moskva 1984), 201-220 // П.М. Кожин, Типология древней материальной культуры Евразии (неолит – железный век). В: (ред. М.В. Крюков, А.И. Кузнецов) Типология основных элементов традиционной культуры (Москва 1984), 201-220.

Kozhin 1989: P.M. Kozhin, Znachenie keramiki v izuchenii drevnikh etnokul'turnykh protsessov. In: (ed. V.I. Molodin) Keramika kak istoricheskii istochnik (Novosibirsk 1989), 54-70 // П.М. Кожин, Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов. В: (ред. В.И. Молодин) Керамика как исторический источник (Новосибирск 1989), 54-70.

Kozhin 1994: P.M. Kozhin, Drevneishee proizvodstvo i arkheologicheskaya geneticheskaya tipologiya. In: (ed. Iu.L. Shchapova) Istoriia i evoliutsiia drevnikh veshchei (Moskva 1994), 122-128 // П.М. Кожин, Древнейшее производство и археологическая генетическая типология. В: (ред. Ю.Л. Шапова) История и эволюция древних вещей (Москва 1994), 122-128.

Kozhin 2011: P.M. Kozhin, Kitai i Tsentral'naia Aziia do epokhi Chingiskhana: problemy paleokul'turologii (Moskva 2011) // П.М. Кожин, Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии (Москва 2011).

Kozhin 2014: P.M. Kozhin, Proiskhozhdenie i razvitie keramicheskogo proizvodstva i raspisnoi ornamentatsii glinianoi posudy. Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 5 (Moskva 2014), 112-126 // П.М. Кожин, Происхождение и развитие керамического производства и расписной орнаментации глиняной посуды. Труды Маргианской археологической экспедиции 5 (Москва 2014), 112-126.

Kozhin 2016: P.M. Kozhin, Predislovie. In: I.V. Palaguta, Tripol'skaia kul'tura v nachale razvitogo perioda (BI): otноситel'naia khronologiya i lokal'nye varianty pamiatnikov (Kiev 2016), 13-23 // П.М. Кожин, Предисловие. В: И.В. Палагута, Трипольская культура в начале развитого периода (BI): относительная хронология и локальные варианты памятников (Киев 2016), 13-23.

Lazarovici, Lazarovici 2010: G. Lazarovici, C.-M. Lazarovici, Despre fazele A1 ale Grupelor Ariuşd și Cucuteni. ANGVSTIA 14, 2010, 27-108.

Lazarovici, Lazarovici 2012: C.-M. Lazarovici, G. Lazarovici, Ruginoasa – Dealul Drăghici. Monografie Arheologică (Suceava 2012).

Nițu 1980: A. Nițu, Criterii actuale pentru clasificarea complexelor ceramice și periodizarea etapelor culturii cucuteniene. Cercetări istorice XI (1978-1979), 1980, 135-210.

Palaguta 1999: I.V. Palaguta, O sostave keramicheskikh kompleksov tripol'skikh pamiatnikov (po materialam poselenii srednego Tripol'ia). Vestnik MGU, seriia 8, istoriia 6, 1999, 68-86 // И.В. Палагута, О составе керамических комплексов трипольских памятников (по материалам поселений среднего Триполья). Вестник МГУ, серия 8, история 6, 1999, 68-86.

Palaguta 2003: I.V. Palaguta, O kriteriiakh dlia sravneniia keramicheskikh kompleksov pamiatnikov rannezemledel'cheskikh kul'tur Iuga Vostochnoi Evropy. In: (ed. O.G. Korvin-Piotrov's'kii) Tripil's'ki poselennia-giganti. Materiali mizhnarodnoi konferentsii (Kiiv 2003), 98-101 // И.В. Палагута, О критериях для сравнения керамических комплексов памятников раннеземледельческих культур Юга Восточной Европы. В: (ред. О.Г. Корвин-Піотровський) Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції (Київ 2003), 98-101.

Palaguta 2007: I. Palaguta, Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites. BAR International series, 1666 (Oxford 2007).

Palaguta 2009: I. Palaguta, "Technical decoration" of the Tripolye Ceramics. Archaeology, Ethnology & Anthro-

pology of Eurasia 37 (2), 2009, 85-91.

Palaguta 2011: I.V. Palaguta, Etnoarkheologiya i izuchenie drevnego goncharstva. In: (ed. B.A. Baitanaev) Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 20-letiiu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiiu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (12-15 dekabria 2011 g., g. Almaty). Tom 3 (Almaty 2011), 185-191 // И.В. Палагута, Этноархеология и изучение древнего гончарства. В: (ред. Б.А. Байтанаев) Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (12-15 декабря 2011 г., г. Алматы). Том 3 (Алматы 2011), 185-191.

Palaguta 2016: I.V. Palaguta, Tripol'skaia kul'tura v nachale razvitogo perioda (BI): odnositel'naia khronologiya i lokal'nye varianty pamiatnikov (Kiev 2016) // И.В. Палагута, Трипольская культура в начале развитого периода (BI): относительная хронология и локальные варианты памятников (Киев 2016).

Palaguta, Starkova 2018: I.V. Palaguta, E.G. Starkova, Problems of the relative chronology of the Tripolye-Cucuteni and neighbouring cultures in the Balkan-Carpathian area: 14C dates and archaeological materials. In: (ed. E.N. Nosov et al.) Principles and Methods of Dating in Archaeology (Neolithic – Middle Ages) (Saint Petersburg 2018), 99-125.

Passek 1935: T. Passek, La céramique Tripolienne (Moscow, Leningrad 1935).

Passek 1949: T.S. Passek, Periodizatsiya tripol'skikh poselenii. MIA SSSR 10, 1949 // Т.С. Пассек, Периодизация трипольских поселений. МИА СССР 10 (Москва; Ленинград 1949).

Passek 1961: T.S. Passek, Rannezemledel'cheskie (tripol'skie) plemena Podnestrov'ia. MIA SSSR 84, 1961 // Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья. МИА СССР 84, 1961.

Passek, Rikman 1959: T.S. Passek, E.A. Rikman, Rets.: R. Vulpe, Izvoare, 1957. SA 4, 1959, 262-268 // Т.С. Пассек, Э.А. Рикман, Рец.: Р. Вулпе. Izvoare, 1957. СА 4, 1959, 262-268.

Popova 2003: T.A. Popova, Mnogosloinoe poselenie Polivanov Iar. K evoliutsii tripol'skoi kul'tury v Srednem Podnestrov'e (Sankt-Petersburg 2003) // Т.А. Попова, Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднепровье (Санкт-Петербург 2003).

Popovici 2000: D.-N. Popovici, Cultura Cucuteni. Faza A. Repertoriul așezărilor (1) (Piatra-Neamț 2000).

Rakhno 2012: K. Rakhno, Rets.: N. Burdo, Sakral'nii svit tripil's'koï tsivilizatsii (Kiïv 2008), 296 s. Bibliografiia ukrains'kogo goncharstva, 2008. Natsional'nii naukovii shchorichnik 10 (Opishne 2012), 170-174 (<https://kostyantyn1979.livejournal.com/245262.html>, 19.07.2019) // К. Рахно, Рец.: Н. Бурдо, Сакральный світ трипільської цивілізації (Київ 2008), 296 с. Бібліографія українського гончарства, 2008. Національний науковий щорічник 10 (Опішне 2012), 170-174 (<https://kostyantyn1979.livejournal.com/245262.html>, 19.07.2019).

Ryzhov 1990: S.N. Ryzhov, Mikrokhnologiya tripol'skogo poseleniia u s. Tal'ianki. In: (ed. V.G. Zbenovich) Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine: tezisy dokladov i polevogo seminaru (Kiev 1990), 83-90 // С.Н. Рыжов, Микрохронология трипольского поселения у с. Тальянки. В: (ред. В.Г. Збеневич) Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: тезисы докладов I полевого семинара (Киев 1990), 83-90.

Saile et al. 2016: T. Saile, M. Posselt, M. Dębiec, D. Kiosak, T. Tkachuk, Zwei Magnetometerprospektionen auf ukrainischen Fundstellen des Cucuteni-Tripolje-Komplexes an Dnjestr und Südlichem Bug. Archäologisches Korrespondenzblatt 46, 2016, 465-477.

Schmidt 1932: H. Schmidt, Cucuteni in der oberen Moldau, Rumanien. Die befestigte Siedlung mit bemalten Keramik von der SteinKupferzeit in bis die vollentwickelte Bronzezeit (Berlin, Leipzig 1932).

Smirnova et al. 2018: G.I. Smirnova, M.Iu. Vakhtina, M.T. Kashuba, E.G. Starkova (Prilozheniia: K.B. Kalinina, A. Zakos'tsel'na, M. Kershner, Kh. Mommzen, S.V. Khavrin), Gorodishche Nemirov na reke Iuzhnyi Bug. Po materialam raskopok v XX veke iz kollektzii Gosudarstvennogo Ermitazha i Nauchnogo arkhiva IIMK RAN (Sankt-Petersburg 2018) // Г.И. Смирнова, М.Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба, Е.Г. Старкова (Приложения: К.Б. Калинина, А. Закосъцельна, М. Кершнер и Х. Моммзен, С.В. Хаврин). Городище Немиров на реке Южный Буг. По материалам раскопок в XX веке из коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН (Санкт-Петербург 2018).

Sorokin 1990: V.Ia. Sorokin, K probleme khronologii pamiatnikov srednego Tripol'ia v Moldavii. In: (ed. V.G. Zbenovich) Rannezemledel'cheskie poseleniia-giganty tripol'skoi kul'tury na Ukraine: tezisy dokladov i polevogo seminaru (Kiev 1990), 94-101 // В.Я. Сорокин, К проблеме хронологии памятников среднего Триполья в Молдавии. В: (ред. В.Г. Збеневич) Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: тезисы докладов I полевого семинара (Киев 1990), 94-101.

- Sorokin 1997:** V. Sorokin, Considerații referitoare la așezările fazei Cucuteni A – Tripolie BI din Ucraina și Republica Moldova. MA XXI, 1997, 7-83.
- Sorochin 2002:** V. Sorochin, Aspectul regional cucutenian Drăgușeni-Jura (Piatra-Neamț 2002).
- Starkova 1998:** E.G. Starkova, Stastika i planigrafia keramicheskogo kompleksa tripol'skogo poseleniia Bodaki: po materialam postroek. In: (ed. D.G. Savinov) Poseleniia: sreda, kul'tura, sotsium. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 6-9 oktiabria 1998. (Sankt-Petersburg 1998), 68-72 // E.G. Старкова, Статистика и планиграфия керамического комплекса трипольского поселения Бодаки: по материалам построек. В: (ред. Д.Г. Савинов) Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 6-9 октября 1998 г. (Санкт-Петербург 1998), 68-72.
- Starkova 2013:** E. Starkova, The Krinichki settlement (Tripolye culture): old collections revisited. Reports of the State Hermitage Museum LXX, 2013, 5-17.
- Tsybeskov 1971:** V.P. Tsybeskov, Nekotorye itogi issledovaniia Berezovskogo poseleniia. MASP 7, 1971, 187-192 // В.П. Цыбесков, Некоторые итоги исследования Березовского поселения. МАСП 7, 1971, 187-192.
- Ursulescu, Ignătescu 2003:** N. Ursulescu, S. Ignătescu, Preutești – Haltă. O așezare cucuteniană pe valea Șomuzului Mare (Iași 2003).
- Vinogradova 1983:** N.M. Vinogradova, Plemena Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia v period rastsveta tripol'skoi kul'tury (periodizatsiia, khronologiiia, lokal'nye varianty) (Kishinev 1983) // Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (периодизация, хронология, локальные варианты) (Кишинев 1983).
- Zbenovich 1989:** V.G. Zbenovich, Rannii etap tripol'skoi kul'tury na territorii Ukrainy (Kiev 1989) // В.Г. Збенович, Ранний этап трипольской культуры на территории Украины (Киев 1989).

Илья Палагута, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой искусствоведения, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Соляной пер. 13, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: ipalaguta@yandex.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfa din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Анастасия Корохина

Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу

Keywords: ceramics, Bronze Age, Bondarikha culture, classification, typology, statistical methods.

Cuvinte cheie: ceramică, epoca bronzului, cultura Bondarikha, clasificare, tipologie, metode statistice.

Ключевые слова: керамика, бронзовый век, бондарихинская культура, классификация, типология, статистические методы.

Anastasia Korokhina

Ceramics of the Bondarikha culture: approach to morphological analysis

The paper presents the results of morphological analysis of ceramics of the Bondarikha culture, including its classification and basic statistical analysis. The classification is based on a combination of empirical and statistical methods of grouping the material. In its framework, the quantitative and qualitative chronological markers for two groups of sites were assigned: early (the first two stages of the culture, XII-X BC) and late (the final stage of the culture, IX BC). The analysis by the method of V.F. Gening allowed distinguishing the standard of the Bondarikha culture ceramic tradition in the system of attributes-form indexes and average differences of chronological groups according to some form indexes. Its results can be used in comparison with ceramic assemblages at the intercultural level, clarification of their cultural attribution and dating.

Anastasia Korokhina

Ceramica culturii Bondarikha: abordarea analizei morfologice

În articol se prezintă rezultatele analizei morfologice a ceramicii culturii Bondarikha, inclusiv, clasificarea și analiza statistică a acesteia. Clasificarea se bazează pe o combinație de metode empirice și statistice de grupare a materialului. În cadrul său se identifică markeri cronologici cantitativi și calitativi pentru două grupe de monumente: timpurii (primele două etape ale culturii, secolele XII-X a.Chr.) și târzii (etapa finală a culturii, secolul IX a.Chr.). Analiza bazată pe metodologia propusă de V.F. Gening a permis determinarea unui standard al ceramicii de tradiție bondarikha în sistemul elementelor-indicii ale formei vaselor și a diferențelor cronologici medii ale grupurilor, în funcție de unii parametri ale formelor ceramice. Rezultatele obținute pot fi utilizate în analiza comparativă cu complexele ceramice la nivel intercultural, justificând datarea și atribuirea lor culturală.

Анастасия Корохина

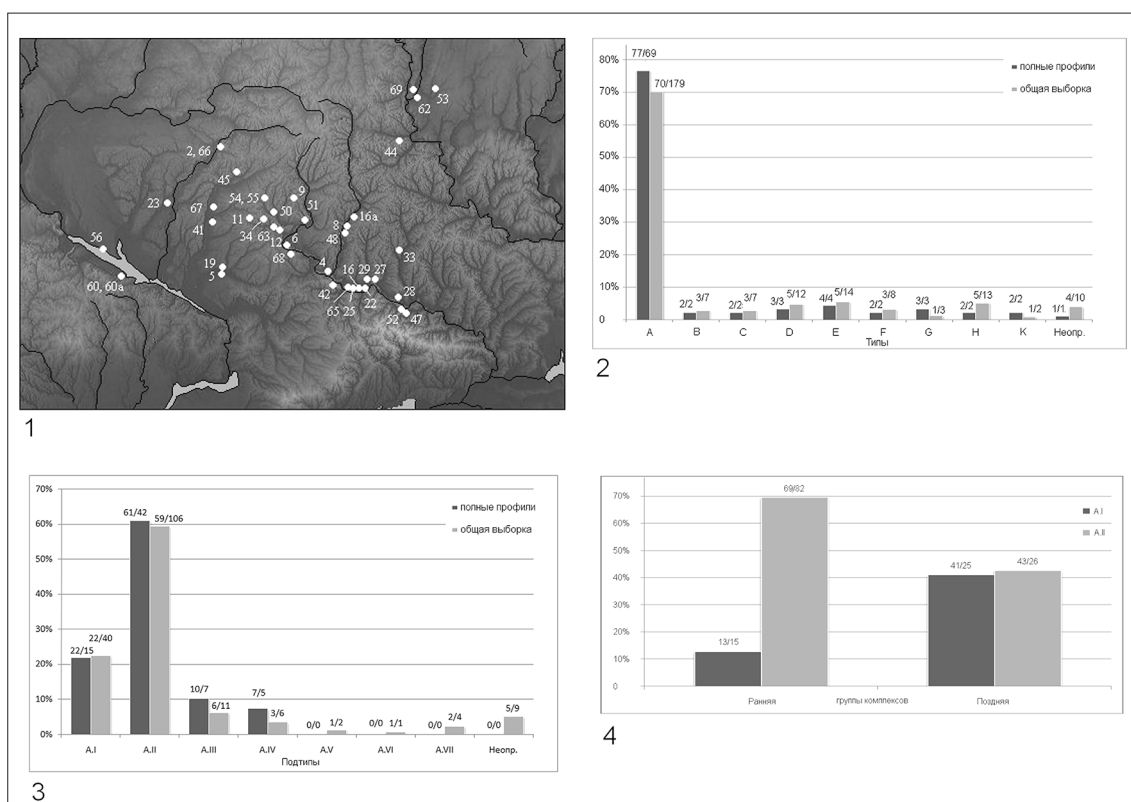
Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу

В статье представлены результаты морфологического анализа керамики бондарихинской культуры, включающего ее классификацию и базовый статистический анализ. Классификация построена на сочетании эмпирических и статистических методов группировки материала. В ее рамках выделены количественные и качественные хронологические маркеры для двух групп памятников: ранней (первые два этапа культуры, XII-X вв. до н.э.) и поздней (заключительный этап культуры, IX в. до н.э.). Анализ по методике В.Ф. Генинга позволил выделить стандарт бондарихинской керамической традиции в системе признаков-указателей формы и среднестатистические различия хронологических групп по некоторым указателям формы. Его результаты могут быть использованы при сравнении керамических комплексов на межкультурном уровне, обосновании их культурной атрибуции и датировки.

Введение

Бондарихинская культура – одно из образований постсрубного времени, которое в своем развитии и взаимодействии с культурным окружением в значительной степени определяло содержание конца эпохи бронзы в лесостепи Днепро-Донского междуречья. Бондарихинская керамика часто является частью многокомпонентных комплексов, состав которых изменяется в зависимости от пространственной и хронологической позиции памятника.

При анализе вопроса исследователи традиционно указывают на широтные связи древнего населения на пространствах евразийских степей. Проявлением этих контактов стало сочетание в коллекциях и взаимное влияние бондарихинской, белогородовско-чернолесской и постсрубной (валиковой восточной) традиций [историография: Romashko 2013, 31-42; Gershkovich 2016, 187-209]. Обсуждается также меридиональное направление культурных связей, в частности, продвижение населения из верхневолжских территорий и его роль в генезисе бондарихинских

Рис. 1. 1 - задействованные керамические коллекции (номера пунктов соответствуют списку в табл. 2; источник бланковой карты: OpenStreetMaps, www.openstreetmap.org); 2 - соотношение типов керамики по данным двух выборок; 3 - соотношение подтипов типа А по данным двух выборок; 4 - соотношение подтипов А.І и А.ІІ в хронологических группах.

Fig. 1. 1 - involved ceramics assemblages (sites numbers correspond to the list in table 2; blank map source: OpenStreetMaps, www.openstreetmap.org); 2 - ratios of pottery types in two samples; 3 - ratios of subtypes of type A in two samples; 4 - ratios of subtypes A.I and A.II in chronological groups.

памятников. Составной частью этого процесса, судя по данным источников, явилось взаимодействие северного (как сейчас представляется, раннетекстильного и аким-сергеевского) компонента с сосницким и марьяновским в процессе его трансформации в малобудковский культурный тип [историография: Kogokhina 2011, 20-22; 2012].

Отмеченные аспекты, с одной стороны, актуализируют задачу систематизации бондарихинских керамических коллекций как основного источника для культурно-хронологических построений, с другой – требуют аккуратности при отборе источников для ее разработки. Статья предлагает вниманию читателей вариант морфологического анализа, произведенный автором с учетом этого требования и современного состояния проблем конца эпохи бронзы – переходного к раннему железному веку периода в регионе.

Основная часть

Источники. Для бондарихинской традиции характерно преобладание горшковидных

форм – преимущественно слабопрофилированных, без четкой стандартизации форм, представленных в основном мелкими фрагментами из слоев поселений, что затрудняет их морфологический анализ.

Основу источниковой базы составили коллекции памятников, включающих бондарихинский компонент, рассредоточенные на пространстве всего ареала культуры и хронологически неоднородные (рис. 1,1).

Возникают сложности с атрибуцией комплексов на периферии бондарихинского ареала, в связи с чем в выборку не включались: памятники юга лесной зоны с ощутимым влиянием на керамический комплекс марьяновской традиции, памятники студенокского типа на Северском Донце, а также «бондарихинские» (по Ю.В. Буйнову) комплексы в междуречье Средней Оки и Мокши [Buinov 1981, 9-10, 26-27; 1994, 7; 2015, 150-151]. Последние, вероятно, более оправданно включить в состав культуры текстильной керамики времени фи-

№	Памятник	Полные профили	Неполные профили
2	Барановка	-	2
4	Бондариха-2	3	20
5	Бузовка	-	1
6	Великая Тополяха-1	4(A) / 1(B)	3(A)
8	Большие Базы	1	-
9	Веселое-1	3	5
11	Войтенки	2	5
12	Горбанщина	1	-
16	Диброва	5	-
16а	Жовтневое	-	3
19	Залинейное	1(A) / 1(B)	2(A)
22	Зливки	1	-
23	Зубовка	-	3
25	Ильичевка	-	1
27	Кайдащино-2	2	-
28	Капитаново-б	-	1
29	Карьерное	-	9
33	Лиман	1	-
34	Лысый Горб	7	-
41	Марки-2	1(A) / 3(B)	3(A)
42	Маяки	2	-
44	Мостище-1	-	1
45	Ницаха	-	15
47	Орехово-Донецкое-4	-	4
48	Оскол-1	2	20
50	Песочин	2	-
51	Пятницкое-1	2	-
52	Рай-Стародубовка	-	2
53	Рыкань-2	4	1
54	Родной Край-1	12	21
55	Родной Край-3	2	-
56	Самовица-остров-1	-	2
60	Суботов	-	1
60а	Суботов – Замчище Б. Хмельницкого	-	1
62	Таврово	6	4
63	Тимченки	7(A) / 5(B)	6(A) / 3(B)
65	Усово Озеро	2	1
66	Фомин	-	4
67	Хухра	1	9
68	Червоный Шлях-1	1(A)/1(B)	9(A)
69	Шилово	4	6
Всего	41	91	167
	Общая выборка		257

Табл. 1. Распределение выборок по памятникам. А – поселение; В – могильник/погребение. Номера памятников соответствуют позициям на рис. 1,1.

Table 1. Distribution of samples by sites. A – settlement; B – burial ground/burial. Sites numbers correspond to points in fig. 1,1.

нальной бронзы [Syrovatko 2013], что созвучно высказанным ранее положениям [Folomeev et al. 1988, 183].

В выборку вошли: 1) материалы относительно гомогенных бондарихинских коллекций; 2) сосуды и фрагменты, происходящие из многокомпонентных и многослойных памят-

ников, но демонстрирующие бондарихинские традиции по орнаменту, форме, выделке; 3) экземпляры «столовой» керамики с чертами местной традиции, иногда дополненные выразительным стратиграфическим контекстом (залегание в нижней части бондарихинских жилищ).

Выборка охватывает 41 памятник (рис. 1,1; табл. 1). Не рассматривались миниатюрные сосуды, технологические параметры и особенности формообразования которых имеют свои особенности¹. В результате были сформированы две выборки, по каждой из которых анализировался доступный набор признаков: 1) выборка полных профилей (90 экз.); 2) общая выборка, включающая полные и неполные, но диагностические профили (255 экз.).

Следует отметить, что качество и полнота данных по отобранным комплексам и частям ареала культуры неравнозначны. Основу выборки составляют сосуды, отобранные из коллекций Северского Подонцовья и левых лесостепных притоков Днепра, обработанные автором непосредственно (Бондариха-2, Оскол-1, Ницаха, Хухра, Родной Край-1 и др.), тогда как материалы других территорий учитывались преимущественно по публикациям, часто неполным. В целом, на данном этапе решалась задача общей характеристики морфологических стандартов, бытовавших в рамках культуры, с учетом необходимости их уточнения для конкретных памятников и их территориальных групп (прежде всего, донских).

Для анализа хронологических изменений памятники были разбиты на две хронологические группы: 1) ранняя группа (два первых этапа бондарихинской культуры, соответствующее времени НаА-НаВ1); 2) поздняя группа (поздний этап культуры, НаВ2 или начало предскифского периода)². Распределение сосудов по хронологическим группам показывает, что общие выборки по каждому периоду примерно сбалансированы по объему и репрезентативны (табл. 2).

Методика. Эксперименты с обработкой материала по разным методикам позволили выделить две методики, по мнению автора, наиболее соответствующие особенностям материала при решении задач его систематизации для целей культурно-хронологических построений: 1) традиционная эмпирическая классификация в сочетании с методами статистики; 2) морфологический анализ по методике В.Ф. Генинга. Сразу отметим охват при использовании такого подхода двух различных планов

анализа керамического материала (поиск внутрикультурных закономерностей и возможность межкультурных сравнений), о чем речь пойдет ниже.

Первая методика широко распространена в археологических исследованиях и преследует задачу поиска естественных границ и связей в структуре материала, причем эмпирические способы ее решения часто достаточно результативны [Shepard 1985, 97-99]. Ее итогом, как правило, является построение классификации, основанной на интуиции исследователя, общих функциональных стереотипах, а также – отмечаемых интуитивно (или при помощи статистических методов) ассоциациях признаков [Rice, 1987, 215-217]³. При эмпирической классификации, как правило, комплексно учитываются признаки структуры и формы емкостей, параметры объема и/или неморфологические признаки.

Особенностью второй примененной методики, методики В.Ф. Генинга [Gening 1973; 1992], является систематизация материала на основе количественных признаков (пропорций) в рамках условных интервалов, границы которых могут не соответствовать его «естественной структуре». В определенной степени метод также учитывает функциональный аспект, выраженный оценками размеров сосудов и их частей. В целом он обеспечивает несложную объективную процедуру широкого сравнительного анализа керамических комплексов, в том числе – на межкультурном уровне. Такой подход кажется пока наиболее адекватным для сравнения типологически нестандартизированных керамических комплексов и уже практически применяется при анализе коллекций эпохи бронзы и раннего железного века [Peliashenko 2014; Mylnikova 2015]. Для наименования структурных частей сосудов использовалась и предложенная В.Ф. Генингом терминология [Gening 1992, ris. 1].

Результаты исследования

Представленная в работе *эмпирическая классификация* учитывает только морфологические признаки, предположительно определяющие функциональное назначение сосудов. На каждом уровне они не однотипны для выделенных таксонов: в одном случае функцию мог определять набор структурных частей, в другом – общие пропорции, в третьем – наличие спец-

1. По предварительным данным (замерам по внешнему контуру профилей), миниатюрными можно считать сосуды объемом менее 0,13 л.

2. Во вторую группу включены, среди прочих, материалы поселения Оскол-1, представляющие, видимо, переход от классического к позднему этапу культуры.

3. В англоязычной литературе этот подход получил название «inferred use classification».

Группа комплексов	Полные профили	Неполные профили	Общая выборка
Ранняя	64	95	159
Поздняя	29	71	100

Табл. 2. Распределение выборок по хронологическим группам комплексов.

Table 2. Distribution of samples by chronological groups.

ифической структурной части (ручек и т.п.), либо необычная форма или пропорции какой-либо структурной части/частей. Нередко типологическое значение имеет способ оформления профиля (например, плавный или «ломанный» переход между структурными частями).

Схема классификации включает следующие уровни: 1) *типы* – учитывают наиболее существенные различия сосудов по структуре; 2) *подтипы и варианты* выделялись на основе выразительных различий сосудов по качественным и/или количественным признакам. Схема классификации представлена на рис. 2. Ее краткое описание приводится ниже.

Тип А – горшки плоскодонные (рис. 2-3, 4, А.IV-А.VII)⁴.

Подтип А.I – горшки плоскодонные открытые, с ломанным профилем. Подтип является «маркером» бондарихинской традиции (рис. 3). Его характерные признаки: специфические пропорциональные стандарты в сочетании с особенностями профилировки. Последние, вероятно, связаны с

4. В рисунках 3-6 использованы материалы публикаций Ю.М. Бровендера, С.С. Березанской, Ю.В. Буйнова, Я.П. Гершковича, В.Н. Горбова, Ю.Г. Екимова, В.Р. Иваницкого, В.А. Ильинской, Г.Т. Ковпаненко, Э.Е. Кравченко, Д.П. Куштана, Ю.П. Матвеева, В.А. Подобеда, В.А. Ромашко, А.В. Супруна, С.А. Телиженко, Б.Г. Тихонова, А.Н. Усачука, В.В. Цимиданова.

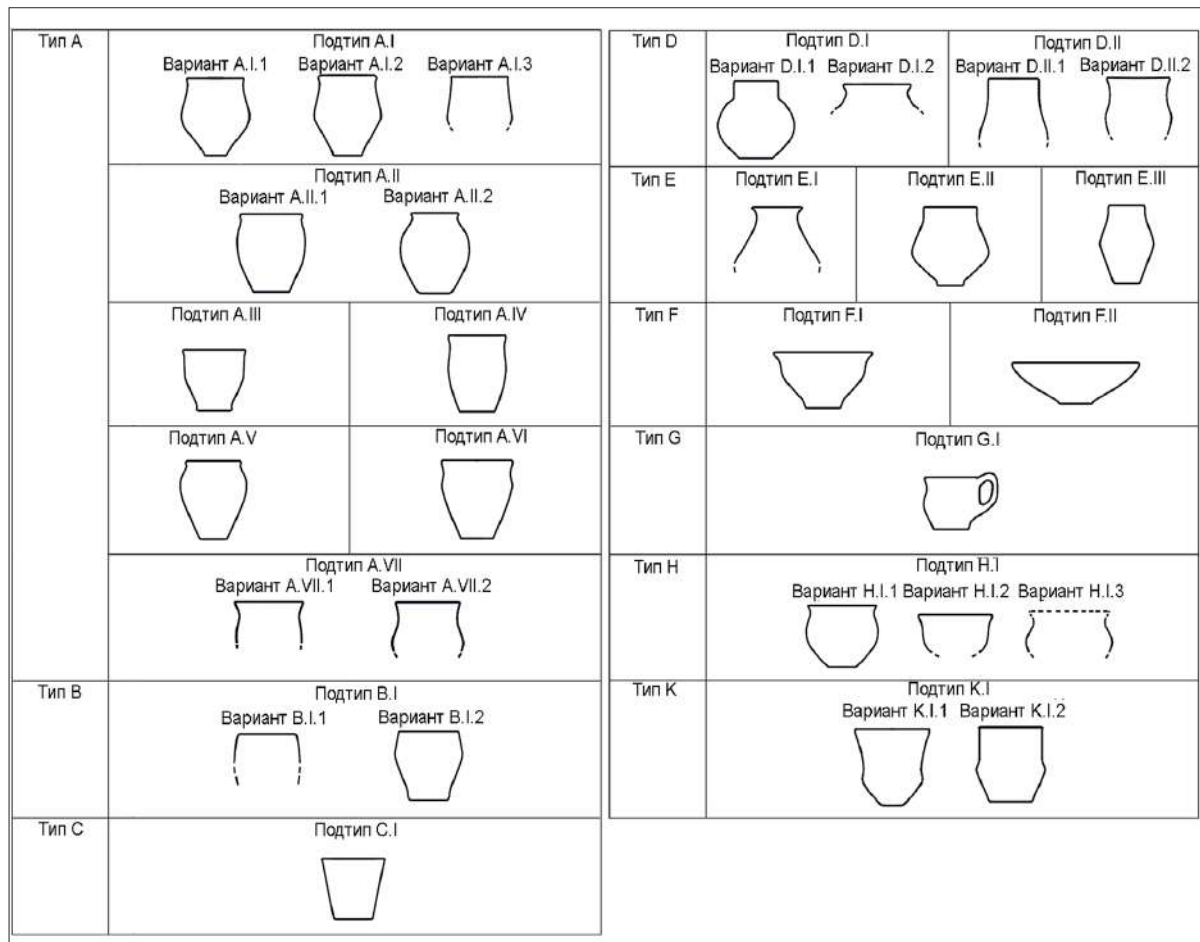

Рис. 2. Схема морфологической классификации.

Fig. 2. Morphological classification scheme.

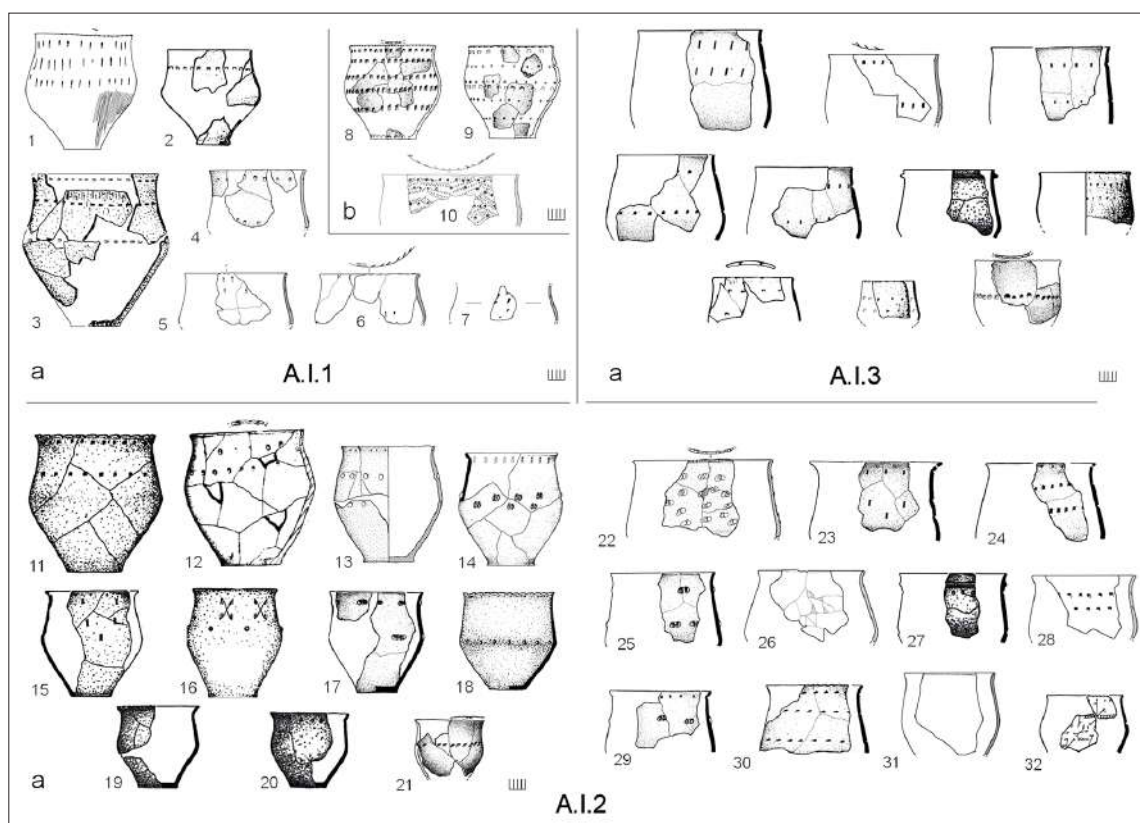

Рис. 3. Классификация выборки. а – керамика из бондарихинских памятников; б – керамика из памятников с бондарихинским компонентом.

Fig. 3. Sample classification. a – ceramics from the Bondarikha Culture sites; b – ceramics from sites with.

технологией формовки сосудов, когда их нижняя часть изготавливалась отдельно, подсушивалась дном вверх (вследствие чего стенки нижней части ранних экземпляров выглядят просевшими внутрь), после чего надстраивалось плечо.

Вариант А.І.1 – у этих горшков подтипа А.І стенки плеча и/или придонной части слегка вогнуты внутрь, при относительно плавном переходе между ними (вариант «Большие Базы») (рис. 3, А.І.1).

Вариант А.І.2 – стенки плеча и придонной части прямые, переход между ними резкий. Характерный признак – четко выделенная и, как правило, сильно отогнутая шейка (рис. 3, А.І.2).

Вариант А.І.3 – в этот вариант включены сосуды, которые нельзя однозначно отнести к предыдущим двум группам. Прямые стенки плеча и четкий перегиб тулова (признаки варианта А.І.2) в них сочетаются со слабо отогнутой шейкой. Иногда такие сосуды напоминают банки с резким перегибом тулова (рис. 3, А.І.3).

Подтип А.ІІ – горшки плоскодонные округлобокие. Наиболее многочисленная группа, отличающаяся слабой стандартизацией форм

(рис. 4, А.ІІ.1, А.ІІ.2).

Вариант А.ІІ.1 – со слабым наклоном плеча (рис. 4, А.ІІ.1).

Вариант А.ІІ.2 – со значительным наклоном плеча (рис. 4, А.ІІ.2).

Подтип А.ІІІ – горшки плоскодонные «колоколовидные». Сосуды небольших размеров, с вертикальными стенками плеча (рис. 4, А.ІІІ).

Подтип А.ІІІІ – горшки плоскодонные «узких» пропорций. От подтипа А.ІІ отличаются общими пропорциями (соотношение высоты и диаметра боков >1,2) (рис. 5, А.ІІІІ).

Подтип А.ІІV – горшки плоскодонные, с резким перегибом в первой трети высоты. Плечо резко отогнуто, с прямой стенкой и резким переходом к придонной части (рис. 5, А.ІІV).

Подтип А.ІІVI – горшки плоскодонные, с высокой шейкой «широких» пропорций. Выделяется по признаку соотношения высоты шейки и плеча (высота шейки $\geq$ высоты плеча). При этом шейка и плечо отличаются более широкими пропорциями, чем у сосудов подтипа А.ІІVII (рис. 5, А.ІІVI).

Подтип А.ІІVII – горшки плоскодонные, с вы-

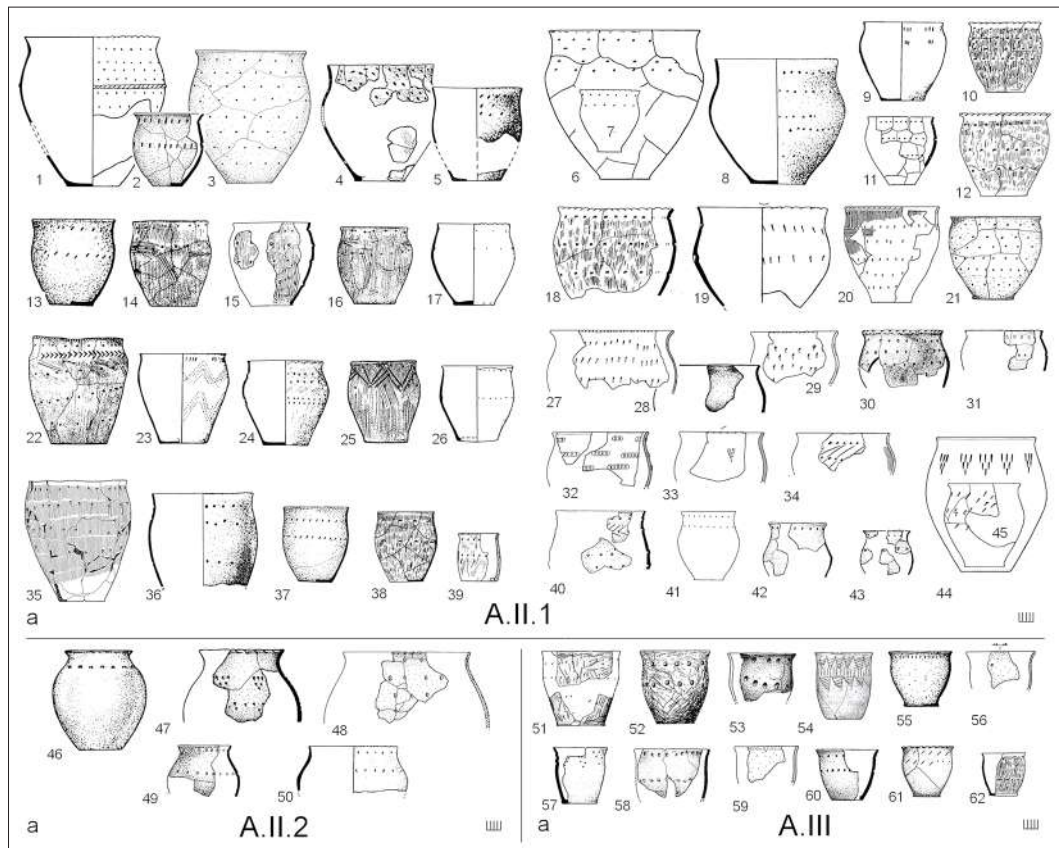

Рис. 4. Классификация выборки (продолжение). а – керамика из бондарихинских памятников.

Fig. 4. Sample classification (continued). a – ceramics from the Bondarikha Culture sites.

сокой шейкой «узких» пропорций. Шейка и плечо имеют более «узкие» пропорции в сравнении с подтипом А.VI (рис. 5, А.VII). Вариант А.VII.1 – с резким перегибом тулова (рис. 5, 15-16). Вариант А.VII.2 – округлобокие (рис. 5, 18-20).

Тип В – банковидные плоскодонные (рис. 5, В). Вариант В.I.1 – с резким перегибом тулова (рис. 5, 29-30). Вариант В.I.2 – округлобокие (рис. 5, 31, 36).

Тип С – непрофилированные, стенки которых – прямые, более или менее расширяются кверху (рис. 5, С).

Тип D – кубковидные цилиндрошейные (рис. 5, D.I.1-D.I.2; 6, D.II.1-D.II.2).

Подтип D.I – кубковидные цилиндрошейные, профилированные (рис. 5, D.I.1-D.I.2). Вариант D.I.1 – отличается наличие сформированной шеи с вертикальными стенками, четко отделенной от остальной части сосуда (рис. 5, D.I.1). Вариант D.I.2 – также четко профилированные, но более приземистые. Шея короткая, двучастная⁵ (рис. 5, D.I.2).

Подтип D.II – кубковидные цилиндрошейные, слабо профилированные (рис. 6, D.II.1-D.II.2). Вариант D.II.1 – стенки шеи расширяются книзу и плавно переходят в плечо (рис. 6, D.II.1). Вариант D.II.2 – переход между шейкой и плечом нечеткий, характерна двучастная шейка (рис. 6, D.II.2).

Тип E – кубковидные биконические (рис. 5, E.I; 6, E.II-E.III).

Подтип E.I – кубковидные биконические закрытые (рис. 5, E.I).

Подтип E.II – кубковидные биконические открытые (рис. 6, E.II).

Подтип E.III – кубковидные биконические «узких» пропорций (рис. 6, E.III).

Тип F – миски (рис. 6, F.I-F.II).

Подтип F.I – миски профилированные (рис. 6, F.I).

Подтип F.II – миски непрофилированные (рис. 6, F.II).

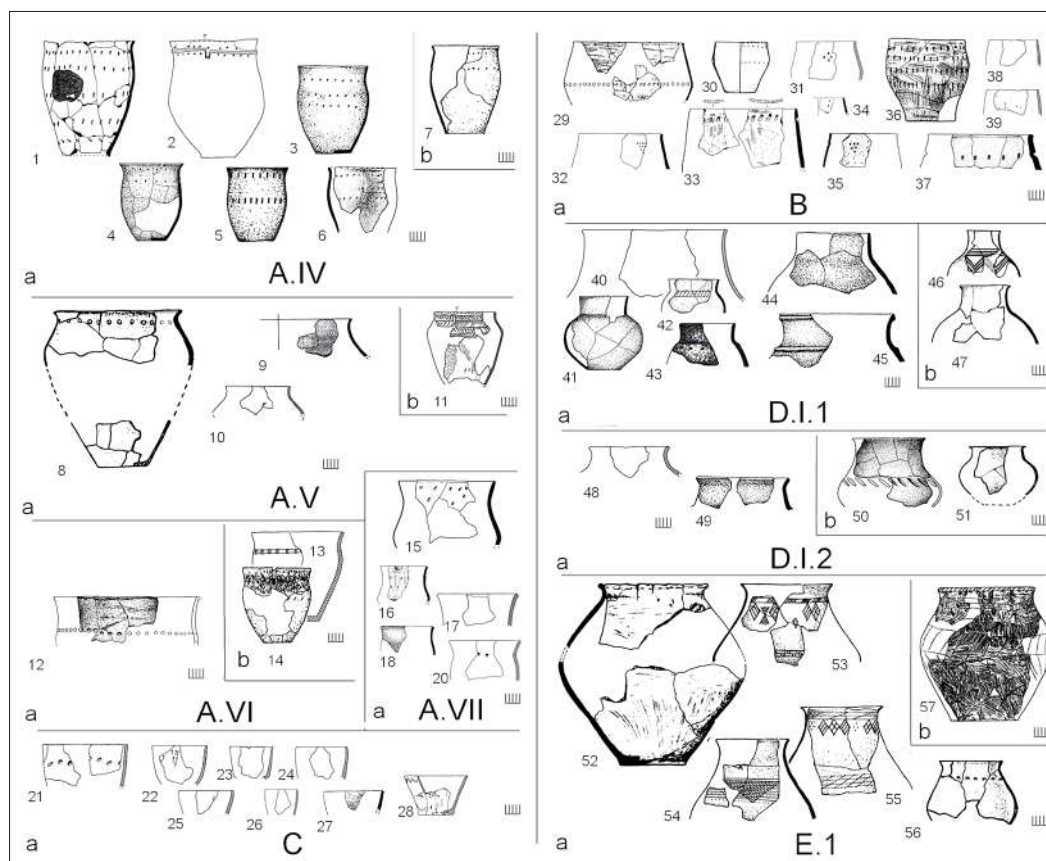
Тип G – черпаки (рис. 6, G).

Тип H – чаши⁶ (рис. 6, H.I-H.III). Вариант

5. Согласно другой методике выделения структурных частей [Bobrinskii 1988], в данном случае речь должна идти

о «щеке» и «шее».

6. В публикациях иногда определены как «лощенные миски».

Рис. 5. Классификация выборки (продолжение). а – керамика из бондарихинских памятников; б – керамика из памятников с бондарихинским компонентом.

Fig. 5. Sample classification (continued). a – ceramics from the Bondarikha Culture sites; b – ceramics from sites with Bondarikha component.

Н.1.1 – закрытые (рис. 6,Н.1), стенки плеча которых незначительно наклонены внутрь. Вариант *Н.1.2* – открытые (рис. 6,Н.2). *Вариант Н.1.3* – закрытые, с двучастной шеей (рис. 6,Н.3).

Тип К – в тип условно объединены малочисленные экземпляры с шеей, которая занимает около $\frac{1}{2}$ общей высоты сосуда (рис. 6,К).

Хронологические маркеры по данным классификации.

Сравнение соотношения типов по данным двух выборок (рис. 1,2) показывает абсолютное преобладание типа А (70-77%). Доля каждого из остальных типов не превышает 5%.

На следующем этапе проверялось количественное соотношение подтипов, выделенных в рамках типа А (рис. 1,3). Результаты показывают преобладание подтипа А.2 (60%). Около 1/5 всех сосудов составляет подтип А.1. Доля других подтипов не превышает 10%. Таким образом, для дальнейшего сравнения хронологических групп возможно использовать доли подтипов А.1 и А.2.

Однако в данном случае приходится оперировать малочисленными выборками (особенно для хронологической группы 2), в связи с чем результаты следует рассматривать как предварительные.

По данным сравнения хронологических групп (рис. 1,4) заметно, что для комплексов первой группы доля подтипа А.1 (среди сосудов типа А) незначительна, преобладают сосуды А.2. Для последующего периода соотношение обоих подтипов как будто выравнивается. Таким образом, предположительно, соотношение подтипов А.1 и А.2 является одним из хронологических маркеров, отражающих изменение бондарихинской культурной традиции во времени⁷.

К качественным хроноиндикаторам ранней группы отнесены:

1) горшки варианта А.1.1, в то время как вариант А.1.2 представляется их позднейшей

7. Не исключено и то, что эта особенность является отражением локального фактора, поскольку большинство сосудов в выборке, как уже было отмечено, происходят из комплексов бассейна Северского Донца.

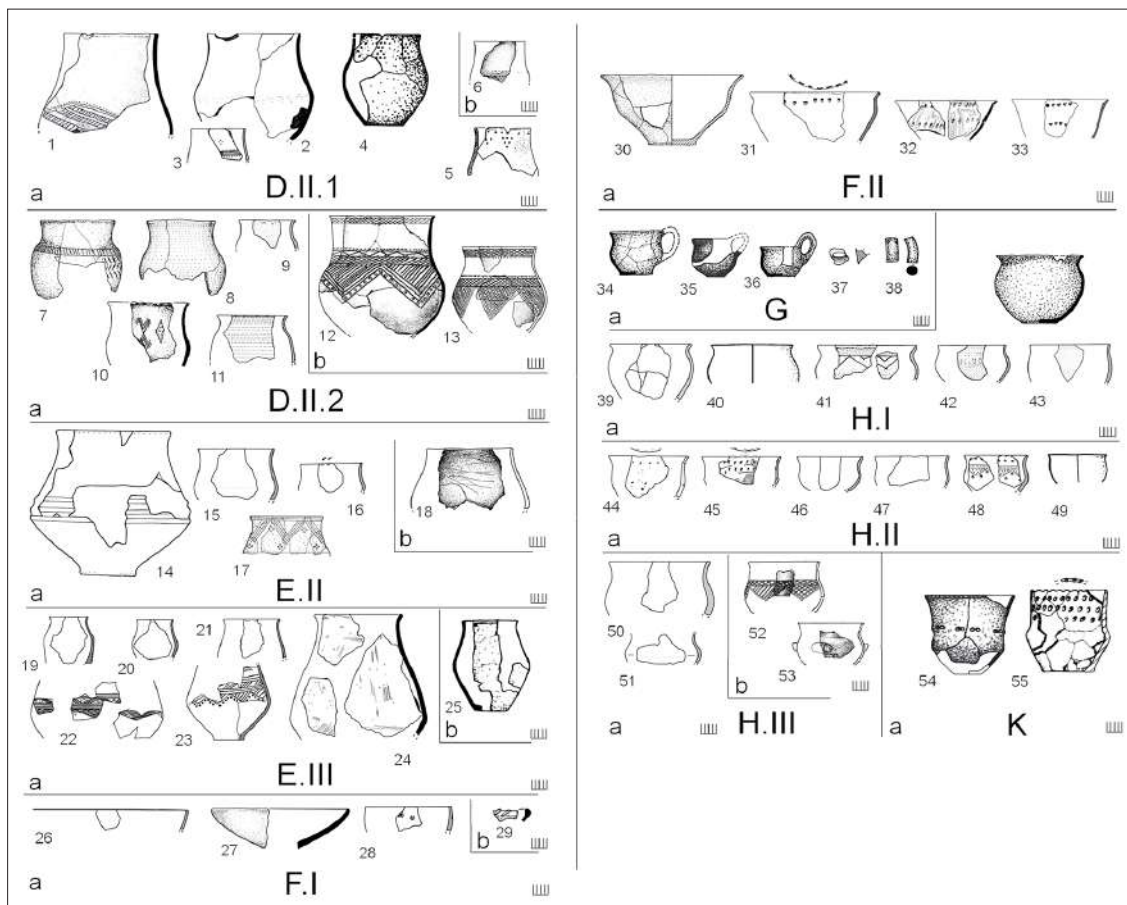

Рис. 6. Классификация выборки (продолжение). а – керамика из бондарихинских памятников; б – керамика из памятников с бондарихинским компонентом.

Fig. 6. Sample classification (continued). a – ceramics from the Bondarikha Culture sites; b – ceramics from sites with Bondarikha component.

разновидностью. Помимо малобудковских и классических бондарихинских комплексов (Бондариха-2, Оскол-1, Ницаха, Большие Базы, Бузовка, Лиман), они отмечены в синкретичных марьяновско-бондарихинских коллекциях (Зеленая Горница-4, Малые Будки). Единичные экземпляры встречаются и в более позднее время (Войтенки-1, Родной Край-1);

2) варианты А.V и А.VI. Немногочисленны. Отмечены как в собственно бондарихинских (Бондариха-2, могильник Залинейное, Орехово-Донецкое-4, бондарихинская часть коллекции Карьерного), так и в многокомпонентных коллекциях раннебелозерского времени (Диброва, Студенок-5, Лысый Горб).

Морфологический анализ по методике В.Ф. Генинга.

Использован первый из двух предложенных В.Ф. Генингом вариантов методики, согласно которому учитываются следующие

признаки: 1) высотный указатель ФА; 2) высотногогорловинный указатель ФБ; 3) широтногорловинный указатель ФВ; 4) указатель профилировки шейки ФГ; 5) высотный указатель тулова ФД; 6) высотный указатель плечика ФЕ; 7) указатель выпуклости плечика ФЖ; 8) указатель ширины дна ФИ [Gening 1973, 120-123]. При анализе общей выборки учитывались только показатели ФБ, ФВ, ФГ, ФЖ, описывающие верхнюю часть сосудов.

Суть методики состоит в определении в рамках типов частоты распределения значений указателей формы по пяти интервалам, соответствующим условным оценкам размера («очень малый», «малый», «средний», «большой», «очень большой»). Учитывались также стандартные статистические характеристики вариационного ряда (среднее арифметическое и среднее квадратическое отклонение).

Наиболее показательные результаты дает анализ горшков, которые представлены 67 эк-

	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ
N	67/100%	176/100%	176/100%	176/100%	67/100%	67/100%	176/100%	67/100%
Очень малый	0	176/100%	0	15/8%	0	4/6%	137/78%	0
Малый	0	0	0	3/2%	10/15%	28/42%	37/21%	7/10%
Средний	62/93%	0	0	6/3%	56/84%	33/49%	2/1%	56/84%
Большой	5/7%	0	159/90%	8/5%	1/1%	1/3%	0	4/6%
Очень большой	0	0	17/10%	144/82%	0	1/3%	0	0
ср. зн.	1,050	0,118	0,914	2,393	0,942	0,557	0,077	0,418
δ	0,072	0,034	0,053	1,712	0,068	0,185	0,696	0,096

Табл. 3. Характеристика выборок по методике В.Ф. Генинга.

Table 3. Characteristics of samples according to the method of V.F. Gening.

землярами в выборке полных профилей и 176 экземплярами – в общей выборке. По данным табл. 3, суммирующей данные морфологического анализа горшков, видно, что по большинству показателей тип демонстрирует незначительные вариации. Можно составить своеобразный сред-

нестатистический портрет горшковидного сосуда, характерного для бондарихинской культуры: средних общих пропорций; горловина «очень малой» высоты, но очень широкая; очень сильно отогнутая шейка; тулово средней высоты; плечо – маленькое или среднее, очень слабо выпуклое,

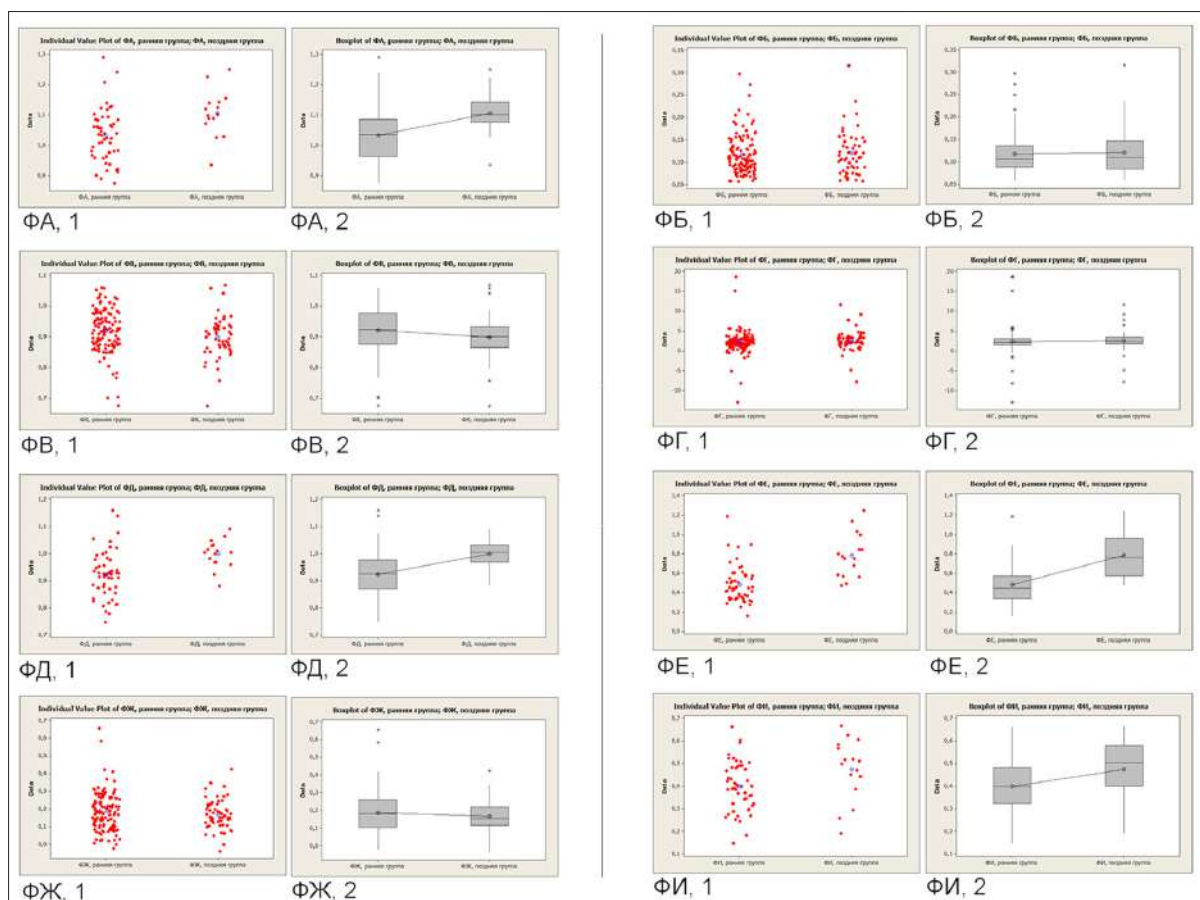

Рис. 7. Результаты двухвыборочных t-тестов для указателей формы горшков.

Fig. 7. Two sample t-tests results for pots form indexes.

дно средней ширины. Ввиду немногочисленности выборки и ее относительной морфологической однородности хронологические группы по указателям формы не сравнивались.

С другой стороны, некоторые интересные результаты может дать сравнение среднеарифметических показателей признаков в рамках хронологических групп. Для решения этой задачи использовался двухвыборочный t-тест, позволяющий оценить, существенно ли с точки зрения статистики отличие средних значений двух выборок с вероятностью 95% [Fedorov-Davydov 1987, 53-57; Bishop 2016, 71]⁸. Результаты показывают (рис. 7)⁹, что горшки поздней хронологической группы в среднем имеют более узкие пропорции (ФА), более низкий показатель ширины горловины (ФВ), более узкие – тулово и плечо (ФД и ФЕ).

Выводы

Основным результатом исследования явилось выделение и первичная систематизация данных о морфологических стандартах бондарихинской керамической традиции.

8. Методически более правильным является применение в данном случае многомерного дисперсионного анализа (MANOVA). Множественные t-тесты не учитывают возможной корреляции переменных, но являются более простой и доступной для понимания техникой.

9. Учитывалось значение вероятности (p) для доверительного уровня 0,05. Описание результатов t-тестов опущено.

Предложенная классификация на данном этапе решает задачу общей характеристики этих стандартов и может быть использована для упорядочения коллекций и уточнения их типологического состава. Хронологическая интерпретация этой схемы, вероятно, не исчерпывает возможностей интерпретации материала, но уже на данном этапе позволяет оперировать хотя и немногочисленными, но достаточно четкими хронологическими маркерами для уточнения относительной хронологии комплексов.

Морфологический анализ по методике В.Ф. Генинга позволил выделить стандарт бондарихинской керамической традиции в системе признаков-указателей формы, а также определить среднестатистические различия хронологических групп комплексов по некоторым указателям формы. Полученные по этой методике результаты могут быть использованы для сравнения керамических комплексов на межкультурном уровне, обосновании их культурной атрибуции и датировки.

Развитие исследований в рамках предложенного направления видится в углубленном анализе керамических коллекций, уточнении морфологических стандартов в рамках памятников и их территориальных групп, сравнении их с данными по синкретичным комплексам и комплексам культурного окружения.

Библиография

- Bishop 2016:** G. Bishop, Statistical modeling for ceramic analysis. In: (ed. A.M. Hunt) *The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis* (Oxford 2006), 58-72.
- Bobrinskii 1988:** A.A. Bobrinskii, Funktsionalnye chasti v sostave emkosti glinianoj posudy. In: (red. A.A. Bobrinskii) *Problemy izucheniia arkheologicheskoi keramiki* (Kuibychev 1988), 5-12 // А.А. Бобринский, Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды. В: (ред. А.А. Бобринский), *Проблемы изучения археологической керамики* (Куйбышев 1988), 5-21.
- Buinov 1981:** Iu.V. Buinov, Bondarikhinskaia kul'tura. Diss. ... kand. ist. nauk (Khar'kov 1981) // Ю.В. Буйнов, Бондарихинская культура. Дисс. ... канд. ист. наук (Харьков 1981).
- Buinov 1994:** Iu.V. Buinov, O kul'turno-khronologicheskoi prinallezhnosti pamiatnikov malobudkovskogo tipa epokhi bronzy. In: (ed. V.I. Kadeev) *Drevnosti* (Khar'kov 1994), 15-28 // Ю.В. Буйнов, О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы. В: (ред. В.И. Кадеев) *Древности* (Харьков 1994), 15-28.
- Buinov 2015:** Iu.V. Buinov, Vostochnopoleskii vektor genezisa pamiatnikov malobudkovskogo tipa finala bronzovogo veka. In: (ed. S.I. Posokhov) *Drevnosti* (Khar'kov 2015), 150-165 // Ю.В. Буйнов, Восточнополюсский вектор генезиса памятников малобудковского типа финала бронзового века. В: (ред. С.И. Посохов) *Древности* (Харьков 2015), 150-165.
- Fedorov-Davydov 1987:** A.S. Fedorov-Davydov. Statisticheskie metody v arkheologii (Kiev 1987) // А.С. Федоров-Давыдов, Статистические методы в археологии (Киев 1987).
- Folomeev et al. 1988:** M.V. Folomeev, A.L. Aleksandrovskii, M.P. Glasko, M.A. Guman, Klimentovskaia stoianka (k voprosu o khoziaistvennoi deiatelnosti cheloveka i razvitiu prirodnoi obstanovki v doline Sredney Oki). *Trudy Go-*

- sudarstvennogo istoricheskogo muzeia 68, 1988, 168-191 // М.В. Фоломеев, А.Л. Александровский, М.П. Гласко, М.А. Гуман, Климентовская стоянка (к вопросу о хозяйственной деятельности человека и развитии природной обстановки в долине Средней Оки). Труды Государственного исторического музея 68, 1988, 168-191.
- Gening 1973:** V.F. Gening, Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. SA 1, 1973, 114-135 // В.Ф. Генинг, Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. СА 1, 1973, 114-135.
- Gening 1992:** V.F. Gening, Drevniaia keramika: metody i programmy issledovaniia v arkheologii (Kiev 1992) // В.Ф. Генинг, Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии (Киев 1992).
- Gershkovich 2016:** Ia.P. Gershkovich, Subotovskoe gorodishche (Kiev 2016) // Я.П. Гершкович, Суботовское городище (Киев 2016).
- Korokhina 2011:** A.V. Korokhina, Keramika bondarikhinskoï kul'turi. Dis. ... kand. ist. nauk (Kiiiv 2011) // А.В. Корохина, Керамика бондарихинської культури. Дис. ... канд. іст. наук (Київ 2011).
- Korokhina 2012:** A.V. Korokhina, Severo-vostochnyi vektor sviazei naseleniia Dnepro-Donskoi Lesostepi v zakliuchitel'nyi period pozdnego bronzovogo veka. In: (ed. S.V. Kuz'minykh, A.A. Chizhevskii) Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (Kazan' 2012), 133-147 // А.В. Корохина, Северо-восточный вектор связей населения Днепро-Донской Лесостепи в заключительный период позднего бронзового века. В: (ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский) Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы (Казань 2012), 133-147.
- Mylnikova 2015:** L.N. Mylnikova, Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri: dialog kul'tur 1. Diss. ... d. ist. nauk (Novosibirsk 2015) // Л.Н. Мыльникова, Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур 1. Дисс. ... д. ист. наук (Новосибирск 2015).
- Peliashenko 2014:** K.Iu. Peliashenko, Lipnii posud naselennia skifskogo chasu Dnipro-Donets'kogo Lisostepu. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Kiiiv 2014) // К.Ю. Пеляшенко, Липний посуд населення скіфського часу Дніпро-Донецького Лісостепу. Автореф. дис. ... канд. іст. наук (Київ 2014).
- Rice 1987:** P.M. Rice, Pottery Analysis. A Sourcebook (Chicago-London 1987).
- Romashko 2013:** V.A. Romashko, Zakliuchitelnyi etap pozdnego bronzovogo veka Levoberezhnoi Ukrainy (po materialam boguslavsko-belozerskoï kul'tury) (Kiev 2013) // В.А. Ромашко, Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) (Киев 2013).
- Shepard 1985:** A.O. Shepard, Ceramics for the archaeologist (Washington 1985).
- Syrovatko 2013:** A.S. Syrovatko, Period final'noi bronzy v Moskvorech'e: sostoianie istochnikov i problema ikh interpretatsii. Tverskoï arkheologicheskii sbornik 9, 2013, 360-373 // А.С. Сыроватко, Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации. Тверской археологический сборник 9, 2013, 360-373.

Анастасия Корохина, кандидат исторических наук, Институт археологии Национальной академии наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина, e-mail: a.v.korokhina@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zanoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Виктория Котенко, Денис Гречко

Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской Лесостепи

Keywords: Tauric Chersonesos, Scythians, Forest-Steppe, Classical and Hellenistic periods, import, ceramics, stamps.

Cuvinte cheie: Chersonesul Tauric, sciți, silvostepă, perioada clasică și elenistică, import, ceramică, ștampile.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, скифы, Лесостепь, классический и эллинистический периоды, импорт, керамика, клейма.

Viktoriia Kotenko, Denis Grechko

Ceramic import of Tauric Chersonesos in the Eastern European Forest-Steppe

The article presents the results of the analysis of the finds of Tauric Chersonesos' ceramics from the settlements and in the barrows of the barbarian population of the South of Eastern Europe of the 4th - the first third of the 3rd centuries BC. After the start of commercial wine and ceramics production in Tauric Chersonesos in about 330 BC, these categories of imports come to the barbarian population mainly through Olbia and the Bosphorus (an emporium on the site of the Elizavetovsky settlement in the mouth of the Don). Chersonesian ceramics is known for the burials of the barbarian aristocracy until the end of the 4th century BC, and in the settlements and hill-forts of Forest-Steppe farmers – until the end of the first third of the 3rd century BC. This asynchrony is associated with two important events in the region – the defeat of the Scythian “protégé” Satire in the struggle for the Bosphorus throne around 310/309 BC. and the large-scale destabilization of the military-political situation in the south of Eastern Europe around 270 BC. The jug from the burial of the necropolis of the Belsk hillfort of the second quarter of the 4th century BC is not related to trade and exchange operations. There is reason to associate its appearance near the warrior from the Forest-Steppe with the participation of the Scythian detachments in the siege of Theodosia by Levkon I.

Viktoriia Kotenko, Denis Grechko

Importul ceramic de la Chersonesus Taurian în silvostepă Estului Europei

În articolul sunt publicate rezultatele analizelor ceramice ale Chersonesului Tauric descoperite în așezările și tumulii populațiilor barbare din sudul Europei de Est în sec. IV – prima treime a sec. III a.Chr. După începerea producerii ceramicii și a vinului pentru comerț, în Chersonesul Tauric aproximativ în anul 330 a.Chr., aceste categorii de import ajung în lumea barbară prin intermediul Olbiei și Bosporului (centrele comerciale din preajma așezării Elizavetovka, de la gura râului Don). Ceramica de Chersones este cunoscută în mormintele aristocrației barbare până la sfârșitul sec. IV a.Chr., iar în așezările și fortificațiile agricultorilor din silvostepă – până la sfârșitul primei treimi a sec. III a.Chr. Această asincronie este legată de două evenimente importante pentru regiune – înfrângerea „protectorului” sciților Satir în lupta pentru tronul Bosporului aproximativ în 310/309 a.Chr. și destabilizarea situației militaro-politice în sudul Europei de Est în jurul anului 270 a.Chr. Ulciorul descoperit într-un mormânt din necropola așezării fortificate de la Belsk din a doua pătrime a sec. IV a.Chr. nu este asociat cu relațiile de schimburi comerciale. Există motive să asociem apariția acestui vas la un războinic din silvostepă cu participarea detașamentelor de sciți la asediul Theodosiei de către Levkon I.

Виктория Котенко, Денис Гречко

Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской Лесостепи

В статье публикуются результаты анализа находок керамики Херсонеса Таврического на поселениях и в курганах варварского населения юга Восточной Европы IV – первой трети III вв. до н.э. После начала товарного производства вина и керамики в Херсонесе Таврическом около 330 г. до н.э., данные категории импорта поступают варварскому населению преимущественно при посредничестве Ольвии и Боспора (эмпорий на месте Елизаветовского городища в устье Дона). Херсонесская керамика известна в погребениях варварской аристократии до конца IV в. до н.э., а на поселениях и городищах земледельцев Лесостепи – до конца первой трети III в. до н.э. Данная асинхронность связана с двумя важными для региона событиями – поражением скифского “протее” Сатира в борьбе за боспорский престол около 310/309 гг. до н.э. и крупномасштабной дестабилизацией военно-политической ситуации на юге Восточной Европы около 270 г. до н.э. Кувшин из погребения некрополя Бельского городища второй четверти IV в. до н.э. не связан с торгово-обменными операциями. Есть основания связывать его появление у воина из Лесостепи с участием скифских отрядов в осаде Феодосии Левконом I.

Изучение характера межэтнических контактов в древности в пределах определенных территорий является важнейшим направлением современных исторических исследований. В этом отношении уникальным регионом является Северное Причерноморье, где в античное время активно взаимодействовали миры эллинов и варваров, причем, как оседлых, так и кочевых. Состояние современной источниковой базы указывает на определенную диспропорцию имеющихся данных относительно контактов конкретных северопонтийских полисов с варварским населением. Так, например, детально разработан вопрос контактов эллинов и варваров в Северо-Западном Причерноморье [Bruiako 2013; Gavriiuk 2014, 40-48; Ostroverkhov, Redina 2013, 399, 404] и, особенно, в Нижнем Побужье [Zubar', Son 2007, 17-21, 40-46, 58-62]¹. Менее изучены контакты населения полисов Таврики с обитателями Лесостепи, так как историография для этих центров, в основном, представлена работами о характере взаимоотношений эллинов с варварами, населявшими преимущественно территорию Крымского полуострова [Dashevskaiia 1991; Marchenko 2005; Kravchenko 2011, 109-113].

В этой связи актуальным является вопрос о существовании контактов Херсонеса Таврического с населением Лесостепи скифского времени, поскольку исследователи уже отмечали важную роль импорта херсонесского вина в Северном Причерноморье [Zubar' 1993, 49-51; Zolotarev 1996, 80-81] и связи данного полиса с античными центрами Северо-Западного Причерноморья (Ольвий, Тирой, Никонием) в эллинистическое время на примере столовой керамики [Kotenko 2017b; 2018]. Кроме того, также требуют дополнительных комментариев и интерпретации спорадические находки керамики из мастерских Херсонеса Таврического на варварских памятниках Нижнего Поднепровья и Лесостепи.

Методически верным будет рассмотреть данные контакты вместе с реконструкцией путей, по которым херсонесская продукция попадала на столь отдаленные территории. Соответственно, данные построения напрямую связаны с такими дискуссионными вопросами, как начало товарного производства в Херсонесе Таврическом;

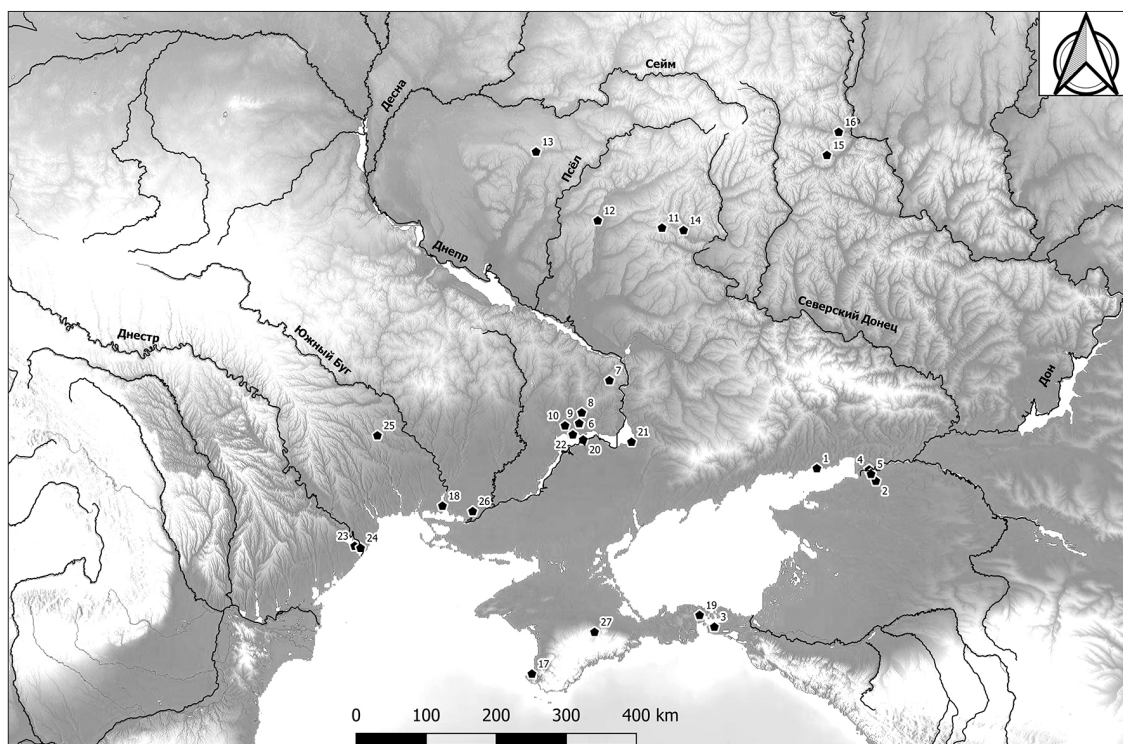
определение приоритетных векторов развития экономики полиса и становление его хоры в Северо-Западной Таврике; датировка керамики херсонесского производства на варварских памятниках и их влияние на датировку объектов.

Изучение херсонесского керамического импорта в степную и лесостепную зоны следует начинать исходя из приоритетных направлений торговли полиса, прежде всего, в пределах античного мира. Придерживаясь современной хронологии Херсонеса Таврического, которая исключает его существование в VI в. до н.э. [Buiskikh 2006, 275-276], а надежные свидетельства местного керамического производства исключают также весь V в. до н.э. [Monakhov, Kuznetsova, Churekova 2017, 18], основное внимание следует уделить IV в. до н.э.

Поступление херсонесской продукции на столь отдаленные территории, безусловно, связано с началом товарного керамического производства в пределах самого полиса. Ныне самыми ранними свидетельствами данного ремесла в Херсонесе Таврическом являются гончарные печи, исследованные в 1950-х годах В.В. Борисовой [Borisova 1966, 13] и широко ею датированные от конца IV в. до н.э. до середины II в. до н.э. [Borisova 1958, 144; Zubar' 2009, 89-90; Monakhov, Kuznetsova, Churekova 2017, 18]. Результаты современных исследований позволили несколько иначе датировать данные мастерские, ограничив их функционирование последней четвертью IV в. до н.э. – первой четвертью III в. до н.э. (конец 290-х – первая половина 280-х гг. до н.э.) [Kuznetsova 2017, 124]. В связи с этим следует также упомянуть присутствие скифского этникона в херсонесском клеймени. Такие клейма относятся к началу III в. до н.э. и известны также в отдаленных районах херсонесской хоры [Latysheva 1979, 338-339]. Однако, по мнению В.И. Каца, они не связаны напрямую со скифским населением, а обозначают название гончарного района, обращенного к границе с этими племенами [Kats 1994, 31-34].

У прекращения поступления товаров из Херсонеса Таврического за пределы полиса, конкретного хронологического репера не существует. Однако, вряд ли можно говорить об успешной внешней экономике этого центра после середины II в. до н.э., когда прекращают свое существование поселения в Северо-Западной Таврике, хозяйственно-экономическая опора центра.

1. При этом, вопросы, касающиеся интерпретации воинских погребений архаического и классического периода, все еще остро дискуссионны [Grechko 2010].

Рис. 1. Распространение керамического импорта Херсонеса Таврического на юге Восточной Европы. 1 - Беглицкий некрополь; 2 - Высочино; 3 - Зеленский курган; 4 - боспорский эмпорий на месте Елизаветовского городища; 5 - Новоалександровка; 6 - Хомина Могила; 7 - Александропольский курган; 8 - Новоселовка; 9 - Чертомлык; 10 - Покров (Орджоникидзе); 11 - Старый Мерчик; 12 - Бельск; 13 - Басовка; 14 - Липовая Роща; 15 - Дуровка; 16 - Колбино; 17 - Херсонес; 18 - Ольвия; 19 - Пантикапей; 20 - Каменка; 21 - Лысая Гора; 22 - Капуловка; 23 - Тира; 24 - Никоний; 25 - Николаевка; 26 - Белозерка; 27 - Вишенное.

Fig. 1. Distribution of the ceramic imports of Tauric Chersonesos in the South of Eastern Europe. 1 - Beglickij nekropolis; 2 - Vysochino; 3 - Zelenskij kurgan; 4 - Bosporian emporion on the site of Elizavetovka settlement; 5 - Novoaleksandrovka; 6 - Homina Mogila; 7 - Aleksandropolskij mound; 8 - Novoselovka; 9 - Chertomlyk; 10 - Pokrov (Ordzhonikidze); 11 - Saryj Merchik; 12 - Belsk; 13 - Basovka; 14 - Lipovaya Roshka; 15 - Durovka; 16 - Kolbino; 17 - Chersonesos; 18 - Olbia; 19 - Panticapaeum; 20 - Kamenka; 21 - Lysaya Gora; 22 - Kapulovka; 23 - Tira; 24 - Nikonium; 25 - Nikolaevka; 26 - Belozerkka; 27 - Vishennoe.

Немногочисленные находки херсонесских амфор в погребениях и на поселениях Лесостепи специально не анализировались, а рассматривались в совокупности с импортной тарой IV в. до н.э. других центров [Bandurov'skii 2001, 75-76]. Данные находки в регионе имеют важное значение для датировки окончания функционирования поселенческой структуры скифского времени в конце IV – начале III вв. до н.э.

Пути поступления херсонесского импорта к варварам

Рассматривая амфорную тару херсонесского производства с варварских памятников Скифии второй половины IV – первой трети III вв. до н.э., М.И. Золотарев указывал два основных стратегических пункта, куда она поступала – Каменское городище на Днестре и Елизаветовское городище на Нижнем Дону [Zolotarev 1996, 81]. Действи-

тельно, эти два центра маркируют два основных вектора херсонесского импорта за пределы античного мира – **северо-западный и северо-восточный** (рис. 1).

Как можно заметить, изучение характера контактов между эллинами и варварами влечет за собой еще и выяснение степени межполюсного взаимодействия в Северном Причерноморье. Предположение о том, что экономические связи между северопричерноморскими полисами (Херсонесом, Ольвией, Боспорским царством) были куда более тесными, нежели мы знаем об этом из письменных источников, уже высказывалось [Kuznetsova 2013, 3].

Исследователи сходятся на мысли, что поступление продукции (главным образом, вина) в амфорной таре в Нижнее Поднепровье происходило путем торговли Херсонеса Таврического с Ольвией, откуда продукция при посредничестве

купцов поступала далее на варварские памятники указанного региона [Zubar' 1993, 51; Zolotarev 1996, 82-83]. Тем не менее, дискуссионными остаются вопрос межэтнических и экономических связей в районе Перекопа и интерпретация памятников с обилием херсонесской керамики в Нижнем Поднепровье.

Существование **северо-западного вектора** экономики Херсонеса Таврического следует связывать, прежде всего, с формированием его хоры вдоль западного побережья Таврики, которое закончилось, судя по хронологии самого северного из исследованных памятников – Маслин, в третьей четверти IV в. до н.э. [Kotenko 2017, 154-157]. Реконструкция путей сообщения между Херсонесом Таврическим и Северо-Западным Причерноморьем уже привлекала внимание исследователей. Так В.М. Зубарь отмечал в экономике Херсонеса Таврического важную роль посреднической торговли Ольвии (импорт херсонесского вина сюда достигал 20% от общего производства), откуда продукция поступала на отдаленные варварские памятники Поднепровья [Zubar' 1993, 51]. Также он не исключал определенную долю экспорта херсонесской продукции через Неаполь Скифский, но напряженная политическая ситуация в регионе, очевидно, сдерживала развитие этого направления [Zubar' 1993, 51].

М.И. Золотарев предполагал, главным образом, морской путь вдоль берегов Северо-Западной Таврики, откуда торговые судна попадали в ольвийский порт. Далее, по его мнению, следовала сухопутная часть пути – товар из амфор перегружался в кожаные мешки и на лошадях доставлялся на Каменское городище, а сами амфоры использовались в качестве стандартов емкости в процессе торговых операций. Белозерскому поселению исследователь отводил роль транзитного, либо перевалочного пункта на пути к Каменскому городищу [Zolotarev 1996, 82-83]. Анализ амфорных клейм позволил М.И. Золотареву заключить, что начало экспорта херсонесской продукции в Ольвию приходится на последнюю четверть IV в. до н.э., после чего прослеживается рост объема поступлений в первой четверти III в. до н.э., затем с конца III в. до н.э. прослеживается спад и полное прекращение в первой четверти II в. до н.э. [Zolotarev 1994, 128-129].

Разработки С.Ю. Сапрыкина на базе эпиграфических источников несколько дополняют эту

информацию. По его мнению, маршрут водами левобережного Понта был не только самым выгодным в экономическом плане, но и популярным по причине размещения вдоль этих берегов античных святилищ, особенно, на Левке и Тендре [Saprykin 2013, 123]. Кроме того, очевидно, существовал прямой маршрут, связывающий Западную Таврику с устьями Тираса и Истра [Saprykin 2013, 121], где также известна херсонесская керамика [Kotenko 2017a, 17; 2018] и откуда она предположительно могла поступать в более отдаленные от полисов регионы. К таким свидетельствам можно отнести кувшин херсонесского производства с остатками трупосожжения из Николаевского поселения на берегу Днестровского лимана, который был отнесен А.И. Мелюковой к участку второй половины IV – первой половины III в. до н.э. [Meliukova 1967, 61], а также несколько амфор в скифских погребениях Нижнего Дуная (Дербент, к. 8, 15/1) [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 987].

Таким образом, поступив в Ольвию, продукция херсонесского производства переходила в руки местных купцов, которые вели налаженную торговлю со скифами и племенами днепровской Лесостепи. Очевидно, через группу нижнеднепровских поселений херсонесский товар следовал к Каменскому городищу и далее в Днепровскую правобережную Лесостепь.

Не касаясь вопроса о материальной культуре населения Нижнего Днепра, следует отметить, что время функционирования данных поселений, входивших, по мнению В.П. Былковой в состав ольвийской хоры, также совпадает со временем активной торговли между греками и варварами. Появление поселений на Нижнем Днестре относится к началу IV в. до н.э., а на рубеже первой и второй четверти III в. до н.э. они прекратили свое существование, затем уже со второй половины II в. до н.э. появляются новые группы памятников [Vylkova 2007, 126].

Однако современные исследования дали возможность несколько пересмотреть роль памятников Нижнего Днепра в районе Каховского водохранилища в указанный хронологический отрезок. Согласно интерпретации Ю.В. Болтрика, в системе археологических объектов в районе переправ этого региона доминантой («столицей Скифии») выступало правобережное Капуловское городище, а Каменскому городищу отводилась роль его экономического спутника с раз-

витой торгово-ремесленной инфраструктурой [Boltrik, Okatenko, Toshchev 2018, 164]. Маркируя древние торговые магистрали цепочками курганов, исследователями также был предложен следующий вариант этого отрезка маршрута в политическом центре Скифии: «Торговые караваны с Боспора, а потом и с хоры Херсонеса, шли к главному ядру Скифии через Солоху и ее группу. Не исключаем, что один из вариантов пути шел через мастерские возле Сорокиной балки, где могли отремонтировать испорченные в длительном путешествии элементы повозки и тягловой упряжи» [Boltrik, Okatenko, Toshchev 2018, 161]. При этом предполагается, что на восток от кургана Солоха ближе к середине IV в. до н.э. проходил торговый трансскифский путь из Крыма через Огуз до Каменского городища и дальше на правый берег Днепра [Boltrik, Okatenko, Toshchev 2018, 159]. Но, учитывая отсутствие надежных находок херсонесской керамики на памятниках в районе Перекопа, такой вариант пути остается гипотетическим.

Относительно Капуловского городища, его роль в греко-варварской экономике была важной. На месте расположения памятника был обнаружен значительный массив херсонесских амфорных клейм. Исследуя их, О.В. Фатеев пришел к выводу, что сначала амфорная тара поступала на Каменское городище, а затем распространялась на Капуловское [Fateev 2014, 230]. Так или иначе, очевидно, что именно из этого узла приднепровских памятников херсонесская продукция поступала на отдаленные северные территории.

Дальнейший путь херсонесской продукции, вероятно, проходил по среднему течению Днепра, где мог иметь несколько основных направлений. В данном контексте интересны две случайные находки херсонесских дихалков (300-290 гг. до н.э.) на берегу Днепра у с. Леськи недалеко от Черкасс [Skoryi, Zimovets 2014, 147]. Далее, через днепровские переправы вблизи современного Кременчуга товары из Ольвии могли попадать в бассейны Сулы, Псла и Ворсклы.

Вероятно, самым северным памятником данного маршрута можно считать Басовское городище на Суле, которое было важным центром в системе памятников скифского времени Днепро-Донского Левобережья [Boltrik, Fialko 1995, 43]. Более того, амфорные клейма со столь отдаленного памятника относятся к самым поздним поступлениям такой

продукции в Лесостепь (конец 80-х – начала 70-х гг. III в. до н.э. [Boltrik, Buniatian 1997, 14]. Однако интерпретация таких поздних материалов требует дополнительных полевых исследований в регионе.

Ведущую роль ольвийских купцов в обмене (торговли?) с племенами Днепро-Донской Лесостепи подтверждают и находки монет в данном регионе. Монеты Ольвии явно преобладают на всей данной территории (39 экземпляров) [Skoryi, Zimovets 2014, 144-145].

Второй (**северо-восточный**) вектор экономики Херсонеса Таврического в эллинистический период его истории был направлен на восток. Территория Боспорского царства представляла собой не только перспективный рынок сбыта херсонесской продукции, но и была частью важного транзитного маршрута к устьям Танаиса, откуда товары также могли поступать варварскому населению (Нижний и Средний Дон, Северский Донец). Этот маршрут удастся проследить по находкам херсонесской керамики до памятников на Среднем Дону [Bezmaternykh 2004, 16]. Исследователи также единодушно определяют стратегически важную роль Елизаветовского городища и боспорского эмпория на его территории в греко-варварской торговле через Боспор в эллинистическое время [Zolotarev 1996, 81-82; Zubar' 1993, 51-52; Vinogradov 2005, 287]. Более того, херсонесские амфоры стали здесь важным индикатором в вопросах хронологии Танаиса и Елизаветовского городища, показав их сосуществование в 70-х гг. III в. до н.э. [Fedoseev 1990, 159], а это, в свою очередь, указывает на существование в это время экономических контактов между данными центрами. Таким образом, северо-восточный вектор херсонесской экономики, как в пределах Боспорского царства, так и за его границами, также активно развивался в эллинистическое время, а датировать его по находкам амфор и столовой посуды можно со второй половины IV в. до н.э. до первой трети III в. до н.э.

Стоит упомянуть еще один вероятный маршрут поступления античных импортов из Таврики в Степь и Лесостепь. Дорога от современного Перекопа вглубь Днепро-Донской Лесостепи, в историографии известна как Муравский шлях, который существовал уже в скифское время [Boltrik 1990, 35; Grechko 2010, 26-27]. Особую роль в функционировании данной торговой артерии играли удобные для перемещения ландшафты [Okatenko, Buinov

2010, 83]. Система его ответвлений и переправ в лесостепной зоне Днепровского Левобережья, очевидно, была сложной, но античный импорт в определенной степени может выступать маркером таких стратегических участков. С функционированием такого пути очевидно стоит связывать находки херсонесской амфорной тары на таких памятниках как Липовая Роща [Grechko 2004, 32] и некрополе Старый Мерчик-4 в северскодонецкой Лесостепи [Grechko 2010, 69].

Таким образом, на основании картографии херсонесской керамики из лесостепных памятников можно уточнить данные об экономических связях одного из крупнейших полисов Северного Причерноморья с варварским населением. Херсонес Таврический не имел исключительного права на такие контакты, более того, он активно использовал посредническую роль Ольвии и Боспора в организации импорта.

О времени поступления херсонесского импорта в Лесостепь

Особое внимание в контексте появления первых херсонесских изделий на территории левобережной Лесостепи следует уделить новой находке на Бельском городище.

В кургане №24 некрополя Б в 2018 году экспедицией под руководством Д.С. Гречко был обнаружен двуручный керамический сосуд (ИКЗ «Б» кв 754 А 463/31) со следующими параметрами: высота 20,7 см (без придонной части), диаметр венчика – 11,2 см, диаметр средней части тулова – 15 см (рис. 2-3). Сложнопрофилированный венчик переходит в воронковидное горло; две вертикальные ручки крепятся соответственно под венчиком и к верхней части тулова, они профилированы по внешней части неглубоким желобом с шириной борозды до 0,6 см. Тулово имеет продолговатую каплевидную форму, в реконструируемом виде сосуд имеет заметные диспропорции в формировании сферы стенок тулова. Толщина стенок 0,5-0,8 см, сечение ручек – 2,0x0,8 см. В нижней части сосуда на одинаковом расстоянии от края (0,5 см) имеются четыре просверленные отверстия, которые свидетельствуют о ремонте в древности. Глина красная, в формировочной массе можно определить примеси известняка и мелкие включения черного цвета. В верхней части тулова сосуд орнаментирован тремя опоясывающими полосами красной

Рис. 2. Фото с Херсонесским кувшином из кургана №24 некрополя Б Бельского городища.

Fig. 2. The photo with Chersonesian jug from the mound 24 of the necropolis B of Belsk hillfort.

краски шириной 0,4-0,7 см. Морфологически такое изделие близко к кувшину, либо к столовой амфоре, хотя по ряду характеристик (особенностям оформления венчика, и форме тулова) его вполне можно назвать пеликой. Не считая того, что сосуд имеет не совсем привычную для херсонесского производства форму, его орнаментация и петрографические характеристики вполне соответствуют массовой продукции этого полиса в эллинистическое время.

Подобная керамика хорошо известна как в материалах из раскопок самого Херсонеса, так и поселений его хоры, где она считается местной продукцией. В последних публикациях матери-

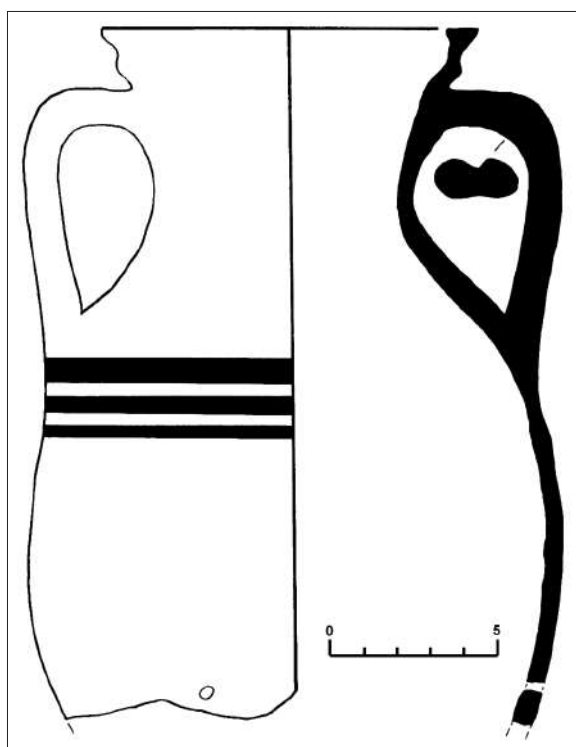

Рис. 3. Рисунок с Херсонесским кувшином из кургана №24 некрополя Б Бельского городища.

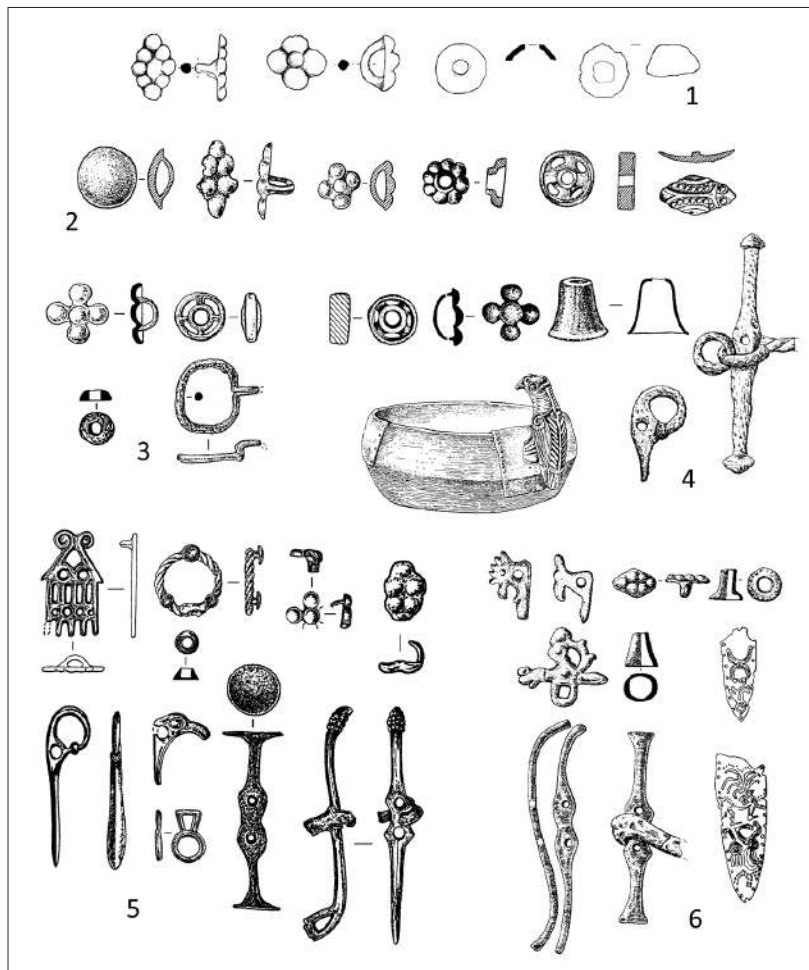
Fig. 3. Drawing with Chersonesian jug from the mound 24 of the necropolis B of Belsk hillfort.

алов из Херсонеса Таврического, посвященных анализу красноглиняной «полосатой» столовой керамики, встречается предположение, что подобные сосуды являются реминисценциями ионийской керамики, исходя только из того, что они украшены характерными полосами. Более того, на таких сомнительных параллелях строятся выводы относительно их датировки V – началом IV вв. до н.э. [Lesnaia 2018, 64-66]. Однако здесь следует учитывать анализ ранних херсонесских комплексов А.В. Буйских и ее вывод о том, что собственно ионийской керамики в Херсонесе Таврическом намного меньше, нежели это было принято считать долгое время [Buiskikh 2006, 274]. Этот вывод важен не только для хронологии полиса, но и для понимания того, что нанесения столь тривиального декора (касанием кисточки с краской к вращающемуся на обратном столике сосуду) совсем не обязательно было результатом восточногреческого воздействия. Тем более это влияние больше ни в чем четко не проявилось, особенно на самых ранних этапах существования Херсонеса, когда, по сути, он был восприимчив к культурному влиянию извне.

Тем не менее, сосуд из Бельского городища так и не нашел полных аналогий в опубликованных материалах. Инвентарь погребения на Бельском городище, о котором речь пойдет ниже, дает возможность датировать сосуд временем не позднее первой половины IV в. до н.э. Подобная датировка не соответствует началу товарного производства керамики в Херсонесе, поэтому данную находку можно интерпретировать, лишь задействовав разные категории источников, которые могут предоставить информацию об иных, нежели торговля и обмен, связях варварского населения Лесостепи, со столь отдаленным полисом на юго-западе Таврики.

Херсонесский кувшин из кургана №24 некрополя Б Бельского городища был частью инвентаря погребения тяжеловооруженного воина, который был похоронен с железным пластинчатым доспехом. В погребении также были обнаружены бронзовые наконечники стрел, бляшки и ворворки.

Для уточнения датировки данного комплекса могут быть использованы достаточно редкие для Днепровского лесостепного Левобережья бронзовые ромбовидные бляшки покрытые псевдозернью по схеме 1:2:3:2:1 (рис. 4,1). Они принадлежат типу 1.1.15 по А.Д. Могилову [Mogilov 2008, 43]. Близкая бляшка была обнаружена в кургане №5 Бельского некрополя в ур. Осняги [Shramko 1987]. Погребение содержало детали узды и золотые бляшки, которые не позволяют сильно отрывать комплекс от датировки погребения у с. Богдановка, которая определяется в рамках конца V – начала IV вв. до н.э. [дискуссию см. Polin 2014, 246-252]. В пределах первой половины IV в. до н.э. датируется комплекс Колбино 1-10 на Среднем Дону с аналогичными бляшками и ворворками (рис. 4,5) [Shevchenko 2009, 73, fig. 12,10]. Интересно, что все погребения, кроме одного (Кошеватое), с подобными бляшками зафиксированы на восточных рубежах Скифии (Средний и Нижний Дон). Комплекс из Кошеватого в Днепровском лесостепном Правобережье содержал также бронзовое колесико (рис. 4,2) [Petrenko 1967, 94]. Аналогичное сочетание бляшка/колесико зафиксированы в кургане №11 Частьх Курганах (рис. 4,4) [Puzikova 2001, 30-31] и Колбино 1-4 на Среднем Дону (рис. 4,3) [Savchenko 2001, 83, fig. 20,5-6]. Находка деревянной чаши с золотыми оббивками в кургане №11

Рис. 4. Некоторые материалы из кургана №24 некрополя Б Бельского городища и их аналогии. 1 - курган №24 некрополя Б Бельского городища; 2 - Кошеватое; 3 - курган №4, Колбино-1; 4 - курган №11, «Частые курганы»; 5 - курган №10, Колбино-1; 6 - Шолоховский курган [Petrenko 1967; Savchenko 2001; Shevchenko 2009; Puzikova 2001; Maksimenko 1983], без масштаба.

Fig. 4. Some materials from the mound 24 of the necropolis B of the Belsk hillfort and their analogies. 1 - mound 24 of the necropolis B of the Belsk hillfort; 2 - Koshevatoe; 3 - mound 4, Kolbino-1; 4 - mound 11, "Chastye kurgany"; 5 - mound 10, Kolbino-1; 6 - Sholohovskij mound [Petrenko 1967; Savchenko 2001; Shevchenko 2009; Puzikova 2001; Maksimenko 1983], without scale.

Частых курганов позволяют отнести данный комплекс ко времени сооружения Бердянского кургана – концу первой–началу второй четверти IV в. до н.э. [Aleksiev 2003, 296]. Комплекс Шолоховского кургана не имеет узкой датировки [Maksimenko 1983]. Находка S-видного псалля говорит о предпочтительной датировке данного погребения временем не позднее второй четверти IV в. до н.э. (рис. 4,6).

Гончарный оранжевоглиняный кувшин с характерными тремя полосами ниже ручки² был

обнаружен в кургане № 8 у с. Терновое на Среднем Дону (рис. 5,2) [Savchenko 2001, 71, fig. 13,8]. В комплексе также были золотые оббивки деревянных чаш, роговой гребень с леопардом, сероглиняный гончарный кувшин и несколько золотых бляшек. Комплекс может быть датирован также достаточно широко – первой половиной (второй четвертью?) IV в. до н.э., а, учитывая золотые оббивки, не позднее середины столетия [Kubyshev, Bessonova, Kovalev 2009, 87].

Сосуд из Бельска и кувшин со Среднего Дона можно отнести ко времени не позднее середины IV в. до н.э. Собственно Херсонес Таврический основывается гераклеотами и делосцами во второй

2. Без ознакомления с самим сосудом его принадлежность продукции Херсонеса Таврического остается предположительной.

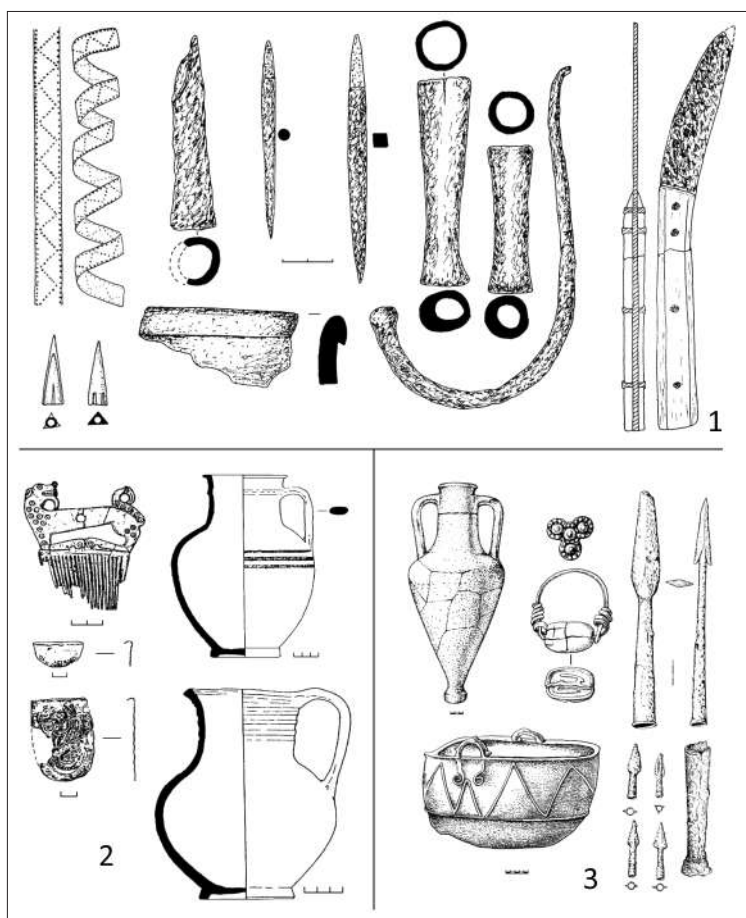

Рис. 5. Херсонесские импорты в аристократических погребениях Северского Донца и Среднего Дона скифского времени. 1 - курган № 3/1, Старый Мерчик-4; 2 - курган №8, Колбино-1; 3 - курган №4, Дуровка [Savchenko 2001; Puzikova 2001; Bandurovs'kii 2001].

Fig. 5. Chersonesian imports in the aristocratic burials of the Seversky Donets and Middle Don of Scythian times. 1 - mound 3/1, Staryj Merchik-4; 2 - mound 8, Kolbino-1; 3 - mound 4, Durovka [Savchenko 2001; Puzikova 2001; Bandurovs'kii 2001].

четверти IV в. до н.э. [Buiskikh 2009, 23]. О специальном херсонесском экспорте керамической продукции в первой половине данного столетия речь идти не может. Вероятно, данные сосуды попали в Лесостепь в результате обмена или торговли. Можно высказать одно предположение. Скифов и Таврику во второй четверти IV в. до н.э. связывает одно знаменательное событие – использование Левконом I скифских заградительных отрядов при осаде Феодосии, которая была подчинена во второй половине 370-х – первой половине 360-х гг. до н.э. [Zavoikin 2010, 29, 59]. Исследователи и ранее допускали участие воинов из Лесостепи в военных акциях скифов-царских, причем на усло-

виях, которые предполагали участие в дележе добычи [Babenko 2005, 202]. Синхронный рост богатства погребенной аристократии Степи и Лесостепи не противоречит данному факту. Учитывая все сказанное, мы не можем исключать, что воин из Бельского городища (города Гелона?) мог принимать участие в военных действиях вблизи Феодосии в составе подразделений Левкона I. Активные контакты Херсонеса Таврического и Боспора фиксируются во второй четверти IV в. до н.э. и по данным нумизматики (гемихалки и халки серии голова льва-звезда) [Anokhin 1977, 21-22]³. В данном контексте интересна медная пантикапейская монета конца правления Сатира I (393-389 гг. до н.э.), найденная недавно на Бельском городище [Skoryi, Zimovets 2014, 153].

Собственно импорт Херсонеса Таврического в Северное Причерноморье и Лесостепь в виде преимущественно клейменной амфорной тары стал поступать к варварам и эллинам в последней четверти IV – первой четверти

III вв. до н.э. Находки херсонесских клейм в насыпи Чертомлыка, связываются с более поздними признами [Aleksseev 2003, 267-269], как, например, их обнаружение в Александропольском кургане [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 992]⁴. В целом первый импорт из данного центра у скифов можно синхронизировать с наиболее поздними признами на упомянутых выше скифских царских курганах⁵.

3. В.А. Анохин датировал данные монеты около середины IV в. до н.э. [Anokhin 1977, 136]. На данный момент нумизматы датируют их временем около 385-380 гг. до н.э. [Stanislavskii 2003, 109-110].

4. Данные находки послужили основанием для удревнения начала клеймления амфорной тары в Херсонесе С.В. Полиным до 350 г. до н.э. [Polin 2014, 501]. Это маловероятно, учитывая, что в данное время полис только начал колонизацию Северо-Западного Крыма и не имел достаточной экономической базы для начала товарного производства вина для столь масштабной торговли.

5. Датировка Александропольского кургана на сегодня дискуссионна [Polin 2014, 490-499]. Но именно он маркирует хронологический горизонт последних скифских аристократических захоронений (гераклейские клема Этима и Апсога, херсонесские клейма 1-й группы по В.И. Кацу [Kats 2007], фасосские амфоры типа II-C-3 по С.Ю. Монахову и другие).

Херсонесские амфоры найдены в погребениях северскодонецкой (Старый Мерчик-4, к. 3/1 (рис. 5,1) [Bandurovs'kii 2001, 75] и среднедонской (Дуровка, к. 4) (рис. 5,3) [Bezmaternykh 2004, 16] аристократии. Данные комплексы являются наиболее поздними в указанных регионах, и могут быть датированы концом IV – началом III вв. до н.э. Эти захоронения можно синхронизировать с Александропольским курганом и датировать их последними двумя десятилетиями IV в. до н.э. [Aleksseev 2003, 297]. Весь горизонт погребений можно датировать не позднее кургана 12 Высочино-V (315-300 гг. до н.э.) на Нижнем Дону [Monakhov 1999, 441-442]. В данных комплексах встречается определенный набор амфор, который существенно отличается от комплексов третьей четверти IV в. до н.э.: появляется новая тара из Херсонеса, Книда (с кубаревидной ножкой), Родоса, Коса (Высочино-V, Азов, Беглицкий некрополь) [Monakhov 1999, 431-443].

Несколько иная картина наблюдается на поселениях. Заслуживает внимания серия клейм, обнаруженная в верхнем слое Басовского городища. Херсонес представлен клеймом астинома Атанея (группа 1Б по В.И. Кацу, первая четверть III в. до н.э.) [Koloda 2009, 292-294], имеются также два двухстрочных астиномных синопских клейма⁶ (рис. 6,3-4) [Boltrik, Fialko 1994, 14-15], клеймо Антифила на ручке амфоры круга Фасоса (псевдо-Фасос-7, первая четверть III в. до н.э.) (рис. 6, 2) [Onaiko 1970, 135, tabl. IV, 604; Monakhov 2003, 83-84]. Недавние массовые находки ольвийских «борисфенов» и пантикапейского обота (300-275 гг. до н.э.) на Басовском городище подтверждают его функционирование в первой трети III в. до н.э. [Skoryi, Zimovets 2014, 150]⁷.

6. С.Ю. Монахов отнес их предположительно к 4 группе по классификации Б.Н. Гракова с ориентировочной датировкой первой-второй четвертями III в. до н.э. [Monakhov 1999]. Интересно, что клейма данной группы хорошо известны среди находок из раскопок боспорского эмпория на месте Елизаветовского городища, который прекращает свое существование около 270 г. до н.э. [Kats, Fedoseev 1986]. Благодарим Ю.В. Болтрика за любезное согласие на публикацию данных клейм.

7. Монеты найдены незаконно с помощью металлодетекторов, поэтому ответственность за правдивость инфор-

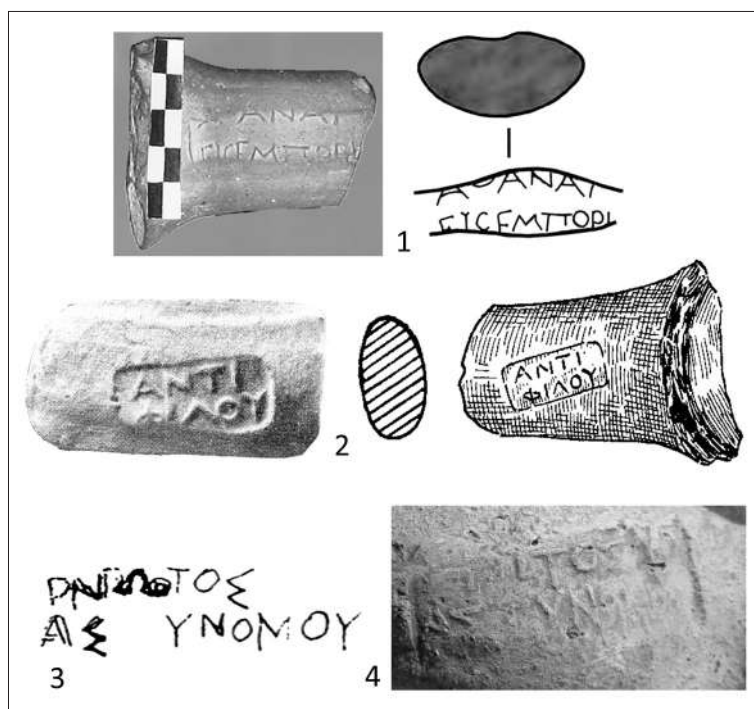

Рис. 6. Античные амфорные клейма с поселений и городищ Днепро-Донецкой Лесостепи и Крыма. 1 - Липовая Рошча; 2-4 - Басовка [Koloda 2009; Onaiko 1970; Boltrik, Fialko 1994].

Fig. 6. Ancient amphorae stamps from settlements and hill-forts of the Dnieper-Donets Forest-Steppe and Crimea. 1 - Lipovaya Roshka; 2-4 - Basovka [Koloda 2009; Onaiko 1970; Boltrik, Fialko 1994].

Еще одно херсонесское клеймо астинома Атанея было обнаружено на поверхности поселения Липовая Рошча в г. Харьков (рис. 6,1) [Grechko 2004, 32; Koloda 2009, 293]. В бассейне Северского Донца античная керамическая тара⁸ конца IV – начала III в. до н.э. была обнаружена на Циркуновском городище. Исследователи считают, что она была доставлена сюда сухопутным путем (Муравский Шлях?) [Peliashenko, Zadnikov 2007, 178].

Можно отметить некоторую асинхронность в датировке материалов погребений и поселений и городищ [Bandurovs'kii 2001, 76]. Нет оснований датировать позднее конца IV в. до н.э. (Старый Мерчик-4) и позднейшие курганы Днепро-Донецкой Лесостепи, а на Ворскле и Суле неизвестны надежно датированные комплексы последней четверти данного столетия. Античный импорт, включая серию клейм, с поселений

мации о местах подобных находок оставим на совести авторов публикации.

8. Амфоры Херсонеса Таврического не представлены.

и городищ северскодонецкой Лесостепи и Посулья свидетельствует об их функционировании вплоть до первой четверти III в. до н.э.

Данное явление может иметь следующее объяснение. Аристократические погребения в Степи и Лесостепи прекращают совершаться одновременно, что могло быть связано с поражением Сатира и союзных ему скифов в борьбе за боспорский престол от Эвмела в коалиции с сираками и другими племенами Прикубанья и, вероятно, Нижнего Дона, около 310/309 гг. до н.э.⁹ [см. подробнее Grechko, Karnaukh 2011].

Данное фиаско положило конец гегемонии скифов в Северном Причерноморье. Перемещения кочевников-победителей в данный регион не происходит. Население части городищ (Басовка, Циркуны) продолжает поддерживать опосредованные контакты с греками вплоть до первой четверти III в. до н.э. Скифское население, кото-

рое по-прежнему присутствует в степях Северного Причерноморья [Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016, 998-999], могло быть посредником в данном процессе. Эти контакты прерываются около 270 г. до н.э., что связано с военной компанией восточных кочевников [Bruiako 1999; Grechko, Karnaukh 2011, 258-259]. Поселения и городища покидаются населением без сопротивления, поскольку следов разрушений в Лесостепи не зафиксировано.

Таким образом, при интерпретации херсонесской керамики из варварских памятников следует учитывать их контекст. Так, например, находка из Бельского городища дала повод пересмотреть степень универсальности уже известных механизмов поступления греческой керамики в Лесостепь. Керамический импорт из Херсонеса Таврического из Днепро-Донской Лесостепи позволил не только под иным углом посмотреть на контакты эллинов и скифов, но и объединить разные категории источников в единый сюжет насыщенной истории обоих миров в IV – первой трети III вв. до н.э.

9. Интересно, что пантикапейский обол, найденный при раскопках Восточного укрепления Бельского городища, принадлежит как раз к концу правления Перисада I (314-310 гг. до н.э.) [Skoryi, Zimovets 2014, 152].

Библиография

- Alekseev 2003:** A.Iu. Alekseev, Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII-IV vekov do n.e. (Sankt-Petersburg 2003) // А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. (Санкт-Петербург 2003).
- Anokhin 1977:** V.A. Anokhin, Monetnoe delo Khersonesa: (IV v. do n.e. – XII v. n.e.) (Kiev 1977) // В.А. Анохин, Монетное дело Херсонеса: (IV в. до н.э. – XII в. н.э.) (Киев 1977).
- Babenko 2005:** L.I. Babenko, Pesochinskii kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni (Khar'kov 2005) // Л.И. Бабенко, Песочинский курганный могильник скифского времени (Харьков 2005).
- Bandurovs'kii 2001:** O.V. Bandurovs'kii, Antichni amfory z kurganiv skifs'kogo periodu Livoberezhnoi Lisostepovoï Ukraïni. Arkheologija 1, 2001, 45-54 // О.В. Бандуровський Античні амфори з курганів скіфського періоду Лівобережної Лісостепової України. Археологія 1, 2001, 45-54.
- Bezmaternykh 2004:** A.E. Bezmaternykh, Antichnye amfory v kurganakh skifskogo vremeni lesostepnogo Dona. Novik 9, 2004, 14-21 // А.Е. Безматерных, Античные амфоры в курганах скифского времени лесостепного Дона. Новик 9, 2004, 14-21.
- Boltrik 1990:** Iu.V. Boltrik, Sukhoputnye kommunikatsii Skifii. SA 4, 1990, 30-45 // Ю.В. Болтрик, Сухопутные коммуникации Скифии. СА 4, 1990, 30-45.
- Boltrik, Buniatian 1997:** Iu.V. Boltrik, K.P. Buniatian, Rozkopki na Basivs'komu gorodishchi. ADU - 1993, 1997, 13-14 // Ю.В. Болтрик, К.П. Бунятян, Розкопки на Басівському городищі. АДУ - 1993, 1997, 13-14.
- Boltrik, Fialko 1994:** Iu.V. Boltrik, E.E. Fialko, Otchet o rabote ekspeditsii "Sula-94". Naukovyi arkhiv IA NANU. Inv. nr.1994/124 (Kiev 1994) // Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко, Отчет о работе экспедиции «Сула-94». Научный архив ИА НАНУ. Инв. №1994/124 (Киев 1994).
- Boltrik, Fialko 1995:** Iu.V. Boltrik, E.E. Fialko, Basovskoe gorodishche – tsentr Posul'skogo uzla pamiatnikov epokhi rannego zheleza. Drevnosti - 1995, 1995, 40-43 // Ю.В. Болтрик, Е.Е. Фиалко, Басовское городище – центр Посульского узла памятников эпохи раннего железа. Древности - 1995, 1995, 40-43.
- Boltrik, Okatenko, Toshchev 2018:** Iu.V. Boltrik, V.M. Okatenko, G.M. Toshchev, Tereny tsentru Skifii (vid Solokhi do Chortomlika). ADIU 1(26), 2018, 147-168 // Ю.В. Болтрик, В.М. Окатенко, Г.М. Тощев, Терени центру Скіфії (від Солохи до Чортomla). АДІУ 1(26), 2018, 147-168.
- Borisova 1958:** V.V. Borisova, Goncharyne masterskie Khersonesa (po materialam raskopok 1955-1957 gg.). SA

4, 1958, 144-153 // В.В. Борисова, Гончарные мастерские Херсонеса (по материалам раскопок 1955-1957 гг.). СА 4, 1958, 144-153.

Borisova 1966: V.V. Borisova, Khersones. Keramicheskoe proizvodstvo i antichnye keramicheskie stroitel'nye materialy. SAI G1-20, 1966, 13-17 // В.В. Борисова, Херсонес. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ Г1-20, 1966, 13-17.

Bruiaiko 1999: I.V. Bruiaiko, Ot dioramy k panorame (o perspektivakh na puti resheniia problemy severopontiiskogo krizisa III v. do R.KH.). Stratum plus 3, 1999, 325-332 // И.В. Бруяко, От диорамы к панораме (о перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до Р.Х.). Stratum plus 3, 1999, 325-332.

Bruiaiko 2013: I.V. Bruiaiko, Ocherk istorii skifov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. In: (red. I.V. Bruiaiko, T.L. Samoilova) Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 369-373 // И.В. Бруяко, Очерк истории скифов Северо-Западного Причерноморья. В: (ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 369-373.

Buiskikh 2006: A.V. Buiskikh, Khersones Tavricheskii v VI v. do n.e.: real'nost' istoricheskaiia ili arkheologicheskaiia? АМА 12, 2006, 263-277 // А.В. Буйских, Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? АМА 12, 2006, 263-277.

Buiskikh 2009: A.V. Buiskikh, Khersones Tavriis'kii: prostorovii rozvitok derzhavi za antichnoi dobi. Avtoref. dis... d-ra ist. nauk; In-t arkheologii NAN Ukrainy (Kiev 2009) // А.В. Буйских Херсонес, Таврийский: просторовый розвиток держави за античної доби. Автореф. дис... д-ра ист. наук; Ин-т археологии НАН Украины (Киев 2009).

Bylkova 2007: V.P. Bylkova, Nizhnee Podneprov'e v antichnuiu epokhu (po materialam raskopok poselenii) (Kherson 2007) // В.П. Былкова, Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений) (Херсон 2007).

Dashevskaiia 1991: O.D. Dashevskaiia, Pozdnie skify v Krymu. SAI D1-7, 1991 // О.Д. Дашевская, Поздние скифы в Крыму. САИ Д1-7, 1991.

Fateev 2014: O.V. Fateev, Khronologiiia amfornykh kleim Khersonesa kontsa IV – nachala III vv. do n.e. (issledovanie kompleksov i kompleksnye issledovainiia). Stratum plus 3, 2014, 223-244. // О.В. Фатеев, Хронология амфорных клейм Херсонеса конца IV – начала III вв. до н.э. (исследование комплексов и комплексные исследования). Stratum plus 3, 2014, 223-244.

Fedoseev 1990: N.F. Fedoseev, O vremeni sosushchestvovaniia Elizavetovskogo gorodishcha i Tanaisa (po dannym keramicheskoi epigrafiki). АМА 7, 1990, 154-160 // Н.Ф. Федосеев, О времени сосуществования Елизаветовского городища и Танаиса (по данным керамической эпиграфики). АМА 7, 1990, 154-160.

Gavriliuk 2014: N.O. Gavriliuk, Lipna keramika antyihnikh tsentriv Pivnichnogo Prichornomor'ia iak dzherelo dlia vivchennia etnichnoi ta ekonomichnoi istorii. Arkheologiiia 4, 2014, 30-50 // Н.О. Гаврилюк, Липна кераміка античних центрів Північного Причорномор'я як джерело для вивчення етнічної та економічної історії. Археологія 4, 2014, 30-50.

Grechko 2004: D.S. Grechko, Novi antichni materialy III-II st. do n.e. z poselen' Kharkivshchini. In: (Otv. red. S.V. D'iachkov) Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Khar'kov 2004), 32 // Д.С. Гречко, Нові античні матеріали III-II ст.до н.е. з поселень Харківщини. В: (ред. С.В. Дьячков) Проблемы истории и археологии Украины (Харьков 2004), 32.

Grechko 2010: D.S. Grechko, Kurgany Nizhnego Pobuzh'ia VI – pervoi poloviny V vv. do n.e.: greki ili skify? Drevnosti 9, 2010, 116-135 // Д.С. Гречко, Курганы Нижнего Побужья VI-первой половины V вв. до н.э.: греки или скифы? Древности 9, 2010, 116-135.

Grechko, Karnaukh 2011: D.S. Grechko, E.G. Karnaukh, Nekotorye voprosy etnokul'turnoi istorii iuga Vostochnoi Evropy kontsa skifskogo perioda. Stratum plus 3, 2011, 245-261 // Д.С. Гречко, Е.Г. Карнаух, Некоторые вопросы этнокультурной истории юга Восточной Европы конца скифского периода. Stratum plus 3, 2011, 245-261.

Kats 1994: V.I. Kats, Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo (Saratov 1994) // В.И. Кац, Керамические клейма Херсонеса Таврического (Саратов 1994).

Kats 2007: V.I. Kats, Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia). Vosporskie issledovaniia XVIII (Simferopol'-Kerch' 2007) // В. И. Кац, Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Kats, Fedoseev 1986: V.I. Kats, N.F. Fedoseev, Keramicheskie kleima "bosporskogo emporiia" na Elizavetovskom gorodishche. АМА 6, 1986, 85-105 // В.И. Кац, Н.Ф. Федосеев, Керамические клейма «боспорского эмпория» на Елизаветовском городище. АМА 6, 1986, 85-105.

Koloda 2009: V.V. Koloda, Nakhodka dvukh novykh antichnykh amfornykh kleim bliz Khar'kova. Drevnosti-2009

8, 2009, 292-294 // В.В. Колода, Находка двух новых античных амфорных клейм близ Харькова. Древности-2009 8, 2009, 292-294.

Kotenko 2017: V.V. Kotenko, Poselennia khersones'koï khori Maslini u Pivnichno-Zakhidnii Tavritsi (Kharkiv 2017) // В.В. Котенко, Поселення херсонеської хори Маслини у Північно-Західній Тавриці (Харків 2017).

Kotenko 2017a: V.V. Kotenko, Pro odin iz vektoriv khersones'koï torgivli. Arkheologiiia 1, 2017, 17-23 // В.В. Котенко, Про один із векторів херсонеської торгівлі. Археологія 1, 2017, 17-23.

Kotenko 2017b: V.V. Kotenko, Torgivlia Khersonesa Tavriis'kogo z polisami Pivnichno-Zakhidnogo Prichornomor'ia v ellinistichnii chas (za materialami stolovoi keramiki). Laurea I. Antichnyi mir i Srednie veka. Chteniia pamiati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva, k 90-letiiu so dnia rozhdenniia (Khar'kov 2017), 17-21 // В.В. Котенко, Торговля Херсонеса Таврійського з полісами Північно-Західного Причорномор'я в елліністичний час (за матеріалами столової кераміки). Laurea I. Античний мир и Средние века. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения (Харьков 2017), 17-21.

Kotenko 2018: V.V. Kotenko, Do pitannia pro ekonomichni zv'iazki ellinistichnogo Khersonesa z Nikoniem (za keramichnimi materialami). In: (red. I.V. Bruiaiko, A.V. Glavenchuk) Antichnyi Nikonii i mir plemen Severo-Zapadnogo Prichornomor'ia (Odessa 2018) 17-24 // В.В. Котенко, До питання про економічні зв'язки елліністичного Херсонеса з Ніконієм (за керамічними матеріалами). В: (ред. И.В. Бруяко, А.В. Главенчук) Античный Никоний и мир племен Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2018), 17-24.

Kravchenko 2011: E.A. Kravchenko, Kizil-kobins'ka kul'tura u Zakhidnomu Krimu (Kiiv-Luts'k 2011) // Е.А. Кравченко, Кизил-кобинська культура у Західному Криму (Київ-Луцьк 2011).

Kubyshev, Bessonova, Kovalev 2009: A.I. Kubyshev, S.S. Bessonova, N.V. Kovalev, Bratoliubovskii kurgan (Kiev 2009) // А.И. Кубышев, С.С. Бессонова, Н.В. Ковалёв Братолюбовский курган (Киев 2009).

Kuznetsova 2013: E.V. Kuznetsova, Ekonomicheskie sviazi antichnykh poselenii Aziatskogo Bospora v VI-III vv. do n.e. (po dannym keramicheskoi tary). Avtoref. diss. na soisk. uch. stepeni kand. ist. nauk (Voronezh 2013) // Е.В. Кузнецова, экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI-III вв. до н.э. (по данным керамической тары). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук (Воронеж 2013).

Kuznetsova 2017: E.V. Kuznetsova, O goncharnykh masterskikh Khersonesa Tavricheskogo, issledovannykh V.V. Borisovoi. Zapiski IIMK RAN 16, 2017, 118-127. // Е.В. Кузнецова, О гончарных мастерских Херсонеса Таврического, исследованных В.В. Борисовой. Записки ИИМК РАН 16, 2017, 118-127.

Latysheva 1979: V.A. Latysheva, Keramicheskie kleima iz raskopok poseleniia "Masliny" v Severo-Zapadnom Krymu. In: (red. V.B. Piotrovskii) Problemy antichnoi istorii i kultury. Ch. 2 (Erevan 1979), 335-341 // В.А. Латышева, Керамические клейма из раскопок поселения «Маслины» в Северо-Западном Крыму. В: (ред. В.В. Пиотровский) Проблемы античной истории и культуры. Ч. 2 (Ереван 1979), 335-341.

Lesnaia 2018: E.S. Lesnaia, Imitatsii nekotorykh form vostochnogrecheskoi stolovoi keramiki iz raskopok Khersonesa. In: (red. V.Iu. Zuev, V.A. Khrshanovskii) Bosporskii fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ch. 2 (Sankt-Petersburg 2018), 61-67 // Е.С. Лесная, Имитации некоторых форм восточнореческой столовой керамики из раскопок Херсонеса. В: (ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский) Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Ч. 2 (Санкт-Петербург 2018), 61-67.

Maksimenko 1983: V.E. Maksimenko, Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (Rostov-na-Donu 1983) // В.Е. Максименко, Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (Ростов-на-Дону 1983).

Marchenko 2005: K.K. Marchenko, Osnovnye aspekty i rezul'taty izucheniia greko-varvarkikh kontaktov i vzaimodeistvii v Severnom Prichernomor'e skifskoi epokhi. In: (red. K.K. Marchenko) Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ia v skifskuiu epokhu (Sankt-Petersburg 2005), 12-26 // К.К. Марченко, Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи. В: (ред. К.К. Марченко) Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху (Санкт-Петербург 2005), 12-26.

Meliukova 1967: A.I. Meliukova, Poselenie III-II vv. do n.e. u s. Nikolaevka Odesskoi oblasti. KSIA 109, 1967, 54-64 // А.И. Мелюкова, Поселение III-II вв. до н.э. у с. Николаевка Одесской области. КСИА 109, 1967, 54-64.

Mogilov 2008: O.D. Mogilov, Sporiadzhennia konia skifskoi dobi u lisostepu Skhidnoi Evropi (Kiiv-Kam'ianets'-Podil'skii 2008) // О.Д. Могиллов, Спорядження коня скифської доби у лісостепу Східної Європи (Київ-Кам'янець-Подільський 2008).

Monakhov 1999: S.Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e: komplekсы keramicheskoi tary (Saratov 1999) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары (Саратов 1999).

- Monakhov 2003:** S.Iu. Monakhov, Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel' (Moskva-Saratov 2003) // С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель (Москва-Саратов 2003).
- Monakhov, Kuznetsova, Churekova 2017:** S.Iu. Monakhov, E.V. Kuznetsova, N.B. Churekova, Amfory V-II vv. do n.e. iz sobraniia gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". Katalog (Saratov 2017) // С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова, Н.Б. Чурекова, Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог (Саратов 2017).
- Okatenko, Buinov 2010:** V.M. Okatenko, Iu.V. Buinov, Kurgan z pokhovanniam skifs'kogo tipu bilia Starogo Merchika. Arkheologiya 1, 2010, 78-90 // В.М. Окатенко, Ю.В. Буйнов, Курган з похованням скіфського типу біля Старого Мерчика. Археологія 1, 2010, 78-90.
- Onaiko 1970:** N.A. Onaiko, Antichnyi import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV-II vv. do n.e. SAI D1-27, 1970 // Н.А. Онайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ Д1-27, 1970.
- Ostroverkhov, Redina 2013:** A.S. Ostroverkhov, E.F. Redina, Skifskie drevnosti. In: (red. I.V. Bruiako, T.L. Samoilo-va) Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia (Odessa 2013), 374-418 // А.С. Островерхов, Е.Ф. Редина, Скифские древности. В: (ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 374-418.
- Petrenko 1967:** V.G. Petrenko, Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ia v V-III vv. do n.e. SAI D1-4, 1976 // В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. САИ Д1-4, 1967.
- Polin 2014:** S.V. Polin, Skifskii Zolotobalkovskii kurgannyi mogil'nik V-IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Kiev 2014) // С.В. Полин, Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине (Киев 2014).
- Puzikova 2001:** A.I. Puzikova, Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ia (publikatsiia kompleksov) (Moskva 2001) // А.И. Пузикова, Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов) (Москва 2001).
- Saprykin 2013:** S.Iu. Saprykin, Pontiiskie proksenii i marshruty plavaniia grekov po Chernomu moriu. In: (red. A.N. Kovalenko) Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 65-letiiu professora V.P. Kopylova (Rostov-na-Donu 2013), 119-126 // С.Ю. Сапрыкин, Понтийские проксении и маршруты плавания греков по Черному морю. В: (ред. А.Н. Коваленко) Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова (Ростов-на-Дону 2013), 119-126.
- Savchenko 2001:** E.I. Savchenko, Mogil'nik skifskogo vremeni "Ternovoe I – Kolbino I" na Srednem Donu. Arkheologiya Srednego Dona v skifskuiu epokhu. In: (red. V.I. Guliaev) Trudy Potudanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IA RAN, 1993-2000 gg. (Moskva 2001), 53-143 // Е.И. Савченко, Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону. Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. В: (ред. В.И. Гуляев) Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг. (Москва 2001), 53-143.
- Shevchenko 2009:** A.A. Shevchenko, Novye materialy k izucheniiu kurgannogo mogil'nika Kolbino I na Srednem Donu. In: (red. V.I. Guliaev) Arkheologiya Srednego Dona v skifskuiu epokhu: Trudy Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IA RAN, 2004-2008 gg. (Moskva 2009), 26-111 // А.А. Шевченко Новые материалы к изучению курганного могильника Колбино I на Среднем Дону. В: (ред. В.И. Гуляев) Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004-2008 гг. (Москва 2009), 26-111.
- Shramko 1987:** B.A. Shramko, Bel'skoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon) (Kiev 1987) // Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).
- Skoryi, Zimovets 2014:** S. Skoryi, R. Zimovets, K probleme tovarno-denezhnykh otnoshenii u naseleniia Vostochnoevropetskoi Lesostepi v skifskuiu epokhu. Zbirnik naukovikh prats' fakul'tetu istorii ta prava Kirovograd'skogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Vinnichenka: Naukovi zapiski. Seriia istorichni nauki 21, 2014, 141-156 // С. Скорый, Р. Зимовец, К проблеме товарно-денежных отношений у населения Восточноевропейской Лесостепи в скифскую эпоху. Збірник наукових праць факультету історії та права Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка: Наукові записки. Серія історичні науки 21, 2014, 141-156.
- Stanislavskii 2003:** I.M. Stanislavskii, Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia VI-I vv. do n.e. (Moskva 2003) // И.М. Станиславский, Античные монеты Северного Причерноморья VI–I вв. до н.э. (Москва 2003).
- Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016:** N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika, Skifskii mogil'nik III-II vv. do n.e. u s. Glinoe (Tiraspol' 2016) // Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика Скифский могильник III–II вв. до

н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).

Vinogradov 2005: Iu.A. Vinogradov, Bospor Kimmeriiskii. In: (red. K.K. Marchenko) Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ia v skifskuiu epokhu (Sankt-Petersburg 2005), 211-296 // Ю.А. Виноградов, Боспор Киммерийский. В: (ред. К.К. Марченко) Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху (Санкт-Петербург 2005), 211-296.

Zadnikov, Peliashenko 2017: S.A. Zadnikov, K.Iu. Peliashenko, Grecheskii keramicheskii import Tsirkunovskogo gorodishcha. Drevnosti-2017 15, 2017, 166-180 // С.А. Задников, К.Ю. Пеляшенко, Греческий керамический импорт Циркуновского городища. Древности-2017 15, 2017, 166-180.

Zavoikin 2010: A.A. Zavoikin, Politicheskaia istoriia Aziatskogo Bospora. Arkhaicheskii, klassicheskii i ellinisticheskii periody (VI-I vv. do n.e.). In: (red. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov) Antichnoe nasledie Kubani II (Moskva 2010), 13-75 // А.А. Завойкин, Политическая история Азиатского Боспора. Архаический, классический и эллинистический периоды (VI-I вв. до н.э.). В: (ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов) Античное наследие Кубани II (Москва 2010), 13-75.

Zolotarev 1994: M.I. Zolotarev, Vzaimootnosheniia Olvii i Khersonesa v IV-II vv. do n.e. (po materialam khersonesskikh keramicheskikh kleim iz Olvii). In: (red. V.A. Kutaisov) Severo-Zapadniy Krym v antichnuiu epokhu (Kiev 1994), 123-137 // М.И. Золотарев, Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV-II вв. до н.э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии). В: (ред. В.А. Кутайсов) Северо-Западный Крым в античную эпоху (Киев 1994), 123-137.

Zolotarev 1996: M.I. Zolotarev, Torgovyie kommunikatsii mezhdu Khersonesom i Skifiei v kontse IV – pervoi treti III v. do n.e. Arkheologiya 2, 1996, 79-84 // М.И. Золотарев, Торговые коммуникации между Херсонесом и Скифией в конце IV – первой трети III в. до н.э. Археология 2, 1996, 79-84.

Zubar' 1993: V.M. Zubar', Khersones Tavricheskii v antichnuiu epokhu (Kiev 1993) // В.М. Зубарь, Херсонес Таврический в античную эпоху (Киев 1993).

Zubar' 2009: V.M. Zubar', Letopis' arkheologicheskikh issledovaniy Khersonesa – Khersona i ego okrugy (Simferopol' 2009) // В.М. Зубарь, Летопись археологических исследований Херсонеса – Херсона и его округа (Симферополь 2009).

Zubar', Son 2007: V.M. Zubar', N.A. Son, Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuiu epokhu. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia. Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Supplement) 3 (Simferopol' 2007) // В.М. Зубарь, Н.А. Сон, Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Supplement) 3 (Симферополь 2007).

Виктория Котенко, кандидат исторических наук, Национальный музей-заповедник украинского гончарства, 38164, Полтавская область, пгт Опошня, ул. Партизанская 102, Украина, e-mail: kotenkovikt@gmail.com

Денис Гречко, кандидат исторических наук, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210, Киев, Украина, e-mail: ukrspadshina@ukr.net

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тиры (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Светлана Рябцева†

**Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша)
и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной,
Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.**

Keywords: hoard, Voinești, Cheremno, jewelry traditions, workshops, Galician lands, Carpathian-Balkan region.

Cuvinte cheie: tezaur, Voinești, Cheremno, tradiții de giuvaiergerie, ateliere, pământurile Galicilor, regiunea carpato-balcanică.

Ключевые слова: клад, Войнешть, Черемно, ювелирные традиции, мастерские, Галицкие земель, Карпато-Балканский регион.

Svetlana Reabteva†

The treasures of Voinești (Romania) and Cheremno (Poland) and some specific features of the jewelry design of the population of Eastern, South Eastern and Central Europe in the 13th – early 14th centuries

We can distinguished in the component of Voinești hoard (Romania) three groups of items made in different jewelry traditions. The group of decorations of Old Russian origin from this hoard has very close analogies in the compositions of two treasures from Cheremno (Poland). The cessation of the hordes from Voinești and Cheremno took place in the second half of the 13th – early 14th centuries. The complexes from Cheremno are the ones of the western places of discovering Old Rus' ornaments, some of which came from the workshops of the Galician lands. The finds from Voinești make the southwestern border of the distribution of such objects, while this complex was supplemented with items, characteristic for the jewelry production of the Carpathian-Balkan region

Svetlana Reabteva†

Tezaurile de la Voinești (România) și Cheremno (Polonia) și unele caracteristici specifice ale designului bijuteriilor populației din estul, sud-estul și centrul Europei în sec. XIII – începutul sec. XIV

În cadrul setului de piese de giuvaiergeriu din tezaurul de la Voinești (România) pot fi delimitate trei grupuri de obiecte, confecționate în diferite tradiții de giuvaiericat. Remarcăm, totodată, că piesele de podoabă de proveniență rusă veche au analogii destul de apropiate în componența celor două tezaure din Cheremno (Polonia). Depozitarea tezaurelor de la Voinești și Cheremno a avut loc în a doua jumătate a sec. XIII – începutul sec. XIV. Complexele din Cheremno sunt parte componentă a descoperirilor vestice de podoabe ruse vechi, multe dintre care au ieșit din atelierele din Galiția. Descoperirea de la Voinești marchează hotarul sud-vestic de răspândire a unor astfel de piese, ea fiind deja completată cu obiecte caracteristice meșteșugului de giuvaiergerie caracteristic regiunii carpato-balcanice.

Светлана Рябцева†

Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.

При рассмотрении набора ювелирных изделий из клада Войнешть (Румыния) может быть выделено три группы вещей, изготовленных, в различных ювелирных традициях. При этом, подборка украшений древнерусского происхождения имеет весьма близкие аналогии в составе двух кладов из Черемно (Польша). Тезаврация кладов Войнешть и Черемно произошла во второй половине XIII – начале XIV вв. Комплексы из Черемно является одними из западных местонахождений древнерусских украшений, многие из которых вышли из мастерских Галицких земель. Находка из Войнешть, маркируют юго-западную границу распространения подобных предметов, при этом данный комплекс уже дополнен изделиями, характерными для ювелирного дела Карпато-Балканского региона.

Для изучения ювелирного дела Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы XIII – начала XIV вв. весьма важен ряд кладов, найденных на территории Карпато-Днестровского региона. К числу наиболее интересных памятников этого круга относится клад Войнешть

(жудец Яшь, Румыния) (рис. 1,7). Ювелирные украшения из этого комплекса имеют целый ряд весьма ярких аналогий в составе недавно обнаруженных кладов Черемно (гимна Тышовце, повят Томашув Любельский, воеводство Люблинское, Польша) (рис. 3). Обратимся к составам и

проблеме датировке данных комплексов.

Войнештский клад был обнаружен в 1926 г., но предметом специального изучения стал лишь со второй половины XX века [Teodor 1961, 245-263; 2003, 147-162; Teodorescu 1974, 108, 329-330, 332; Spinei 1994, 24, 127, 455, fig. 21,1-23; Reabțeva 2014, 69, 78, 102, 130, 287, fig. 25; 327, fig. 65; Otsa, Dzhordzhesku 2016, 301-319]. Комплекс первоначально состоял из 31 серебряного украшения¹, среди которых представлены целые экземпляры и фрагменты. Кроме того, есть сведения о наличии сероглиняного сосуда, в котором был найден клад. К настоящему времени не сохранились одно кольцо, накладка и фрагменты сосуда.

При рассмотрении данного набора ювелирных изделий может быть выделено три группы вещей, изготовленных, в различных ювелирных традициях.

Остановимся на первой группе. Широкие створчатые браслеты, представленные в кладе двумя экземплярами [Teodor 1961, 245-269; Otsa, Dzhordzhesku 2016, 311, ris. 8] (рис. 1,1-2), относятся к изделиям, возникшим на основе византийских прототипов, но изготовлены были в ювелирных мастерских Древней Руси. Необходимо отметить, что специфика древнерусской художественной школы металлообработки проявилась как в технике изготовления, так и в декоративном оформлении подобных браслетов. Если византийские образцы XI-XIII вв., как правило, выполнены в технике тиснения [Yeroulanou 2010, 40-49, pl. 26-28; Bosselmann-Ruickbie 2011, 400-402; Darkevich 1975, 271-273; Bocharov 1984, 87; Kalashnikova, Kornienko, Riabtseva 2016, 271] (рис. 2,1-3), то ранние древнерусские браслеты XII века изготавливались в технике ручной выколотки [Makarova 1986, 64-99; 2008, 90-97; Zhilina 2014, 186; Kalashnikova, Kornienko, Riabtseva 2016, 273].

Каждый подобный браслет выполнялся индивидуально, по всей видимости, по личным заказам представителей знати. В их декоре кроме отдельных зооморфных (реальных и фантастических) и антропоморфных персонажей представлены и целые сюжетные сцены, изображающие танцоров и музыкантов, борьбу человека со львом и др. Фигурки зверей и птиц подчас становятся частью хитросплетения пле-

1. На некоторых изделиях прослеживается позолота.

теночных и растительных мотивов. Важной особенностью декора этих браслетов является то, что чернью, как правило, покрыт фон. Таким образом, создавался эффект светлого изображения на темном фоне. Некоторые образцы дополнительно позолочены. Первоначально створчатые браслеты изготавливались только в столичном центре – Киеве. В течение XII – начале XIII века свои мастерские возникают, по всей видимости, и в других городах, например, Владимире, Рязани и Галиче. При этом в конце XII-XIII вв. в технике изготовления браслетов намечаются некоторые изменения. Мастера начинают использовать штампы и чеканы, применять псевдозерновой орнамент, прочеканенный с оборотной стороны изделия. Кроме того, в конце XII в. эпизодически, а в XIII-XIV вв. регулярно чернят уже не фон, а лишь гравированные линии изображений [Kalashnikova, Kornienko, Riabtseva 2016, 281].

В связи с татарским нашествием, деятельность многих ювелирных мастерских прекратилась, но в Галицкой земле подобные браслеты распространены, по крайней мере, вплоть до первой половины XIV века [Zhilina 2014, 265-266; Makarova 1986, 87-90; Kalashnikova, Kornienko, Riabtseva 2016, 287]. Эти изделия представляют собой компактную группу, для которой характерно использование приемов, освоенных еще в конце XII-XIII веков – применение матриц, чеканов и черни по гравировке. Что касается орнаментики, то четко просматривается сохранение традиционных мотивов, известных на более ранних образцах. На поздних браслетах представлены разнообразные варианты плетеночного и растительного декора. В то же время, мастера отказываются от сложных многофигурных композиций с участием антропоморфных и зооморфных персонажей. Появляются новые варианты иконографии изображения птиц и кринов (клад Войнешть) [Otsa, Dzhordzhesku 2016, 311, ris. 8], а также растительно-геометрические фигуры, напоминающие готический шрифт (Викторово, Шанчай) [Makarova 1986, 87, 90, 144, fig. 44, №238,239].

Именно к этой группе вещей относятся и рассматриваемые браслеты из клада Войнешть. Изделия украшены ложной зернью, прочеканенной с оборотной стороны. В створки, обрамленные жгутами рубчатой проволоки,

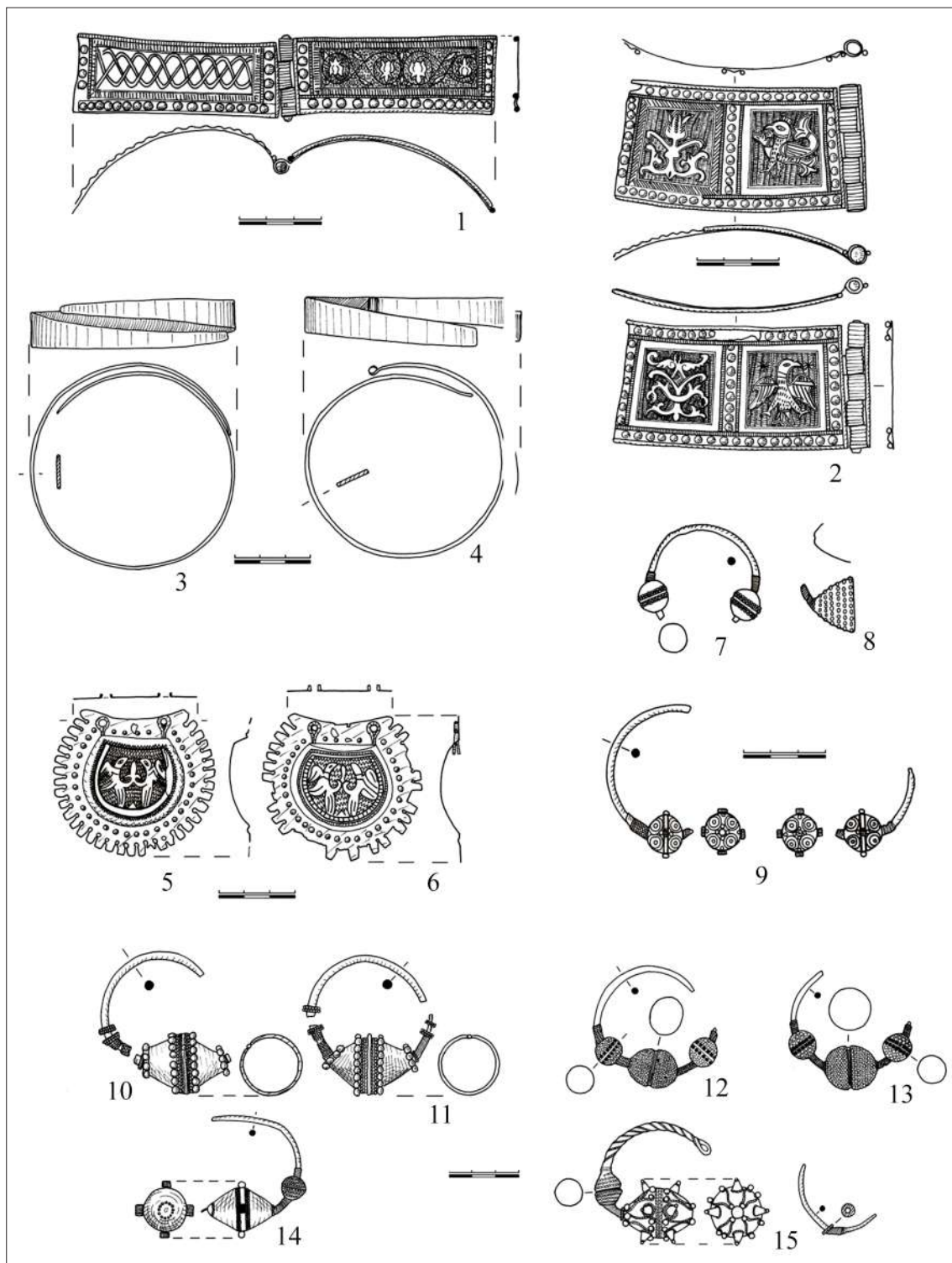

Рис. 1. Украшения из клада Войнешть (Румыния) (по: Otsa, Dzhordzhesku 2016, 305-307, 311, ris. 1-3, 8).

Fig. 1. Jewelry from the treasure of Voinesti (Romania) (by: Otsa, Dzhordzhesku 2016, 305-307, 311, ris. 1-3, 8).

вмонтированы пластинки с гравированными изображениями. Гравировкой проработаны изображения и фон, чернью заполнены только контуры гравированных линий. На более широком

браслете сохранились следы позолоты (рис. 1,2), его створки поделены на два подквадратных отсека, в которых изображены чередующиеся растительные побеги и фигурки птичек.

Одна из них, скорее всего, орел в геральдической позе с раскинутыми крыльями. Вторая птичка изображена в профиль, с процветшими хвостом и крыльями. Створки второго, более узкого браслета декорированы плетенкой и растительным побегом (рис. 1,1).

К этой же группе изделий принадлежит браслет, происходящий непосредственно из окрестностей древнего Галича (ныне с. Викторово Галичского района Ивано-Франковской обл. Украины) [Pasternak 1944, Tab. XV; Ratic 1957, 44, Tab. XI, 23; Darkevich, Soboleva 1973, 85; Makarova 1986, 87, 90, 144, fig. 44, №239]. По краям изделия расположены два ряда ложной зерни, выполненные при помощи чеканов. Ложная зернь обрамляет и пятиугольные клейма с гравированными изображениями птиц и плетенки. На каждой створке по три клейма.

На широком обруче, найденном в конце XIX века случайно у с. Демидово (ныне Дрогобычский район Львовской обл. Украины) [Darkevich, Soboleva 1973, 85, fig. 2; Makarova 1986, 87, fig. 44, №236], нанесены изображения охотника с копьем, птиц, и кринов, заключенные в киотцы. Так же, как и на других браслетах этой группы, чернь представлена лишь в линиях гравировки, в декоре использована чеканка для имитации ряда зерни по краям створок и в треугольниках между киотцами. Судя по сопровождающему монетному материалу (65 чешских монет чеканки Вацлава II (1278-1305) и Иоанна I Люксембургского (1310-1346), археологизация этой находки произошла не ранее первой половины XIV века [Darkevich, Soboleva 1973, 85; Makarova 1986, 87]).

К этой же группе изделий относятся и браслеты, найденные недавно на территории Польши в первом кладе Черемно (местонахождение связано с летописным древнерусским городом Червень) [Piotrowski, Woloszyn 2012, 359-389, fig. 5,6,8; Piotrows'kii, Voloshin 2012, 211-218; Piotrovskii, Voloshin 2014, 161-176] и происходящие из комплекса, на составе которого мы остановимся подробнее несколько позже. Один браслет с изображениями, расположенными в один ярус (рис. 3,5). Его створки обрамлены линией ложной зерни и позолочены. По краю браслета – кайма из прочеканенных миниатюрных полусфер. В клеймах расположены изображения птичек и высоких криновид-

ных деревьев. Сходные деревья достаточно часто встречаются на древнерусских створчатых браслетах (клады Тверь, Старая Рязань 1970 г., Болоховское городище). Второй браслет из Черемно немного более широкий, с двухъярусной композицией. В нижнем ярусе – плетенка, в верхнем – растительный побег (лоза). Клейма с изображениями обрамлены жгутами рубчатой проволоки и прочеканенными полусферами. На основе соотнесения с составами кладов из западных областей Украины дату сокрытия украшений исследователи склонны относить к первой половине XIV века.

Кроме клада Войнешть, известна также удаленная от территории Древней Руси находка браслета рассматриваемого типа из клада Шанчай (предместье города Каунас, Литва). В данном комплексе, сокрытом в XIV – начале XV вв., представлен узкий створчатый браслет, украшенный растительно-геометрической композицией и фигурками птиц [Darkevich, Soboleva 1973, 84-85, ris. 1; Makarova 1986, 144, ris. 44, №238].

Позднюю дату выпадения клада определяет, в том числе, и монетный материал. В комплексе присутствуют четыре монеты чеканки молдавского господара Петру Мушата (гроши относятся к ранним молдавским эмиссионным сериям 80 х гг. XIV века (до 1386/1388)². Найдены также пять денежных слитков XIV века, 87 литовских монет с надписью «печать», чеканенных, по всей видимости, после 1378 года [Darkevich, Soboleva 1973, 83-94].

Таким образом, широкие створчатые браслеты из клада Войнешть являются изделиями, выполненными в традициях специфической школы металлообработки, сложившейся в юго-западных регионах Древней Руси во второй половине XIII – первой половине XIV вв., и отражают торговые и культурные контакты населения Восточной и Юго-Восточной Европы.

По всей видимости, с древностями юго-западных регионов Древней Руси связаны и *два узкопластинчатых с браслета с заходящими концами из клада Войнешть*. Браслеты согнуты в полтора оборота, у одного из них концы просто заужены, у второго – заужены и загнуты

2. Приношу глубокую благодарность за консультацию доктору истории научному сотруднику Нумизматический кабинет Библиотеки АН Румынии Л.В. Дергачевой.

ты в трубочки [Otsa, Dzhordzhesku 2016, 307, ris. 3,1-2; ris. 4,1-3] (рис.1,3-4). Изделия выполнены из достаточно плотной прокованной пластинки. Сходные пластинки, но распрямленные, представленные в Киевском кладе из усадьбы Десятинной Церкви и в кладе Мирополь (Житомирская обл. Украина) [Korzukhina 1954, 134, kat. 71, ris. 19; Piotrovs'kii, Volosshn 2012, 215]. Пара браслетов из клада Старый Збараж (Тернопольская обл. Украина) [Liwoch 2013, 29, гус. 11; Zarubii 2009, 60-61, kat. 8-9] являются наиболее близкой аналогией находке из Войнешть. Однако, в отличие от неорнаментированных образцов из Войнештского клада, эти браслеты декорированы геометризированным гравированным и пуансонным орнаментом.

Более высокие спиральные браслеты, свернутые не в полтора, а в два оборота или два с половиной оборота представлены в упомянутом выше кладе из Демидова (4 экземпляра) из Украины и двух кладах из Черемно (в первом пара, во втором 1 экз.) из Польши [Zarubii 2009, 61, cat. 10-13; Piotrovs'kii, Voloshin 2012, 211-218, 231, fig. 7,3] (рис.3,7,12). В данном случае пластинка, из которой изготовлены браслеты, более тонкая и гладко прокованная. На образцах, найденных на территории Польши, концы браслетов гладкие, заостренные. На браслетах из Демидова – заостренные и загнутые в трубочки.

Судя по находкам из Киева из Збараджа, подобные изделия появились еще в домонгольское время, однако существовали достаточно долгий период. Непосредственным подтверждением этого является весь состав и монетная часть клада из Демидова, не позволяющая датировать его выпадение ранее первой половины-середины XIV века, а также составы безмонетных кладов Войнешть и Черемно [Darkevich, Soboleva 1973, 85; Makarova 1986, 87; Piotrovs'kii, Voloshin 2012, 211-218; Otsa, Dzhordzhesku 2016, 301-319].

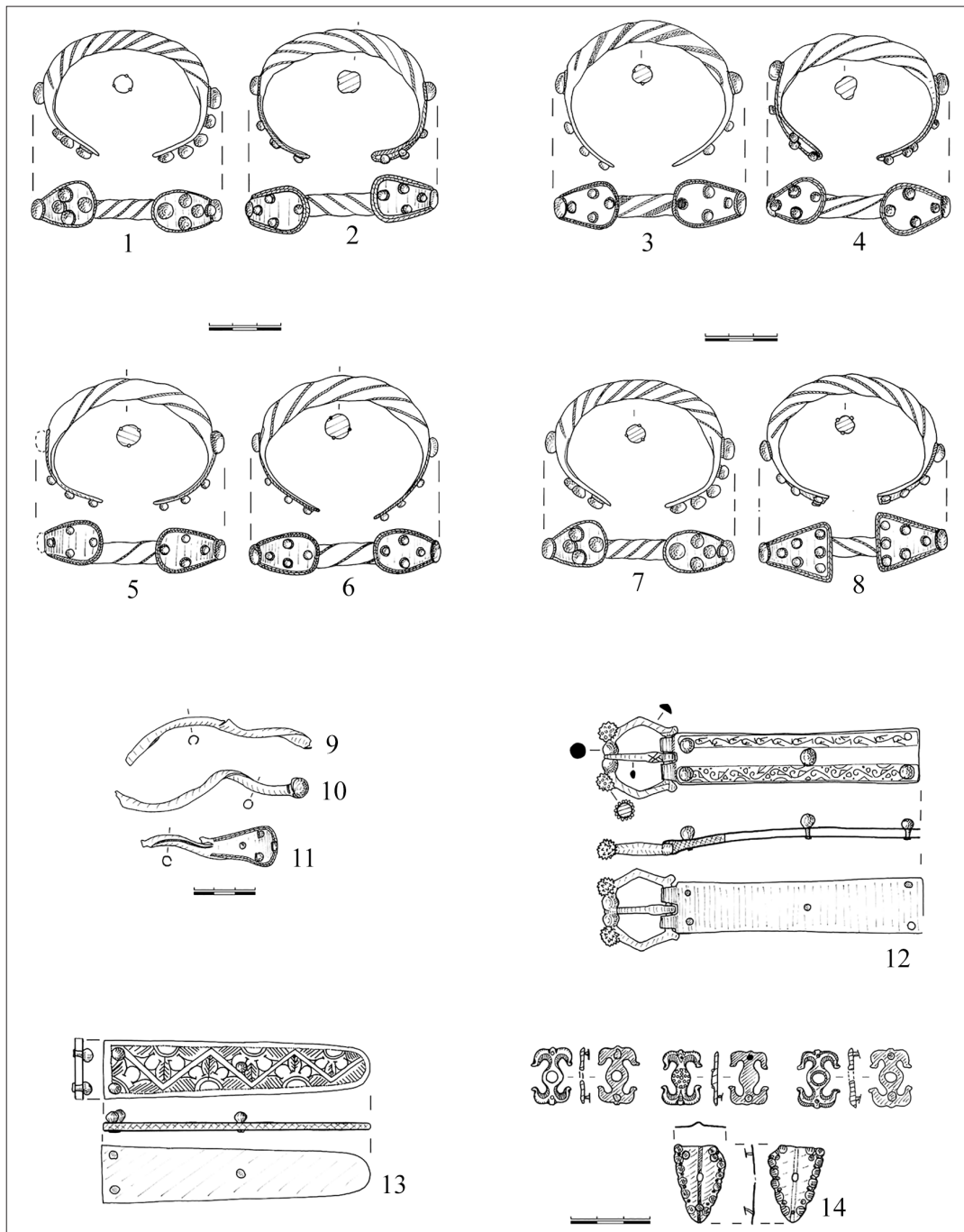
До недавнего времени *подвески к головному убору – колты из клада Войнешть* [Reabteva 2014, 111-126; Otsa, Dzhordzhesku 2016, 303, ris. 1,1] (рис. 1,5-6) представляли собой уникальное явление среди древностей подобного круга, находки из клада Черемно дополнили наше представление о распространении таких специфических украшений, отличающихся как от стандартных древнерусских образцов, так и от украшений, характерных для ювелирной шко-

лы Карпато-Балканского региона [Piotrowskii, Woloszyn 2012, 214; 2014, 168, fig. 4] (рис. 3,8,13). Их объединяет характерная деталь – необычная обнизь, выполненная из подпрямоугольных «лучей». Колты из Войнешть выполнены в единой стилистике со створчатыми браслетами – фон изображения (птицы, сопоставленные у крина) проработан плотным гравированным орнаментом, центральный изобразительный «картуш» обрамлен цепочкой «ложных перлов», прочеканенных с оборотной стороны пластинки.

Однако, при внешней схожести, прослеживается и ряд технологических отличий между украшениями из этих двух комплексов. В случае находки из Румынии, щиток колта и обнизь выполнены одновременно, из одной пластинки металла. У изделий из Черемно выпуклые щитки изготовлены отдельно. Центральный изобразительный «картуш» с гравированным растительно-геометрическим орнаментом обрамлен выпуклой розетчатой каймой, изготовленной в технике тиснения во время подготовки щитка. Отдельно выполнена и обнизь, при этом ее «лучи» представляют собой объемные подпрямоугольные скобочки, тогда как у колта из Войнешть – объемный картуш выполнен с «лучами» из одной пластинки (подготовлен в технике тиснения), а сами лучи плоские «лучи». Таким образом, колт из Черемно выглядит гораздо более объемным, выпуклым.

Закончив рассмотрение среди вещей из Войнештского клада изделий, связанных с древнерусской ювелирной традицией, **обратимся ко второй большой группе украшений из Войнештского клада, непосредственно происходящих из мастерских Карпато-Балканского региона.** К ней относятся витые и плетеные браслеты с расширенными щитками, декорированными зернью и сканью, и разнообразные варианты бусинных серег или височных колец.

Витые и плетеные браслеты со щитками, декорированными зернью, относятся к группе украшений, имеющих византийские истоки (в XI-XIII вв. подобные браслеты известны также в Сирии и Египте) [Hasson 1987, 22, fig. 8, 73; 90] и широко распространенных в Карпато-Балканском пространстве с XIII по XVI вв. [Riabtseva 2005, 266-272; Oța, Dragotă 2010, 155-171]. За этот период в оформлении браслетов, безусловно, произошел ряд изменений. Ранние

Рис. 2. Браслеты и детали поясной гарнитуры из клада Войнешть (Румыния) (по: Otsa, Dzhordzhesku 2016, 308-306, 310, 314, ris. 5-7, 9).

Fig. 2. Bracelets and details of the belt headset from the hoard of Voinesti (Romania) (by: Otsa, Dzhordzhesku 2016, 308-306, 310, 314, ris. 5-7, 9).

находки браслетов с зернеными щитками происходят из памятников, известных с территории Румынской Молдовы – кладов Войнешть и Оцелень [Teodor 1961, 245-263; 2003, 147-162; Otsa, Dzhordzhesku 2016, 310, ris. 4-7]. Это витые и плетеные браслеты с небольшими мягко

очерченными каплевидными или треугольными щитками. Они близки к украшениям, происходящим из Сирии или Египта, а также к браслетам из коллекции Ханенко [Hasson 1987, 22, fig. 8, 73; 90; Khanenko, Khanenko 1902, Tab. XXI, 1060].

В кладе Войнешть содержится восемь браслетов, витых из двух дросов [Teodor 1961, 505, fig. 2; Otsa, Dzhordzhesku 2016, 310, ris. 5-7] (рис. 2,1-8). Представлены браслеты, изготовленные из цельнометаллических дросов, а также из полых трубчатых дросов, скрученных из полоски серебра. У одного браслета цельнометаллические серебряные дросы дополнительно обернуты тонкими пластинками серебра [Otsa, Dzhordzhesku 2016, 310, ris. 5,3]. Концы браслетов раскованы в щитки подтреугольной или округлой формы и украшены сканью и крупной зернью. На щитках округлой формы выложены крупной зернью крестики, на подтреугольных – треугольники. Сканью обрамлены края щитков, сканные колечки подложены под зернь. В месте перехода от витой части браслета к щитку напаяны крупные шарики. Витая часть браслетов дополнительно украшена сканной нитью. Кроме того, представлен еще один фрагментированный браслет, плетеный рыхлым плетением из 7 проволочных дросов. Щиток оформлен аналогично.

В кладе Оцелень найден один целый и фрагмент второго браслета с щитками, украшенными крупной зернью и сканью [Teodor 2003, 345, 347, fig. 2,2-3; 3,2-3]. Оба браслета витые из трех дросов, перевитые сканной нитью. Щитки каплевидной формы раскованы из дросов, обведены полоской скани, украшены одним крупным шариком при переходе от щитка к витой части и четырьмя шариками поменьше на щитках. Шарики обведены сканью. Каплевидная форма щитка является датирующим признаком и характерна для ранних вариантов этих украшений. У более поздних экземпляров щитки имеют, как правило, треугольную форму, со временем они становятся все массивнее, а кольцо толще. С территории Республики Молдовы пока известен только один фрагмент подобного браслета, происходящий из частного собрания, и место его находки точно не установлено [Reabțeva 2014, 328, fig. 66, 3].

Основная же масса находок подобных украшений происходит из Добруджи и Валахии из комплексов XIII-XIV вв. Браслеты с зернеными щитками содержатся в кладах Пэкуял луй Соаре, Михаил Когэльнічану, Склеа Кладовой, Басараби, Гогошу, Жиана Маре, Шушица [Popescu, 57, №85, fig. 35; Dumitriu 2001,

taf.16,20,23,35,40,49,50]. Недавно целая подборка подобных серебряных витых браслетов с подтреугольными щитками была найдена в лесу Черника [Oța, Oberländer Târnoaveanu 2018, 251-254]. В хронологическом плане в развитии этих украшений отмечается тенденция к постепенному увеличению размеров щитков, а также большая четкость и симметричность композиции, их декорирующей.

В XIII-XV вв. браслеты с зернеными щитками встречаются в также в памятниках Венгрии, Болгарии и Македонии [Jakun 1933, 193-199; Maneva 1992, 194-195, ris. 58]. Например, в Болгарии целая подборка плетеных браслетов XIV в. со щитками треугольной формы, декорированными крупной зернью, происходит из клада Долиште, пять сходных браслетов были найдены и в кладе Баниско [Pavlova 2007, 35-45, 66]. Рассмотрение широкого круга аналогов, происходящих с территории Центральной и Юго-Восточной Европы, позволяет прийти к выводу, что браслеты, найденные в кладе Войнешть, относятся к ранней группе подобных изделий, изготовлявшихся мастерами Карпато-Балканского региона в XIII или самом начале XIV века.

Еще одна подборка украшений из клада Войнешть своим происхождением, безусловно, связана с древностями Карпато-Балканского региона [Teodor 1961, 514-516, fig. 8; Reabțeva 2014, 79; Otsa, Dzhordzhesku 2016, 303-306, ris. 1-3]. В кладе к этой подборке принадлежат трехбусинные серьги или височные кольца, выполненные из позолоченного серебра (рис. 1,7-15). Для подобных украшений характерна яйцевидная форма центральной бусины с ярко выраженным акцентированием средней части при помощи сканной обмотки и напаянных проволочных петелек и декорировку боковых бусин мелкими сквозными отверстиями, оправленными проволочными колечками. Все перечисленные особенности характерны именно для бусинных украшений, находимых в Карпато-Балканском регионе. К типичным образцам подобных украшений относятся представленные в Войнештском кладе «токайские» и «половецкие» кольца (рис. 1,10,11-15).

Название украшений «токайские серьги», полученное благодаря местонахождению, связанному с Токайским кладом в Венгрии [Mésterházy 1994, 193-239], условно. Они явно

Рис. 3. Украшения из кладов Черемно (Польша). Масштабы разные.

1-7 – Материалы из первого клада; 8-13 – Материалы из второго клада (по: Piotrovskii, Voloshin 2014, 227-231, ris. 5-7, 9).

Fig. 3. Decorations from the treasure Chermno (Poland). Scales are different.

1-7 – Materials from the first treasure; 8-13 – Materials from the second treasure (by: Piotrovskii, Voloshin 2014, 227-231, ris. 5-7, 9).

намного моложе основного состава Токайского клада и их принадлежность именно к этому комплексу можно поставить под сомнение [Oța 2009, 179-211].

Территория распространения этих украшений охватывает кроме Венгрии также Сербию,

Македонию, Болгарию и Румынию [Chorvich-Lubinkovich 1954, 81-92]. «Токайские серьги» встречаются в однобусинном и трехбусинном варианте. Эти украшения отличает округло продолговатая форма центральной бусины, выделение её уплощенной средней части, акценти-

рованной поясками мелких отверстий, а также зерни и металлических шариков. Аналогичные шарики расположены и по краям бусины у перехода к кольцу, создавая специфический облик этих украшений. В декоре центральных бусин применяется также накладной проволочный орнамент, выложенный сканной или рубчатой проволокой.

С. Оца провел сравнительный анализ украшений токайского типа и серег с биконическими бусинами, характерных для половецких древностей. Наиболее ранние экземпляры бусинных серег с овальными и овально-биконической бусинами имеют простые дужки, образцы с перекрученной дужкой появляются во второй половине XIII века. Постепенно проявляется тенденция к укрупнению и усложнению изделий. Классические трехбусинные образцы наиболее характерны для XIII-XIV вв. В декоре бусин применялась зернь разных размеров, имитация зерни, выполненная при помощи тиснения, а также сканная и гладкая проволока. Зачастую присутствует еще один декоративный элемент – использование небольших отверстий, создающих элемент ажурности. Подобные отверстия украшали маленькие боковые бусины, в декоре центральных крупных бусин они располагались в виде поясков в центральной уплощенной части наряду с бордюрами крупной зерни. Кроме того, ювелиры использовали несколько типов проволочного орнамента. В отличие от «токайских», для которых типичны пояски крупной зерни, характерной особенностью половецких украшений являются выступающие детали – тисненные колпачки и пирамидки зерни, и специфический проволочный орнамент «кардиформы» (рис. 1,5-6; 2,11-12; 3,9). Токайские серьги были встречены в Венгрии (Токай), Румынской Молдове (Войнешть), на юго-западе Румынии (Решица, Маковиште, в восточной Сербии (Кладово, Прахово). Половецкие – в Македонии (Прилеп), Болгарии (окр. Тырнова), Румынии (Курторе-Сфодае, Войнешть) [Оца 2009, 179-211; 2010, 117-138].

Судя по тому, что у «токайского» украшения из клада Войнешть простая, не перекрученная дужка, то оно может быть датировано XIII веком. Серьга с перекрученной дужкой и яйцевидной бусиной, декорированной коническими выступами - поздний дериват «половец-

ких серег» - относится к типам изделий, получивших распространение со второй половины XIII – начала XIV века [Reabteva 2014, 79; Otsa, Dzhordzhesku 2016, 303-306].

Третью группу изделий из Войнештского клада составляют детали поясного набора, относящегося к типу европейских поясов эпохи готики (рис. 2,12-14). Подобные пояса бытуют длительный период в XIII-XVI вв. и отражают изменения модных тенденций в костюме знати. Поясные наборы из Карпато-Балканского региона имеют весьма широкий круг аналогий, прежде всего в памятниках Западной и Центральной Европы, встречаются аналогичные находки в Крыму и на Кавказе [Kramarovskii 1985, 152-180]. Варианты подобных поясов присутствуют как в мужском, так и в дамском европейском костюме, в Карпато-Балканском же регионе они характерны для мужского одевания. Их носили с красиво ниспадающими концами ремня, Щитки поясных пряжек и наконечники ремня декорировали гравировкой, эмалью, чернью, использовали в убранстве поясов жемчуг и цветные вставки [Fingerlin 1971, 5-55]. Металлическая гарнитура крепилась к основе из кожи или тканого материала (шерсть, шелк, лен), зачастую украшенного золотной или серебряной нитью [Pavlova 2011, 461-480].

В рассматриваемом кладе Войнешть найдена поясная пряжка с длинным щитком, украшенным гравированным вьюнковым орнаментом, и поясной наконечник, также декорированный гравированным узором (рис. 2,12-13). Рамка пряжки украшена «бусинами» и выступами в виде «ягод». Кроме того, в кладе было три литых якоревидных накладок и одна тисненная бляшка подтреугольной формы. Эльза Фингерлин, посвятившая подобным поясам специальную монографию, отнесла набор из Войнешть к XV в. [Fingerlin 1971, 453]. Однако этой датировке противоречит весь рассмотренный выше остальной состав клада, таким образом, данный пояс является одной из наиболее ранних находок с территории Карпато-Балканского региона и может быть датирован второй половиной XIII – первой половиной XIV века [Reabteva 2014, 130]. Целый ряд поясов с территории Румынии происходит из комплексов XIV-XV и XV вв. – Котул Мори-Поприкань, Скинетья, Гогошу [Neamtu 1961, 283-293; Alaiба

2002, 117-179; 2007, 15-53; Dumitriu 2001, taf. 34].

На территории Республики Молдова уникальная находка деталей поясного набора, декорированного изображением святого, происходит из недавних раскопок некрополя Старого Орхея. Здесь был найден фрагмент кожаного пояса с розеткообразными накладками и удлиненным наконечником. Наконечник декорирован объемным изображением Святого Георгия, поражающего змея. На основе исследования иконографических параллелей изображения, этот наконечник был отнесен Л. Бакуменко-Пырнэу к XV-XVI вв. [Vacumenco 2006, 222-224, tab. XXIX].

В целом, рассмотрение состава клад Войнешть приводит к выводу, что датировка, приуроченная ко времени монгольского нашествия, то есть не позднее середины XIII в. [Teodor 1961, 520], нуждается в корректировке [Reabțeva 2014, 130]. Судя по специфике вещевого комплекса, его тезаврация может быть отнесена ко второй половине XIII – началу XIV века и гипотетически связана с активностью в Нижнедунайском регионе темника Ногая и его сыновей [Otsa, Dzhordzhesku 2016, 316].

Рассматривая группу украшений из Войнештского клада, связанных с древнерусской традицией, мы неоднократно упоминали клады, найденные в 2011 г. в Восточной Польше на городище у с. Черемно. Это укрепленное поселение идентифицируется исследователями со средневековым градом Червень, находившимся в период раннего средневековья на западной периферии Древней Руси. Название «Червенские грады» появляется в Повести временных лет при описании событий XI века – походов Болеслава Храброго в 1018 г. и Ярослава Мудрого в 1031 г. В XIV в. эти земли были включены Казимиром Великим в состав Польши [Piotrowskii, Voloshin 2014, 161-163].

Первый клад из Черемно (рис. 3,1-7) был найден в сероглиняном горшке. Кроме рассмотренных выше пары створчатых и пары пластинчатых спиральных браслетов, он содержал пару колтов, пару трехбусинных сережек, два перстня (один с углубленным орнаментом на плоском круглом щитке, второй с цветной вставкой в высокой касте) и 19 целых и ряд обломков от прямоугольных тисненых бляшек от головного венца. Сохранилась и фрагменты тканной осно-

вы головного убора из льна и шелка, в том числе, расшитые, миниатюрными стеклянными бусинами [Piotrows'kii, Voloshin 2012, 214].

Серебряные древнерусские колты с черным декором [Piotrowskii, Woloszyn 2012, 229, fig. 6,1] (рис. 3,1-2), найденные в этом кладе принадлежат к типу «с многолучевой каймой и вставными щитками» и по конструкции полностью аналогичны золотым изделиям этого типа, декорированным перегородчатой эмалью. Дело в том, что у типичных серебряных с чернью колтов, имитирующих данный тип украшений, как правило, лучи не заканчиваются отдельными колпачками, как в случае с золотыми изделиями или серебряными колтами из Черемно, а укреплены одним общим обручем из рубчатой проволоки, обрамляющим внешний контур изделия [Makarova 1986, 59, fig. 22]. И только в рассматриваемом нами случае на серебряном колте использован прием, характерный для золотых украшений. Еще один момент, связывающий данное украшение с золотыми колтами – это форма вставного щитка. У других серебряных колтов он, как правило, круглый, в данном случае щиток повторяет форму колта, т.е. представляет собой круг, срезанный в верхней части. На подобную разницу в форме щитков золотых и серебряных изделий указывала Т.И. Макарова, она же выделяла среди золотых колтов экземпляр из коллекции М.П. Боткина, декорированный щитком с гравированным черненным изображением птицы, как на некоторый переходный этап от золотых колтов с эмалью к серебряным с чернью [Makarova 1986, 62, fig. 22, №157-158]. В случае находки из Черемно, мы сталкиваемся с полным копированием в серебре формы золотого украшения.

По нашему мнению, на достаточно позднюю дату рассматриваемых колтов может указывать то, что на изображении крина, заканчивающегося тюльпановидным цветком, расположенного на щитках колтов. У него чернью проработаны только линии гравировки (как на поздних створчатых браслетах). Интересно, что практически такой же крин-тюльпан украшает и широкий створчатый браслет из клада Войнешть (рис. 1,2). Только в данном случае отсутствует обрамляющая крин композиция из «рогов», характерная только для декора колтов.

Если колты из этого комплекса вызыва-

ют некоторые аллюзии к древностям Киева, Чернигова и Владимира (именно там были обнаружены аналогичные украшения, выполненные в золоте [Makarova 2008, 47-51, tabl. 16]), то трехбусинные серьги из Черемно [Piotrowskii, Woloszyn 2012, 227, fig. 5] принадлежат к типу, характерному именно для юго-западных регионов Древней Руси. Для подобных украшений характерна специфическая кубическая форма бусин. Четыре грани бусины-кубика, создающие основной декоративный эффект, декорированы каждая тремя рядами крупной зерни, посаженной на проволочные колечки, разделенными двумя рядами мелких круглых отверстий, также оконтуренных проволочными колечками. Боковые грани, обращенные к кольцу, украшены только проволочными колечками. Серьги с подобной формой бусин были найдены, например, в 1935 году при раскопках Я. Пастернака на Крылосе (с. Крылос, Галицкий р-н, Ивано-Франковская обл.) [Piotrowskii, Woloszyn 2012, 105-106, kat. 93-96].

Второй клад из Черемно содержит меньшее количество украшений [Piotrowskii, Woloszyn 2012, 227, fig. 5] (рис. 3,8-13). В нем представлены рассмотренная выше пара колтов, один спиральный браслет и две пары трехбусинных серег. Одна пара с кубическими бусинами аналогична найденной в первом кладе, вторая (с круглыми тисненными бусинами, декорированными круглыми отверстиями) принадлежит к типам, широко распространенным на территории Древней Руси [Riabtseva 2005, 210] (рис. 3,9-11).

Судя по компактному составу, каждый из кладов из Черемно содержит по одному парадному женскому убору, сокрытому во время опасности. Дата их археологизации, также, как и клада из Войнешть, относится, по всей видимости, ко второй половине XIII – началу XIV века. По мнению исследователей, в череде исторических событий этого времени причиной тезаврации данных комплексов мог стать набег монгольского военачальника Бурунная, уничтожившего в 1260 году целый ряд укрепленных поселений Галицкой и Волынской земель [Piotrowskii, Voloshin 2012, 214]. Однако, сокрытие кладов могло произойти и несколько позже.

Таким образом, тезаврация рассмотренных кладов, по всей видимости, связана с нестабильной ситуацией, достаточно долгое время сохранявшейся как в юго-западных регионах Древней Руси, так и в Нижнедунайском регионе в период после монгольского нашествия. Что касается их составов, то комплексы из Черемно являются одними из западных пунктов распространения ювелирных древнерусских украшений, многие из которых вышли из мастерских Галицких земель. находка из Войнешть, также, как и Оцелень, как бы маркируют юго-западную границу распространения подобных предметов ювелирного убора, выполненных в древнерусских традициях, при этом данные комплексы уже дополнены типами украшений, характерных для ювелирного дела Карпато-Балканского региона.

Библиография

- Alaiba 2002:** R. Alaiba, Tezaurul de la Schinetea, jud. Vaslui. *Arheologia Medievală*, 4 (Reșița 2002), 117-179.
- Alaiba 2007:** R. Alaiba, Trésor monétaires Schinetea comm. de Dumești, dép. de Vaslui, 1982. In: *Monnaies et parures du musée départemental "Ștefan cel Mare" de Vaslui* (Iași 2007), 15-53.
- Bacumenco 2006:** L. Bacumenco, Ținutul Orheiului în secolele XV-XVI (Iași 2006).
- Bocharov 1984:** G.N. Bocharov, Khudozhestvennyi metall Drevnei Rusi (Moskva 1984) // Г.Н. Бочаров, Художественный металл Древней Руси (Москва 1984).
- Bosselmann-Ruickbie 2011:** A. Bosselmann-Ruickbie, Byzantinischer Schmuck des 9. bis frühen 13. Jahrhunderts. Untersuchungen zum metallenen dekorativen Körperschmuck der mittelbyzantinischen Zeit anhand datierter Funde. Spätantike – Frühes Christentum – Byzanz. Kunst im Ersten Jahrtausend. Studien und Perspektiven. Band 28 (Wiesbaden 2011), 400-402.
- Chorvich-Љubinkovich 1954:** M. Chorvich-Љubinkovich, Naushnitse t.z. tokajskog tipa. Pad vojvoĥanskikh muzeja, 3 (Novi Sad 1954), 81-92 // М. Ћорвич-Љубинкович 1954, Наушнице т.з. токајског типа. Рад Војвођанских музеја, 3 (Нови Сад 1954), 81-92.
- Darkevich 1975:** V.P. Darkevich, Svetskoe iskusstvo Vizantii: Proizvedeniia-vizantiiskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope X-XIII veka (Moskva 1975) // В. П. Даркевич, Светское искусство Византии: Про-

- изведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X-XIII века (Москва 1975).
- Darkevich, Soboleva 1973:** V.P. Darkevich, N.A. Soboleva, O datirovke litovskikh monet s nadpis'iu «pechat'» (po materialam Shanchaiskogo klada). SA 1, 1973, 83-95. // В.П. Даркевич, Н.А. Соболева, О датировке литовских монет с надписью «печать» (по материалам Шанчайского клада). СА 1, 1973, 3-95.
- Dumitriu 2001:** L. Dumitriu, Der mittelalterlich Schmuck des unteren Donaugebietes im 11-15. Jahrhundert (București 2001).
- Fingerlin 1971:** E. Fingerling, Gürtel des hohen und späten Mittelalters (Berlin 1971).
- Hasson 1987:** R. Hasson, Early Islamic jewelry (Jerusalem 1987).
- Jakun 1933:** Ht. Jakun, Ein mittelalterlicher Goldring aus Schlesien. PZ 24, 1933.
- Kalashnikova, Kornienko, Riabtseva 2016:** N.M. Kalashnikova, A.I. Kornienko, S.S. Riabtseva, Stvorchatye braslety. Traditsiia do i posle Nashestviia. Stratum plus 5, 2016, 269-300 // Н.М. Калашникова, А.И. Корниенко, С.С. Рябцева, Створчатые браслеты. Традиция до и после Нашествия. Stratum plus 5, 2016, 269-300.
- Khanenko, Khanenko 1920:** B.I. Khanenko, V.I. Khanenko, Drevnosti-Pridneprov'ia. T. 5 (Kiev 1902) // Б.И. Ханенко, В.И. Ханенко, Древности Приднепровья. Т.5 (Киев 1902).
- Korzukhina 1954:** G.F. Korzukhina, Russkie klady IX-XIII vv. (Moskva-Leningrad 1954) // Г.Ф. Корзухина, Русские клады IX-XIII вв. (Москва-Ленинград 1954).
- Kramarovskii 1985:** M.G. Kramarovskii, Srebro Levanta i khudozhestvennyi metall Severnogo Prichernomor'ia XIII-XV vv. (po materialam Kryma i Kavkaza). In: Khudozhestvennye pamiatniki i problemy kul'tury Vostoka (Leningrad, 1985), 152-180 // М.Г. Крамаровский, Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII-XV вв. (по материалам Крыма и Кавказа). В: Художественные памятники и проблемы культуры Востока (Ленинград 1985), 152-180.
- Liwoch 2013:** R. Liwoch, Skarby zac hodnioruskie doby predmongolskie. Materiały Archeologiczne, XXXIX, 2013.
- Макарова 1986:** Т.И. Макарова, Черное дело Древней Руси (Москва 1986) // Т.И. Макарова, Черное дело Древней Руси (Москва 1986).
- Макарова 2008:** Т.И. Макарова, Чернь в драгоценном уборе Древней Руси. In: (red. N.V. Zhilina, T.I. Makarova) Drevnerusskii dragotsennyi ubor – splav vliianii i traditsii IX-XIII vv. (Khudozhestvennye stili i remeslennye shkoly) (Moskva 2008), 76-97 // Т.И. Макарова, Чернь в драгоценном уборе Древней Руси. В: (ред. Н.В. Жилина, Т.И. Макарова) Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX-XIII вв. (Художественные стили и ремесленные школы) (Москва 2008), 76-97.
- Maneva 1992:** E. Maneva, Srednevekoven nakit od Makedonija (Skopje 1992) // Е. Манева, Средневековен накит од Македонија (Скопје 1992).
- Mésterházy 1994:** K. Mésterházy, Az ún. Tokaji kincs revíziója. Folia Archaeologica, XLIII. (Budapest 1994), 193-239.
- Neamțu 1961:** E. Neamțu, Obiectele de podoabă din tezaurul medieval de la Cotul Morii, Popricani (Iași). AM I, 1961, 283-293.
- Оța 2009:** S. Оța, Câteva date privind decorul unor cercei de tradiție bizantină descoperite în Peninsula Balcanică. Istros 15, 2009, 179-211.
- Оța 2010:** S. Оța, Cercei decorați cu pandantiv sferic ajurat din sud-estul Europei (secolele XIII-XIV). Apulum 47, 2010, 117-138.
- Оța, Dragotă, Rustoiu 2010:** S. Оța, A. Dragotă, G.T. Rustoiu, Brățări din sârme torsionate și împletite, lățite la carpe (secolele X-XV). MCA VI, 2010, 155-171.
- Otsa, Dzhordzhesku 2016:** S Otsa, M. Dzhordzhesku, K voprosu ob utochnenii datirovki klada iz Voinesht' (zhudets Iassy). Stratum plus 5, 2016, 301-319 // С. Оца, М. Джорджеску, К вопросу об уточнении датировки клада из Войнешть (жудец Яссы). Stratum plus 5, 2016, 301-319.
- Оța, Oberländer Târnoveanu 2018:** S. Оța, E. Oberländer Târnoveanu, The hoard of medieval adornments discovered in the Cernica Forerest (Ifov country). In: Studia Romana et Mediaevalia Europænsia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis Professoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata. Civilizația românească Honoraria 13 (București-Brăila 2018), 251-254.
- Pasternak 1944:** Ia.I. Pasternak, Drevnii Galich (Krakiv; L'viv 1944) // Я.И. Пастернак, Древний Галич. (Краків; Львів 1944).
- Pavlova 2007:** V. Pavlova, S'krovishchata na srednevekovna B'elgariia. Katalog na izlozhba (Varna 2007). // В. Павлова, Съкровищата на средновековна България. Каталог на изложба (Варна 2007).
- Pavlova 2011:** V. Pavlova, Kolan ot XIV v. otkrit do s. Kichevo, Varnensko. In: Acta muzei varnaensis VIII-I. Sobran v chest Aleksand'r Minchev. Terra antiquae Balcanica et Mediterranea. (Varna 2011) 461-480. // В. Павлова, Колан от XIV в. открит до с. Кичево, Варненско. В: Acta muzei varnaensis VIII-I. Собран в чест Александър

- Минчев. Terra antique Balcanica et Mediterranea (Варна 2011), 461-480.
- Piotrowski, Woloszyn 2012:** M. Piotrowski, M. Woloszyn, Czermno/Cherven – archaeological investigation of an Early Rus' medieval Town in Eastern Poland in 2010-2011. A preliminary report. In: Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archeological and Historical Evidence. Vol. II. Kraków-Leipzig-Rzeszów-Warszawa, Poligrafia Inspektoratu Towarzystwa Salezjańskiego (Kraków, 2012).
- Piotrows'kii, Voloshin 2012:** M. Piotrows'kii, M. Voloshin, Chermno (Cherven'): doslidzhennia 2010-2011 rokiv. In: Cherven' – grad mizh Skhodom i Zakhodom. Katalog vistavki (Tomaszow Lubelski-Leipzig-Lubin-Rzeszow 2012), 211-218 // М. Піотровський, М. Волошин, Чермно (Червень): дослідження 2010-2011 років. В: Червень – град між Сходом і Заходом. Каталог виставки (Tomaszow Lubelski-Leipzig-Lubin-Rzeszow 2012), 211-218.
- Piotrowskii, Voloshin 2014:** M. Piotrowskii, M. Woloshin, Chervenskie grady: istoriia izuchenii i novye issledovaniia. In: Rus v. IX-XIII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura (Moskva-Vologda 2014), 161-176. // М. Піотровський, М. Волошин, Червенские грады: история изучения и новые исследования. В: Русь в IX-XII веках: общество, государство, культура (Москва-Вологда 2014), 161-176.
- Popescu 1970:** M. Popescu, Podoabe medievale în Țările Române (București 1970).
- Ratich 1957:** O. Ratich, Drevn'orus'ki arkheologichni pam'iatki na territorii zakhidnikh oblastei URSS (Київ 1957) // О. Ратич, Древноруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР (Київ 1957).
- Reabțeva 2013:** S. Reabțeva, Pandantive de tâmplă sau cercei în forma de semilună și mărgelați în siturile arheologice din regiunea carpato-danubiană (secolele XII-XVII). RA IX, 2, 2013, 111-126.
- Reabțeva 2014:** S. Reabțeva, Piese de podoabă și vestimentație din Moldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV-XVIII) (Brăila 2014).
- Riabtseva 2005:** S.S. Riabtseva, Drevnerusskii iuvelirnyi ubor. Osnovnye tendentsii-formirovaniia (Sankt-Petersburg 2005) // С.С. Рябцева, Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования (Санкт-Петербург 2005).
- Rybakov 1948:** B.A. Rybakov, Remeslo Drevnei Rusi (Moskva 1948) // Б.А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси (Москва 1948).
- Spinei 1994:** V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chișinău 1994).
- Teodor 1961:** D.Gh. Teodor, Tezaurul feudal timpuriu de obiecte de podoabă descoperit la Voinești-Iași. AM I, 1961, 245-263.
- Teodor 2003:** D.Gh. Teodor, Tezaurul feudal timpuriu de obiecte de podoabă descoperit la Voinești-Iași. In: Spațiul carpato-dunareano-pontic în mileniul marilor migrații (Buzău 2003), 147-162.
- Teodorescu 1974:** R. Teodorescu, Bizanț, Balcani, Occident. La începuturile culturii medievale românești (secolele X-XIV) (București 1974).
- Yeroulanou 2010:** A. Yeroulanou, Important Bracelets in Early Christian and Byzantine Art. In: Intelligible Beauty, recent research on Byzantine jewellery. British Museum Research Publication, 178 (London 2010), 40-49.
- Zarubii 2009:** E. Zarubii, Zoloti ta sribni prikrasi kniazhoi dobi v kolektsii Lviv's'kogo istorichnogo muzeiu (L'viv 2009). // Е. Зарубий, Золоті та срібні прикраси княжої доби в колекції Львівського історичного музею (Львів 2009).
- Zhilina 2014:** N.V. Zhilina, Drevnerusskie klady IX-XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiia ukrasheniia (Moskva 2014) // Н.В. Жилина, Древнерусские клады IX-XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений (Москва 2014).

Svetlana Reabțeva†, doctor în istorie, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova.

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тиры (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantiere arheologice (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

MATERIALE ȘI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean

Plastica antropomorfă din așezarea Cucuteni A-B Peticeni V

Keywords: anthropomorphic figurines, Cucuteni-Tripolye figurines, Cucuteni A-B, Codri Plateau.

Cuvinte cheie: figurine antropomorfe, figurine Cucuteni-Tripolie, Cucuteni A-B, Podișul Codrilor.

Ключевые слова: антропоморфная пластика, статуэтки Кукутень-Триполье, Кукутень А-В, Кодринская возвышенность.

Sergiu Bodean

Anthropomorphic figurines of the Cucuteni A-B site of Peticeni V

During the archaeological surveys and preventive excavations in 2015, 2017-2018 on the Cucuteni (A-B1 phase) site of Peticeni V (Peticeni village, Călărași district, Republic of Moldova) a collection of eleven fragments of anthropomorphic figurines was collected. Most items come from the pit 1. Only three fragments have a carved ornament. The figurines of this settlement most likely reflect the process of moving away from the “canons” of the Cucuteni A design and the emergence of new types of anthropomorphic figurines that will receive wider distribution during the Cucuteni A-B2 phase.

Sergiu Bodean

Plastica antropomorfă din așezarea Cucuteni A-B Peticeni V

În urma cercetărilor arheologice preventive și periegezelor efectuate în anii 2015, 2017-2018 în așezarea din etapa Cucuteni A-B1 Peticeni V (s. Peticeni, raionul Călărași, Republica Moldova) au fost descoperite unsprezece exemplare de plastică antropomorfă. Majoritatea pieselor provin din groapa 1. Trei exemplare sunt decorate cu linii incizate. Plastica antropomorfă din situl vizat, după toate probabilitățile, reflectă trecerea de la ”canoanele” caracteristice reprezentărilor plastice antropomorfe ale fazei Cucuteni A și apariția unor noi tipuri de statuete care capătă o răspândire mai largă pe parcursul etapei Cucuteni A-B2.

Серджиу Бодян

Антропоморфная пластика поселения Кукутень А-В Петичень V

В ходе превентивных археологических раскопок и разведок 2015, 2017-2018 годов на поселении Кукутень-Триполье (этап Кукутень А-В1) Петичень V (с. Петичень, район Кэлэрашь, Республика Молдова) была собрана коллекция из одиннадцати фрагментов антропоморфной пластики. Большинство экземпляров происходит из ямы №1. Только три фрагмента имеют врезной орнамент. Пластика данного поселения по всей вероятности отражает процесс перехода от «канонов» пластики Кукутень А и появления новых типов антропоморфных статуэток которые получают более широкое распространение на протяжении этапа Кукутень А-В2.

Siturile fazei Cucuteni A-B din Podișul Codrilor până în primele decenii ale secolului curent nu au beneficiat de careva cercetări arheologice prin săpături. Puținele dintre ele care erau cunoscute până nu demult erau reflectate doar prin prisma materialului de suprafață. Prospekțiunile arheologice efectuate în ultimul deceniu în Podișul Codrilor s-au soldat cu identificarea unor noi situri ale culturii Cucuteni-Tripolie majoritatea dintre ele aparținând fazei Cucuteni A-B. În bazinul superior al r. Bîc pe o distanță de aproximativ 12 km (sectorul Temeleuți-Novaci, r-nul Călărași) au fost semnalate patru situri Cucuteni A-B1. Toate se găsesc pe partea stângă a văii râului menționat. Printre ele

se remarcă așezarea Peticeni V (s. Peticeni, r-nul Călărași) (fig. 1,1) care ocupă o suprafață mai mare comparativ cu altele situate în această zonă. Ea se află la marginea de V-SV a localității pe a doua terasă de pe malul stîng al r. Bîc (fig. 1,2). Situl a fost descoperit în anul 2015 de către Sergiu Bodean, Eugen Mistreanu și Sergiu Tabuncic. Prin cercetarea de suprafață realizată în acel an au fost semnalate resturile mai multor locuințe de suprafață. Totodată s-au colectat fragmente ceramice în mare parte corodate, câteva piese de silex și o statueta antropomorfă (fig. 3,8). Cercetările arheologice preventive efectuate în anii 2017-2018 în partea de vest a așezării care urma să fie întretăiată de gazoductul

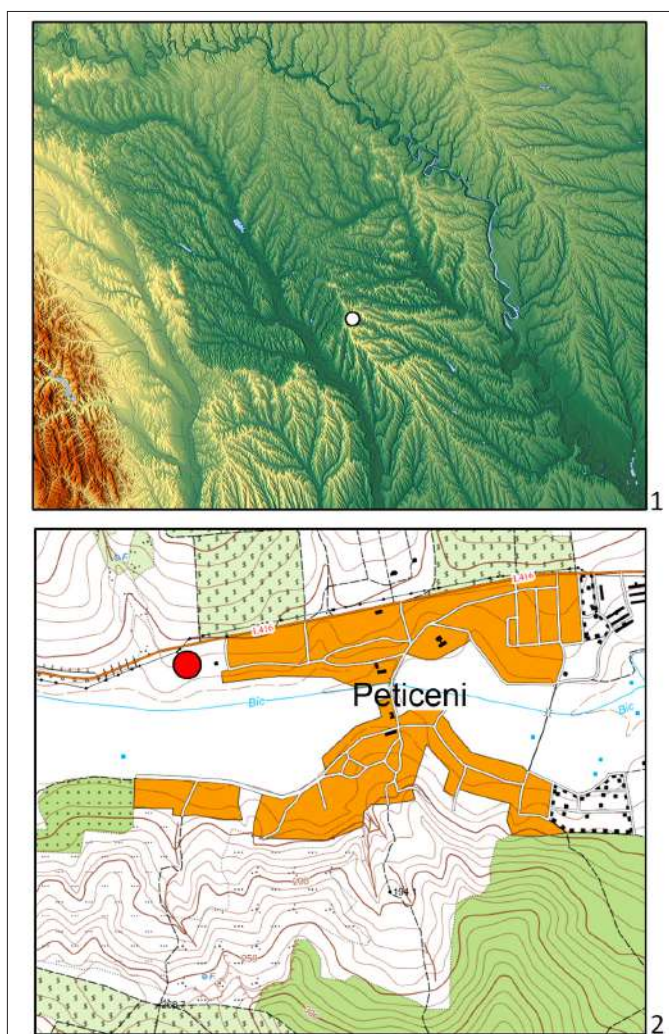

Fig. 1. Poziția geografică (1) și topografică (2) a așezării Peticeni V.

Fig. 1. Geographic (1) and topographic (2) position of the Peticeni V site.

Ungheni-Chișinău s-au soldat cu descoperiri din diferite epoci istorice¹. Pe parcursul a două campanii de săpătură efectuate pe axul viitorului gazoduct a fost cercetată o suprafață de cca 300 mp. Nivelului de locuire Cucuteni-Tripolie îi aparțin câteva complexe adâncite și resturile unei locuințe de suprafață surprinsă parțial în cadrul secțiunii 2 [Bodean, Popovici 2018, 19; Popovici 2019, 28]. Ceramica este reprezentată de mai multe categorii, predominantă fiind cea pictată în stilurile caracteristice primei etape ale fazei Cucuteni A-B [Bodean, Popovici 2018, 20, fig. 1; Popovici 2019, 29, fig. 1, 5, 10].

1. Echipa de cercetare arheologică a sitului era compusă din Sergiu Popovici (responsabil), dr. Vlad Vornic, Ion Ciobanu, Dumitru Avram, Adrian Iorga (Agenția Națională Arheologică MECC) și Sergiu Bodean (Institutul Patrimoniului Cultural MECC).

În urma săpăturilor arheologice și pe-rieghezilor au fost descoperite unsprezece exemplare de plastică antropomorfă². Majoritatea reprezentărilor plastice provin din umplutura gropii 1 (șapte ex.) (fig. 2,3-9; 3,1,3-7,9), urmate de cele semnalate în stratul de cultură (două ex.) (fig. 2,2; 3,2; 4) și rezultate din cercetările de suprafață (două ex.) (fig. 2,1; 3,8). Toate piesele au fost fragmentate în vechime, suprafața lor cu rare excepții este mai mult sau mai puțin corodată, pe alocuri fiind acoperită cu săruri insolubile în mediul acid. Groapa 1, din care provin cele mai multe piese, avea în plan formă piriformă-alungită. Lungimea complexului era de 3,9 m, iar lățimea maximă atingea 1,35 m. Adâncimea gropii de la nivelul surprinderii conturului constituia 0,73 m. Umplutura ei conținea pe lângă artefactele enumerate mai sus și numeroase fragmente ceramice, oase de animale, piese de silex și os [Bodean, Popovici 2018, 19]. Piesele antropomorfe se găseau în diferite zone ale complexului cercetat. Cele șapte fragmente de statuete sunt următoarele:

1. Cap de statueta antropomorfă (fig. 2,3; 3,1). Piesa este modelată din pastă fină, gălbuie. Trăsăturile schematice ale capului au fost redată prin ciupituri. Dimensiuni: H = 2,3 cm, parametrii gâtului la bază = 0,55x0,8 cm.

2. Picior de statueta antropomorfă feminină modelată din pastă fină, arsă oxidant de culoare gălbuie (fig. 2,4; 3,7). Picioarele sunt unite și terminate cu o talpă marcată plastic în relief, ca și genunchii. Separarea picioarelor este marcată prin incizii încrustate cu roșu crud. În partea posterioară piesa păstrează amprente vegetale(?). Dimensiuni: H = 5,3 cm, lățimea maximă în partea superioară = 2,4 cm.

3. Picior de statueta antropomorfă (masculină ?) modelată din pastă fină, cărămie (fig. 2,5; 3,9). Are profilul ușor curv. Genunchiul și talpa sunt proeminente fiind realizate prin ciupituri. Dimensiuni: H = 4 cm, grosimea în zona genunchiului = 0,9 cm.

4. Statueta antropomorfă fragmentară (trunchi) (fig. 2,6; 3,3) din pastă fină, arsă oxidant. Brațele sunt

2. Și cu această ocazie exprimăm grațitudine dlui Sergiu Popovici pentru amabilitatea cu care ne-a oferit spre publicare materialul descoperit în cele două campanii de săpătură.

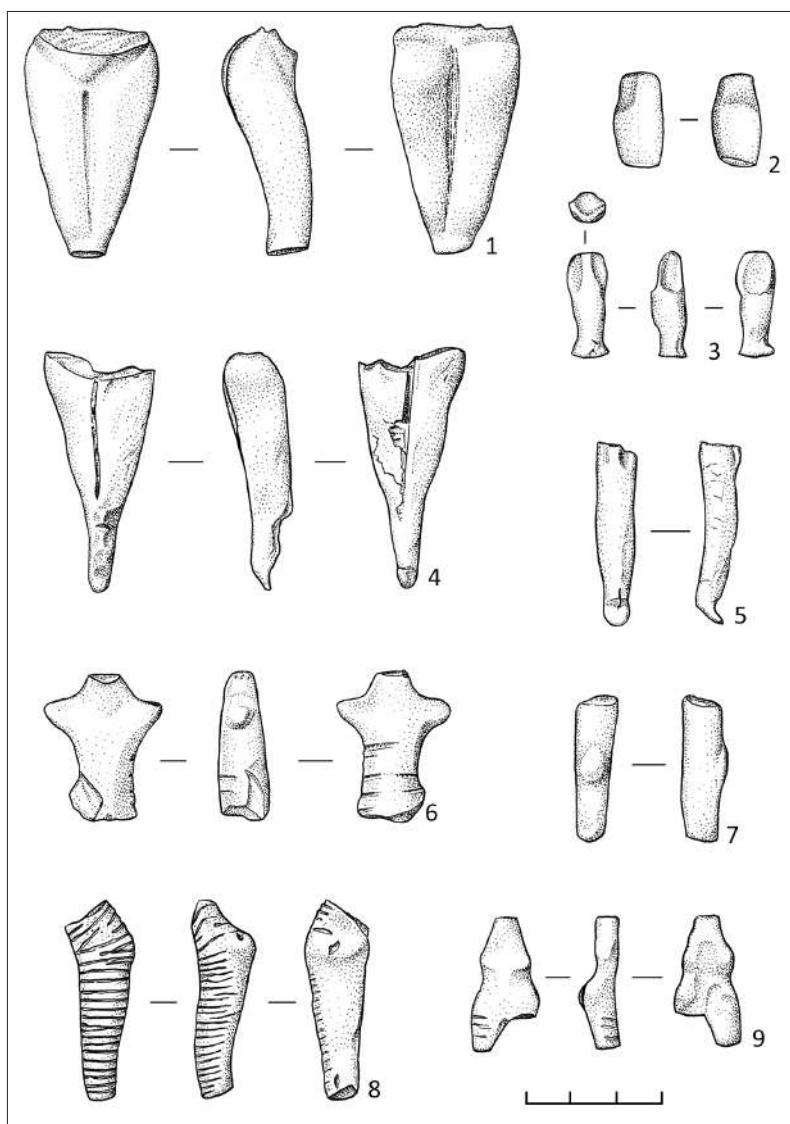

Fig. 2. Peticeni V. Plastică antropomorfă (1 – material de suprafață, 2 – strat, 3-9 – groapa 1).

Fig. 2. Peticeni V. Anthropomorphic figurines (1 – from surface, 2 – layer, 3-9 – pit 1)

redate prin amorse. Pe părțile laterale trunchiul este decorat cu incizii horizontale paralele. Dimensiuni: H = 3,3 cm, lățimea în zona amorselor = 2,5 cm.

5. Picior de statueta antropomorfă din pastă fină, cenușiu-gălbuie (fig. 2,7; 3,5). Genunchiul este marcat printr-o proeminență. Dimensiuni: H = 3,2 cm, parametrii părții superioare = 0,9x1 cm.

6. Piciorul stâng al unei statuete antropomorfe feminine (fig. 2,8; 3,6). El este modelat din pastă fină de culoare gri. Piciorul alungit are vârful rupt în vechime. Fesa este proeminentă. Decorul incizat constă din linii paralele dispuse oblic și orizontal pe fața anterioară. Inciziile păstrează

vagi urme de incrustare cu roșu crud. Dimensiuni: H = 4,3 cm, lățimea în partea superioară = 1,4 cm, parametrii capătului inferior = 0,6x0,7 cm.

7. Statuetă antropomorfă masculină (fig. 2,9; 3,4). Piesa fragmentară este modelată din pastă fină de culoare gri-gălbuie. Trunchiul este zvelt, fiind prevăzut cu două proeminențe laterale. Șoldurile sunt proeminente ca și fesele. Picioarele sunt modelate separat. Pe piciorul drept sunt realizate trei incizii paralele ușor oblice. Dimensiuni: H = 2,9 cm, lățimea în zona feselor = 1,4 cm, lățimea în zona proeminențelor de pe trunchi = 1,12 cm.

După cum am menționat din stratul de cultură provin două piese. Prima, semnalată în secțiunea 1 reprezintă un fragment de picior de la o statueta din pastă fină, arsă oxidant (fig. 2,2; 3,2). Ea a fost descoperită la limita carourilor 23 și 24, la adâncimea de 1 m de la suprafața actuală a solului. Gamba piciorului este proeminentă. Dimensiuni: H = 2,05 cm, parametrii gambei = 1x1,1 cm. A doua piesă a fost semnalată la aceeași adâncime în caroul 10 al secțiunii 2. Ea reprezintă piciorul drept al unei statuete din pastă fină, arsă de asemenea oxidant (fig. 4).

Coapsa, fesa și partea superioară a gambei sunt proeminente. Piciorul statuetei era compus din două bare lipite vertical deasupra cărora în partea superioară a fost aplicat un strat subțire de lut cu grosimea de 0,1-0,2 cm. Acest strat continua și pe abdomenul proeminent. Dimensiunile piciorului: H = 3,6 cm, lățimea în zona fesei = 1,2 cm.

În urma periegezelor efectuate în partea de nord-vest a sitului au fost recuperate alte două piese. Primul exemplar descoperit în anul 2015 este o statueta antropomorfă fragmentară din pastă fină, cărămizie (fig. 3,8). Partea superioară este ruptă în vechime. Fesele proeminente sunt delimitate printr-o incizie adâncă. Pe suprafața ei posterioară se atestă mai multe așchieri. Statueta are înălțimea păstrată de 3,3 cm și lățimea în zona feselor de 1,9 cm.

Fig. 3. Peticeni V. Plastică antropomorvă (1, 3-7, 9 – groapa 1, 2 – strat, 8, 10 – material de suprafață).

Fig. 3. Peticeni V. Anthropomorphic figurines (1, 3-7, 9 – pit 1, 2 – layer, 8, 10 – from surface).

Cea de-a doua piesă este fragmentară, jumătatea sa superioară și extremitățile membrilor inferioare fiind rupte (fig. 2,1; 3,10). Ea este modelată din pastă fină, arsă oxidant, de culoare cărămizie. Abdomenul este ușor proeminent, ca și fesele, iar picioarele unite sunt delimitate prin incizii. Dimensiuni: H = 5 cm, lățimea în zona feselor = 2,9 cm.

Numărul mic al pieselor descoperite și gradul lor ridicat de fragmentare nu facilitează găsirea unor corespondențe mai exacte în alte situri din această perioadă. Totodată atestăm unele elemente comune semnalate în plastica altor situri A-B cercetate pe suprafețe mai mari. Ne referim aici la decorul incizat realizat pe partea posterioară a piciorului unit [Diaconescu 2016, 141, fig. 9,6] și modul de marcarea a

tălpilor și genunchiului [Diaconescu 2016, 145, fig. 13,3]. După cum s-a menționat nu o singură dată plastica antropomorvă din așezările Cucuteni A-B1 are multe trăsături comune cu cea din faza Cucuteni A, atestându-se evident și unele schimbări care se referă la dimensiuni, modul lor de confecționare și decorare [Diaconescu 2016, 118]. Pentru statueta fragmentară de la Peticeni V (fig. 3,8) care aparține unui tip mai puțin răspândit, semnalăm analogii în siturile Cucuteni A3 din dreapta Prutulului (Tăcuta-Dealul Miclea) (Boghean et alli 2014, 431, fig. 6,8). De remarcat este prezența în colecția de la Peticeni V și a unui fragment de picior care are gamba proeminentă (fig. 2,2; 3,2). Prezența lui denotă, probabil, primele tentative de constituire a unui nou tip de statuete care se va definitiva pe parcursul etapei Cucuteni A-B2.

Este bine cunoscut că apariția aspectelor atestate în arealul așezărilor din faza A-B se datorează inclusiv și fondului Cucuteni A din care iau naștere. În acest sens este relevantă situația atestată în nordul Republicii Moldova unde pentru etapele

fazei Cucuteni A-B este caracteristică perpetuarea

Fig. 4. Peticeni V. Secțiunea 2. Picior de statueta.

Fig. 4. Peticeni V. Section 2. Bottom of the figurines

tradițiilor aspectului local Drăgușeni. Podișul Codrilor prezintă o situație diferită de cea atestată în podișurile și câmpiile Moldovei de Nord. După o locuire Precucuteni și din prima parte a fazei Cucuteni A reprezentată de puține așezări, spre sfârșitul fazei Cucuteni A-începutul fazei Cucuteni A-B zona respectivă este valorificată de comunități care perpetuează în complexul ceramic și plastica antropomorfă tradițiile așezărilor Cucuteni A3-A4 din zona de centru și de sud al spațiului cuprins între Carpați și Prut. Totodată în Podișul Codrilor atestăm și situri care au trăsături comune cu cele de tip Solonceni II (nivelul mijlociu). De domeniul cercetărilor viitoare ține precizarea situației existente în acea perioadă și anume apariția așezărilor din etapa Cucuteni A-B1 în Podișul Codrilor se datorează în mare parte unei evoluții locale sau este legată de pătrunderea comunităților de tip Solonceni II în zona vizată din nordul spațiului pruto-nistean.

În ceea ce privește poziția cronologică a sitului Peticeni V menționăm anumite afinități cu inventarul ceramic al așezării Solonceni II (nivelul

mijlociu). Ne referim în special la ceramica pictată în stilurile α , β , δ . Prezența ceramicii cu decor incizat asociat uneori cu pictură de asemenea este o caracteristică pe care o regăsim și în situl din bazinul r. Nistru. De remarcat este însă procentul destul de mic al acestei categorii în situl Peticeni V comparativ cu cel atestat la Solonceni II. O comparație mai detaliată a ceramicii din aceste două așezări nu e posibilă deocamdată, materialele de la Solonceni II fiind practic inedite și păstrate în mare parte la Muzeul Național de istorie a Ucrainei din or. Kiev. Comparând însă plastica antropomorfă observăm diferențe în ceea ce privește tipurile și decorul atestat pe ele [Iakubenko 2016, 45, ris. 2,1-11, 46, ris. 3,4-7]. Menționăm că la Solonceni II predomină exemplarele cu decor incizat care au analogii în alte situri de la sfârșit de Cucuteni A și început de Cucuteni A-B. Deși lotul de reprezentări plastice antropomorfe de la Peticeni V nu este unul numeros și bine conservat el completează informațiile privind plastica antropomorfă ale siturilor Cucuteni A-B din Podișul Codrilor.

Bibliografie

- Bodean, Popovici 2018:** S. Bodean, S. Popovici, Cercetări arheologice preventive în situl eneolitic Peticeni V. Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2017. Sesiunea Națională de Rapoarte, Chișinău, 18 aprilie 2018 (Chișinău 2018), 19-21.
- Boghian et al. 2014:** D. Boghian, S.-C. Enea, C.-C. Lazanu, The antropomorphic plastic of Cucuteni A3 site from Tăcuta (Vaslui county). In: (ed. C.-E. Ursu, S. Țerna) Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communitates of South-Eastern Europe (Suceava 2014), 415-434.
- Diaconescu 2016:** M. Diaconescu, Plastica antropomorfă de la Vorniceni. AMT, XIII, 2016, 118-149.
- Iakubenko 2016:** E. Iakubenko, Plastika s tripol'skogo poselenia Solonceny II (iz sobraniia Natsional'nogo muzeia istorii Ukrainy). In: (red. O.O. Zarembo ta in.) Arkheologiya & Fortifikatsiia. Zbirnik materialiv VI Mizhnarodnoi naukovo-praktichoi konferentsii (Kamianets-Podil'skii 2016), 37-46. // E. Якубенко, Пластика с трипольского поселения Солончены II (из собрания Национального музея истории Украины). В: (ред. О.О. Заремба та ін.) Археологія & Фортифікація. Збірник матеріалів VI Міжнародної науково-практичної конференції (Кам'янець-Подільський 2016), 37-46.
- Popovici 2019:** S. Popovici, Cercetări arheologice preventive în situl arheologic Peticeni V (Campania 2018). Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2018. Sesiunea Națională de Rapoarte, Chișinău, 18 aprilie 2019 (Chișinău 2019), 28-30.

Sergiu Bodean, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: arheo25@mail.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Oleg Levițki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu

Investigațiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000

Keywords: a settlement with several dwelling levels, archaeological investigations, cultural and chronological horizons, archaeological complexes, findings.

Cuvinte cheie: așezare cu mai multe niveluri de locuire, investigații arheologice, orizonturi cultural-cronologice, complexe arheologice, piese de inventar.

Ключевые слова: многослойное поселение, археологические исследования, культурно-хронологические горизонты, археологические комплексы, находки.

Oleg Levițki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu

The archaeological investigations in the southeastern periphery of Trinca-Izvorul lui Luca promontory from 2000

In this paper, the authors intend to continue to introduce into the scientific circuit the results of the researches in the Trinca-Izvorul lui Luca settlement, which have not been published yet. The presentation of the vestiges was carried out according to the already known structure, more exactly, the description of the stratigraphy and the general statistics of the materials; analysis and exposure of materials (complexes, inventory pieces, ceramics) on the cultural-chronological horizons (Upper Paleolithic, Late Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age); the making up of the synoptic table of the osteological material; the detection of analogies (both for the site and for various categories of pieces in parts) and the elaboration of a complex set of conclusions.

Oleg Levițki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu

Investigațiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000

În articolul de față, autorii își propun continuarea introducerii în circuitul științific a rezultatelor cercetărilor din cadrul așezării cu mai multe niveluri de locuire Trinca-Izvorul lui Luca, rămase încă inedite. Prezentarea vestigiilor a fost efectuată conform structurii deja cunoscute, mai exact, descrierea stratigrafiei și statistica generală a materialelor; analiza și expunerea materialelor (complexe, piese de inventar, ceramică) pe orizonturi cultural-cronologice (paleoliticul superior, eneoliticul târziu, epoca bronzului, epoca fierului timpuriu); elaborarea tabelului sinoptic al materialului osteologic; depistarea analogiilor (atât pentru sit, cât și pentru diverse categorii de piese în parte), precum și elaboarea unui set complex de concluzii.

Олег Левицкий, Ливия Сырбу, Геннадий Сырбу

Археологические исследования на юго-восточной окраине поселения Тринка-Изворул луй Лука в 2000 году

Настоящая статья, вводит в научный оборот оставшиеся неопубликованными результаты археологических исследований, проведенных на многослойном памятнике Тринка-Изворул луй Лука в 2000 году (раскоп XI). Археологические материалы представлены по уже устоявшейся схеме: описание стратиграфии и общей статистики материалов; анализ материалов (комплексы, предметы инвентаря, керамика) по культурно-хронологическим горизонтам (верхний палеолит, поздний энеолита, эпоха бронзы, первая эпоха железа и др.); составление синоптической таблицы остеологического материала; выявление аналогий (как для поселения, так и для различных категорий находок в частности), а также разработка целого ряда комплексных выводов.

Introducere

Anul acesta, la fel ca și în ultimii trei ani, ne propunem să scoatem la lumina zilei rezultatele altei campanii de săpătură care a avut loc în anul 2000 în cadrul așezării Trinca-Izvorul lui Luca. Menționăm că până la această etapă, autorii au publicat deja materialele descoperite în anul 1984 [Levițki, Sîrbu 2017, 111-121], 1989 [Levițki, Sîrbu 2016, 237-249] și 2000 (secțiunile VIII, IX și X) [Levițki, Sîrbu, Sîrbu 2018, 80-95].

Lucrarea de față este dedicată prezentării investigațiilor arheologice din anul 2000 din cadrul sec-

țiunii XI, care a fost trasată la periferia de sud-est a promontoriului, la 1 m spre sud-est de secțiunea X.

Deja este bine cunoscut faptul că situl a fost descoperit în anul 1981 de către arheologul Ilie Borzic, iar din anul următor, sub egida arheologului Oleg Levițki au fost efectuate săpături arheologice sistematice de-a lungul mai multor campanii (din 1982 până în 2004, cu mici întreruperi). Vestigiile descoperite în secțiunile cercetate anterior au permis stabilirea mai multor orizonturi cultural-cronologice. Cel mai timpuriu nivel

de locuire ține de perioada paleoliticului superior, după care urmează un consistent orizont aparținând eneoliticul târziu (grupul cultural de tip Gordinești). Acestea din urmă sunt suprapuse de două nivele specifice epocii bronzului (perioada timpurie - stațiuni sezoniere a unor formațiuni culturale cu ceramica ornamentată cu șnur, eventual, grupul Edineț și mijlocie, de tip Komarov), care la rândul lor sunt suprapuse de trei orizonturi succesive din epoca hallstattiană. De rând cu acestea, au mai fost descoperite și materiale ce aparțin perioadei romane și epocii medievale timpurii.

Stratigrafia secțiunii XI și statistică generală a materialelor

Secțiunea XI a fost trasată la periferia sud-estică a promontoriului, la 1 m spre sud-est de secțiunea X, fiind orientată de la sud-est la nord-vest (similar secțiunilor VIII-X). Constă din două casete (A și B), delimitate între ele printr-un martor cu lățimea de 0,5 m. Caseta A are suprafața de 200 m.p., iar caseta B de 210 m.p. și sunt împărțite în carouri de 2x2 m, care sunt numerotate pe latura lungă cu cifre (1-21), iar pe cea scurtă cu litere (A-E) (fig. 1).

Stratul I prezintă sol vegetal în amestec cu resturi de cultură materială, precum și 16 piese de inventar lucrate din diverse materii prime: *lut ars* – 9 (fusaiole, linguri, statuete zoomorfe – întregi sau în stare fragmentară); *silex* – 4 (3 lame și o așchie cu una din laturile lungi retușată uni- sau bilateral și lustruită); *os/corn* – 3 (o daltă, un străpungător și o piesă confecționată dintr-o placă tăiată din peretele unui os tubular, având în plan forma cifrei „8”, bilateral lustruită și ornamentată pe una din suprafețe cu cercuri cu punct în centru).

Stratul II conține sol negru-cenușiu cu evidente urme de cenușă. Resturile de cultură materială sunt deosebit de numeroase, printre care amintim

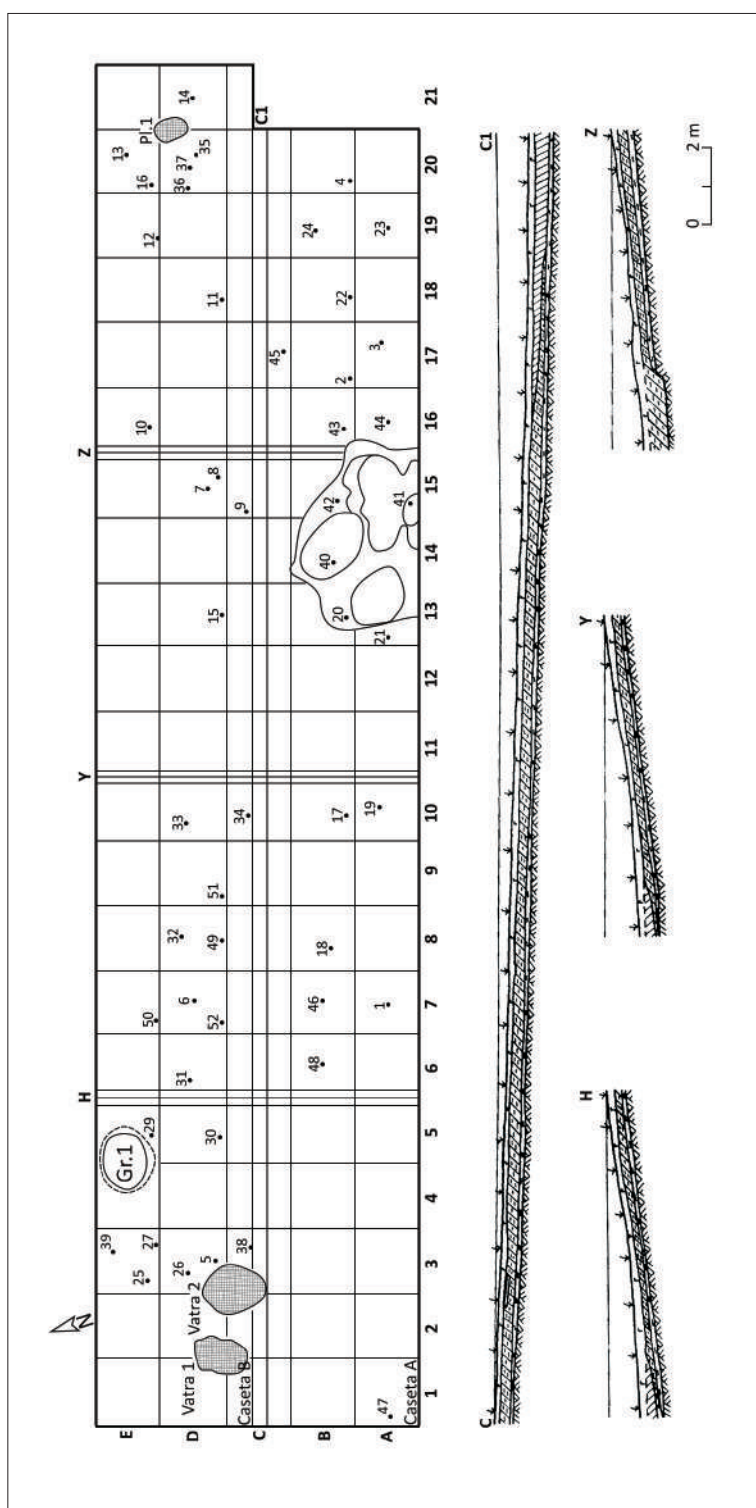

Fig. 1. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Planul și profilele Secțiunii XI.

Fig. 1. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. The plan and profiles of Section no. XI.

și 20 piese de inventar lucrate din diverse materii prime: *lut ars* – 11 (fusaiole, rondele, linguri, sta-

tuete zoomorfe – întregi sau în stare fragmentară și două vase întregi – o cană și un vas de tip lălea); *silex* – 8 (7 lame cu laturile lungi retușate uni- sau bilateral și lustruite și un gratoar lucrat pe capătul unei așchii complet patinizate); *os* – un pandantiv lucrat dintr-un metacarp de porc). În procesul degajării acestui strat în car. 1-3/C-D au fost descoperite două vetre deschise (nr. 1 și nr. 2), iar în car. 20-21/D-E – o platformă de piatră (nr. 1).

Stratul III prezintă sol cenușiu-gălbui care la bază trece în nisipos steril și conține relativ mai puține resturi de cultură materială și 14 piese de inventar lucrate din diverse materii prime: *lut ars* – 7 (fusaiole, rondele, linguri, statuete zoomorfe – întregi sau în stare fragmentară); *silex* – 4 (2 lame cu laturile lungi retușate uni- sau bilateral și lustruite, o așchie masivă cu una din părțile laterale retușată bilateral și o piesă bifacială – vârf întreg în formă de frunză cu suprafețele minuțios prelucrate); *os* – 2 străpungătoare; *bronz* – un cercel din sârmă cu secțiunea rotundă. În urma taluzării fundului șanțierului, în car. 14-15/A-B a fost evidențiat conturul unei locuințe adâncite (nr. 1), iar în car. 4-5/E – a unei gropi (nr. 1).

Prezentarea vestigiilor pe orizonturi cultural-cronologice

Vestigiile arheologice depistate în secțiunea XI, din punct de vedere cultural-cronologic, se distribuie în felul următor:

Paleoliticul superior. Conform determinărilor efectuate de dr. Ilie Borziac, din masa de silexuri depistată (576 piese), paleoliticului superior i se atribuie 89 piese, dintre care: str. I – 28 de așchii și două unelte (lame cu retușe); str. II – 29 de așchii, 2 fragmente de nuclee, 2 lame cu retușe; str. III – 27 de așchii și un nucleu. Toate sunt puternic patinizate. Tot acestui orizont i se mai atribuie o piesă bifacială, care reprezintă un vârf de lance, cu lățimea mai mare în a doua treime din lungime dinspre bază (fig. 2,5).

Are suprafețele plate minuțios prelucrate cu desprinderi, iar pe perimetru este amenajat cu retușe mărunte marginale de îndreptare și ascuțire; două gratoare, dintre care unul fragmentar (fig. 2,1),

lucrat pe capătul unei așchii complet patinizate; precum și câteva piese puternic patinizate (un gratoar (fig. 2,2) lucrat pe capătul unei așchii, 2 burine (fig. 2,3), și câteva lame retușate) descoperite în umplutura locuinței din epoca fierului timpuriu.

Eneoliticul târziu. Materialele acestui orizont sunt puțin numeroase, însumând doar 29 fragmente de ceramică din categoria celei fine, unul din fragmente fiind ornamentat cu motiv canelat.

Piese de inventar. Acestui orizont îi aparțin: unelte, ustensile și reprezentări antropo și zoomorfe lucrate din silex, os și lut ars. *Uneltele de silex*, în majoritatea lor, sunt de culoare cenușie și reprezintă cu precădere lame pentru secere (întregi ori în stare fragmentară) cu una sau ambele laturi lungi retușate uni- sau bilateral și acoperite cu luciu (fig. 3,1-3,5), o așchie masivă cu una din părțile laterale retușată bilateral (fig. 3,4) etc. *Obiectele de os* sunt reprezentate doar printr-un străpungător lucrat din os tubular de animal, cu unul din capete tăiat oblic și șlefuit pentru modelarea ascuțișului, vârful rupt în vechime și suprafața lustruită. Din categoria *pieselor de lut* fac parte: două (?) statuete antropomorfe, una întregă (fig. 3,7) și una fragmentară (fig. 3,8), o figurină

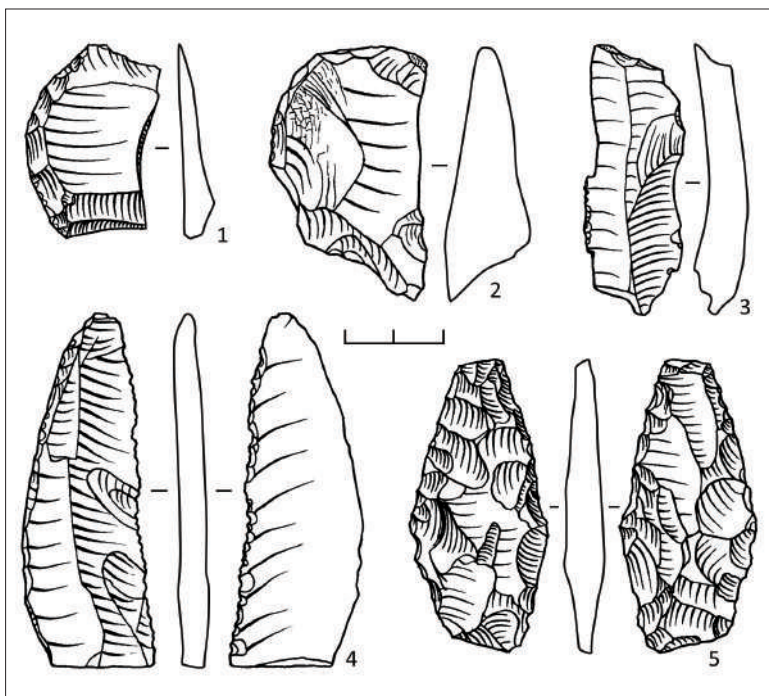

Fig. 2. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Piese de silex. 1-3, 5 din paleoliticul superior; 4 din epoca bronzului.

Fig. 2. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Flint findings. 1-3, 5 from Upper Paleolithic; 4 from Bronze Age.

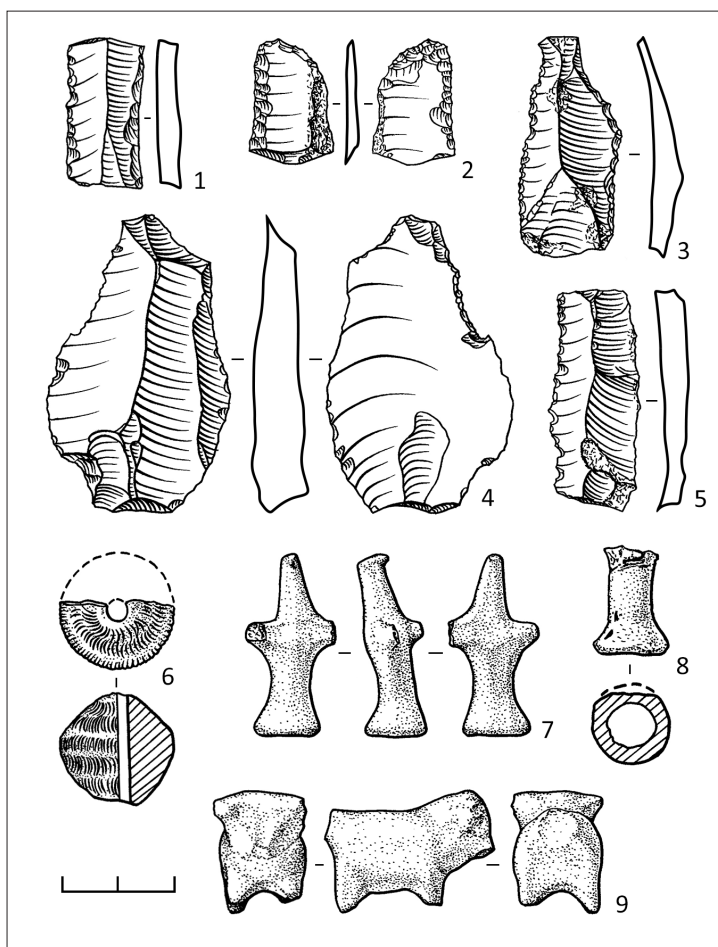

Fig. 3. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Piese din eneolitic târziu. 1-5 - silex; 6-9 - lut.

Fig. 3. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Late Enolithic findings. 1-5 - flint; 6-9 - clay.

zoomorfă (fig. 3,9) și o fusaiolă (fig. 3,6). Statuetele sunt modelate din pastă fină, densă și cu nisip mărunț în compoziție, au suprafețele netezite, lustruite sau acoperite cu angobă maronie/cenușie. Figurina zoomorfă, cu aceiași parametri tehnico-tehnologici, probabil, reprezintă un taur. Fusaiola, în plan, este rotundă, iar în secțiune bitronconică. Suprafața este calitativ netezită și acoperită cu benzi orizontale compuse din amprente executate cu unghia. Are diametrul de 3 cm, înălțimea de 2,9 cm și diametrul orificiului de 0,5 cm.

Epoca bronzului. Acestui orizont îi sunt atribuite doar unele fragmente ceramice din straturile de săpătură. Din punct de vedere cultural-cronologic, ele se divizează în două orizonturi ce țin de perioada timpurie și mijlocie a epocii bronzului. Ceramica din *perioada timpurie* este mai numeroasă în stratul III de săpătură. În total s-au găsit 30 de

fragmente, care aparțin categoriei grosiere și fine. Prima este modelată din pastă densă, cu șamotă în compoziție. Pereții vaselor sunt relativ groși, cu suprafața exterioară acoperită cu barbotină (fig. 4,9). A doua este modelată din pastă fină, cu mult nisip și șamotă de granulație mică. Pereții vaselor sunt relativ subțiri, cu suprafețele calitativ netezite sau acoperite cu angobă cenușie. Morfologic se evidențiază vasele cu două (?) torți late care unesc buza cu umărul vasului (fig. 4,6,8). Unele torți, pe curbura de sus, erau prevăzute cu proeminențe (fig. 4,5). Mai pot fi identificate și vasele cu gâtul înalt și buza evazată, trecerea de la gât la corp fiind marcată printr-un prag (fig. 4,10) și, probabil, vase de tip lelea ornamentate pe marginea exterioară a buzei cu creștături verticale (fig. 4,7). Bronzului timpuriu atribuim și fragmentele de pereți subțiri ornamentate cu amprente de șnur răsucit (fig. 4,1,4) și un fragment de toartă plată ornamentat similar (fig. 4,2). Ceramica din *perioada mijlocie* a epocii bronzului este de aspect Komarov și însumează 44 fragmente, predominând fragmentele de pereți fără ornament. Cantitativ, mai reprezentativă

este în straturile II și III de săpătură. Sunt atestate fragmente de vase de tip lelea decorate cu brâu simplu puțin mai jos de margine (fig. 5,6); fragmente de buze îngroșate din partea exterioară (fig. 5,3,5), precum și vase de dimensiuni mici cu pereții verticali în partea superioară, prevăzute sub margine cu două proeminențe perforate vertical, spațiul dintre care este ornamentat cu motiv incizat (fig. 5,4).

Piesele de inventar. Cu siguranță, epocii bronzului se atribuie un *vârf de săgeată* de silex și un fragment de topor șlefuit de granit, atestate în umplutura gr. nr.1, conținutul căreia indică apartenența construcției la prima epocă a fierului. Vârful de săgeată este lucrat dintr-o așchie de dimensiuni mici. În plan, are formă triunghiulară cu baza accentuat concavă, profilul longitudinal care se îngustează către vârf și, respectiv, către bază, suprafețele fiind complet amenajate prin retușe „în pojghiță” (fig. 5,1). Fragmentul de *topor* șlefuit poate fi atribuit tipului de topoare perforate în formă de pană, cu axul longitudinal drept, părțile laterale mai mult sau mai puțin arcuite și tăișul ușor oblic (fig. 5,2). Acestei

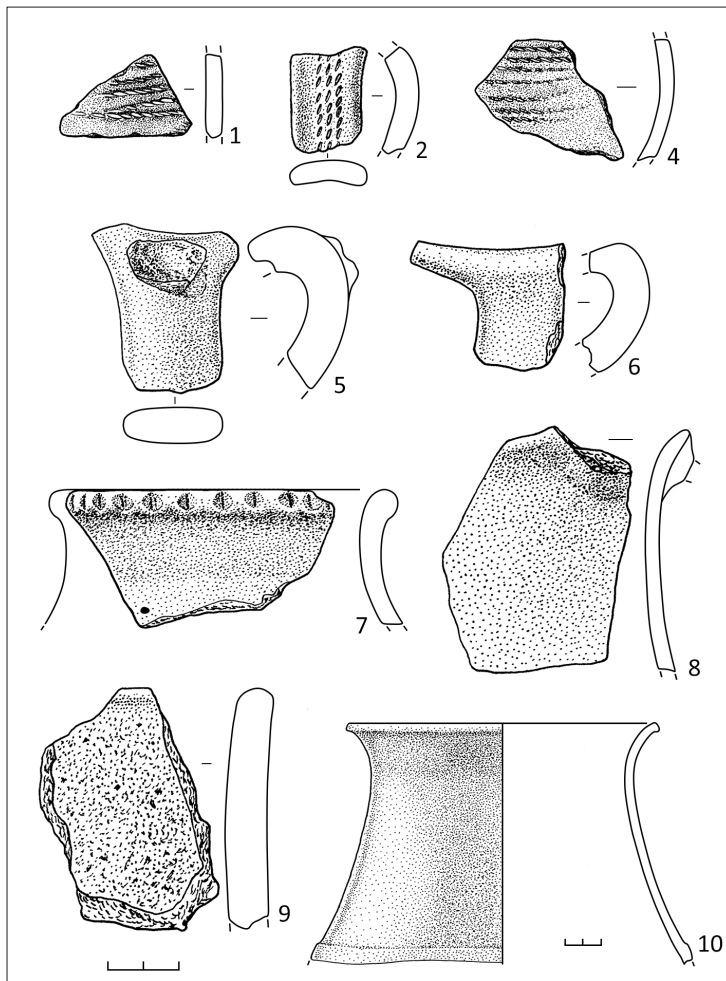

Fig. 4. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Ceramică din perioada timpurie a epocii bronzului.

Fig. 4. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Early Bronze Age pottery.

epoci, posibil, i se atribuie și alte piese de silex, piatră și de os/corn.

Epoca fierului timpuriu. Vestigiile din prima epocă a fierului sunt cantitativ cele mai numeroase. Acestui orizont i se atribuie toate complexele depistate (vatra nr. 1 și nr. 2, platforma nr. 1, groapa nr. 1 și locuința nr. 1), precum și o parte considerabilă de vestigii din straturile de săpătură.

Vatra nr. 1 a fost evidențiată în car. 1-2/C-D, la adâncimea de 0,28-0,42 m față de nivelul actual. În plan este ovală (1,85x1,15 m) și are grosimea de 0,04-0,07 m. A fost amenajată dintr-un strat de pietre plate de calcar de dimensiuni mici și mijlocii, deasupra cărui a fost aplicat un strat de lipitură din lut și nisip, puternic ars, pe alocuri deranjat (fig. 6,A).

Vatra nr. 2 a fost depistată în car. 2-3/C-D, la adâncimea de 0,25-0,41 m de la nivelul actual.

În plan este de formă ovală neregulată (1,85x1,45 m) și are grosimea de 0,05-0,06 m. A fost amenajată din lespezi de calcar și apoi acoperită cu un strat subțire de lipitură din lut cu nisip. Vatra este puternic deranjată (fig. 6,B).

Pe suprafața vetrelor nr.1 și 2 au fost colectate 19 fragmente de ceramică, 12 silexuri și 9 fragmente de oase de animale.

Platforma nr. 1 a fost surprinsă în car. 20-21/D-E, la adâncimea de 0,25-0,50 m de la nivelul actual. În plan este ovală neregulată (1,0x0,85 m) și are grosimea de circa 0,07 m. A fost amenajată din lespezi mari și mijlocii de calcar. Suprafața pietrelor nu este arsă (fig. 7,A).

Groapa nr.1 a fost evidențiată în car. 4-5/E, la adâncimea de 0,73-0,99 m de la nivelul actual. În plan, avea formă ovală neregulată (1,7x1,53 m), iar adâncimea de 1,3 m. În profil, pereții gropii se largesc către fundul orizontal (fig. 7,B). Umplutura constă din sol cenușiu în amestec cu resturi de cultură materială – 31 fragmente de ceramică din prima epocă a fierului, 13 silexuri și 57 de fragmente de oase de animale, fragmente mici de lipituri și pietre, precum

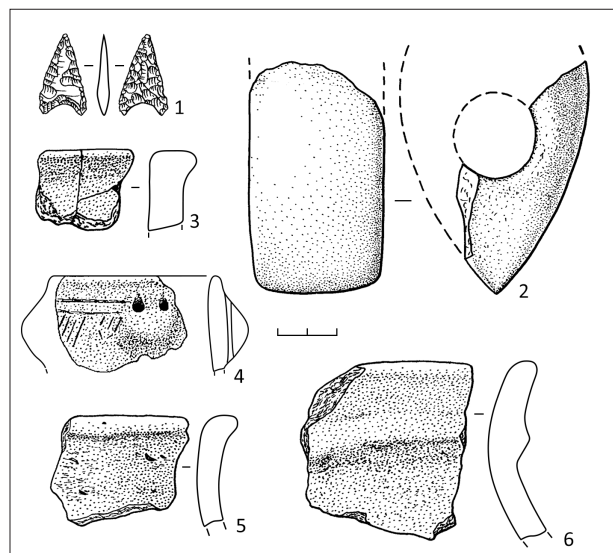

Fig. 5. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Descoperiri de tip Komarov.

Fig. 5. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Komarov type findings.

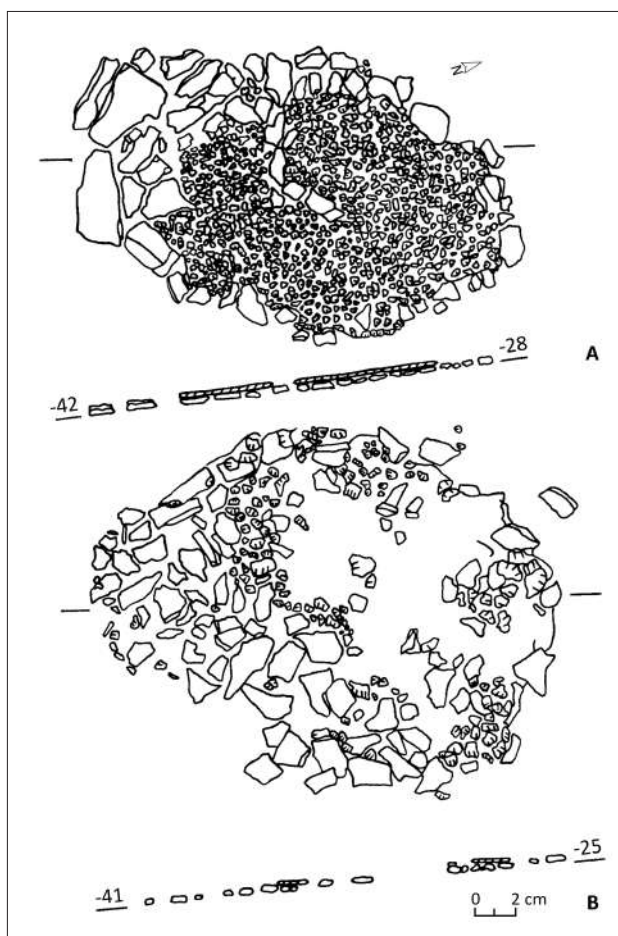

Fig. 6. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Vetre.

Fig. 6. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Hearths.

și două piese de inventar: vârf de săgeată de silex și un fragment de topor șlefuit de granit ce țin de epoca bronzului (vezi mai sus).

Locuința nr. 1 a fost depistată în car. 13-15/A-B, la adâncimea de 0,87-1,0 m de la nivelul actual. Reprezintă o construcție adâncită în sol. Conturul ei nu a putut fi dezvelit complet, dat fiind faptul că partea de sud a fost deteriorată de surparea marginii promontoriului. Probabil, a avut formă cvasirectangulară, era orientată pe axa sud-vest – nord-est. Una din laturile lungi are circa 4,4 m, iar una din cele scurte – 2,6 m. Adâncimea față de nivelul de depistare este de 0,16-0,25 m, fundul este neuniform, constând din mai multe denivelări ovale sau amorse, adâncite cu 0,25-0,36 m față de nivelul fundului (fig. 8). Umplutura locuinței constă din pământ cenușiu cu o cantitate considerabilă de resturi de cultură materială: Au fost depistate 326 fragmente de ceramică, 78 de silexuri, 144 fragmente de oase de animale, fragmente de lipitură și pietre de calcar și

gresie, multe dintre ele fiind arse, precum și câteva piese de inventar: 5 lame de silex pentru seceră retușate bilateral și acoperite cu luciu (fig. 2,4), un gratoar lucrat pe capătul unei așchii și 2 burine, care aparțin nivelurilor cultural-cronologice anterioare.

Ceramica. În perimetrul construcției s-au depistat 326 fragmente de ceramică, printre care 3 fragmente aparțin bronzului timpuriu (fig. 4,2,7), un fragment bronzului mijlociu, cultura Komarov (fig. 5,6), iar restul, primei epoci a fierului. Ultima, conform caracteristicilor tehnologice, se împarte în două categorii convenționale: fină și de uz comun, distincte după componența pastei și a prelucrării suprafeței.

Ceramica fină este reprezentată prin: *străchini* tronconice cu fundul simplu sau profilat și buza invazată (fig. 9,3-6); *căni* cu corpul în formă de S ornamentate cu motive incizate (fig. 10,1-2), prevăzute cu torți aplatizate cu secțiunea elipsoidală (fig.

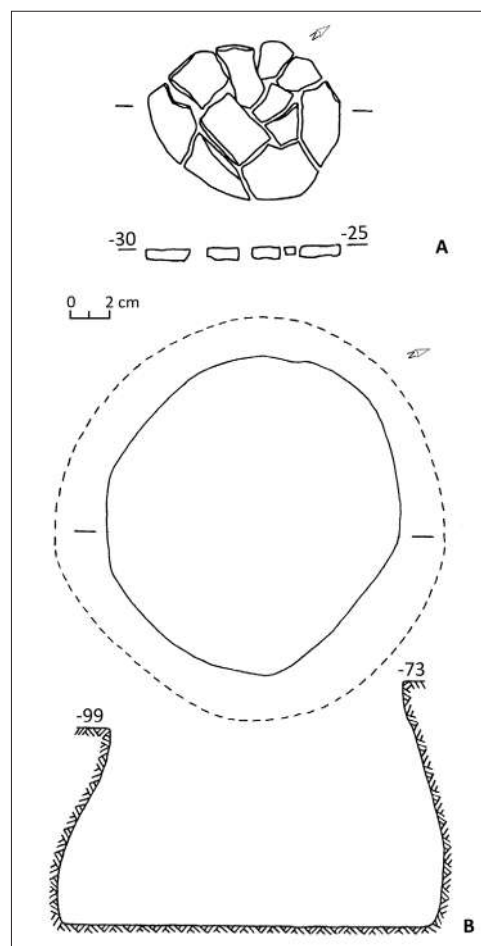

Fig. 7. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. A – platforma nr.1; B – groapa nr. 1.

Fig. 7. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section nr. XI. A – platform no.1; B – pit no. 1.

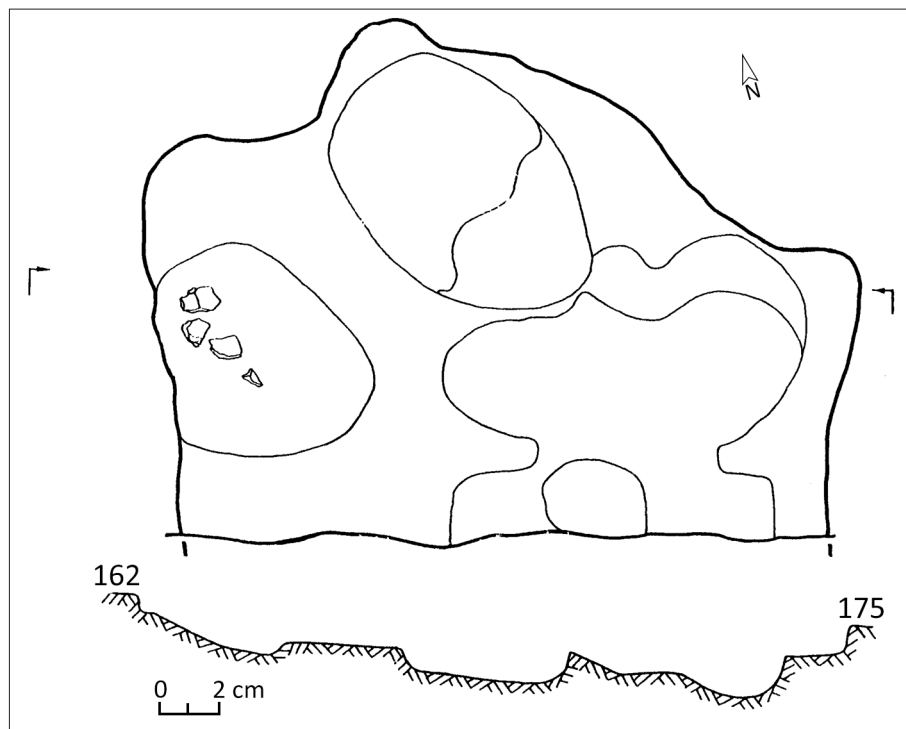

Fig. 8. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Locuința nr. 1.

Fig. 8. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section nr. XI. Dwelling no. 1.

10,7-8); *chiupuri* cu suprafețele bicromatice (negre lustruite la exterior și oranj în interior) și *cupe* cu pereții subțiri și corpul profilat.

În cadrul *ceramicii de uz comun* se identifică, cu precădere, *vase de tip lalea*, ornamentate cu un șir de orificii dispuse sub buză (fig. 11,5), brău alveolat (fig. 11,1) și mai puțin *vase de tip borcan* (fig. 11,3) și *oale* (fig. 11,6). Dintre acestea, 15 fragmente sunt ornamentate: 12 – cu brăie alveolate; 2 – cu un șir de alveole dispuse orizontal (fig. 11,2) și 1 – cu proeminențe conice dispuse în perechi (fig. 11,4).

Ceramica din straturile de săpătură

Însumează 1666 fragmente, care, din punct de vedere tehnologic, aparțin categoriilor convenționale: fină și de uz comun, raportul procentual dintre ele fiind de 27,38% (511 fragmente) la 72,61% (1355 fragmente). Caracteristicile lor tehnologice sunt similare celor proprii ceramicii descoperite în campaniile precedente.

Ceramica fină. Relevante din punct de vedere al tipului morfologic de vase sunt doar 140 fragmente, ceea ce constituie 27,39%. Analiza acestora a permis evidențierea a cinci tipuri:

- I. Chiupuri – 59 fragmente (42,14%);
- II. Străchini – 28 fragmente (20%);
- III. Căni – 26 fragmente (18,57%);

IV. Cupe – 23 fragmente (16,42%);

V. Cupe de proporții – 3 fragmente (2,14%).

Tipul I. *Chiupurile* (vasele bitronconice de proporții) sunt reprezentate prin fragmente de buze puternic evazate și, îndeosebi, de fragmente de pereți groși bicromatici (negri lustruiți la exterior și galben-oranj în interior) ornamentate, în unele cazuri, cu caneluri orizontale, caneluri în ghirlandă (fig. 12,4) sau cu proeminențe (fig. 12,5).

Tipul II. *Străchinile* se identifică prin exemple tronconice cu corpul ușor rotunjit către gură, marginea invazată subțiată sau îngroșată (fig. 12,7) ori cu marginea dreaptă rotunjită sau tăiată oblic (fig. 12,6) și fundul simplu sau profilat.

Tipul III. *Cănille* sunt reprezentate prin două variante: *a.* căni scunde cu toarta supraînălțată (fig. 12,2); *b.* căni înalte cu corpul profilat, toarta cărora începe sub buză și coboară în jos pe corp (fig. 12,1). Torțile ambelor tipuri sunt aplatizate, cu secțiunea ovală și nervură sau jgheab longitudinal.

Tipul IV. *Cupele* se identifică prin vase în formă de S, de dimensiuni mici, cu pereții relativ subțiri, trecerea de la gât în corp fiind lină sau marcată printr-o canelură orizontală ori prag (fig. 12,3).

Tipul V. *Cupele de proporții* sunt reprezentate prin fragmente de recipiente bitronconice, pu-

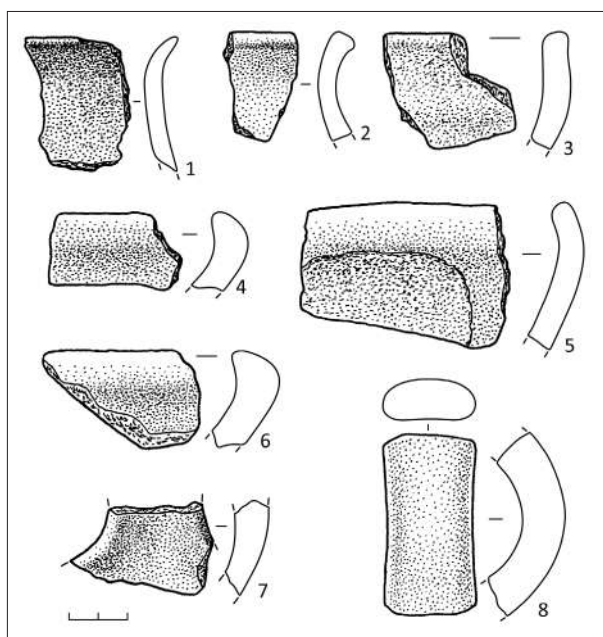

Fig. 9. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Ceramică din locuința nr. 1.

Fig. 9. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Pottery from dwelling no. 1.

țin înalte, gură trompetoformă, unele ornamentate cu proeminențe conice pe umăr.

Ceramica de uz comun. Relevante din punct de vedere al tipului morfologic de vase sunt 60 fragmente (4,42%), care se atribuie la trei tipuri:

- I. Vase de tip lălea – 50 fragmente (83,33%);
- II. Vase de tip borcan – 8 fragmente (13,33%);
- III. Oale – 2 fragmente (3,33%).

Tipul I. Vasele de tip lălea sunt ornamentate cu un șir de orificii complete dispuse sub margine (fig. 13,12), cu brâu alveolat (fig. 13,5), brâu alveolat în asocierie cu patru mânere-suporturi care întrerup simetric brăul (fig. 13,6).

Tipul II. Vasele tip borcan sunt ornamentate cu proeminențe conice (fig. 12,8) sau cu un șir orizontal de orificii complete sub margine.

Tipul III. Oalele sunt decorate cu proeminențe ovale (fig. 12,9).

Din numărul total, 76 de fragmente ornamentate: 65 sunt cu brâu alveolat sau crestă; brâu alveolat întrerupt de mânere-suporturi; unul cu brâu alveolat de la care coboară segmente verticale (fig. 13,1); 5 - cu mânere-suporturi ori proeminențe conice (fig. 13,4) și 5 cu un șir orizontal de alveole (fig. 13,3).

Piese de inventar. Acestui orizont îi sunt atribuite diverse categorii de piese lucrate din lut, os/corn și bronz.

Din categoria *pieselor de lut* fac parte: linguri, statuete zoomorfe, fusaiole, rondele etc. *Lingurile* sunt reprezentate printr-un exemplar întreg (fig. 14,12) și două în stare fragmentară (fig. 14,1). Piesa întreagă este modelată din pastă densă cu nisip în componență. Are suprafața netezită minuțios, pe alocuri – lustruită și culoare maronie-deschisă. Exemplarele fragmentare sunt modelate din pastă densă cu șamotă de granulație mică, au suprafața de culoare cenușie, netezită sau chiar lustruită, cozile fiind prevăzute cu orificii longitudinale. *Statuetele zoomorfe*, toate păstrate în stare fragmentară, sunt modelate din pastă fină, densă cu nisip în compoziție. Sunt minuțios netezite, pe alocuri lustruite, culoarea suprafețelor, în majoritatea cazurilor, fiind maronie-cenușie. Unele piese sunt acoperite cu angobă maronie-cenușie, netezită până la luciu. Deși nu s-au păstrat întregi, totuși, particularitățile morfologice permit identificarea speciilor de animale, în special, calul (fig. 14,6) și câinele (fig. 14,3). Restul fragmentelor (fig. 14,4) nu prezintă indicii ce ar permite determinarea speciei pe care o reprezintă.

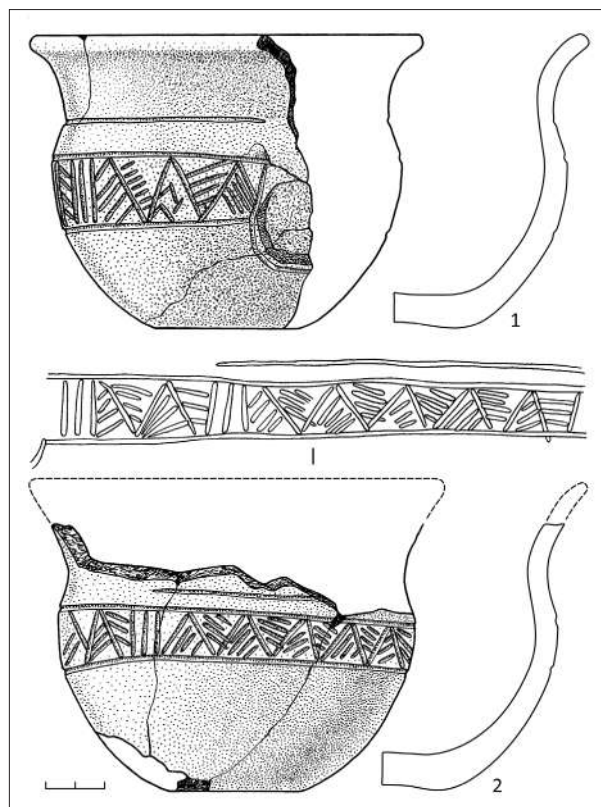

Fig. 10. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Ceramică din locuința nr. 1.

Fig. 10. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Pottery from dwelling no. 1.

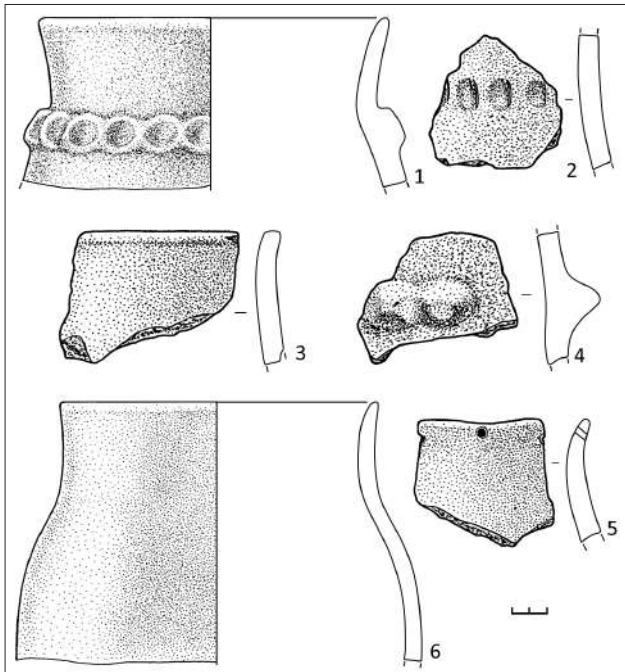

Fig. 11. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Ceramică din locuința nr. 1.

Fig. 11. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Pottery from dwelling no. 1.

Fusaiiolele, întregi, sau în stare fragmentară, modelate din pastă fină densă cu nisip, unele și cu șamotă mărunță în compoziție, sunt îngrijit netezite, pe alocuri lustruite, culoarea suprafețelor poate fi maronie, cenușie sau neagră. În plan ele sunt rotunde, iar în secțiune bitronconice (fig. 14,8), tronconice (fig. 14,9) sau sferice (fig. 14,10). Diametrul pieselor variază între 2,6 și 4 cm, înălțimea – între 2,7 și 3,6 cm, iar diametrul orificiului vertical – între 0,5 și 0,8 cm. *Rondelele* (?) sunt modelate din pastă cu șamotă mărunță în compoziție, cu suprafețele acoperite cu angobă cenușie sau maronie-deschisă și bine netezite/lustruite. În plan sunt rotunde, iar în secțiune elipsoidale (fig. 14,14). Diametrul pieselor este de circa 7 cm, grosimea maximă variază între 1,8 și 2,1 cm și are diametrul orificiului de circa 7 cm. *Pâinică/(turta?)* este modelată din pastă care conține nisip și degresant de origine organică, în plan este rotundă, în secțiune – elipsoidală (fig. 14,11). Diametrul – 4 cm și grosimea – 1,5 cm. *Vasele ceramice* sunt reprezentate de un fragment din partea superioară a unui *afumător* de formă conică prevăzută cu orificii circulare pe corp, modelat din pastă densă cu nisip în compoziție. Are suprafața exterioară bine netezită și culoare cenușie (fig. 14,13); o *cană* adâncă cu corpul ușor profilat, prevăzută cu o

toartă dispusă sub margine, modelată din pastă cu șamotă mărunță în compoziție, cu suprafața de culoare cenușie cu pete maronii. Diametrul buzei – 8 cm, înălțimea – 10 cm, diametrul fundului – 4,5 cm (fig. 12,1); un *vas de tip lălea* modelat din pastă densă cu șamotă mărunță. Are suprafața exterioară calitativ netezită, pe alocuri lustruită, culoare cenușie, fiind ornamentat cu brâu alveolat în asociere cu patru mânere-suporturi care întrerup simetric brâu. Diametrul buzei – 11,9 cm, înălțimea – 17 cm, diametrul fundului 6,4 cm (fig. 13,6). *Piese de os* sunt reprezentate prin două străpungătoare, un pandantiv (?) și o piesă cu destinație incertă (aplică, încheietoare?). *Străpungătoarele* sunt lucrate din metapode laterale de cal, cu suprafețele intens lustruite. Unul dintre acestea are vârful rupt în vechime. Lungimea exemplarului întreg este de 11,5 cm (fig. 14,12), iar a celui fragmentar de 9,5 cm. *Pendantivul* (?) este lucrat dintr-un metacarp de porc, prevăzută la unul dintre capete cu un orificiu de formă ovală. *Piesa cu destinație incertă* reprezintă o placă tăiată

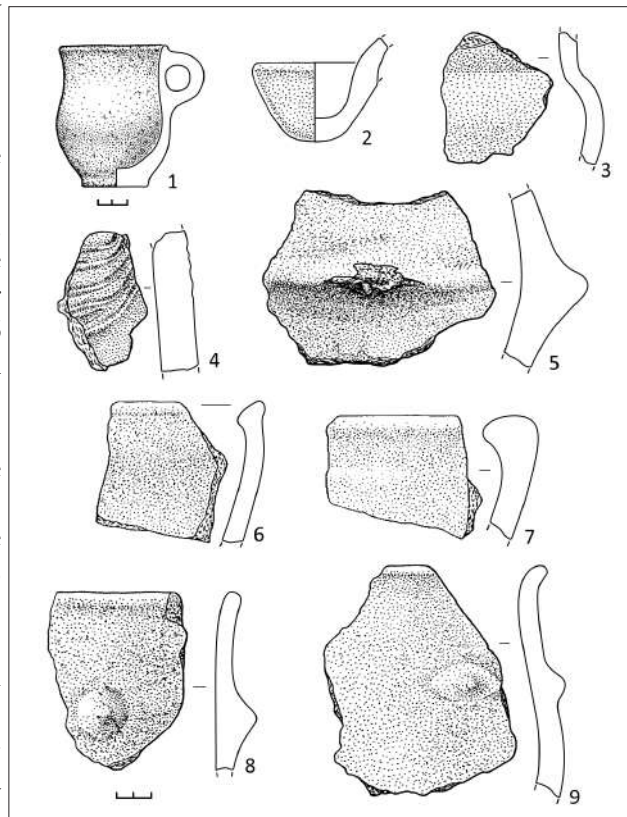

Fig. 12. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Ceramică din strat.

Fig. 12. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Pottery from layer.

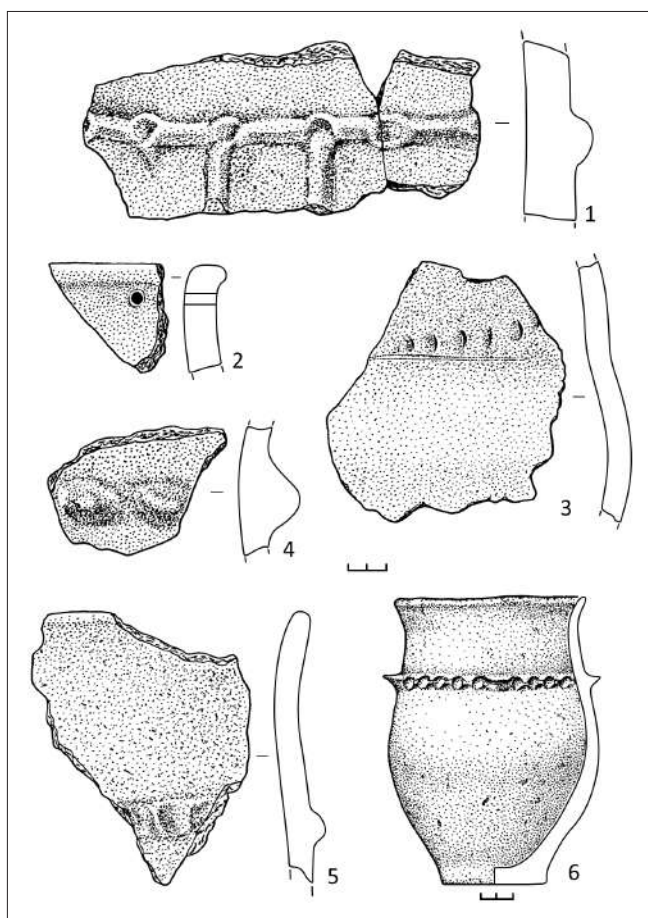

Fig. 13. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Ceramică din strat.

Fig. 13. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Pottery from layer.

din peretele unui os tubular. În plan are forma cifrei „8”, este bilateral lustruită, pe una dintre suprafețe fiind ornamentată cu cercuri cu punct în centru. Lungimea piesei este de 5 cm (fig. 14,7). *Pieselor de bronz* li se atribuie un *cercel* lucrat din sârmă cu secțiunea rotundă (diametrul – 0,15 cm). Diametrul piesei este de 1,1-1,2 cm (fig. 14,5).

Vestigii din epoci mai târzii. În stratul I și II de săpătură au fost depistate câteva fragmente de *amfore*, precum și *ceramică cu mică* din epoca medievală timpurie.

Materialul osteologic

Ca urmare a investigațiilor secțiunii XI din anul 2000, de rând cu colecția ceramică și piesele de inventar au mai fost descoperite și 985 oase de animale, din care a fost posibil de determinat 536 (54,42%), printre care 51 de indivizi. Din numărul total de oase determinate, 518 (96,64%) provin de

la animalele domestice și doar 18 (3,36%) de la cele sălbatice. Analiza paleofaunistică a fragmentelor de oase a permis stabilirea a 5 specii de animale domestice și 3 specii de animale sălbatice. Merită de subliniat că oasele descoperite indirect oferă indicii referitoare la creșterea animalelor pe de o parte și practicarea vânătorii, pe de altă parte. Astfel, putem constata că bovinele (231 oase sau 44,6%), porcinele (149 oase sau 28,77%) și ovicaprinele (117 oase sau 22,58%) jucau un rol mai mare pentru economie, în comparație cu calul (10 oase sau 1,93%) și câinele (11 oase sau 2,12%). Dintre speciile de animale sălbatice se impune mustela (7 oase sau 38,9%), cerbul nobil (6 oase sau 33,3%) și căprioara (5 oase sau 27,8%). Totodată, merită de menționat că 45 de indivizi au fost identificați în cadrul speciilor domestice și doar 5 în cadrul celor sălbatice. Astfel, majoritare sunt porcinele (15 indivizi) și bovinele (11 indivizi), după care urmează ovicaprinele (5 indivizi), caninele (3 indivizi), cabalinele, cerbul nobil și căprioara (cu câte 2 indivizi) și mustela (1 individ).

Concluzii

Investigațiile din așezarea Trinca-Izvorul lui Luca (Secțiunea XI) din campania anului 2000 au adus un aport considerabil la întregirea imaginii de ansamblu al acestui sit arheologic și la nuanțarea aspectelor tuturor orizonturilor cultural-cronologice atestate. Esențial s-a completat repertoriul complexelor arheologice, a tipurilor de vase, unelte și ustensile. Îndeosebi menționăm: materialele ce țin de perioada timpurie și mijlocie a epocii bronzului. De remarcat este și colecția de statuete zoomorfe din prima epocă a fierului ș.a.

Referitor la nivelul de locuire din epoca paleoliticului superior de pe promontoriul Trinca-Izvorul lui Luca, constatăm că, în ansamblu, materia primă pentru confecționarea uneltelor (silexul zis „de Prut”), așa caracteristici precum patina, morfologia, tehnica de percuție și tipologia pieselor de silex, structura inventarului (format din gratoare, burine, piese bifaciale, lame și așchii retușate etc.) permit atribuirea colecției, care esențial îmbogățește și tipologic diversifică materialele paleolitice depistate anterior, la tehnocomplexul aurignacian din zona dintre Carpați și Nistru evidențiat într-o cultură din paleoliticul superior cu particularități tipologice distinctive

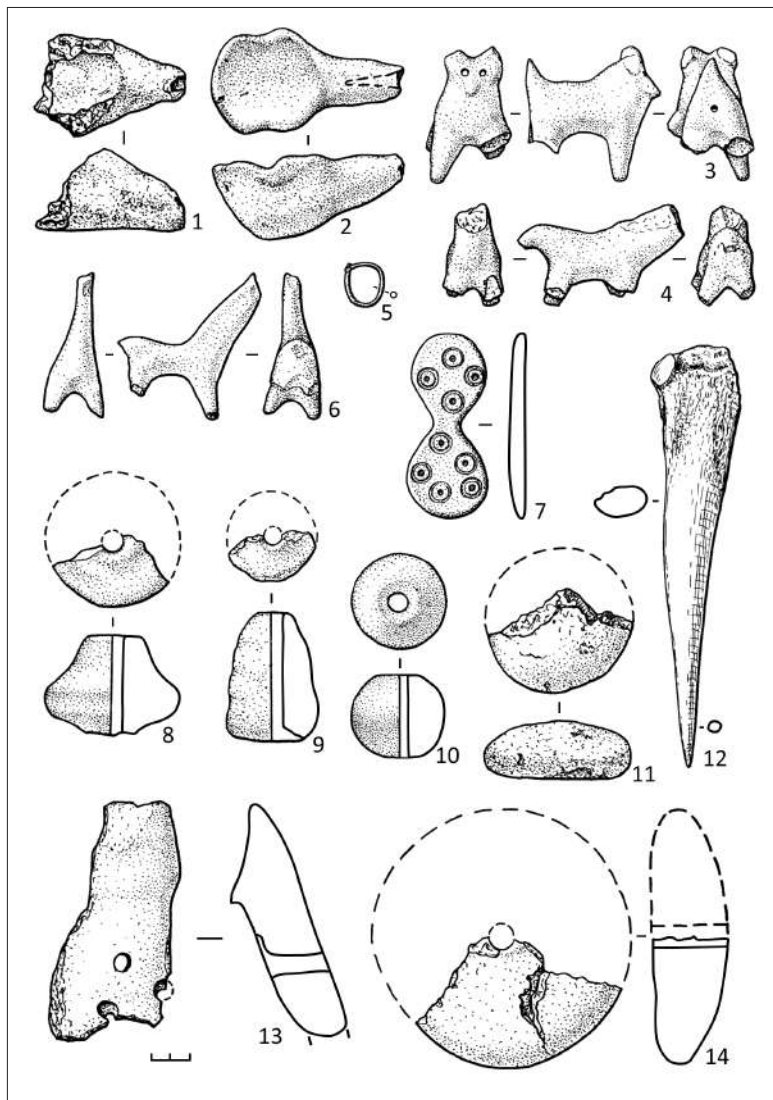

Fig. 14. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Secțiunea XI. Piese hallstatiene timpurii: 1-4, 6, 8-10, 13-14 - din lut; 7, 12 - din os; 5 - din bronz.

Fig. 14. Trinca-Izvorul lui Luca 2000. Section no. XI. Early Hallstattian findings: 1-4, 6, 8-10, 13-14 - clay; 7, 12 - bone; 5 - bronze.

- „cultura Prut” [Borziac, Levițki 2003, 45, 51].

Pentru epoca eneolitică, în special faza finală, în Secțiunea XI din campania anului 2000, atenție aparte merită materialul ceramic, reprezentat prin recipiente fine și grosiere, pentru care paralele cele mai apropiate le găsim în așezările specifice culturii Horodiștea-Erbiceni, localizate în silvostepa dintre Siret și Prut [Dinu 1977; Dumitroaia 2000]. Descoperirile care merită o atenție mai deosebită sunt reprezentările antropomorfe, în Secțiunea XI, fiind identificate două astfel de exemplare (una fragmentară și alta întreagă). Piesa întreagă este una specială

după maniera de modelare pentru care încă nu dispunem de analogii. Figurina zoomorfa, modelată din pastă fină, densă și cu nisip mărunț în compoziție, are suprafața netezită, acoperită cu angobă maronie, care în opinia noastră, reprezintă, probabil, un taur, de asemenea în complexele din etapa finală a Tripolie CII, de tip Gordinești, analogii nu are. În general, în obiectivele de acest tip, reprezentările zoomorfe, în opinia unor cercetători sunt cunoscute doar în cazuri singulare [Dergachev 1980, 62, ris. 32/54], conform altor - acestea încă nu au fost depistate [Markovich 1981, 157].

Epocii bronzului, în primul rând, se atribuie ceramica, cu preponderență în stare fragmentară, care prin aspectul ei tehnologic, morfologic și stilistic atestă existența unor nivele de locuire din perioadele timpurie, și respectiv, mijlocie.

Popularea promontoriului de la Trinca în perioada timpurie a epocii bronzului este confirmată de ceramica ornamentată cu șnur, precum și de cea modelată din pastă fină, cu mult nisip și șamotă de granulație mică, pereții cărora sunt relativ subțiri, cu suprafețele calitativ netezite sau acoperite cu angobă cenușie, în

cadru careea, din punct de vedere morfologic, se evidențiază vasele cu două torți late care unesc buza cu umărul recipientului, unele torți, pe curbura de sus, fiind prevăzute cu proeminențe, vasele cu gâtul înalt și buza evazată, trecerea de la gât la corp fiind marcată printr-un prag și, probabil, vase de tip lea ornamentate pe marginea exterioară a buzei cu creștături verticale. Categoriile de ceramică prezentate indică asupra faptului că aici au existat stațiuni sezoniere a unor formațiuni culturale cu ceramică ornamentată cu șnur, eventual, a grupului Edineț, în obiectivele cărora vasele din pastă fină au cele mai apropiate analogii [Levițki, Sirbu, Sirbu 2018, 92-93].

Același fapt este confirmat și de unele de piese de inventar: de silex (vârf de săgeată de formă triunghiulară cu baza concavă) și piatră șlefuită (fragment de topor perforat) depistate în groapa nr. 1, ce

se atribuie unui orizont cultural-cronologic ulterior. Examinarea acestor piese într-un studiu consacrat pieselor de inventar din epoca bronzului depistate în așezarea Trinca-Izvorul lui Luca, a demonstrat că acestea pot fi încadrate în perioada timpurie a epocii bronzului [Levițki 2007, 141-143].

Existența în perioada mijlocie a epocii bronzului, a unei așezări a culturii Komarov pe promontoriul de la Trinca-Izvorul lui Luca este adevărată de ceramica identificată în straturile de săpătură și în cadrul complexelor cercetate în Secțiunea XI în anul 2000. Aspectul tehnologic, morfologic și al ornamentației care este caracteristic acestei culturi, dar și de vestigiile depistate în campaniile precedente [Levițki, Haheu 1997, 217-218, fig. 16-18; Levițki, Alaiba, Bubulici 1999, 23, 34; Levițki 2007, 139-141; Levițki, Sîrbu, Sîrbu 2018, 85-86, 93].

Cu referire la **prima epocă a fierului** menționăm următoarele:

În primul rând, structurile de habitat (locuința adâncită) și cele auxiliare (vetre, platforme, gropi) reprezintă elemente caracteristice epocii, cunoscute și în rezultatul campaniilor precedente. *Ceramica*, după aspectul tehnologic și raportul procentual dintre categorii (fină și de uz comun), în general, este specifică pentru orizontul din prima epocă a fierului, cunoscută în așezare. Apropiată de cea atestată în campaniile precedente este și ponderea tipurilor în cadrul categoriilor. Totodată, în repertoriul morfologic al ceramicii fine și de uz comun sunt atestate și tipuri, necunoscute anterior (*cămile* cu corpul în formă de S ornamentate cu motive incizate, *cămile* scunde cu toarta supraînălțată, *cămile* înalte cu corpul profilat, toarta cărora începe sub buză și coboară în jos pe corp, *vasele de tip lălea* ornamentate cu brâu alveolat în asociere cu patru mânere-suporturi care întrerup simetric brăul, etc.).

În ceea ce privește ornamentația, elementele de tradiție hallstattiană timpurie (canelura, proeminențele conice, mânerule-suporturi etc.) și compozițiile ornamentale formate de acestea sunt prezente într-o cantitate destul de redusă. În același timp, sporadic, sunt atestate motive ornamentale realizate în tehnica inciziei.

Cu privire la piesele de inventar, menționăm că materia primă din care au fost lucrate este tradițională pentru prima epocă a fierului: lutul ars, silexul, piatra și într-o măsură mai mică osul/cornul și bronzul. În cadrul pieselor din lut ars, atenție deosebită merită lingurile (un exemplar întreg și două în stare fragmenta-

ră) și figurinele zoomorfe (opt piese în stare fragmentară). *Lingurile de lut ars* din așezare (inclusiv cele din Secțiunea XI) au fost examinate într-un studiu special [Levițki 2008, 5-30], în care s-a argumentat încadrarea lor cultural-cronologică în epoca hallstattiană, precum și faptul, că acestea erau utilizate în unele activități specializate – metalurgia bronzului – în calitate de linguri de turnat metalul topit. *Figurinele zoomorfe*, care în special reprezintă calul, își găsesc analogii în mediile culturale vecine Gava-Holihrad-Grănicești [Smirnova 1976, 24; Maleev 1987, 95, ris. 3/3,6; Maleev 1992, 13-24, fig. 1; Mareș et al. 2008, 81-111, fig. 1-3; Székely 1966, 13, fig. VII/6; László 1994, 90, fig. 49/1-5; Vasilev 1991, 68, fig. 27/1,2], Belogradovka [Berezanskaia 1985, ris. 136/22], precum și în cele ulterioare, Saharna-Solonceni/Cozia-Saharna [Meliukova 1958, 84, ris. 28/9; Kashuba 2000, 338, ris. XXXIII, 1,4,6], Cernyi Les/Neporotovo [Krushel'nits'ka 1985, ris. 34/10; 1998, 168] etc. Dintre *piesele de os*, interes prezintă placa de forma cifrei „8” ornamentată pe extremitățile unei suprafețe cu cercuri cu punct în centru, dispuse în două cercuri. Analogii apropiate aspectului morfologic al acesteia ne sunt cunoscute în zona de silvostepă a Ucrainei, așezarea Belogradovskii Les (cultura Belogradovka) [Terenozhkin 1961, 104, ris. 62/3; Berezanskaia 1985, 509, ris. 136/20] și în zona stepelor euroasiatice din stânga Niprului, M. 5; T. 1 de la Pavlovka, reg. Dnepropetrovsk, încadrat în orizontul doi a etapei târzii, Berezhnovka-Mayievskaja, a culturii Srubnaya de pe teritoriul Ucrainei [Otroshchenko 2003, 319-328, fig. 21.3./100]. Piesa din așezarea Belogradovskii Les, pe extremitățile unei din suprafețe, este ornamentată cu puncte mari dispuse în două cercuri, cea de la Pavlovka – cu cercuri concentrice, prevăzute cu orificii în centru. Ambele piese sunt desemnate ca aplici. Limitele cronologice a evoluției culturii Belogradovka se încadrează în perioada sec. XII-X î.e.n. [Berezanskaia 1985, 502 și urm.], iar finalul existenței culturii Srubnaya pe teritoriul Ucrainei este stabilit în perioada sec. XIII-XII a.Chr. [Otroshchenko 1999, 193; 2001, 158-162; 2003, 319-328]. Piesa din cenușarul de la Belogradovskii Les, este paralelizată de S. Berezanskaia și V. Kločko cu încheietoarea din tumulul 37 din necropola tumulară de la Gordeevka, reg. Vinița, atribuit grupului cronologic IV, datată conform datelor C14 cu 1198-1186 BC [Berezanskaja, Kločko 1998, 10, 20, Tafel 72/3], sau grupului cronologic III, conform datelor C14 cu 1120±90 BC [Berezanskaja, Kločko 2011, 70-74, ris. 72/3]. Aici se cere a fi menționat, că atât după dimensiuni, cât și după aspectul morfologic și al

ornamentației piesele în discuție sunt deosebite. Acestea sunt diferite și ca funcționalitate. Tot odată, subliniem că motivul decorului piesei de la Gordeevka este mult mai apropiat celui prezent pe piesa de la Trinca. Mai indicăm că încheietoarea de la Gordeevka după dimensiuni și configurație este similară unei piese decorată pe extreme cu un motiv incizat de tip cruce de Malta și puncte depistate în așezarea Kent, în mediul cultural din perioada târzie a epocii bronzului Begazy-Dandibay, sec. XIV-IX a.Chr. din partea centrală a Kazakhstanului [Samashev 2013, 55, 76, fig. 91].

Piese de bronz depistate în campaniile de săpătură din situl de la Trinca au fost examina-

te într-un studiu dedicat vestigiilor din această materie primă [Levițki et al. 2003, 171-182]. În contextul dat vom menționa doar unica piesă de bronz, cerceul cu capetele suprapuse (diametrul – 1,1-1,2 cm), lucrat din sârmă cu secțiunea rotundă (diametrul – 0,15 cm), piesă ce nu prezintă anumiți parametri cultural-cronologici.

Referitor la vestigiile din *epoci mai târzii* reiterăm faptul că în straturile I și II de săpătură au fost depistate câteva fragmente de *amfore din perioada antică târzie*, precum și *ceramică cu mică* din epoca medievală timpurie.

Bibliografie

- Berezanskaia 1985:** S.S. Berezanskaia, Belogradovskaia kul'tura. Arkheologiiia Ukrainsoi SSR 1, 1985, 449-512 // С.С. Березанская, Белогрудовская культура. Археология Украинской ССР 1, 1985, 499-512.
- Berezanskaja, Kločko 1998:** S.S. Berezanskaja, V.I. Kločko, Das Gräberfeld von Hordevka. In: Archaologie in Eurasien, Bfnd 5 (Rahden/Westf.: Leidorf, 1998).
- Berezans'ka, Kločko 2011:** S.S. Berezans'ka, V.I. Kločko, Gordiivs'kii mogil'nik. In: Gordiivs'kii mogil'nik (Vinnitsia 2011), 7-113 // С.С. Березанська, В.И. Клочко, Гордіївський могильник. В: Гордіївський могильник (Вінниця 2011), 7-113.
- Borziac, Levițki 2003:** I. Borziac, O. Levițki, Nivelul de locuire din paleoliticul superior de la așezarea pluristratigrafică Trinca-Izvorul lui Luca, jud. Edineț, Republica Moldova. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 28-52.
- Dergachev 1980:** V.A. Dergachev, Pamiatniki pozdnego Tripol'ia (Kishinev 1980) // В.А. Дергачев, Памятники позднего Триполья (Кишинёв 1980).
- Dinu 1977:** M. Dinu, Complexul cultural Horodiștea-Foltești. Contribuția noilor cercetări arheologice la problema perioadei de tranziție de la eneolitic la epoca bronzului din zona est-carpatică a României. Teza de doctor, 1977.
- Dumitroaia 2000:** Gh. Dumitroaia, Comunitățile preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni până în bronzul mijlociu (Piatra-Neamț 2000).
- Kashuba 2000:** M.T. Kashuba, Early Iron in forest-steppe between Dniester and Siret (Cozia-Saharna culture). Stratum plus 3, 2000, 241-488 // М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.
- Krushel'nits'ka 1985:** L.I. Krushel'nits'ka, Vzaemozv'iazki naselennia Prikarpatia i Volini z plemenami skhidnoi i tsentral'noi Evropi (Kiiv 1985), 161 // Л.И. Крушельницька, Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами східної і центральної Європи (Київ 1985).
- Krushel'nits'ka 1998:** L.I. Krushel'nits'ka, Chornolis'ka kul'tura Sereddn'ogo Pridnistro'ia (L'viv 1998) // Л.И. Крушельницька, Чорноліська культура Середнього Придністров'я (Львів 1998).
- László 1994:** A. Laszlo, Începuturile epocii fierului la Est de Carpați. B.THR. VI (București 1994).
- Levițki 2007:** O. Levițki, Despre unele piese de inventar din epoca bronzului depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA III, 1-2, 138-154.
- Levițki 2008:** O. Levițki, Piese din categoria ceramicii tehnice depistate în așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. RA IV, 1, 2008, 5-30.
- Levițki, Haheu 1997:** O. Levițki, V. Haheu, Șantierul arheologic Trinca (Republica Moldova) (Campania 1995). In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă II (București 1997), 169-212.
- Levițki, Alaiba, Bubulici 1999:** O. Levițki, R. Alaiba, V. Bubulici, Raport asupra investigațiilor arheologice efectuate în anii 1997-1998 la Trinca-Izvorul lui Luca raionul Edineț, Republica Moldova. In: Cercetările arheologice în aria nord-tracă III (București 1999), 17-116.
- Levițki et al. 2003:** O. Levițki, E. Ușurelu, Gh. Coban, Piese de metal din așezarea Trinca „Izvorul lui Luca”. In: Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic (Chișinău 2003), 171-182.

- Levițki, Sîrbu 2016:** O. Levițki, L. Sîrbu, Rezultatele investigațiilor arheologice din situl Trinca „Izvorul lui Luca”. Campania anului 1989. RA XII, 1-2, 237-249.
- Levițki, Sîrbu 2017:** O. Levițki, L. Sîrbu, Investigațiile arheologice din anul 1984 în situl Trinca „Izvorul lui Luca”. RA XIII, 1-2, 111-121.
- Levițki, Sîrbu, Sîrbu 2018:** O. Levițki, Gh. Sîrbu, L. Sîrbu, Investigațiile arheologice din anul 2000 în situl Trinca „Izvorul lui Luca”. RA XIV, nr. 2, 80-95.
- Maleev 1987:** Iu.N. Maleev, Gal'shtatskie gorodishcha v Zapadnoi Podolii i Prikarpat'e. Mezhplemennye sveazi epokhi bronzy na territorii Ukrainy (Kiev 1987), 86-101 // Ю.Н. Малеев, Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье. Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1987), 86-101.
- Maleev 1992:** Iu.N. Maleev, Kultova khalshchatska plastika ot lesostepnogo Podnestroviia. Arkheologia, god XXX-IV, 2 (Sofia 1992), 13-24 // Ю. Н. Малеев, Култова халщатска пластика от лесостепного Поднепровия. Археология, Год. XXXIV, 2 (Sofia 1992), 13-24.
- Mareş et al. 2008:** I. Mareş, A. László, B. Niculică, M. Ignat, La plastoque zoomorphe et antropomorphe de l'habitat hallstattiene ancien de Siret (dep.de Suceava). Studia Antiqua et Arhaeologica XIII-XIV, 2001-2008 (Iași 2008), 81-111.
- Markevich 1981:** V.I. Markevich, Pozdnetripol'skie plemena severnoi Moldavii (Kishinev 1981) // В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена северной Молдавии (Кишинев 1981).
- Meliukova 1958:** A.I. Meliukova, Pamiatniki skifskogo vremeni lesostepnogo Srednego Podnestrov'ia. MIA 64, 1958, 5-102 // А.И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. МИА 64, 1958, 5-102.
- Otroshchenko 1999:** V.V. Otroshchenko, Do pitannia final kul'tur Zrubnoï spil'nosti. Problemy skifo-sarmatskoï arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Zaporozh'e 1999), 191-194 // В.В. Отрощенко, До питання фінал культур Зрубної спільності. Проблеми скифо-сарматської археології Северного Причорномор'я (Запорозжє 1999), 191-194.
- Otroshchenko 2001:** V.V. Otroshchenko, Problemi periodizatsii kul'tur seredn'oi bronzi pівdenia Skhidnoï Evropi (kul'turno-stratigrafichni zistavlennia) (Kiev 2001) // В.В. Отрощенко, Проблеми періодизації культур середньої та південної бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) (Киев 2001).
- Otroshchenko 2003:** V.V. Otroshchenko, The Economic Peculiarities of the Srubnaya Cultural-historical Entity. Prehistoric steppe adaptation and the horse, 319-328.
- Samashev 2013:** Z. Samashev, The history of Kazakhstan fine art Ancient time and Middle Ages. Kazakh Art. Tie Ancient Art V.I (Astana 2013).
- Smirnova 1976:** G.I. Smirnova, Gavsko-Goligradskii krug pamiatnikov Vostochno-Karpatskogo basseina. ASGE 17, 1976, 18-34 // Г.И. Смирнова, Гавско-Голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна. АСГЭ 17, 1976, 18-34.
- Székely 1966:** Z. Székely, Așezări din prima vârstă a fierului în sud-estul Transilvaniei (Sf. Gheorghe 1966).
- Terenzhkin 1961:** A.I. Terenzhkin, Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e (Kiev 1961) // А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).
- Vasiliev et.al. 1991:** V. Vasiliev, I. Al. Aldea, H. Ciugudean, Civilizația dacică timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuții arheologice: așezarea fortificată de la Teleac (Cluj-Napoca 1991).

Oleg Levițki, doctor habilitat în științe istorice, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: levitkiolog_ipc@yahoo.com

Livia Sîrbu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: livermur@yahoo.com

Ghenadie Sîrbu, cercetător științific, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ghenasirbu2014@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Денис Масюта

Псевдородосские амфоры из Тиры (II – первая половина III вв. н.э.)

Keywords: pseudo-Rhodian amphorae, Tyras, Black Sea area, Danubian area, Roman provinces, Roman military presence.

Cuvinte cheie: amfore pseudorhodeene, Tyras, Marea Neagră, Dunăre, provincii dunărene, prezența militară romană.

Ключевые слова: псевдородосские амфоры, Тира, Причерноморье, Подунавье, римские провинции, римское военное присутствие.

Denis Masyuta

Pseudo-Rhodian amphorae from Tyras (2nd – first half of the 3rd centuries AD)

The article deals with the study of pseudo-Rhodian amphorae of type 1 according to the classification of T.L. Samoylova, which were discovered during the excavations of Tyras. Issues related to their origin, morphology and chronology are examined. Special attention is paid to the determination of the contents of this type of receptacles. The area of distribution is outlined and possible routes for the arrival of such vessels to the sites are proposed. It has been suggested that the finds of amphorae of the examined type from Tyras are related to the food supply of the Roman army vexillatio located in the city in the 2nd – first half of the 3rd centuries AD.

Denis Masiuta

Amfore pseudorhodeene din Tyras (sec. II – prima jumătate a sec. III p.Chr)

În articol se prezintă rezultatele analizei amforelor pseudorhodeene de tipul 1, conform tipologiei elaborate de T.L. Samoilova, descoperite în timpul cercetărilor de la Tyras. Sunt analizate probleme legate de proveniența, morfologia și cronologia acestora. O atenție deosebită este acordată umpluturii acestor vase. Se delimitează arealul difuzării diverselor variante ale acestui tip de amfore, din diverse situri. Se prezintă ipoteza că toate descoperirile de acest tip amforic la Tyras sunt legate de aprovizionarea cu alimente a unităților de vexilație ale armatei romane, ce erau dislocate în oraș în sec. II – prima jumătate a sec. III p.Chr.

Денис Масюта

Псевдородосские амфоры из Тиры (II – первая половина III вв. н.э.)

Статья посвящена изучению псевдородосских амфор типа 1 по классификации Т.Л. Самойловой, обнаруженных при исследовании Тиры. Рассматриваются вопросы, связанные с их происхождением, морфологией, хронологией. Уделяется особое внимание определению содержимого этой разновидности тары. Очерчивается ареал распространения и предлагаются возможные варианты путей поступления таких сосудов на памятники. Выдвигается предположение о том, что находки амфор исследуемого типа в Тире связаны с продовольственным снабжением вексиляции римских войск, располагавшейся в городе во II – первой половине III вв. н.э.

Как известно, амфорная тара имеет важное значение для реконструкции торговых связей и изучения экономики античного мира. За последнюю четверть века наметилась позитивная тенденция в исследовании этой категории археологического материала. Так, были выделены новые типы средиземноморской и причерноморской амфорной тары, разработана их хронология, локализованы места производства сосудов и определены товары, для транспортировки которых они использовались. В связи со значительным увеличением количества находок появилась возможность скорректировать и наши представления о многих, уже известных разновидностях амфор. В частности, уточнить особенности морфологии и времени бытова-

ния некоторых типов сосудов, ареал их распространения.

Целью нашей статьи является всестороннее изучение псевдородосских амфор типа 1 по классификации Т.Л. Самойловой, а также введение в научный оборот новых находок этой разновидности керамической тары, обнаруженных в Тире.

Примечательно, что впервые такие сосуды были объединены в отдельный тип именно при исследовании керамической тары этого центра [Samoilova 1978, 255, ris. 1,1]. Несколько позднее А. Опайц отнес подобные сосуды, обнаруженные в Добрудже, к типу V по собственной классификации [Opaiț 1980, 301, Pl. V,5, XII,3]. Д. Параскив, при составлении типологии амфорной

тары Нижнего Подунавья, выделил их в тип 36 [Paraschiv 2006, 81, 82, 108-109, Pl. 17,10-15].

Находки из Тиры представлены преимущественно фрагментами профильных частей – всего известно 6 ручек и 4 ножки (рис. 1)¹. Кроме того были обнаружены две горловины с ручками, одна из которых опубликована А.И. Фурманской [Furmans'ka 1957, 89, Tab. II, 2]. Верхняя часть ещё одного сосуда была введена в научный оборот Т.Л. Самойловой [Samoilova 1978, 255, ris. 1,1] (рис. 2,6).

Пока не найдено ни одной полностью сохранившейся амфоры исследуемого типа. Поэтому представления о форме рассматриваемых сосудов можно получить лишь по верхним и нижним частям, а также по экземпляру без ножки, найденному в римском каструме Барбоши на территории Румынской Молдавии [Oraïţ, Paraschiv 2013, Fig. 18] (рис. 2,5). Отсутствие целых образцов делает эти представления довольно приблизительными.

Горло интересующих нас амфор высокое (12-16 см), прямое, очень узкое. Венец валикообразный, с уплощённой верхней частью. Его диаметр варьируется от 4 до 6 см [Samoilova 1978, 255, ris. 1, 1; Vjelajac 1996, 40, Sl. XII,49,52; Văjenu 2013, 72, Pl. 14,117]. Округлые в сечении ручки часто сплюснены с боков, что придает им подтреугольные очертания. Одним концом они крепятся к горлу сосуда, сразу под венцом, другим – к верхней части его плечиков. В процессе формовки место изгиба ручек было намеренно заострено, чтобы придать ему вид «шипа». Причем, встречаются как сосуды с вертикальными «шипами», так и с загнутыми в сторону венца (рис. 1,1; 2,5-11). Тулово исследуемых амфор имело яйцевидную форму и, судя по экземпляру из Барбоши, было рифленным [Oraïţ, Paraschiv 2013, Fig. 18] (рис. 2,5). По всей видимости, для таких сосудов характерны высокие цилиндрические ножки с широкой плоской подошвой, в центральной части которой имеется полукруглый выступ [Văjenu 2013, Pl. 14,117, 22,117; Oraïţ, Ionescu 2016, 60, Pl. III,13] (рис. 1,7-8; 2,10-11). Они изготовлены из идентичного по цвету и составу керамического теста, что и остальные обломки исследуемых амфор. У некоторых экземпляров между подошвой и выступом находится утолщение – «поясок» [Paraschiv 2006, Pl. 17,14,15] (рис. 1,9-10). Амфора из Барбоши сохранилась на высоту 51,6 см, максимальный диаметр ее тулова был равен 18 см [Oraïţ, Paraschiv 2013, Fig. 18].

Практически все фрагменты сосудов типа 1 по Т.Л. Самойловой, обнаруженные при исследовании Тиры, изготовлены из плотной, хорошо отмученной керамической массы красного, реже розового цвета, содержащей большое количество мелких золотистых блесток слюды. Поверхность амфор покрыта ангобом бежево-белого, зеленовато-бежевого или темно-розового цвета. Экземпляры, происходящие из Том [Paraschiv 2006, 108; Văjenu 2013, 73, Pl. 22,117] и Троэзмиса [Paraschiv 2006, 108-109], также сформованы из керамического теста с высоким содержанием включений слюды, однако цвет их глины был бежево-желтым, а ангоба – бежево-белым. Изменения в окраске черепка могли быть вызваны нарушениями в режиме обжига керамики, что прослеживается на примере позднегераклейских амфор, цвет керамического теста которых, при идентичности состава, колеблется от белого до красного [Vnukov 2006, 54-55; 2013, 24, ris. 2,1-4]. Вместе с тем, в керамической массе нескольких обломков из Тиры, помимо многочисленных включений слюды, визуально прослеживаются редкие примеси песка и крупных коричневых частиц. Цвет черепка этих фрагментов бежево-желтый или розовый, ангоба – бежево-белый либо темно-розовый. Неидентифицируемые темные включения зафиксированы также в глиняном тесте кирпично-красного цвета находок из Слэвени [Bondoc 2016, 218] и Чорою-Ной [Bondoc 2014, 105].

Таким образом, основываясь на визуальных различиях в составе формовочной массы, амфоры типа 1 по Т.Л. Самойловой, обнаруженные в Тире, следует разделить на две группы (кат. №№ 1-8 и №№ 9-11). Это может указывать на изготовление рассматриваемых сосудов не в одном пункте, а в нескольких – они могут быть продукцией двух производственных центров. Отметим, что незначительные различия прослеживаются и в оформлении профильных частей амфор. Например, на ножках сосудов из второй группы имеются «поясок» между подошвой и выступом (рис. 1,9-10), а изгиб в виде «шипа» передан довольно схематично путем простого сплющивания ствола ручки с боков

1. Подробнее см. Приложение.

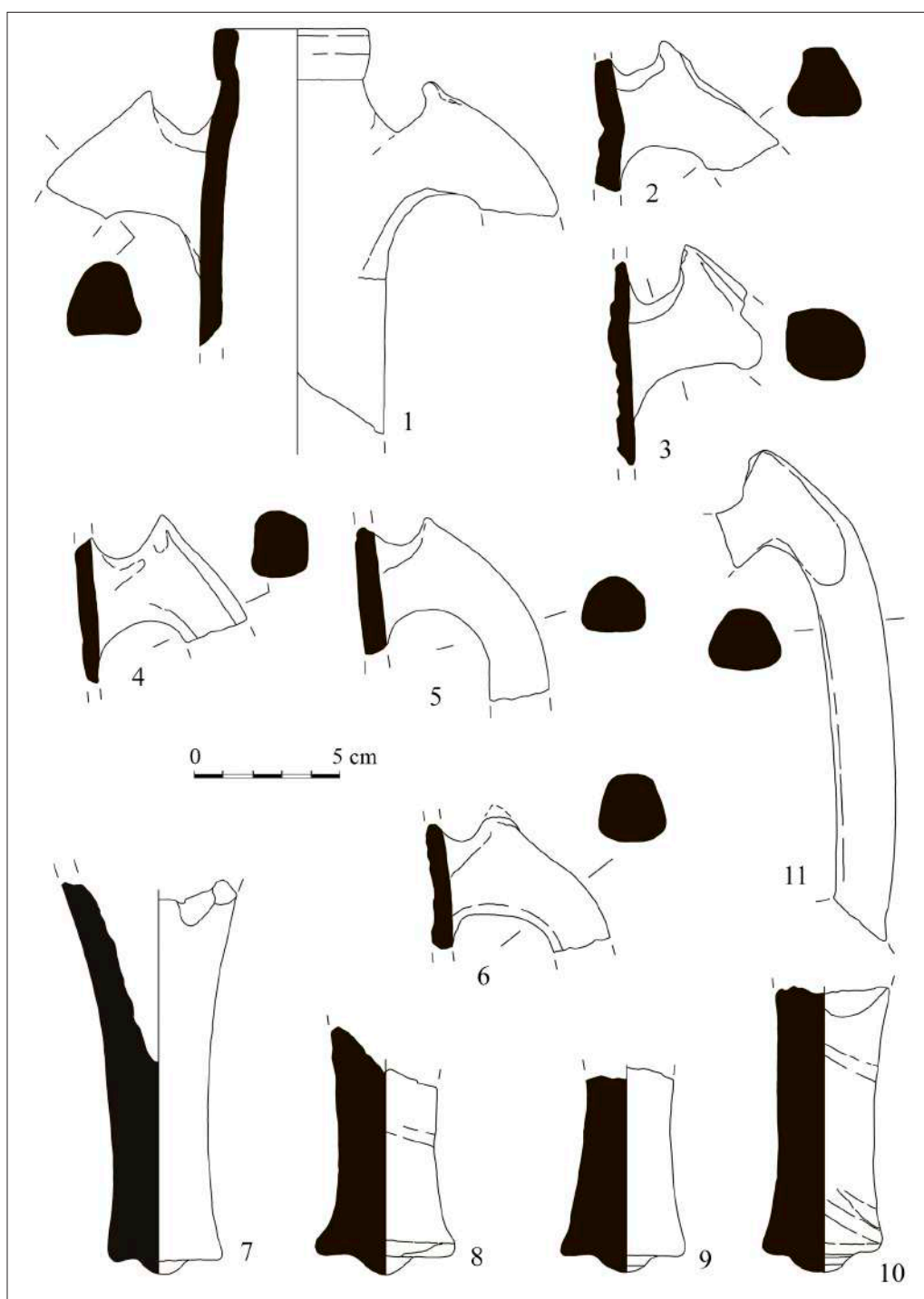
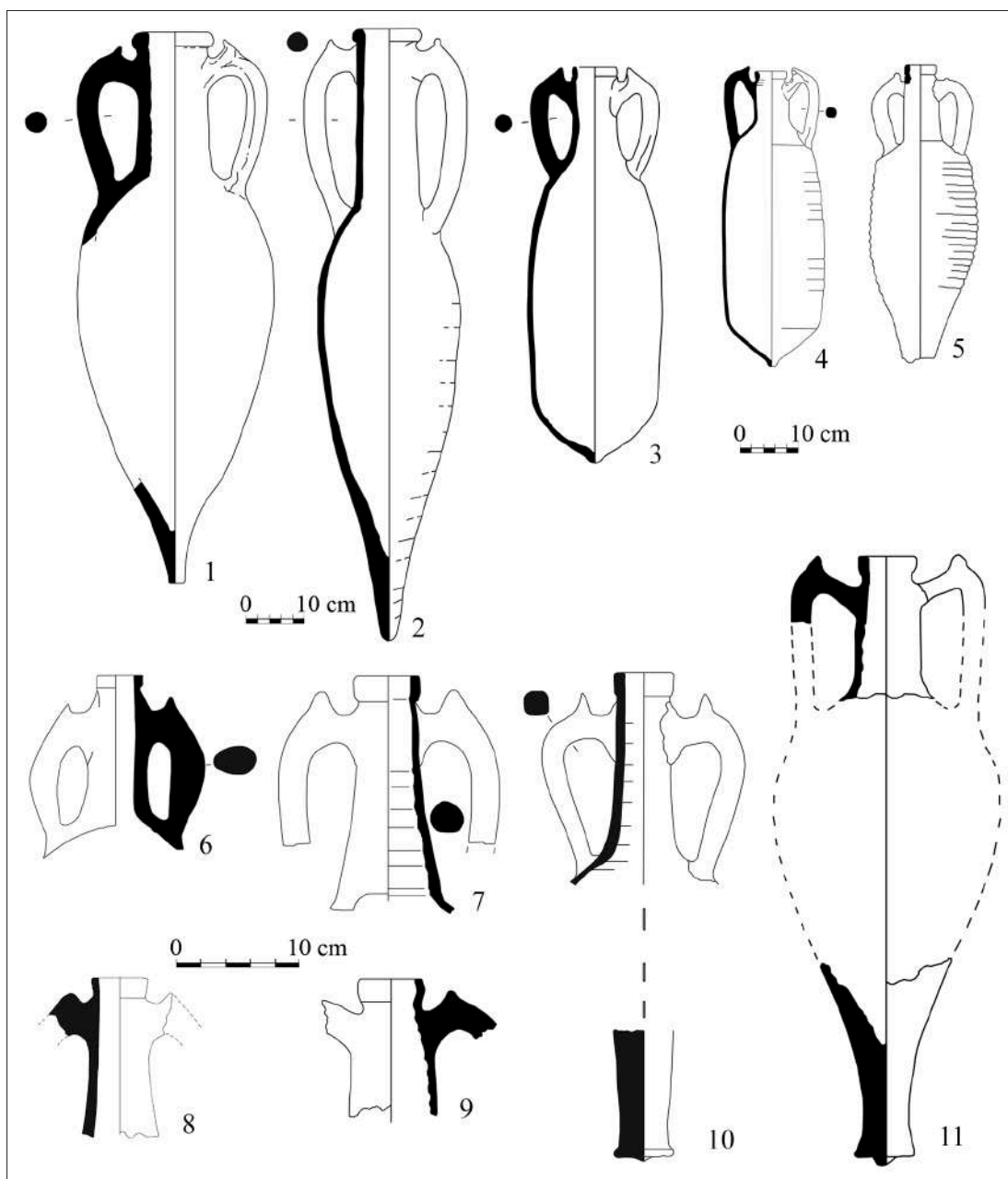

Рис. 1. Фрагменты амфор типа 1 по Самойловой из Тиры.

Fig. 1. Fragments of amphorae of type 1 by Samoylova from Tyras.

(рис. 1,11). Возможно, к продукции еще одного производственного пункта относятся фрагменты, найденные в Каллатисе. Их глина имеет красно-желтый цвет и не содержит визуально различимых включений [Opaț, Ionescu 2016, 60, Pl. III,12,13].

К настоящему времени мастерские по производству интересующих нас амфор не локализованы, однако наличие в керамической массе, из которой были сформованы сосуды, большого количества включений слюды, позволяет сделать предположение о том, что они

Рис. 2. Амфоры типов Camulodunum 184 (1, 2), Dressel 43 (3, 4), 1 по Самойловой (5–11).

1, 3 – Помпеи (по Panella 1986); 2 – Аугст (по Martin-Kilcher 1994); 4 – Аксос (по Marangou-Lerat 1996); 5 – Барбоши (по Opaït, Paraschiv 2013); 6 – Тира (по Самойлова 1978); 7 – Новы (по Klenina 2005); 8 – Троэзмис (по Opaït 1980); 9 – Пон-тес (по Vjelajac 1996); 10 – Томы (по Băjenaru 2013); 11 – Апсара (по Kakhidze 2008).

Fig. 2. Amphorae of types Camulodunum 184 (1, 2), Dressel 43 (3, 4), 1 by Samoylova (5–11).

1, 3 – Pompei (by Panella 1986); 2 – Augst (by Martin-Kilcher 1994); 4 – Axos (by Marangou-Lerat 1996); 5 – Barboși (by Opaït, Paraschiv 2013); 6 – Tyras (by Samoylova 1978); 7 – Novae (by Klenina 2005); 8 – Troesmis (by Opaït 1980); 9 – Pontes (by Vjelajac 1996); 10 – Tomis (by Băjenaru 2013); 11 – Apsaros (by Kakhidze 2008).

могли находиться в Восточном Средиземноморье. Так, слюдянистое керамическое тесто характерно для амфорной тары, которую изготавливали на побережье Малой Азии [Quirî 2015, 169]. Вместе с тем, в Средиземноморье на-

ходки амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой пока не зафиксированы.

Неоднократно высказывалось мнение о том, что рассматриваемая разновидность керамической тары является продукцией Крита

[Bjelajac 1996, 39; Paraschiv 2006, 81, 82; Kakhidze 2008, 313]. Вместе с тем, исследуемые сосуды морфологически отличаются от амфор с «шиповидными» ручками, производство которых осуществлялось на этом острове с первой половины I в. н.э. [Marangou-Lerat 1995, 87] до конца II в. н.э. [Pascual Berlanga, Ribera i Lacomba 2015, Tab. 1]. Для критских амфор типа Dressel 43² характерны более широкое горло, вытянутое тулово сигаровидной формы и небольшая коническая ножка [Markoulaki, Empereur, Marangou 1989, Fig. 25a; Panella 1986, Fig. 7-8] (рис. 2,3,4). К тому же, у этих сосудов несколько иное расположение ручек – оформленный в виде «шипа» перегиб достигает уровня венца, либо возвышаются над ним, тогда как у амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой он, как правило, находится ниже венчика.

А. Опайц и М. Ионеску отнесли исследуемые амфоры к группе псевдокритских сосудов (Pseudo Cretan type I) [Opaiț, Ionescu 2016, 60]. Однако, прототипом формы интересующей нас разновидности тары, по всей видимости, были не рассмотренные выше критские сосуды, а послужившие для них образцом амфоры типа Samulodunum 184³. Они характеризуются прямым, почти цилиндрическим горлом с валикообразным венцом, удлинённым туловом яйцевидной формы, высокой конической ножкой [Panella 1986, Fig. 6; Peacock, Williams 1991, 102, Fig. 37; Martin-Kilcher 1994, Taf. 123,2368] (рис. 2,1,2). Отметим, что оформление ручек этих сосудов практически идентично амфорам типа 1 по Т.Л. Самойловой. Амфоры типа Samulodunum 184 изготавливали на острове Родос, в родосской Перее и, возможно, около Карики [Peacock 1977, 266-269; Bezeczky 2013, 38, 39] в конце I в. до н.э. – начале II в. н.э. [Peacock, Williams 1991, 103]. Перевозившиеся в них товары пользовались высоким спросом в столице Римской империи и получили широкое распространение в ее провинциях [Van den Berg 2012, 229, Fig. 2]. Эти сосуды, являющиеся продолжением эволюционного ряда керамической тары Родоса эллинистического времени, часто

2. Такие сосуды часто относят к типу АС4 по классификации критских амфор, разработанной А. Марангу-Лера [Marangou-Lerat 1995, 84-89, Pl. XIX-XXI].

3. На сходство амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой с родосской тарой римского времени впервые обратил внимание К. Баженау [Bajenaru 2013, 73].

называют «позднеродосскими» [Panella 1986, 40] или амфорами «родосского типа» [Peacock 1977, 266-270; Peacock, Williams 1991, 102]. Поэтому все разновидности тары, при изготовлении которых в качестве образца использовалась форма амфор типа Samulodunum 184, можно отнести к псевдородосским.

Следует отметить, что судя по находкам из Эфеса [Ladstätter 2010, 190, 258, Taf. 103,А-K712, 130,А-K712] и Херсонеса [Zeest 1960, 111, Tab. XXIX,67b] существует еще, как минимум, две разновидности псевдородосских амфор.

Эпиграфические данные указывают, что основным содержимым амфор типа Samulodunum 184 был пассум (passum) – сладкое изюмное вино высокого качества, для приготовления которого использовали сушеный или подвяленный виноград. Так, на поверхность одного из таких сосудов, найденных в Помпеях, нанесено *tituli picti*, в котором упоминается родосский пассум [Dyczek 2001, 135; Williams 2003, 28]. Для транспортировки этого сорта вина, изготовленного на Крите, использовали морфологически близкие им амфоры типа Dressel 43 [Williams 2003, 28; Van den Berg 2012, 218; Quiri 2015, 167].

На сохранившихся фрагментах горл и верхних частях амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой *tituli picti* или *dipinti* с информацией о содержимом отсутствуют. Возможно, сама форма исследуемых амфор должна была указывать покупателю на то, что в них находится *passum*, приготовленный по родосской рецептуре. Если наше предположение верно, во всех псевдородосских сосудах перевозилось вино, по своим вкусовым качествам близкое к этому дорогостоящему сорту.

Подобная взаимосвязь между формой тары и ее содержимым прослежена для псевдокосских амфор типа Dressel 2-4. Эти сосуды, прототипом для которых являлась амфорная тара Коса эллинистического времени, выпускались в нескольких производственных центрах в I в. до н.э. – начале III в. н.э. [Vnukov 2000, 54, 55]. Рассматриваемые амфоры были предназначены для транспортировки вина, имитировавшего косскую продукцию и приготовленного по рецепту, который упоминается Катонем [Vnukov 2000, 54; Vnukov 2006, 232]. По мнению С.Ю. Внукова, форма таких сосудов должна была указывать именно на сорт товара, а не на

его происхождение [Vnukov 2003, 196].

Ареал распространения амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой охватывает преимущественно Подунавье (рис. 3). Их находки зафиксированы в Паннонии (*Аквинкум* [Kelemen 1993, 59, Fig. 4,21]), Верхней Мезии (*Виминациум*, *Понтес* [Bjelajac 1996, 40, Sl. XII,49,51]) (рис. 2,9), Римской Дакии (*Дробета*, *Сармизегетуза*, *Ромула* [Ardeț 2006, 124, Pl. 15,201-203]; *Чорою-Ноу* [Bondoc 2014, 105, Fig. 7]; *Слэвени* [Bondoc 2016, 218, Pl. VII,6,7]), Нижней Мезии (*(Л)Ибида* [Oraïț, Ionescu 2016, 60]; *Томис* [Paraschiv 2006, 108, Pl. 17,10; Văjenaru 2013, 72-74, Pl. 14,117, 22,117] (рис. 2,10); *Троэзмис* [Oraïț 1980, 301, Pl. V,5, XII,3; Paraschiv 2006, 108, 109, Pl. 17,11-15] (рис. 2,8); *Новы* [Klenina 2005, Fig. 12,D,E] (рис. 2,7); *Каллатис* [Oraïț, Ionescu 2016, 60, Pl. III,12,13]). Практически целый сосуд, уже упоминавшийся выше, происходит из кастру-

ма Барбоши у слияния Дуная и Сирета [Oraïț, Paraschiv 2013, Fig. 18; Văjenaru 2013, 73] (рис. 2,5). Амфоры рассматриваемого типа обнаружены и в Восточном Причерноморье. Например, несколько выразительных фрагментов найдены при исследовании римской крепости Апсара в Колхиде [Kakhidze 2008, 313, Fig. 14,3; Khalvashi 2010, 33, Pl. 17,2b] (рис. 2,11).

Большинство профильных частей амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой, обнаруженных в Тире, происходит из переотложенных напластований (кат. №№ 2-3,5-6,8-9). Стратифицированные находки представлены тремя фрагментами, которые можно датировать II-III вв. н.э. (кат. №№ 4, 7, 10), а также обломком горла с ручками, найденным при исследовании археологического комплекса II-IV вв. н.э. (кат. №1). Фрагмент горла из Троэзмиса, морфологически очень близкий к тирасскому экземпляру, А. Опайц отнес ко

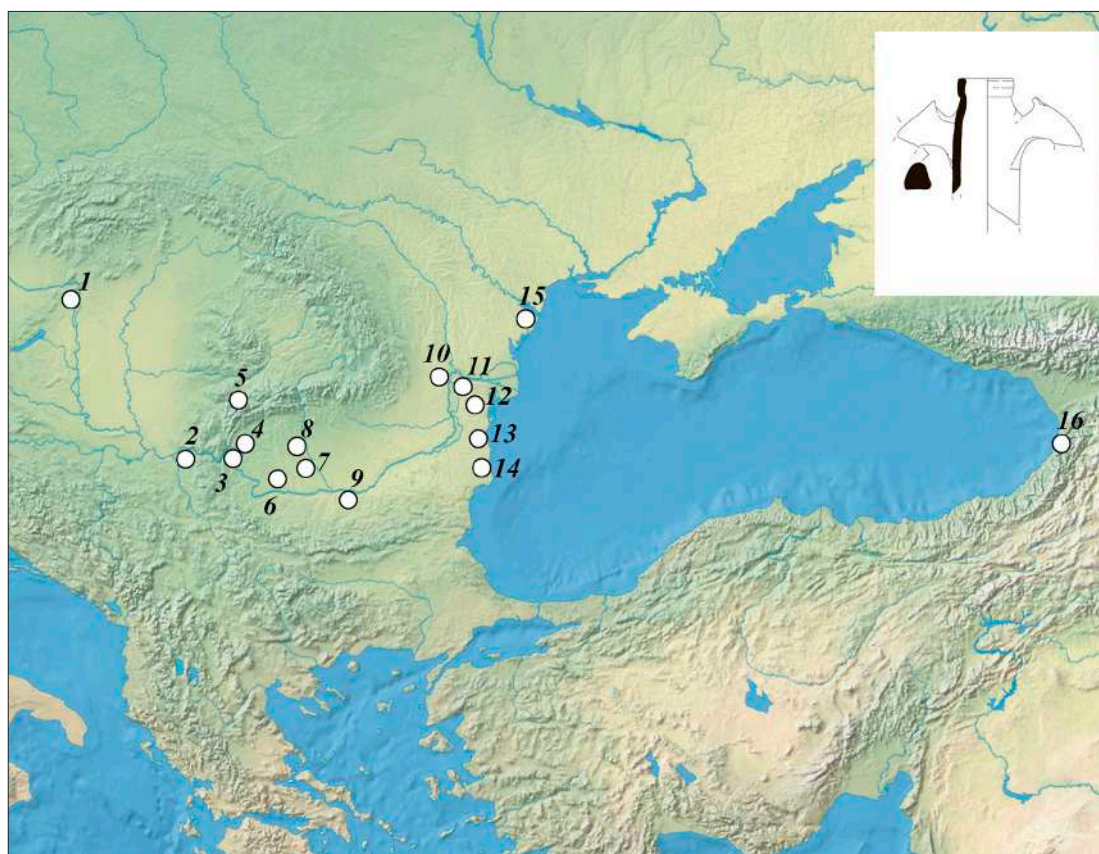

Рис. 3. Карта распространения амфор типа 1 по Самойловой.

1 – Аквинкум; 2 – Виминациум; 3 – Понтес; 4 – Дробета; 5 – Сармизегетуза; 6 – Чорою-Ноу; 7 – Слэвени; 8 – Ромула; 9 – Новы; 10 – Барбоши; 11 – Троэзмис; 12 – (Л)Ибида; 13 – Томис; 14 – Каллатис; 15 – Тира; 16 – Апсара.

Fig. 3. Distribution map of amphorae of type 1 by Samoylova from Tyras.

1 – Aquincum; 2 – Viminacium; 3 – Pontes; 4 – Drobeta; 5 – Sarmizegetusa; 6 – Chioroiu-Nou; 7 – Slăveni; 8 – Romula; 9 – Novae; 10 – Barboși; 11 – Troesmis; 12 – (L)Ibida; 13 – Tomis; 14 – Callatis; 15 – Tyras; 16 – Apsaros.

II–III вв. н.э. [Oraïț 1980, 301] (рис. 2,8). Отметим, что одна из самых ранних находок исследуемой разновидности керамической тары происходит из каструма в Чорою-Ноу, где датируется началом II вв. н.э. [Bondoc 2014, 165]. К этому же столетию относятся верхняя часть амфоры, обнаруженная в Виминациуме [Bjelajac 1996, 40], и фрагменты из Апсары [Khalvashi 2010, 33]. Производили такие сосуды и в первой половине III вв. н.э., что подтверждается находкой из Барбоши [Văjjenaru 2013, 72]. Находки более позднего времени не известны. Следовательно, время бытования амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой можно ограничить II – первой половиной III вв. н.э.

Как уже отмечалось выше, находки таких сосудов не известны в Средиземноморском регионе. Причины этого, вероятно, кроются в прочных позициях на средиземноморских рынках, которые в рассматриваемый период занимали сперва критский пассум, поступавший в амфорах типа Dressel 43, а затем вино, перевозившееся в малоазийских амфорах типов Mid Roman 3 и Kapitän II [Quiri 2015, 167–169]. Можно предположить, что производители вина, которое содержалось в амфорах типа 1 по Т.Л. Самойловой, в виду сильной конкуренции в Средиземноморье, были вынуждены искать рынки сбыта для своей продукции за пределами этого региона. Ее основным потребителем стало население дунайских провинций Римской империи.

Анализ ареала распространения исследуемой разновидности амфорной тары позволяет наметить в общих чертах торговый путь, по которому вино в таких сосудах поступало в Подунавье. Как известно, товары из Восточного Средиземноморья ввозились в Паннонию через Аквилею и порты Далмации по сложной транспортной сети, объединяющей морские и речные пути, сухопутные дороги [Auremma, Degrassi, Quiri, 2015, 153]. Логично было бы полагать, что и амфоры типа 1 по Т.Л. Самойловой доставляли этим же способом в Паннонию, а затем по р. Дунай – в Верхнюю Мезию, Дакию и Нижнюю Мезию. Однако, находки рассматриваемых сосудов на Адриатическом побережье не зафиксированы, к тому же, в Паннонии они, пока что, представлены единичным экземпляром, а количество памятников, где были обнаружены такие амфоры, постепенно

увеличивается вниз по Дунаю и достигает своего максимума на территории Нижней Мезии. Поэтому, предполагаемый торговый маршрут можно реконструировать следующим образом: в результате прямых торговых операций сосуды поступали морским путем из центров-производителей в Нижнюю Мезию, откуда происходило их дальнейшее распространение вверх по течению Дуная и его притокам.

Родосское вино пользовалось особой популярностью у военнослужащих Римской империи [Peacock 1977, 270; Bezeczky 2013, 40], поэтому не удивительно, что подавляющее большинство фрагментов псевдородосских амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой было обнаружено при исследовании пунктов дислокации римских войск. Безусловно, содержащийся в таких сосудах пассум могло употреблять и гражданское население, однако распространение исследуемой разновидности тары, в первую очередь, следует связывать с поставками экзотических вин для римской армии. Подобная закономерность в распределении находок прослежена для амфор типа Camulodunum 184 в Британии [Peacock 1977, 270] и на Нижнем Рейне [Van den Berg 2012, 217, 226], типа Kapitän II в Римской Дакии [Negru, Bădescu, Avram, 2003, 212, 213], а также типа VIII по А. Опайцу в Нижней и Верхней Мезиях, Тире [Masiuta 2018, 97–98].

Вероятно, поступление в Тиру и амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой также может быть связано с римским военным присутствием. На территории города во II – первой половине III вв. н.э. располагалась вексилляция, укомплектованная из военнослужащих Римской империи, переведенных из Нижней Мезии [Son 1993, 31; Zubar', Son 1999, 119, 122; Samoylova 2007, 458]. Как уже отмечалось, пассум – дорогостоящий сорт вина, поэтому маловероятно, что он мог входить в стандартный рацион римских солдат. Его поставки не были массовыми и, по всей видимости, предназначались для командного состава вексилляции.

Эти сосуды могли ввозить в Тиру из Нижней Мезии, как, например, амфоры типа VIII по А. Опайцу [Masiuta 2018, 98]. Вместе с тем, имеются основания полагать, что амфоры типа 1 по Т.Л. Самойловой поступали из Восточного Средиземноморья напрямую, без посреднической роли нижнемезийских торговцев. Судя по опу-

бликованным материалам, коллекция фрагментов интересующих нас сосудов, обнаруженных при исследовании Тире, является одной из наиболее представительных в количественном отношении, тогда как на других археологических памятниках Северо-Западного Причерноморья их находки единичны. Это позволяет сделать предположение о прямых поставках в Тиру вина, транспортируемого в рассматриваемой таре.

О характере торговых операций, в ходе которых в Колхиду поступала эта экзотическая для Восточного Причерноморья тара, судить пока трудно. Сам факт находок таких сосудов в Апсаре заслуживают особого внимания, поскольку этот опорный пункт римских войск в конце II – первой половине III вв. н.э. сам был производителем и экспортером амфор для вина (тип Kx IC2 по С.Ю. Внукову), о чем свидетельствуют остатки гончарной мастерской и обжигательной печи, открытые на территории памятника [Внуков 2006, 83, 269].

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что находки амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой из Тире могут быть датированы II

– первой половиной III вв. н.э. Они поступали из нескольких производственных центров, которые, по-видимому, располагались в Восточном Средиземноморье. Прототипом для этих сосудов послужили позднегородские амфоры типа Samulodunum 184, предназначавшиеся для транспортировки пассума. Подражавшие их форме амфоры типа 1 по Т.Л. Самойловой, скорее всего, также использовались для хранения и перевозки этого сорта вина. Однако, в отличие от своего прототипа, исследуемая разновидность тары не получила распространения в Средиземноморье. Производство рассматриваемых амфор, в основном, было ориентировано на обеспечение вином высокого качества воинских контингентов дунайских провинций Римской империи, хотя отдельные партии достигали крепости Апсара в Восточном Причерноморье. Пассум, содержащийся, в амфорах типа 1 по Т.Л. Самойловой поступал и к военным служащим, которые дислоцировались в Тире. Впрочем, нельзя исключать, что какую-то часть такого вина могло закупать и зажиточное гражданское население города.

Приложение

Каталог находок амфор типа 1 по Т.Л. Самойловой, обнаруженных при археологических исследованиях Тире

1. Горло с ручками (рис. 1,1). Сохранилось на высоту 14 см, диаметр венчика равен 5,3 см. Ручки подтреугольные в сечении (2,5x2,5 см). Ангоб бежево-белый. Керамическое тесто розовое, плотное, с включениями большого количества мелких частиц слюды. Обнаружено в 2002 г. в помещении №843 (коридор дома №XII), среди материалов II-IV вв. н.э. [Samoilova et al. 2002, 79-81]. Место хранения – фонды Белгород-Днестровского краеведческого музея (далее БДКМ), шифр: БТЭ-02, Сп. 85.
2. Обломок ручки (рис. 1,2). Подтреугольный в сечении (2,4x2,5 см). Сохранился на высоту 7,7 см. Ангоб розовый. Керамическое тесто красное, плотное, с включениями большого количества мелких частиц слюды. Происходит из раскопок 1980 г. Зафиксирован вместе с керамикой эллинистического и римского времени в засыпи помещения № 366, которое датируется XIII-XIV вв. [Kleiman, Kravchenko 1980, 15-17]. Хранится в фондах Одесского археологического музея НАН Украины (далее ОАМ НАНУ), шифр: БД-80, Сп. 25/5.
3. Фрагмент ручки (рис. 1,3). Овальный в сечении (2,5x2,7 см). Сохранился на высоту 16,5 см. Ангоб бежево-белый. Черепок красный, плотный, с включениями большого количества мелких частиц слюды. Обнаружен в 1978 г. вместе с материалами первых веков н.э., в засыпи помещения №321, относящегося к золотоордынской эпохе [Kleiman et al. 1978, 9-11]. Хранится в фондах ОАМ НАНУ, шифр: БД-78, Сп. 31/10.
4. Обломок ручки (рис. 1,4). Овальный в сечении (2,9x1,9 см). Сохранился на высоту 5,1 см. Ангоб бежево-белый. Керамическое тесто розовое, плотное, с включениями мелких частиц слюды. Найден в 1999 г. вместе с фрагментами амфор II-III вв. н.э. при разборке вымостки №621 [Samoilova et al. 1999, 35-36]. Место хранения – фонды БДКМ, шифр: БТЭ-99, С. 59.

5. Фрагмент ручки (Рис. 1,5). Подтреугольный в сечении (1,9x2,2 см). Сохранился на высоту 6,6 см. Ангоб бежево-белый. Керамическое тесто розовое, плотное, с включениями большого количества мелких частиц слюды. Происходит из раскопок 2000 г., из переотложенного слоя [Samoilova et al. 2000, 6]. Хранится в фондах БДКМ, шифр: БТЭ-2000, Сп. 7.
6. Обломок ручки (рис. 1,6). Округлый в сечении (диаметр – 2,2 см). Сохранился на высоту 4,2 см. Ангоб бежево-белый. Керамическое тесто темно-красное, плотное, с включениями большого количества мелких примесей слюды. Найден в 2016 г. в переотложенном напластовании. Шифр: БТЭ-16, ЦР, Сп. 23.
7. Ножка (рис. 1,7). Высота составляет 14,5 см, диаметр подошвы – 4,2 см. Ангоб зеленовато-бежевый. Керамическое тесто бежевое, плотное, с включениями большого количества мелких примесей слюды. Обнаружена в 1985 г. при исследовании двора №452 дома IV, датирующегося II-III вв. н.э. [Kleiman 1985, 30, 31]. Хранится в фондах ОАМ НАНУ, шифр: БД-85, Сп. 21/6.
8. Обломок ножки (рис. 1,8). Сохранился на высоту 8,5 см, диаметр подошвы равен 4,7 см. Ангоб бежево-белый. Черепок бежево-желтый, плотный, с включениями большого количества мелких частиц слюды. Найден в 2016 г. в переотложенном напластовании. Шифр: БТЭ-16, ЦР, Сп. 7.
9. Фрагмент ножки (рис. 1,9). Сохранился на высоту 7 см, диаметр подошвы составляет 4,2 см. Ангоб бежево-белый. Керамическое тесто бежево-желтое, плотное, с включениями большого количества мелких частиц слюды, песка, крупных примесей коричневого цвета. Выявлен в 2016 г. в переотложенном напластовании. Шифр: БТЭ-16, ЦР, Сп. 22.
10. Фрагмент ножки (рис. 1,10). Сохранился на высоту 9,7 см, диаметр подошвы равен 4,1 см. Ангоб бежево-белый. Керамическое тесто бежево-желтое, плотное, с включениями большого количества мелких частиц слюды, песка, крупных примесей коричневого цвета. Обнаружен в 2016 г. в слое между помещением №1080 и кладкой №1090, в котором преобладали археологические материалы II-III вв. н.э. Шифр: БТЭ-16, ЦР, Сп. 15.
11. Ручка (рис. 1,11). Подтреугольная в сечении (2,1x2,4 см). Сохранилась на полную высоту (16,5 см). Ангоб темно-розовый. Керамическое тесто красное, плотное, с включениями большого количества мелких примесей слюды, редких частиц коричневого цвета, песка. Происходит из Тиры. Обстоятельства и точное место находки неизвестны. Хранится в фондах БДКМ, шифр: А 423, Сп. 52/795.

Библиография

- Ardeț 2006:** A. Ardeț, *Amforele din Dacia Romană* (Timișoara 2006).
- Auriemma, Degrassi, Quiri 2015:** R. Auriemma, V. Degrassi, E. Quiri, Eastern amphora imports in the Adriatic Sea: evidence from terrestrial and underwater contexts of the Roman Imperial age. In: (ed. S. Demesticha) *Per Terram, Per Mare. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean* (Uppsala 2015), 139-160.
- Băjenaru 2013:** C. Băjenaru, Contextes ceramiques de Tomis (I). Un ensemble de la fin du IIe–début du IIIe s. ap. J.-C. *Pontica XLVI*, 2013, 41-110.
- Bezeczky 2013:** T. Bezeczky, *The Amphorae of Roman Ephesus*. *Forschungen in Ephesos XV/1* (Wien 2013).
- Bjelajac 1996:** L. Bjelajac, *Amfore gornjo mezijskog Podunavlja* (Belgrade 1996).
- Bondoc 2014:** D. Bondoc, Roman amphorae from Cioroiul Nou (Romania). *Rei Cretarum Romanorum* 43, 2014, 105-112.
- Bondoc 2016:** D. Bondoc, Roman amphorae from Slăveni, Oltcounty, Romania. *AM XXXIX*, 2016, 215-229.
- Dyczek 2001:** P. Dyczek, Roman Amphorae of the 1st-3rd centuries AD found on the Lower Danube. *Typology* (Warsaw 2001).
- Furmans'ka 1987:** A.I. Furmans'ka, Arkheologichni pam'iatki Tiri pershikh stolit' nashoi eri. *Arkheologiya X*, 1957, 80-93 // A.I. Фурманська, Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нашої ери. *Археологія X*, 1957, 80-93.
- Kakhidze 2008:** E. Kakhidze, Apsaros: A Roman Fort in Southwestern Georgia. In: (ed. P.G. Bilde, J.H. Petersen) *Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence* (Black Sea Studies 8) (Aarhus 2008), 303-332.

- Kelemen 1993:** M.H. Kelemen, Roman amphorae in Pannonia IV. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* XLV, 1993, 45-73.
- Khalvashi 2010:** M. Khalvashi, Roman Amphorae from Gonio-Apsarus. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. PATABS I. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27-29 Avril 2006. *Varia Anatolica* XXI (Istanbul-Paris 2010), 33-34.
- Klenina 2005:** E. Klenina, Supply of the Legio I Italica at Novae (Moesia Inferior) and Tauric Chersonesos. Limes XIX. Proceeding of the XIXth International Congress of Roman Frontier Studies, Pécs, Hungary, September 2003 (Pécs 2005), 403-414.
- Kleiman 1986:** I.B. Kleiman, Otchet o raskopkakh antichnoi Tiry i srednevekovogo Belgoroda Belgorod-Tirskoi ekspeditsiei 1985 g. Nauchnyi arkhiv Odesskogo arkheologicheskogo muzeia NAN Ukrainy. Inv. nr.89431/4v (Odessa 1986) // И.Б. Клейман, Отчет о раскопках античной Тиры и средневекового Белгорода Белгород-Тирской экспедицией 1985 г. Научный архив Одесского археологического музея НАН Украины. Инв. №89431/4v (Одесса 1986).
- Kleiman, Kravchenko 1981:** I.B. Kleiman, A.A. Kravchenko, Otchet o raskopkakh Tiry i srednevekovogo Belgoroda Belgorod-Tirskoi ekspeditsiei Odesskogo arkheologicheskogo muzeia v 1980 g. Nauchnyi arkhiv Odesskogo arkheologicheskogo muzeia NAN Ukrainy. Inv. nr.88100/4 (Odessa 1981) // И.Б. Клейман, А.А. Кравченко, Отчет о раскопках Тиры и средневекового Белгорода Белгород-Тирской экспедицией Одесского археологического музея в 1980 г. Научный архив Одесского археологического музея НАН Украины. Инв. №88100/4 (Одесса 1981).
- Kleiman et al. 1978:** I.B. Kleiman, A.A. Kravchenko, T.L. Samoiloa, N.A. Son, Otchet o raskopkakh antichnoi Tiry i srednevekovogo Belgoroda Belgorod-Tirskoi ekspeditsiei Odesskogo arkheologicheskogo muzeia v 1978 g. Nauchnyi arkhiv Odesskogo arkheologicheskogo muzeia NAN Ukrainy. Inv. nr.87701/2 (Odessa 1978) // И.Б. Клейман, А.А. Кравченко, Т.Л. Самойлова, Н.А. Сон, Отчет о раскопках античной Тиры и средневекового Белгорода Белгород-Тирской экспедицией Одесского археологического музея в 1978 г. Научный архив Одесского археологического музея НАН Украины. Инв. №87701/2 (Одесса 1978).
- Ladstätter 2010:** S. Ladstätter, Keramik. In: (ed. F. Krinzinger) *Hanghaus 2 in Ephesos. Die Wohneinheiten 1 und 2. Baubefund, Ausstattung, Funde. Forschungen in Ephesos VIII/8* (Wien 2010), 172-279.
- Marangou-Lerat 1996:** A. Marangou-Lerat, Le vin et les amphores de Crète de l'époque classique à l'époque impériale. *Études Crétoises* 30 (Athens-Paris 1996).
- Markoulaki, Empereur, Marangou 1989:** S. Markoulaki, J.-Y. Empereur, A. Marangou, Recherches sur les centres de fabrication d'amphores de Crète occidentale. *Recherches sur la céramique Byzantine* 113, 1989, 551-580.
- Martin-Kilcher 1994:** S. Martin-Kilcher, Die römischen Amphoren aus Augst und Kaiseraugst. Ein Beitrag zur römischen Handels- und Kulturgeschichte. Band 3. *Forschung in Augst* 7/3 (Augst 1994).
- Masiuta 2018:** D.O. Masiuta, Pro odin ridkisnii tip amfor rims'kogo chasu z Tiri. *Arkheologiya* 3, 2018, 94-101 // Д.О. Масюта, Про один рідкісний тип амфор римського часу з Тіри. *Археологія* 3, 2018, 94-101.
- Negru, Bădescu, Avram 2003:** M. Negru, A. Bădescu, R. Avram, Kapitän II Amphorae in Roman Dacia. *Rei Cretariae Romanae Favtorvm* 38, 2003, 209-213.
- Opaïț 1980:** A. Opaïț, Considerații preliminare asupra amforelor romane și romano-bizantine din Dobrogea. *Peuce* 8, 1980, 291-327.
- Opaïț, Ionescu 2016:** A. Opaïț, M. Ionescu, Contributions to the economic life of the city of Callatis in light of new ceramic finds (2nd – 6th centuries AD). *AM XXXIX*, 2016, 57-112.
- Opaïț, Paraschiv 2013:** A. Opaïț, D. Paraschiv, On the Wine, Olive Oil and Fish Supply of the Countryside in Roman Dobroudja (1st – 3rd Centuries AD). Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. PATABS III. Actes de la Table Ronde internationale de Costanța, 6–10 octobre 2009 (Costanța 2013), 317-333.
- Panella 1986:** C. Panella, Oriente ed Occidente: considerazioni su alcune anfore «Egee» di eta imperial a Ostia. *Bulletin de Correspondance Hellenique* XIII, 1986, 609-635.
- Paraschiv 2006:** D. Paraschiv, Amfore romane și romano-bizantine în zona Dunării de Jos (sec. I-VII p.Chr.) (Iași 2006).
- Pascual Berlanga, Ribera i Lacomba 2015:** G. Pascual Berlanga, A. Ribera i Lacomba, Eastern amphorae in Valentia (1st century BC – 3rd century AD) and Pompeii (1st century BC to AD 79). In: (ed. S. Demesticha) *Per Terram, Per Mare. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean* (Uppsala 2015), 269-286.
- Peacock 1977:** D. Peacock, Roman amphorae: typology, fabric and origins. *Méthodes classiques et méthodes formelles dans l'étude des amphores. Collection de l'Ecole Française de Rome* 32, 1977, 261-278.
- Peacock, Williams 1991:** D. Peacock, D. Williams, *Amphorae and the Roman Economy* (London-New York 1991).

- Quiri 2015:** E. Quiri, Imports of eastern transport amphorae to Turin (Italy). In: (ed. S. Demesticha) *Per Terram, Per Mare. Seaborne Trade and the Distribution of Roman Amphorae in the Mediterranean* (Uppsala 2015), 161-180.
- Samoilova 1978:** T.L. Samoilova, Osnovnye tipy amfor I-IV vv. n.e. iz Tiry. In: (ed. P.O. Karyshkovskii) *Arkheologicheskie issledovaniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia* (Kiev 1978), 254-266 // Т.Л. Самойлова, Основные типы амфор I-IV вв. н.э. из Тиря. В: (ред. П.О. Карышковский) *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья* (Киев 1978), 254–266.
- Samoylova 2007:** T.L. Samoylova, Tyras: The Greek City on the River Tyras. In: (ed. D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos) *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Volume I. BAR International Series 1675 (I)*, 2007, 435-470.
- Samoilova et al. 2000:** T.L. Samoilova, V. Kozhokaru, S.P. Smol'ianinova, G.V. Batizat, G.S. Boguslavskii, Otchet o rabote kompleksnoi ukraino-rumynskoi Belgorod-Tirskoi ekspeditsii v 1999 g. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy. Inv. nr.1999/2 (Belgorod-Dnestrovskii, Odessa 2000) // Т.Л. Самойлова, В. Кожокару, С.П. Смольянинова, Г.В. Батизат, Г.С. Богуславский, Отчет о работе комплексной украино-румынской Белгород-Тирской экспедиции в 1999 г. Научный архив Института археологии НАН Украины. Инв. №1999/2 (Белгород-Днестровский – Одесса 2000).
- Samoilova et al. 2001:** T.L. Samoilova, V. Kozhokaru, S.P. Smol'ianinova, G.V. Batizat, G.S. Boguslavskii, Otchet o rabote kompleksnoi ukraino-rumynskoi Belgorod-Tirskoi ekspeditsii v 2000 g. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy. Inv. nr.2000/78 (Belgorod-Dnestrovskii, Odessa 2001) // Т.Л. Самойлова, В. Кожокару, С.П. Смольянинова, Г.В. Батизат, Г.С. Богуславский, Отчет о работе комплексной украино-румынской Белгород-Тирской экспедиции в 2000 г. Научный архив Института археологии НАН Украины. Инв. № 2000/78 (Белгород-Днестровский – Одесса 2001).
- Samoilova et al. 2002:** T.L. Samoilova, V. Kozhokaru, S.P. Smol'ianinova, G.S. Boguslavskii, P.V. Ostapenko, Otchet o rabote ukraino-rumynskoi Belgorod-Tirskoi ekspeditsii v 2002 g. Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii NAN Ukrainy. Inv. nr.2002/93 (Belgorod-Dnestrovskii – Odessa 2002) // Т.Л. Самойлова, В. Кожокару, С.П. Смольянинова, Г.С. Богуславский, П.В. Остапенко, Отчет о работе украино-румынской Белгород-Тирской экспедиции в 2002 г. Научный архив Института археологии НАН Украины. Инв. №2002/93 (Белгород-Днестровский – Одесса 2002).
- Son 1993:** N.A. Son, Tira rimskogo vremeni (Kiev 1993) // Н.А. Сон, Тира римского времени (Киев 1993).
- Van den Berg 2012:** J. van den Berg, Rare and Exotic Amphorae in North-West Europe: Finds from the Roman Fort on the Kops Plateau, Nijmegen. *Journal of Roman Pottery Studies* 15, 2012, 215-232.
- Vnukov 2000:** S.Iu. Vnukov, Psevdokosskie amfory Prichernomor'ia. RA 4, 2000, 54-63 // С.Ю. Внуков, Псевдокосские амфоры Причерноморья. РА 4, 2000, 54-63.
- Vnukov 2003:** S.Iu. Vnukov, Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiia) (Moskva 2003) // С.Ю. Внуков, Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология) (Москва 2003).
- Vnukov 2006:** S.Iu. Vnukov, Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. Chast' II. Petrografia, khronologiia, problemy trgovli (Sankt-Petersburg 2006) // С.Ю. Внуков, Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли (Санкт-Петербург 2006).
- Vnukov 2013:** S.Iu. Vnukov, Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe. *Drevnosti Bospora* 17, 2013, 21-54 // С.Ю. Внуков, Амфоры римского времени городища Кара-Тобе. *Древности Боспора* 17, 2013, 21-54.
- Williams 2003:** D. Williams, Cretan wine in Roman Britain. *Journal of Roman Pottery Studies* 10, 2003, 26-31.
- Zeest 1960:** I.B. Zeest, Keramicheskaia tara Bospora. MIA 83, 1960 // И.Б. Зеест, Керамическая тара Боспора. МИА 83, 1960.
- Zubar', Son 1999:** V.M. Zubar', N.A. Son, Novi arkheologichni danni pro rims'ku zalogu Tiri. *Arkheologiia* 3, 1999, 118-123 // В.М. Зубарь, Н.А. Сон, Нові археологічні данні про римську залогу Тіри. *Археологія* 3, 1999, 118-123.

Денис Масюта, младший научный сотрудник, Одесский археологический музей НАН Украины, ул. Ланжероновская 4, Одесса, 65026, Украина, e-mail: masuta.denis@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău

Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costești-Gârlea (r-nul Ialoveni)

Keywords: vessels, stone kettle, Costești-Gârlea, Golden Horde, 14th century.

Cuvinte cheie: vase, ceaun de piatră, Costești-Gârlea, Hoarda de Aur, secolul al XIV-lea.

Ключевые слова: посуда, каменный котел, Костешть-Гырля, Золотая Орда, XIV век.

Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău

Stone vessels discovered in the medieval site of Costești-Gârlea (Ialoveni district)

The present paper addresses the problem of the spreading of stone vessels in the urban settlements east of the Carpathians, controlled by the Golden Horde in the 14th century. Two artefacts discovered in the well-known archaeological site at Costești-Gârlea (Ialoveni district) are studied as an example. The purpose of the paper is to provide new data on this category of vessels recovered during the archaeological excavations in the perimeter of the important Djuchid settlement from Botna Valley in the autumn of 2017.

The presented vestiges were found in the filling of a lightly deepened in the ground dwelling, located on a platform on the left side of the Botna river valley, strongly affected by the landslides. The assemblage was represented, along with the fragmentary stone containers, by the numerous and various categories of findings, such as various types of clay vessels, fragments of glass vessels, numerous faunistic remains, items made of iron, bronze, stone, burnt clay and bone, as well as 10 Djuchid copper coins, dated back to the 14th century. The vessels discussed here were made of gray stone (steatite), with the surface decorated in several levels with straight, zigzag and oblique incisions. The information obtained as a result of studying these original discoveries for our territory will complement the database on the morphology and provenance of the stone vessels, the territorial limits of spreading of this category of artefacts, as well as certain views regarding the economic life in the western part of the area subjected to the Gold Horde in the 14th century.

Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău

Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costești-Gârlea (r-nul Ialoveni)

În articolul de față este abordată problema răspândirii vaselor de piatră în așezările urbane de la răsărit de Carpați, controlate de hani Hoardei de Aur în secolul al XIV-lea, luând ca studiu de caz două piese descoperite în cunoscutul sit arheologic de la Costești-Gârlea (r-nul Ialoveni). Scopul lucrării este de a furniza date inedite despre această categorie de vase recuperate în timpul săpăturilor arheologice din perimetrul importantei așezări giucide din valea Botnei în toamna anului 2017.

Vestigiile prezentate au fost găsite în umplutura unui complex de locuire ușor adâncit în sol, amplasat pe o platformă de pe versantul stâng al văii râului Botna, puternic afectată de alunecările de teren. Din cuprinsul acestui complex au fost scoase la iveală, alături de recipientele fragmentare de piatră, numeroase și variate categorii de artefacte, cum ar fi diverse tipuri de vase ceramice, fragmente de vase de sticlă, numeroase resturi faunistice, piese lucrate din fier, bronz, piatră, lut ars și os, precum și 10 monede de cupru giucide atribuite secolului al XIV-lea. Vasele luate în discuție au fost lucrate din piatră de culoare cenușie (steatit), având suprafața decorată în câteva registre cu incizii drepte, în zigzag și oblice. Informațiile obținute ca rezultat al studierii acestei descoperiri deosebite pentru spațiul nostru vor completa baza de date privind morfologia și proveniența vaselor de piatră, limitele teritoriale de răspândire a acestei categorii de artefacte, precum și anumite aspecte referitoare la viața economică în partea vestică a arealului supus Hoardei de Aur în secolul al XIV-lea.

Влад Ворник, Людмила Бакуменко-Пырнэу

Каменные сосуды, обнаруженные на средневековом памятнике Костешть-Гырля (Яловенский район)

В статье рассматривается проблема распространения каменных сосудов в городских поселениях к востоку от Карпат, контролируемых ханами Золотой Орды в XIV-ом веке. В качестве примера приведены два кухонных сосуда, обнаруженные на известном средневековом археологическом памятнике у села Костешть-Гырля (Яловенский район). Целью данной работы является предоставление новых данных об этой категории сосудов, обнаруженных в ходе археологических раскопок на важном джучидском поселении, расположенном в долине реки Ботна осенью 2017 года.

Представленные сосуды были найдены в заполнении углубленного жилого комплекса, расположенного на плато долины реки Ботна, сильно пострадавшее от оползней. В заполнении этого сооружения были выявлены, наряду с фрагментарными каменными сосудами, разнообразные находки, среди которых: глиняная посуда, фрагменты стеклянных сосудов, многочисленные остеологические остатки, предметы из железа, бронзы, камня, обожженной глины и кости, а также 10 медных джучидских монет, датированных XIV веком. Рассматриваемые сосуды были изготовлены из плотного серого камня (стеатита), их поверхность украшена несколькими рядами с прямых, зигзагообразных и косых насечек.

Информация, полученная в результате изучения этих особых для нашего региона находок, дополнит базу данных о морфологии и происхождении каменных сосудов, о территориальных границах распространения аналогичных артефактов, а также о различных аспектах экономической жизни в западной части региона, подчиненной Золотой Орде в XIV веке.

Considerații generale

Una dintre categoriile de vestigii descoperite ca rezultat al săpăturilor arheologice efectuate până în prezent în perimetrul sitului medieval de la Costești-Gârlea (r-nul Ialoveni) o reprezintă vasele de bucătărie realizate din piatră. Centrul urban de la granițele apusene ale imperiului mongol, amplasat pe cursul mijlociu al râului Botna, era alcătuit din cartiere cu case din piatră și cărămidă, prevăzute cu diferite instalații de încălzire și gătit și sistem de aducțiune a apei prin țevi din ceramică, dar și locuințe adâncite sau diferite ateliere meșteșugărești, precum și instalații pentru obținerea unor materiale de construcție, cum ar fi cuptoarele de ars cărămizi sau piatră de var (fig. 1). Săpăturile arheologice au scos la iveală mărturii clare ale unei culturi materiale specifice teritoriilor controlate de hani Hoardei de Aur, reprezen-

tate prin numeroase categorii de vase ceramice comune, dar și de lux, recipiente de sticlă, obiecte de uz casnic, piese de podoabă și de port, o colecție bogată de monede ș.a. [Porucic 1934; Rikman 1955; Krachkovskaia 1960; Polevoi 1969; 1969a; Abyzova 1982; 1988; Spinei 1994; 2006; Telnov, Riaboi 1997; Tel'nov, Riaboi 2000; Nicolae 2005; Vornic 2017; Vornic et al. 2017]. Vasele de piatră medievale reprezintă descoperiri deosebit de rare în spațiul est-carpatic, fapt ce ne-a determinat să demarăm o investigație specială a acestei categorii de vestigii, iar firul cercetărilor ne conduce pe urmele civilizației Hoardei de Aur, mai exact spre Horezm (Asia Mijlocie).

În ceea ce privește contextul arheologic, artefactele de la Costești luate în discuție au fost găsite în solul de umplutură al unui complex de locuire puțin adâncit în sol, cercetat în toamna anului 2017

Fig. 1. Costești-Gârlea. Ortofotoplanul ansamblului arheologic medieval: 1, așezarea urbană; 2, „cartierul meșteșugarilor”; 3, cetatea 1; 4, „cetatea” 2; 5, cimitirul 1; 6, cimitirul 2.

Fig. 1. Costești-Gârlea. Ortofotoplan of the medieval archaeological ensemble: 1, urban settlement; 2, “the craftsmen’s district”; 3, fortress 1; 4, “fortress” 2; 5, cemetery 1; 6, cemetery 2.

Fig. 2. Costești-Gârlea, 2017. Secțiunea VI. Complexul de locuire.

Fig. 2. Costești-Gârlea, 2017. Section VI. Housing complex.

– primăvara anului 2018. Este important de precizat că acest complex arheologic se afla pe o mică platformă de pe panta stângă a văii râului Botna, puternic afectată de alunecările de teren (fig. 2), în zona unde, în anul 1957, L.L. Polevoi a identificat o necropolă mare cu morminte de înhumare orientate vest-est, marcată drept necropola nr. 2. Menționăm aici că șase morminte de înhumare orientate vest-est, toate prevăzute cu praguri și acoperăminte din bârne de lemn, au fost descoperite în cuprinsul unei secțiunii (S. V) trasate în toamna anului 2017 la distanța de numai 19 m est de secțiunea (S. VI), în care a fost identificat complexul de locuire de unde provin și vasele de piatră. Locuința de mici dimensiuni (2,2-4,5x2,7-3,7 m), aflată la 0,65-0,95 m adâncime de la nivelul actual de călcare al solului, avea în plan forma unui patrulater, cu laturile inegale și colțurile rotunjite, fiind prevăzută în mijloc cu o vatră de formă aproximativ circulară, cu diametrul de cca 0,6 m. Din umplutura acestui complex au fost scoase la lumină, alături de recipientele de piatră, numeroase și variate categorii de artefacte, cum ar fi diferite tipuri de vase ceramice, fragmente de vase de sticlă, resturi faunistice, piese lucrate din fier, bronz, piatră, lut ars și os, precum și 10 monede de cupru giucide atribuite secolului al XIV-lea [Vornic, Popovici, Ciobanu 2018].

Descrierea pieselor

În rândurile ce urmează vom prezenta cele două vase de piatră descoperite în complexul de locuire

care a funcționat, probabil, la mijlocul secolului al XIV-lea. Ambele recipiente au fost lucrate din steatit, un mineral de culoare cenușie sau cenușiu-verzuie, având suprafețele foarte bine șlefuite și bogat decorate cu motive geometrice.

1. Vas fragmentar (ceaun ?) cu corpul de formă aproximativ semi-sferică, marginea carenată îndoită la interior, prevăzută cu o șanțuire largă pe latura exterioară și cu fundul rotunjit. Din acest recipient s-au păstrat șapte fragmente de buze și pereți, baza fundului fiind lipsă. Recipientul a fost lucrat la strung cu multă mă-

iestrie, care a lăsat urme evidente pe partea interioară a pereților. Suprafața exterioară a vasului a fost decorată cu o nervură sub marginea gurii și mai multe linii incizate orizontale realizate la strung, dintre care una pe buză, patru sub marginea ei, două în partea mediană și alte două în zona inferioară a corpului vasului. În plus, atât pe marginea buzei, cât și în câteva registre pe corp, vasul are incizate linii în zigzag, drepte, arcuite sau în forma literei S în poziție orizontală. Diametrul maxim al vasului este de 15,8 cm, înălțimea păstrată - de 11,6 cm, diametrul gurii pe interior este de 10,5 cm și grosimea pereților între 0,4-0,9 cm (fig. 3).

2. Fragment de vas (tigaie ?) tronconic, mai larg la gură, buza dreaptă și fundul puțin convex, baza propriu-zisă fiind lipsă. Drept ornament are sub marginea buzei și deasupra carenei câte o linie orizontală executate la strung, iar între ele linii oblice, înclinate atât spre stânga, cât și spre dreapta, realizate prin incizare. Diametrul estimativ al gurii vasului este de 12,1 cm, înălțimea păstrată de 1,6 cm și grosimea pereților între 3,5-4,5 mm (fig. 4).

Discuții și rezultate

Vasele lucrate din piatră folosite în așezările Hoardei de Aur din zona Volgăi, nordul munților Caucaz și Asia Mijlocie au atras atenția cercetătorilor, îndeosebi, în ultimele decenii, pe măsură ce a crescut numărul descoperirilor, în acest fel fiind posibile anumite considerații în ceea ce privește morfologia, tipologia, tehnologia, aria de răspândire și proveniența lor [Akhrarov 1965; Grazhdankina, Rtveladze 1971, 130-131; Fedorov-Davydov 2001, 213; Poluboiarinoва 2004, 2008; Kubankin, Maslovskii 2013, 136]. Se consideră că

Fig. 3. Costești-Gârlea, 2017. Vas de piatră (ceaun?).

Fig. 3. Costești-Gârlea, 2017. Stone vessel (kettle ?).

aceste recipiente sunt foarte asemănătoare ca formă și tehnologie, dar există, bineînțeles, deosebiri în ceea ce privește asortimentul întâlnit în siturile arheologice din zonele care au făcut parte din imperiul mongol în secolele XIII-XIV [Fedorov-Davydov 2001, 211, 213; Poluboiarinova 2004,

2008]. Fragmente de ceaune din steatit au fost găsite și în câteva situri medievale din Rusia [Milovanov 2013] și Scandinavia [Pushkina 1981, 288, fig. 2,4; Rodina 1997, 149, fig. 1]. Cronologia acestei categorii de vase de bucătărie este una largă, fiind întâlnite în așezările din Iran și Asia Mijlocie începând cu secolul al X-lea, dar, totuși, cele mai multe descoperiri au fost atribuite perioadei de dominație a Hoardei de Aur [Poluboiarinova 2004, 316].

Recipientele de piatră descoperite în situl medieval de la Costești-Gârlea nu provin dintr-un atelier local, fiind aduse pe calea comerțului, precum se întâmplă și în alte așezări urbane ale Hoardei de Aur din regiunile apusene ale imperiului sau chiar de pe valea Volgăi [Fedorov-Davydov 2001, 213; Valeev 2009, 137]. Analiza mărturiilor arheologice cunoscute indică drept zonă de proveniență Horezmul din Asia Mijlocie, care constituia un punct deosebit de important în comerțul internațional și de tranzit din imperiul mongol în perioada secolelor XIII-XIV. Atragem atenția asupra unor indicii în acest sens. Ca rezultat al cercetărilor arheologice, au fost stabilite câteva regiuni în care se extrăgea piatra de steatit în evul mediu, una dintre ele fiind munții Sultan-Uizdag din Horezm, alături de cunoscutele cariere din Khorasan (Iran) [Poluboiarinova 2008, 51-53]. Aceste date sunt întărite și de mențiunile întâlnite în izvoarele scrise, documentând astfel extragerea pietrei de culoare cenușie din care se realizau vase de gătit. În acest sens, cronica lui al-Omari, sincronă cu descoperirile de vase de steatit, indică drept sursă pentru exploatarea acestei roci Horezmul, afirmând că aici se găsesc cariere, de unde se extrage piatra din care se fac ceaune de gătit [Tizengauzen 1884, 242; Grazhdankina, Rtveladze 1971, 131; Pruger 1975, 352; Birnea, Riaboi 1997, 156-157; Poluboiarinova 2008, 54; Milovanov 2013, 84]. Cariere în care se extragea piatră de steatit în evul mediu pentru vase de gătit au fost identificate și în nordul Europei, pe teritoriul Suediei și Norvegiei [Milovanov 2013, 84]. Însă, spre deosebire de vasele medie-

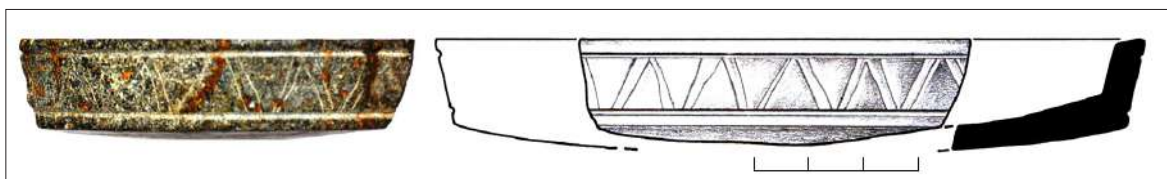

Fig. 4. Costești-Gârlea, 2017. Vas de piatră (tigaie?).

Fig. 4. Costești-Gârlea, 2017. Stone vessel (pan ?).

vale de piatră cunoscute în nordul Europei, cele realizate de meșterii din Asia Mijlocie erau bogat decorate pe partea exterioară cu motive geometrice [Khuzin, Drozdova 1986, 86; Milovanov 2013, 84]. Această particularitate este caracteristică și pentru vasele de piatră găsite la Costești-Gârlea în anul 2017. De asemenea, prezența unor vase de lux din lut de culoare cenușie în contexte arheologice clare din situl de la Costești [Polevoi 1969, 129-131, pl. XXVI; Bîrnea, Riaboi 1997, 156], care provin, probabil, din Horezm, reprezintă o mărturie în plus a circulației mărfurilor de import pe drumurile comerciale dintre centrele urbane ale Asiei Mijlocii și cele de la granițele apusene ale Ulusului giucid, cu puncte de tranzit în orașele de pe Volga și de la Marea Neagră [Fedorov-Davydov 2001, 204-207, 210-213; Nedashkovskii 2010, 213; Bocharov, Maslovskii 2015, 22-26]. Prin urmare, vasele de steatit, împreună cu recipientele de lux din ceramică sau sticlă și alte mărfuri din regiunile orientale ale Hoardei de Aur, ajungeau și în așezarea din valea Botnei. Nu întâmplător, în istoriografia civilizației mongole, problema vaselor de piatră simple sau cu decor bogat, descoperite în centrele urbane ale Hoardei de Aur, este abordată, de obicei, în contextul provenienței unor artefacte de import din Asia Mijlocie, și anume din Horezm¹ [Grazhdankina, Rtveladze 1971, 130-131; Fedorov-Davydov, Bulatov 1989, fig. 30/8; Fedorov-Davydov 2001; Bocharov 2010, 196; Poluboiarinova 2013, 109; Bocharov, Maslovskii 2015, 26; Volkov 2016, 142].

Până în acest moment al investigației noastre, nu am identificat analogii directe în așezările Hoardei de Aur pentru cele două vase de steatit de la Costești printr materialele publicate accesibile nouă. Analizând însă decorul de pe suprafața unor

fragmente de vase de piatră introduse în circuitul științific, credem că există anumite asemănări cu unele piese descoperite la Bolgar [Poluboiarinova 2004, 319, fig. 2/3].

Până în anul 2017, singura descoperire din această categorie de vestigii pentru spațiul de la vest de râul Nistru a fost cea semnalată în anul 1985, ca rezultat al săpăturilor arheologice sistematice din perimetrul importantului centru urban Şehr al-Ge-did din valea Răutului (Orheiul Vechi/s. Butuceni, r-nul Orhei) [Byrnia, Riaboi 1985, 32-33]. Ceaulul realizat din steatit, cu urme certe de întrebuințare la gătitul bucatelor, a fost descoperit într-o locuință (L43) datată pe baza monedelor giucide găsite în umplutura complexului la mijlocul secolului al XIV-lea. Corpul recipientului, de formă tronconică, se lărgiște spre fundul ușor concav. Înălțimea vasului este de 18 cm, având diametrul gurii de 19,4 cm și al fundului de 25 cm, grosimea pereților variind între 0,6 și 1,2 cm. Gura ceaulului este înaltă, buza dreaptă și marginea tăiată orizontal, având la exterior drept decor două linii incizate. Vasul are patru urechiușe de prindere, dintre care două cu găuri, amplasate diametral. Recipientul a fost introdus în circuitul științific în anul 1988 de către T. Riaboi, care indica descoperiri similare în zona Fergana (Uzbekistan), la Kuva și Akhsiket [Riaboi 1988, 119, fig. 2/3], unde, după arheologul Akhrarov, aceste vase de gătit erau cunoscute cu denumirea locală de „tosh kozon”, adică „ceane de piatră” [Akhrarov 1965, 9]. Drept analogii pentru ceaulul de la Orheiul Vechi, autorii au indicat vasele găsite în timpul săpăturilor arheologice de la Nisa Nouă, Taka-Iazyr, Duran și Shamakha-kala (Turkmenistan). Analiza petrografică a materialului din care a fost realizat vasul a indicat ca zone de proveniență a steatitului Asia Mijlocie și munții Urali [Riaboi 1988, 119; Bîrnea, Riaboi 1997, 156-157]. Un ceaul similar celui de la Orheiul Vechi a fost descoperit la Sharenni bugor/Khadzhitarkhan [Fedorov-Davydov 2001, fig. 105/2], iar altul fragmentar - în orașul Bolgar de pe Volga Inferioară [Poluboiarinova 2004, p. 319,

1. Mulțumim și pe această cale colegului dr. Sergey Genadievich Bocharov de la Institutul de Arheologie „A. Kh. Khalikov” al Academiei de Științe din Tatarstan (Kazan, Federația Rusă) pentru generozitatea și promptitudinea cu care ne-a pus la dispoziție anumite studii referitoare la problematica abordată de noi în aceste pagini.

fig. 2,3]. Aceste ceaune au fost incluse în tipul II după clasificarea cercetătoarei M. D. Poluboiarinova [Poluboiarinova 2004, 320]. Menționăm că în lucrările consacrate vestigiilor Hoardei de Aur în care au fost abordate aspecte ale problemei răspândirii vaselor de piatră există referire la ceaunul de steatit descoperit la Orheiul Vechi, arătându-se fluviul Nistru drept limita vestică a răspândirii acestora [Fedorov-Davydov 2001, 213].

La Moncastro/Cetatea Albă, unul dintre cele trei centre urbane importante de la granițele apusene ale Hoardei de Aur, în care au fost găsite vestigii provenite din zona Asiei Mijlocii, n-au fost semnalate deocamdată descoperiri de ceaune de piatră [Kravchenko 1986]. Menționăm însă că acest fapt nu constituie neaparat un argument al lipsei acestei categorii de vase de gătit în bucătăriile din cunoscutul oraș și port de la Marea Neagră, întrucât materialele recuperate în timpul numeroaselor campanii arheologice din perimetrul acestui sit n-au fost introduse decât parțial în circuitul științific. Se poate presupune că mărfurile de import de proveniență orientală, cum erau și recipientele de piatră produse în Horezm, veneau pe mare până în portul de la limanul Nistrului, de unde plecau spre diferite destinații, inclusiv la Şehr al-Gedid și Costești.

În ceea ce privește formele și destinația vaselor de piatră, consemnăm că majoritatea descoperirilor din siturile arheologice atribuite perioadei Hoardei de Aur reprezintă ceaune folosite la gătit, deși în unele orașe din Rusia kieveană [Vladimir, Staraia Rîazan] au fost găsite vase de steatit, care aveau, probabil, și o altă utilitate [Milovanov 2013]. Pereți de vase de steatit (7 ex.), unele având păstrate tortile și urme de reparație, care aparțin unor ceaune (5 fr.), capac de ceaun (1 fr.) sau tigăi (1 fr.), au fost descoperite la Ukek (Volga Inferioară), aduse fiind, de asemenea, din Horezm (Kubankin, Maslovskii 2013, 136). În orașul Magiar din nordul Caucazului au fost găsite însă și o ceșcuță cu înălțimea de 6 cm (Grazhdankina, Rtveladze 1971, 130, fig. 2/10) și un sfeșnic din steatit, care provenea din aceeași zonă a Asiei Mijlocii [Volkov 2016, 142].

În legătură cu încadrarea cronologică a vaselor de piatră de la Costești, acestea se datează în secolul al XIV-lea, mai curând la mijlocul acestui veac, întrucât contextul arheologic și artefactele asociate descoperite în complexul de locuire adâncit, îndeosebi monedele de cupru, indică folosirea lor în această perioadă.

Un aspect interesant al problemei abordate se referă la statutul social al celor care au folosit acest tip de vase de bucătărie. Mărturiile arheologice semnalate indică un nivel de trai ridicat al posesorilor recipientelor descoperite, ele fiind atunci produse scumpe. Se confirmă, de asemenea, rezultatele unor cercetări recente, potrivit cărora, ceaunele de piatră, alături de cele din fontă, erau răspândite între granițele Hoardei de Aur, dar, spre deosebire de ultimele, recipientele din piatră au fost întâlnite doar în mediul urban [Rudenko 2013, 214].

Concluzii

Cercetarea întreprinsă asupra problemei utilizării vaselor de bucătărie din piatră, axată în mod special pe cele două vase din steatit descoperite într-un complex de locuire de la Costești-*Gârlea* atribuit secolului al XIV-lea, are un caracter preliminar. Limitările în abordarea acestui subiect au fost impuse de parțialitatea datelor referitoare la viața cotidiană a orașenilor din centrele urbane ale Hoardei de Aur introduse în circuitul științific până în acest moment. De aceea, obiectivul nostru principal este de a face cunoscută descoperirea celor două vase de piatră din anul 2017, contribuind în acest mod la completarea datelor despre limitele de răspândire a acestei categorii de vestigii în zonele apusene ale Ulusului giugid în secolul al XIV-lea. Prin această descoperire se confirmă ideea folosirii vaselor de piatră de steatit în mediul urban. Prezența monedelor giucide emise în perioada secolului al XIV-lea ca artefacte asociate în complexul de locuire întărește cronologia răspândirii recipientelor de piatră și din alte centre urbane ale Hoardei de Aur. Subliniem că printre numeroasele resturi ceramice găsite în același complex împreună cu vasele de piatră se numără și câteva ulcioare fragmentare șampilate de culoare cenușie, care la fel reprezintă importuri, provenite probabil din aceeași regiune a Asiei Centrale, ca și recipientele de steatit.

Descoperirea unor categorii de artefacte, precum vasele de steatit, alături de alte obiecte de uz casnic, de port și de podoabă, vase de lut ș.a., aduce un plus de informații privind viața cotidiană din orașul de pe valea Botnei, precum și în ceea ce privește circulația mărfurilor în această parte a imperiului și, implicit, relațiile comerciale dintre așezările Hoardei de Aur de-a lungul secolului al XIV-lea.

Bibliografie

- Abyzova 1982:** E.N. Abyzova, Goncharnaia masterskaia na poselenii XIV v. u s. Kostashty. AIM v 1977-1978 gg., 1982, 160-171 // E.H. Абызова, Гончарная мастерская на поселении XIV в. у с. Костешты. АИМ в 1977-1978 гг, 1982, 160-171.
- Abyzova 1988:** E.N. Abyzova, Zhilye postroiki poseleniia XIV v. u s. Kostashty Kutuzovskogo raiona. In: Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Kishinev 1988), 106-111 // E.H. Абызова, Жилые постройки поселения XIV в. у с. Костешты Кутузовского района. В: Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1988), 106-111.
- Akhrarov 1965:** I.A. Akhrarov, Kamennye kotly srednevekovoi Fergany. In: Iz istorii kul'tury narodov Uzbekistana (Tashkent 1965) // И.А. Ахраров, Каменные котлы средневековой Ферганы. В: Из истории культуры народов Узбекистана (Ташкент 1965).
- Birnea, Riaboi 1997:** P. Birnea, T. Riaboi, Obiecte de proveniență orientală la Orheiul Vechi. Tyragetia, IV-V (1994-1995), 149-159.
- Bocharov 2010:** S. Bocharov, Keramika Kuniaurgenchia (Khorezma) v Severnom Prichernomor'e v zolotoordynskii period i ee vliianie na keramicheskoe proizvodstvo Kryma. In: Gosudarstvo kuniaurgenchskikh turkmen i Tzentral'naia Azia v pervoi polovine XIII veka. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (1-3 dekabria 2010 goda) (Ashgabat 2010), 194-197 // С. Бочаров, Керамика Куняургеча (Хорезма) в Северном Причерноморье в золотоордынский период и ее влияние на керамическое производство Крыма. В: Государство куняургенчских туркмен и Центральная Азия в первой половине XIII века. Материалы Международной научной конференции (1-3 декабря 2010 года) (Ашгабат 2010), 194-197.
- Bocharov, Maslovskii 2015:** S.G. Bocharov, A.N. Maslovskii, Keramika Khorezma v zapadnykh regionakh Zolotoi Ordy. In: Vestnik Kazguki, 4, 2, 2015, 22-26 // С.Г. Бочаров, А.Н. Масловский, Керамика Хорезма в западных регионах Золотой Орды. В: Вестник Казгуки, 4, 2, 2015, 22-26.
- Byrnia, Riaboi 1985:** P.P. Byrnia, T.F. Riaboi, Otchet o raskopkakh v Starom Orkhee v 1985 godu (Kishinev 1985), Arkhiv NМIM, inv. 220 // П.П. Бырня, Т.Ф. Рябой, Отчет о раскопках в Старом Орхее в 1985 году (Кишинев 1985), Архив НМИМ, инв. 220.
- Fedorov-Davydov 2001:** G.A. Fedorov-Davydov, Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia. Keramika. Torgovlia. Byt (Moskva 2001) // Г.А. Федоров-Давыдов, Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт (Москва 2001).
- Fedorov-Davydov, Bulatov 1989:** G.A. Fedorov-Davydov, N.M. Bulatov, Keramicheskaiia masterskaia Selitrennogo gorodishcha. Sokrovishcha sarmatskikh vozhdiei i drevnie goroda Povolzh'ia (Moskva 1989), 133-248 // Г.А. Фёдоров-Давыдов, Н.М. Булатов, Керамическая мастерская Селитренного городища. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья (Москва 1989), 133-248.
- Grazhdankina, Rtveldze 1971:** N.S. Grazhdankina, E.V. Rtveldze, Vliianie Khorezma na keramicheskoe proizvodstvo zolotoordynskogo goroda Madzhara. SA 1, 1971, 127-139 // Н.С. Гражданкина, Е.В. Ртвеладзе, Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара. СА 1, 1971, 127-139.
- Khuzin, Drozdova 1986:** F.Sh. Khuzin, G.I. Drozdova, Kamennaia i metallicheskaia posuda. In: Posuda Biliara (Kazan' 1986) // Ф.Ш. Хузин, Г.И. Дроздова, Каменная и металлическая посуда. В: Посуда Биляра (Казань 1986).
- Krachkovskaia 1960:** V.A. Krachkovskaia, Novaia arabskaia nadpis' iz Moldavskoi SSR. Epigrafiika Vostoka, XIII (Moskva 1960), 48-58 // В.А. Крачковская, Новая арабская надпись из Молдавской ССР. Эпиграфика Востока, XIII (Москва 1960), 48-58.
- Kravchenko 1986:** A.A. Kravchenko, Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII-XIV v.) (Kiev 1986) // А.А. Кравченко, Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV в.) (Киев 1986).
- Kubankin, Maslovskii 2013:** D.A. Kubankin, A.N. Maslovskii, Predmety importa s Uvekskogo gorodishcha (sluchainye nakhodki iz fondov Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia). In: Povolzhskaia arkheologiiia 4 (Kazan' 2013), 130-154 // Д.А. Кубанкин, А.Н. Масловский, Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения). В: Поволжская археология 4 (Казань 2013), 130-154.
- Nedashkovskii 2010:** L.F. Nedashkovskii, Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (Moskva 2010) // Л.Ф. Недашковский, Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа (Москва 2010).
- Nicolae 2005:** E. Nicolae, Monedele de tip Costești-Gârlea. In: Simpozion de Numismatică dedicat centenarului Societății Numismatice Române (1903-2003), Chișinău 2003. Comunicări, Studii și Note (Chișinău 2005), 89-104.
- Polevoi 1969:** L.L. Polevoi, Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV v. (Kishinev 1969) // Л.Л. Полевой,

- Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. (Кишинев 1969).
- Polevoi 1969a:** L.L. Polevoi, Monety iz raskopok i sborov na poselenii Kostashty-Gyrlia. In.: Dalekoe proshloe Moldavii (Kishinev 1969), 146-161 // Л.Л. Полевой, Монеты из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля. В: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 146-161.
- Poluboiarinova 2004:** M.D. Poluboiarinova, Kamennye kotly iz Bolgara. In: Vostochnaia Evropa v srednevekov'e. K 80-letiiu V.V. Sedova (Moskva 2004), 316-323 // М.Д. Полубояринова, Каменные котлы из Болгара. В: Восточная Европа в средневековье. К 80-летию В.В. Седова (Москва 2004), 316-323.
- Poluboiarinova 2008:** M.D. Poluboiarinova, Torgovlia Bolgara. In: Gorod Bolgar: kul'tura, iskusstvo, torgovlia (Moskva 2008), 26-102 // М.Д. Полубояринова, Торговля Болгара. В: Город Болгар: культура, искусство, торговля (Москва 2008), 26-102.
- Poluboiarinova 2013:** M.D. Poluboiarinova, Torgovlia Bolgara. In: Velikii Bolgar (Moskva-Kazan' 2013), 104-117 // М.Д. Полубояринова, Торговля Болгара. В: Великий Болгар (Москва-Казань 2013), 104-117.
- Porucic 1934:** T. Porucic, Câteva cuvinte asupra stațiunilor preistorice dintre Prut și Nistru. In: Arhivele Basarabiei VI, I, 1934, 63-64.
- Pruger 1975:** E.B. Pruger, K istorii razrabotki mestorozhdenii tal'kovykh porod v Uzbekistane. SA 2, 1975, 223-231 // Е.Б. Пругер, К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане. СА 2, 1975, 223-231.
- Pushkina 1981:** T.A. Pushkina, Skandinavskie veshchi iz Gnezdovskogo poseleniia. SA 3, 1981, 285-290 // Т.А. Пушкина, Скандинавские вещи из Гнездовского поселения. СА 3, 1981, 285-290.
- Riaboi 1988:** T.F. Riaboi, K voprosu o „bol'shikh” domakh iz Starogo Orkheia. In: Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prut'skogo mezhdurech'ia (Kishinev 1988), 112-121 // Т.Ф. Рябой, К вопросу о «больших» домах из Старого Орхья. В: Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья (Кишинев 1988), 112-121.
- Rikman 1955:** E.A. Rikman, Arkheologicheskie raboty v 1954 g. na gorodishche u s. Kostashty. Izv. MFAN SSSR 5 (25), 1955, 95-112 // Э.А. Рикман, Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты. Изв. МФАН СССР 5(25), 1955, 95-112.
- Rodina 1997:** M.E. Rodina, Novye nakhodki predmetov vostochnogo i zapadnoevropeiskogo importa vo Vladimire. In: RA 3, 1997, 149-154 // М.Е. Родина, Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире. РА 3, 1997, 149-154.
- Rudenko 2013:** K.A. Rudenko, Bulgarskii Ulus Zolotoi Ordy v pravlenie khana Uzbeka (po arkheologicheskim materialam). In: Zolotoordynskaia tsivilizatsia 6 (Kazan' 2013), 209-220 // К.А. Руденко, Булгарский Улус Золотой Орды в правление хана Узбека (по археологическим материалам). В: Золотоордынская цивилизация 6 (Казань 2013), 209-220.
- Spinei 1994:** V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chișinău 1994).
- Spinei 2006:** V. Spinei, Comerțul și geneza orașelor din sud-estul Moldovei (secolele XIII-XIV). Universa Valachica: Românii în contextul politic internațional de la începutul mileniului al II-lea (Chișinău 2006), 693-780.
- Telnov, Riaboi 1997:** N. Telnov, T. Riaboi, Cercetarea orașului Hoardei de Aur Costești-Gârlea. Tyragetia IV-V, 1997, 139-146.
- Tel'nov, Riaboi 2000:** N.P. Tel'nov, T.F. Riaboi, Zolotoordynskii gorod u s. Kostashty v Moldavii. Stratum plus 5, 2000, 108-118 // Н.П. Тельнов, Т.Ф. Рябой, Золотоордынский город у с. Костешты в Молдавии. Stratum plus 5, 2000, 108-118.
- Tizengauzen 1884:** V. Tizengauzen, Sbornik'' materialov'' odnosiaschikhsea k'' istorii Zolotoi Ordy, I (Sankt Petersburg 1884) // В. Тизенгаузен, Сборникъ матеріаловъ относящихся къ исторіи Золотой Орды I (Санкт-Петербург 1884).
- Valeev 2009:** R.M. Valeev, Khoziaistvennaia i torgovaia deiatel'nost' naselenia srednevolzhskogo regiona Zolotoi Ordy v XIII – nachale XV vekov (k probleme vzaimodeistvia gorodskogo i sel'skogo naselenia). In: Zolotoordynskaia tsivilizatsiia 2 (Kazan' 2009), 127-139 // Р.М. Валеев, Хозяйственная и торговая деятельность населения средневожского региона Золотой Орды в XIII – начале XV веков (к проблеме взаимодействия городского и сельского населения). В: Золотоордынская цивилизация 2 (Казань 2009), 127-139.
- Volkov 2016:** I.V. Volkov, Keramika zolotoordynskogo goroda Madzhara. In: Materialy Pervogo Madzharskogo arkheologicheskogo foruma, Piatigorsk-Budennovsk, 2012 god (Kazan' 2016), 139-222 // И.В. Волков, Керамика золотоордынского города Маджара. В: Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск-Будённовск, 2012 год (Казань 2016), 139-222.
- Vornic 2017:** V. Vornic, Istorical cercetării arheologice a orașului medieval de la Costești-Gârlea. RA XIII, 1-2, 2017, 76-85.
- Vornic et al. 2017:** V. Vornic, S. Tabuncic, S. Popovici, I. Ciobanu, Cercetările arheologice de salvare în situl me-

dieval de la Costești-Gârlea. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2016. Sesiunea Națională de Rapoarte (Chișinău 2017), 71-73.

Vornic, Popovici, Ciobanu 2018: V. Vornic, S. Popovici, I. Ciobanu, Săpăturile arheologice de salvare în situl medieval de la Costești-Gârlea din anul 2017. In: Cercetrile arheologice în Republica Moldova. Campania 2017. Sesiunea Națională de Rapoarte (Chișinău 2018), 88-90.

Vlad Vornic, doctor în istorie, conferențiar, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1 / director al Agenției Naționale Arheologice, str. Eminescu 50, MD-2065, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

Ludmila Bacumenco-Pîrnău, doctor în istorie, cercetător științific superior, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ludmila.pirna@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

DISCUȚII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин

Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы

Keywords: Eastern Europe, Palaeolithic, Clactonian, Tayacien, Duruitoarea type complex.

Cuvinte cheie: Europa de Est, paleolitic, Clecton, Tayac, complexul de tip Duruitoarea.

Ключевые слова: Восточная Европа, палеолит, клектон, тайяк, дуруиторский комплекс.

Nikolai Anisyutkin

Duruitoarea version of the Tayacien techno-complex in Eastern Europe

The article analyzes the materials of the early/middle Palaeolithic, compared with the Tayacien techno-complex of Europe. The author considers Tayacien as a latest stage of the Clactonian. The archaeological material is represented by a group of sites, including the stratified in the grottoes Duruitoarea Veche and Ofatintsy (Vykhvatintsy), as well as open ones – Yarovo, Osypka, Shipot 2 and the site Mersyna. The technological indices (IL, IF, Ilam, ICl) of these complexes are the same. They do not depend on the type of site, nor on the safety of stone artifacts. A peculiar variant of Tayacien is distinguished, which is named on the basis of the most important monument of the grotto Duruitoarea Veche – duruitoarien. It is distributed in the area between the Dniester and Prut rivers (Moldova, Ukraine). The variant existed during MIS - 8.7.6 and 5e (300-110 thousand years ago).

Nikolai Anisyutkin

Versiunea Duruitoarea a complexului tehnic Tayac din Europa de Est

Articolul analizează materialele paleoliticului timpuriu/mijlociu, comparativ cu tehnologia Tayac din Europa. Autorul consideră Tayac ca o etapă ulterioară a clactonului. Materialul arheologic este reprezentat de un grup de situri, printre care Duruitoarea Veche și Ofatinți în grote, precum și Yarovo, Osipka, Șipot 2 și Mersyna în aer liber. Indicii tehnologici (IL, IF, Ilam, ICl) din aceste complexe sunt aceiași. Ele nu depind de tipul de situri, nici de conservare a pieselor din piatră. Este deosebită o variantă specială, care este numită pe baza celui mai important monument al groto Duruitoarea Veche (duruitoarien). Este distribuită în zona dintre râurile Nistru și Prut (Moldova, Ucraina). Varianta a existat în timpul MIS - 8.7.6 și 5e (300-110 mii de ani).

Николай Анисюткин

Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы

В статье анализируются материалы раннего/среднего палеолита, сопоставляемые с тайякским технокомплексом Европы. Автор рассматривает тайяк как позднейшую стадию клектона. Археологический материал представлен группой стоянок, в их числе стратифицированными в гротах Старые Дуруиторы и Офатинц (Выхватинцы), а также открытыми – Ярово, Осыпка, Шипот 2 и местонахождение Мерсына. Технологические индексы (IL, IF, Ilam, ICl) этих комплексов одинаковы. Они не зависят ни от типа стоянок, ни от сохранности каменных изделий. Выделяется своеобразный вариант, названный на основе важнейшего памятника региона грота Старые Дуруиторы дуруиторским (durougoutorien). Он распространен на территории междуречья Днестра и Прута (Молдова, Украина). Вариант существовал во время MIS - 8,7,6 и 5e (300-110 тыс. лет назад).

Введение

В предлагаемой статье речь идет о группе палеолитических памятников юго-запада Восточной Европы, каменные индустрии которых обладают признаками тайякского технокомплекса. На территории Европы аналогичные объекты все еще малочисленны и до сих пор не имеют четких определений. Поэтому при выделении и описании тайяка¹ часто исполь-

1. В русскоязычной версии я использую именно этот способ написания французского термина «тайяк» (Tayacien), потому что, в отличие от английского (тейяк), и во французском и в русском языках буква «а» произносится и читается одинаково.

зуются такие определения как аморфные и невыразительные, а наблюдаемая на артефактах ретушь объясняется естественными повреждениями. С учетом этого в данной публикации материалы анализируются по единой методике, учитывающей сочетание технологических и морфологических признаков. Эта методика успешно использовалась автором в течение многих лет при описании комплексов регионального среднего палеолита [Anisiutkin 2001].

Напомню, что тайяк впервые был выделен выдающимся французским ученым Анри

Брейлем, который, используя материалы из нижних слоев грота Микок, увидел здесь последующую ступень эволюции клеттона [Breuil 1932]. Особо отмечалось, что наиболее выраженные признаки развивающегося клеттона, представленные массивными отщепами мелких размеров, характерны для всех археологических слоев, лежащих ниже микокского слоя 6. В своих последующих работах исследователь продолжил рассматривать тайяк как позднейший этап клеттона [Breuil, Kelley 1954, 16]. В публикации 30-х годов, посвященной раскопкам грота Микок, известный французский ученый Дени Пейрони указал на заметные следы развития в технологии каменных индустрий. По его наблюдениям отщепы из слоев 4 и 5 почти не отличались от мустьерских форм [Peugny 1938, 271]. Позднее тайякские индустрии стали восприниматься как переходные от раннего палеолита к среднему. Предпринимаемые попытки определить технико-морфологическую сущность тайяка не были успешны. Комплекс² чаще всего рассматривался как аморфный, почти лишенный бифасов и леваллуазских форм, но всегда имеющий в своей основе клеттонский принцип первичного расщепления [Bordes, Bourgon 1951; Bourgon 1957; Praslov 1968; Ketraru 1973].

Значимые морфологические различия были отмечены в конце 60-х годов известным французским ученым Анри де Люмлеем, который выделил два варианта, отличающиеся один от другого, в первую очередь, пропорциями таких основных групп орудий как скребла и зубчатые орудия. В первом комплексе, который был назван протошарантенем (protocharantien) или классическим тайяком, преобладали скребла, а во втором, определенном как эвенозьен (evenosien), – постоянно господствовали зубчатые орудия при многочисленности верхнепалеолитических форм. К примеру, к эвенозьену была отнесена ранее относимая к тайяку каменная индустрия из нижних слоев грота Фонтешвад, а к классическому тайяку – комплекс из грота Бом Бон [Lumley 1969, 214]. В дальнейшем, основываясь на находках единичных бифасов ашельского облика, тайяк из слоев 4 и 5 грота Микок

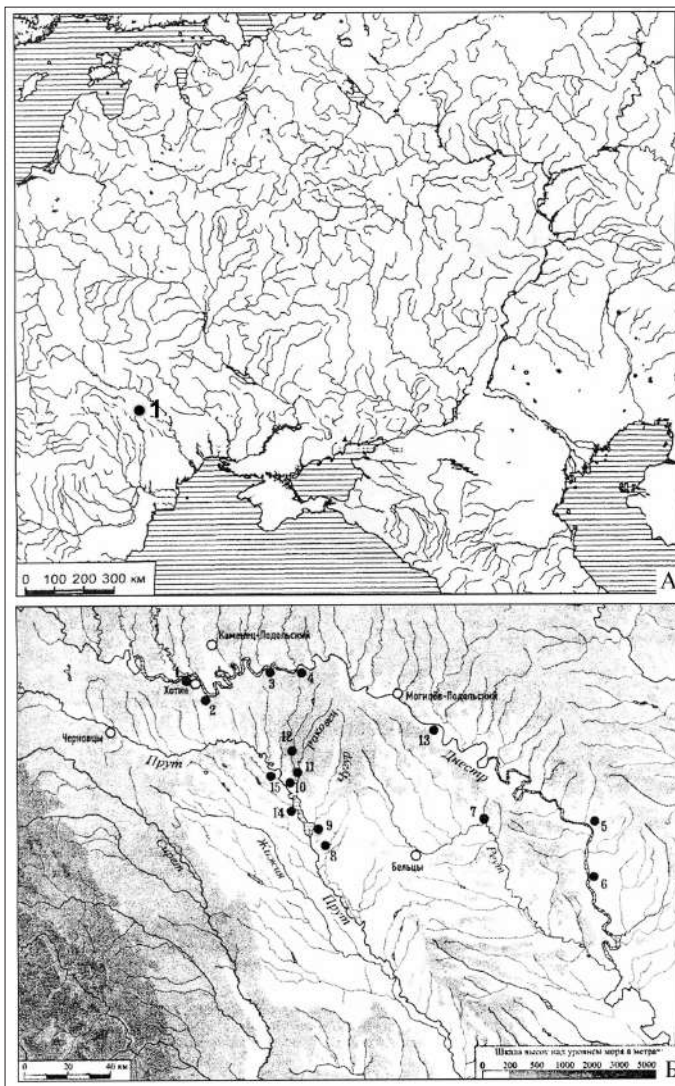
стал описываться как ашель [Guichard 1976, 914]. На этой же основе комплекс из пещеры Араго, ранее рассматривавшийся как эталон классического тайяка, также был определен как раннеашельский [Lumley 1976; Lumley, Barsky 2004]. В данном случае «тайяк» начал восприниматься как один из ранних этапов французского ашеля. Правда, Ф. Борд, основываясь на своих раскопках грота Микок, предлагал сохранить понятие тайяк лишь за хорошо сохранившимся слоем 3 [Bordes 1984, 62].

В 80-х годах XX века известный чешский ученый Карел Валох предложил сопоставлять протошарантский вариант с выделенным им таубахиеном (taubachien), к которому была отнесена каменная индустрия из слоя 11 пещеры Кульна, а также комплексы травертиновых стоянок Таубах и Ваймар с орудиями из мелких и массивных отщепов [Valoch 1984; 1988, 78].

Как тайяк определялся комплекс из нижнего слоя крымского грота Киик-Коба [Gladilin 1966]. Этот памятник был открыт и опубликован Г.А. Бонч-Осмоловским еще в первой половине XX века, специально указавшего на архаичность каменных изделий нижнего слоя [Bonch-Osmolovskii 1940]. На специфику данного комплекса, отличающего его от позднего ашеля и мустье, обратил внимание патриарх советского палеолитоведения П.П. Ефименко еще в первой половине XX века. По его мнению, речь идет о комплексе с «атипическим кремневым инвентарем», который существовал в Европе в конце позднеашельского времени. Особый акцент был сделан не только на архаичность отщепов, использовавшихся в качестве орудий, но и на их подобие формам из нижних слоев грота Микок. Также было отмечено наличие здесь «нуклевидных» или «высоких» скребков, обычных для верхнего палеолита [Efimenko 1953, 163-166]. Позднее комплекс из нижнего слоя Киик-Кобы стал все же характеризоваться как мустьерский, соответствуя варианту «микромустье зубчатое» [Gladilin 1976, 104].

В настоящее время, несмотря на разнообразие интерпретаций, имеются основания рассматривать тайяк как комплекс конца нижнего палеолита и начала среднего с клеттонской технологией первичного раскалывания камня, где пластины и пластинчатые отщепы, включая формы леваллуа, как правило, мало-

2. Понятия индустрия, комплекс и памятник соответствуют определениям из словаря-справочника по археологии палеолита [Vasil'ev et al. 2007].

Рис. 1. Географическое распространение палеолитических памятников на юго-западе Восточной Европы. А - положение стоянок дуруиторской группы (отмечено как 1). Б - Карта размещения стоянок раннего и среднего палеолита в долинах Днестра и Прута: 1 - Стинка 1, Осыпка; 2 - Шипот 1 и 2, Кетросы, Кишлянский яр; 3 - Молодовская группа; 4 - Кормань 4; 5 - Хоробра; 6 - грот Выхватинцы; 7 - Бобулетская группа; 8 - грот Бутешты; 9 - грот Старые Дуруиторы; 10 - Мерсына; 11 - грот Буздужаны; 12 - Тринковская группа; 13 - Ярово; 14 - Рипичень-Извор.

Fig. 1. Geographical distribution of Paleolithic monuments in the south-west of Eastern Europe. A - the position of the sites of the duruitoarea group (marked as 1). B - map of the location of the sites of the early and middle Paleolithic in the valleys of the Dniester and Prut: 1 - Stinka 1, Osypka; 2 - Shipot 1 and 2, Ketrosy, Kislyansky Yar; 3 - group of Molodova; 4 - Korman 4; 5 - Horobra; 6 - grotto Ofatintsy; 7 - group of Bobuleshty; 8 - grotto Buteshty; 9 - grotto Duruitoarea Veche; 10 - Mersyna; 11 - grotto Buzduzheni; 12 - group of Trinca; 13 - Yarovo; 14 - Ripiceni-Izvor.

численны или даже случайны. Среди орудий преобладают формы из массивных отщепов мелких размеров. Обнаруживаемые в коллекциях малочисленные галечные орудия, изготовленные часто из некремневого сырья, нередко имеют более крупные размеры. Совокупность признаков позволяет рассматривать тайяк как пережиточный ранний палеолит, существовавший в рисское и возможно росс-вюрмское время, соответствуя MIS - 8-6 и 5e [Anisiutkin 2017a]³. Весьма показательно, что в это же время были распространены индустрии с достаточно развитой леваллуазской технологией и сериями орудий мустьерского облика.

Ряд исследователей, предельно упрощая технико-морфологическую специфику тайяка, объясняли сущность комплекса преобладанием в коллекциях значительного количества псевдо артефактов, чья вторичная обработка рассматривается как результат их естественных повреждений в слоях нарушенных природными процессами.

Полезную информацию о возможности повреждений изделий в слое можно получить, используя эксперименты выдающегося французского ученого Ф. Борда, проведенные во Франции еще в 1950 году. Согласно описанию, было изготовлено около сотни кремневых отщепов, разбросанных по почве из гравия и щебня, а затем перекрытых слоем из подобного же материала. Топтание по поверхности в течение 15 минут было достаточно для получения нескольких отщепов с иррегулярной крутой и чередующейся ретушью, которые почти не отличались от аналогичных изделий из культурных слоев, приведенных в тип-листе Ф. Борда под номерами 46-49 [Bordes, Bourgon 1951, 15-16]. Сходное наблюдение было позднее сделано и российскими учеными [Shchelinskii 1983]. Согласно экспериментам В.Е. Щелинского интенсивность иррегулярной ретуши зависела как от материала (кость, дерево, шкура и т.д.), по которому велась работа кремневыми отщепами, так и ее продолжительности [Shchelinskii 1992].

3. В статье рассматриваются лишь памятники Европы.

В этой связи известный польский исследователь палеолита В. Хмелевский предложил рассматривать отщепы с аналогичной ретушью как нечто единое, создав особый индекс – «cryoturbation». Обилие таких отщепов в микокских слоях пещеры Wylotne никак не повлияло на оценку описываемой каменной индустрии, отнесенной к микокско-прондникской культуре [Chmielewski 1969, 375]. Так из 510 орудий, выявленных в слое 5, на долю отщепов с иррегулярной ретушью приходилось почти половина (234), в то время как прочие четко выраженные орудия мустьерского и микокского облика не имели следов видимых «повреждений». На краях этих орудий не было иррегулярной ретуши. В коллекции слоя мало выемчатых и зубчатых орудий, которые некоторые специалисты упорно рассматривали как псевдо изделия [Matiukhin 2010, 142]. Ранее В. Хмелевский специально выделял тайяк в нижних слоях ряда польских пещер [Khmelevskii 1965, 20]. Правда, позднее в Польше от тайяка отказались вообще, основываясь на находках в этих слоях орудий с двусторонней обработкой и рассматривая иррегулярную ретушь на отщепках только как результат их естественных повреждений в нарушенных криотурбацией слоях.

В данном случае возникает ряд вопросов. В частности, почему «повреждаются» только края простых отщепов, а кромки типичных и выразительных орудий лишены их? В чем причина такой «избирательности»? Отсюда следует, что идея связи подобной ретуши только с естественными повреждениями требует более серьезного объяснения. В связи с поднятыми вопросами особый интерес представляет публикация кремневых изделий из поселений срубной культуры, где преобладающими были отщепы с иррегулярной и зубчатой ретушью, но не виден источник их «повреждений» [Kolesnik 2017].

Тайяк в публикациях исследователей Восточной Европы

В монографических публикациях по раннему и среднему палеолиту Восточной Европы, вышедших в начале XXI века, памятники типа тайяк упоминаются исключительно редко. Они описаны в работах, посвященных материалам лишь с территории междуречья

Днестра и Прута, где такие комплексы хорошо представлены [Anisiutkin 2001; Anisiutkin et al. 2017; Chirica, Borziak 2005]. В двух же фундаментальных трудах известных украинских ученых тайяк не упоминается вообще [Chabai 2004; Stepanchiuk 2006]. Лишь в монографии В.Н. Степанчука речь идет о комплексе из нижнего слоя грота Киик-Коба, который был сопоставлен с таубахьеном Центральной Европы. Очень важно, что при описании коллекции этот ученый привел очень полезные статистические показатели, которые дают основание для более объективного восприятия материала. Так весьма показательными оказались индексы техники первичного раскалывания, где не выявлено форм леваллуа (II – 0) и очень мало пластин (IIa – 3,5%), что в целом характерно именно для тайяка.

С другой стороны, в коллективной монографии, посвященной материалам Треугольной пещеры (Северо-Западный Кавказ), с тайяком сопоставляется выразительный раннепалеолитический комплекс возрастом 600-400 тыс. лет. Относительно немногочисленные каменные изделия представлены мелкими орудиями из отщепов и галечными формами более крупных размеров. Этот комплекс был описан В.Б. Дороничевым как каменная индустрия «прото-шарантского» облика [Doronichev et al. 2007, 198-199]. Также очень кратко тайяк был охарактеризован в словаре-справочнике по археологии палеолита, где специально заострено внимание на преобладании «вещей с зубчатым краем» [Vasil'ev 2007, 252].

Ранее, в 60-70-е годы прошлого столетия, о тайяке особенно много писал известный советский ученый И.И. Коробков, выделяя данный вариант на Яштухе [Korobkov 1965; 1967]. Он предложил свое видение тайяка, где в качестве основного признака были взяты зубчато-выемчатые формы. Им был выделен даже особый пласт «тейякско-зубчатых индустрий» [Korobkov, Mansurov 1972]. В целом же, что важно отметить, яштухский комплекс вполне сопоставим с тайяком. Здесь орудия также были преимущественно изготовлены из клектонских отщепов, а пластины и сколы леваллуа были единичны. Сомнение вызывает выделение ступеней развития на материалах лишенных стратиграфии. Общие постро-

ения И.И. Коробкова подверглись критике со стороны известного исследователя палеолита В.П. Любина, который отмечал: «Выделение особой тейякской индустрии, хронологически соответствующей всему ашелю и мустье, и деление его на шесть возрастных подразделений, < > весьма озадачивают. И.И. Коробков нигде не приводит дефиниций, объясняющих его понимание тейяка в целом и его подразделений в частности» [Liubin, Beliaeva 2011, 27].

Отождествление тайяка только с зубчатыми орудиями стало, к сожалению, общей тенденцией, а произвол в понимании самого понятия зубчатое орудие привел к тому, что к орудиям этой категории стали относить отщепы со всякой иррегулярной ретушью, создающий лишь зазубренный рабочий край [Anisiutkin 2017a]. Таким образом, у ряда специалистов сформировалось ошибочное представление о тайяке как о псевдо индустрии с обильными «зубчато-выемчатыми» формами. Подлинными же зубчатые орудия, под которыми следует понимать вслед за Ф. Бордом изделия на отщепах или пластинах с серией смежных и соприкасающихся выемок следующими вдоль одного или нескольких краев [Bordes 1961, 36], исчезли из описаний вообще.

Зубчатые орудия не являются обязательно преобладающими в комплексах тайякского типа. Для этого полезно использовать реальные статистические показатели, а не рассуждения типа «много – мало». Так из зарубежных публикаций известно, что в протошарантском варианте тайяка постоянно преобладают скребла. В этом случае приведу пример комплекса из нижнего слоя Киик-Кобы, который В.Н. Гладилин, не используя статистику, описал как «микромустье зубчатое». При моем предварительном знакомстве с коллекцией удалось обратить внимание на явное преобладание среди изделий со вторичной обработкой скребел при подчиненном положении зубчатых орудий. Данное наблюдение подтвердили подсчеты, приведенные в книге В.Н. Степанчука, где указанное [Stepanchiuk 2006, 108] соотношение является типичным для протошарантского варианта, позволяя сопоставить показатели киик-кобинского комплекса с таубахским из 11 слоя пещеры Кульна, где скребел выделено почти 42%, а зубчатых только около

12% [Valoch 1988, 74-75]. В этом плане, если основываться не на рассуждениях общего порядка, а на вполне объективных количественных показателях, очевидно, что комплекс из нижнего слоя Киик-Кобы не может быть отнесен к зубчатым, а поэтому определение «микромустье зубчатое» несостоятельно.

Тайяк в междуречье Днестра и Прута

Сегодня все выразительные памятники с индустриями тайякского облика, если говорить о Восточной Европе, найдены лишь на юго-западе Русской равнины (рис. 1). Они сосредоточены на севере и северо-западе Молдовы, а также в соседней Украине [Ketraru 1973; Anisiutkin 2001]. Несколько позднее индустрия со сходными признаками была открыта украинскими археологами в бассейне Южного Буга на местонахождении Андреевка 4. Согласно описаниям В.Н. Степанчука, этот комплекс сопоставим с индустрией типа грота Старые Дуруиторы [Stepanchiuk 2006, 104-105].

Впервые тайяк в Молдавии был отмечен в нашей совместной с Н.А. Кетрару публикации, посвященной материалам нового в то время местонахождения Мерсына, где комплекс кремневых изделий описывался как «клеточно-тайякский» [Ketraru, Anisiutkin 1967]. В те времена достоверная индустрия такого типа была найдена лишь в нижних слоях грота Старые Дуруиторы [Ketraru 1973].

В настоящее время к тайякскому технокомплексу можно отнести такие памятники с территории Молдовы как нижние слои гротов Старые Дуруиторы и Выхватинцы (Офатинц), а также местонахождения Мерсына и Ярово [Ketraru 1973; Chetraru 1992; Anisiutkin 2001]. В соседней Украине похожие индустрии были обнаружены на правом берегу Днестра близ города Хотин Черновицкой области. Речь идет об открытых местонахождениях Осыпка и Шипот 2, где кремневые и кварцитовые артефакты были извлечены из отложений пойменного аллювия II надпойменной речной террасы Днестра [Anisiutkin 1977; 2001]. К сожалению, перспективное для раскопок местонахождение Шипот 2, где кремневые изделия найдены совместно с обломками костей лошади, в настоящее время, скорее всего, уничтожено водными потоками Каменец-Подольского водохрани-

лица. Правда, учитывая наличие здесь только одного слоя, сбор подъемного материала будет полезен.

Для получения общего представления о технологии этой группы приведу данные по шести коллекциям. Для контраста к ним добавлены коллекции из синхронных комплексов иной традиции. Речь идет о южном комплексе Кишлянского Яра (далее КЯЮ) и основном слое стоянки Кетросы. Комплекс КЯЮ сопоставляется с поздним ашелем (микоком?), а Кетросы - с ранним леваллуа-мустье [Anisiutkin 2001]. В таблице приведены только технические индексы Ф. Борда – леваллуа (IL), широкого фасетирования (IF), пластин (Pam), а также показатель (по Ж. Комбье) клектона (ICl).

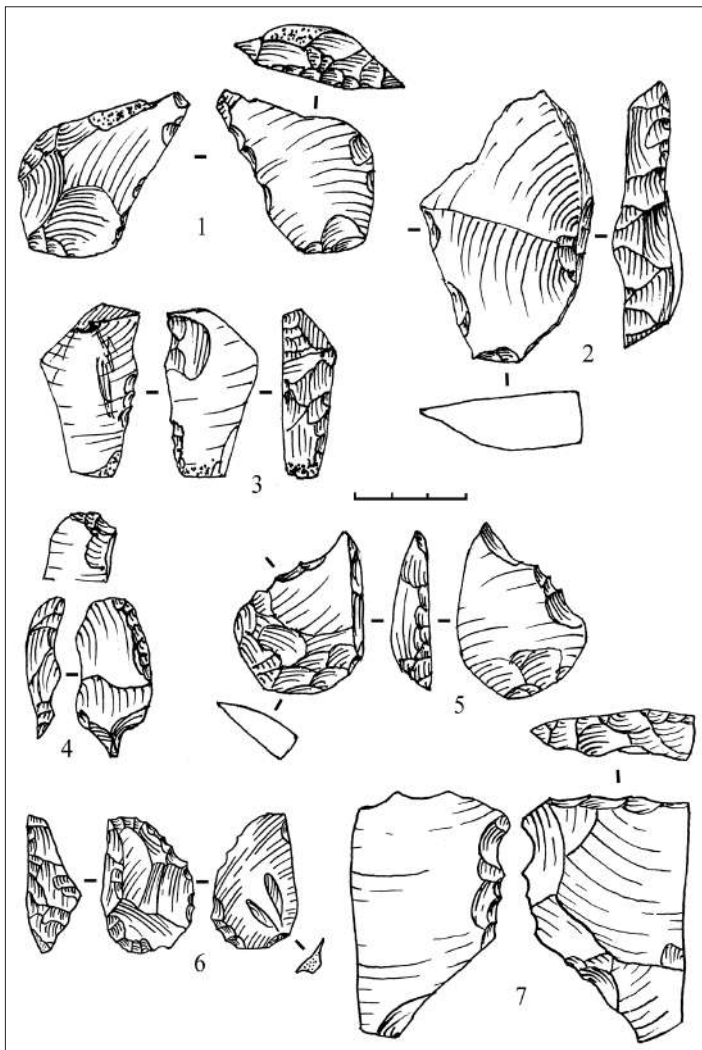
Комплексы:	IL	IF	Pam	ICl.
Ст. Дуруиторы слой III	0,3%	21%	4,9%	60%
Ст. Дуруиторы слой IV	0,8%	18,6%	3,6%	60%
Мерсына	1,9%	18%	3,6%	50%
Ярово	1,7%	27%	3,2%	48%
Выхватинцы (Офатинц)	1,2%	26%	3,7%	44%
Осыпка	0%	18%	3,3%	51%
КЯЮ	12%	38%	4,4%	43%
Кетросы 1	21%	43%	12%	21%

Таблица 1. Сопоставление показателей техники первичного расщепления тайякских и леваллуазских комплексов с территории Днестровско-Прутского междуречья.

Table 1. Comparison of the primary striking techniques of the Tayacien and Levallois complexes in the area between the Dniester and Prut rivers. Всего самого хорошего.

была характерна лишь для показателей фасетирования, которые, тем не менее, не достигают 30%. Абсолютно господствуют массивные отщепы со скошенными и гладкими ударными площадками, которые принято называть «клектонскими». Они составляют в сравниваемых коллекциях обычно почти половину всех отщепов с сохранившимися ударными площадками. Подавляющее большинство отщепов, где угол между плоскостями брющка и площадки превышал 110°, были массивными и короткими, имея выпуклые и распространённые ударные бугорки, занимающими часто более половины брющка. Используемый в статье индекс «клектона» (ICl), впервые предложенный в монографии видного французского исследователя Жана Комбье [Combi-

er 1967, 27], весьма полезен при характеристике каменных индустрий. Установлено, что стабильность технологических показателей не зависит от степени сохранности и типа сопоставляемых стоянок. Полную противоположность этой группе демонстрируют комплексы КЯЮ и Кетросы. Для них характерны более высокие индексы леваллуа и пластин, а также фасетирования площадок, но с относительно обильными клектонскими отщепами, имеющими более крупные размеры [Anisiutkin 2001; 2013]. Количественные соотношения между характерными группами орудий не дают столь четкой картины. Всюду отсутствуют или очень редки бифасы, а многочисленные зубчатые орудия не являются преобладающими. Напро-

Рис. 2. Кремневые орудия дуруиторского варианта: ножи и ножевидные формы с ретушированными обушками: Старые Дуруиторы (1,2,5); Мерсына (3); Ярово (4 – комбинированное орудие: скребло с обушкой + скребок на площадке), Осыпка (6); Шипот 2 (7 – зубчатое орудие).

Fig. 2. Flint tools of the type Duruitoarea: knives and backed knife-shaped forms: Duruitoarea Veche (1,2,5); Mersyna (3); Yarovo (4 – combined tool: backed side-scraper + scraper on striking platform), Osyпка (6); Shipot 2 (7 – denticulate tool).

тив, такие формы орудий как скребла всегда малочисленны. Исключением является комплекс Ярово, где эти орудия незначительно преобладают над остальными часто как один из элементов комбинированных орудий (рис. 2, 4). Имеются тайякские острия и единичные чопперы [Anisiutkin 2001, 115]. В коллекциях очень выразительны ориньякоидные скребки, включая каренэ (рис. 3, 1-7). Как в свое время отмечал Д. Пейрони, аналогичные скребки из нижних слоев грота Микок имели сходство с

ориньякскими [Peugny 1938, 268]. Во всех коллекциях нет леваллуазских и мустьерских остроконечников и единичны типичные для мустье скребла.

Удалось выявить четкую группу постоянно совместно встречающихся форм орудий и элементов их обработки, которые отсутствуют в среднем палеолите Восточной Европы. Данная группа, которая обычна для всех коллекций, состоит из следующих форм: 1) скребки на ударных площадках отщепов (рис. 4); 2) массивные ладьевидные орудия, включая острия и скребки высоких форм (рис. 3); 3) ножи и ножевидные орудия с ретушированными обушками (рис. 2); 4) клювовидные резак типа «bill-hook» (рис. 5, 1-4,6,7).

Эта группа орудий отмечена лишь в регионе Пруто-Днестровского междуречья, где она является специфической. На этом основании можно выделить особый вариант тайяка, который следует назвать дуруиторским или «дуруиторшен». Данный вариант состоит из двух блоков признаков – технологического и морфологического. Первый из них базируется на производстве мелких отщепов, изготовленных на основе клектонской технологии. Он является всеобщим для тайяка Европы. К сожалению, этот важнейший показатель, предложенный в свое время еще Анри Брейлем, практически исчез из описаний данных индустрий у многих современных исследователей, позволяя им относить к «тайяку» всякие аморфные комплексы, нередко происходящих из слоев со следами существенных естественных деформаций. Полностью стало игнорироваться устойчивое сочетание ранее установленных количественных и качественных признаков, позволяя им рассматривать тайяк как своего рода химеру, как некий набор комплексов, созданных или видоизмененными естественными процессами [Vishniatskii 2011].

Совокупность морфологических признаков, представленных в нашем случае сопряженной группой, является важной особенностью дуруиторского комплекса. Необходимо подчеркнуть, что скребки на площадках отще-

пов, представленных в нашем случае сопряженной группой, является важной особенностью дуруиторского комплекса. Необходимо подчеркнуть, что скребки на площадках отще-

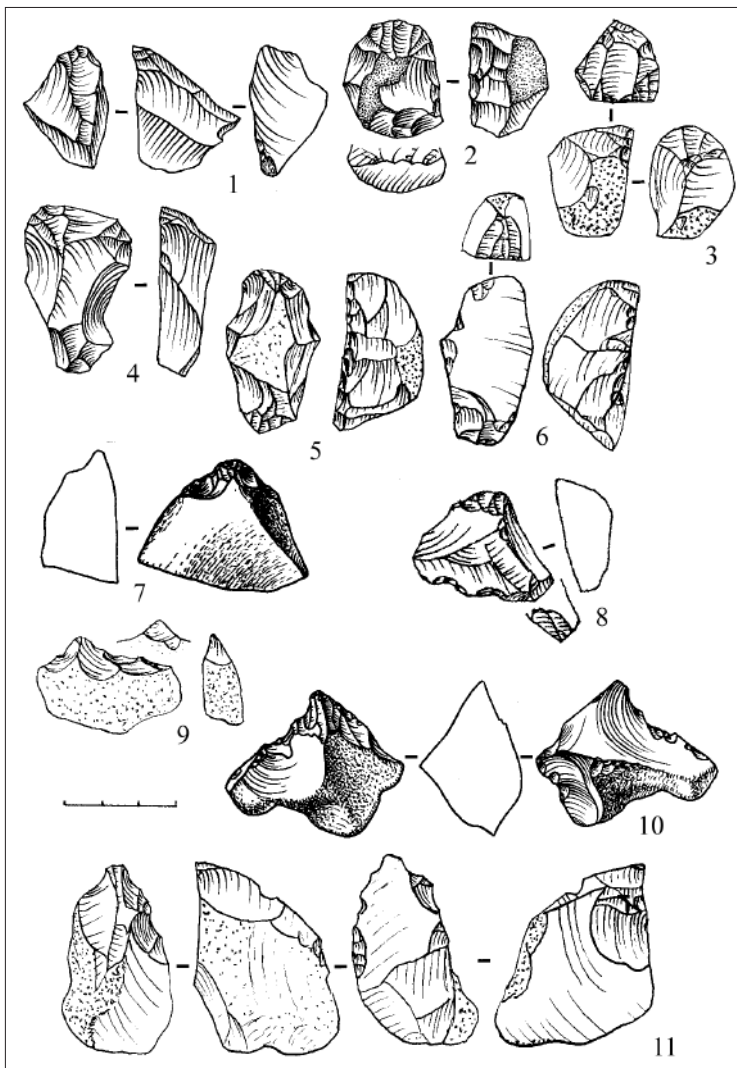

Рис. 3. Кремневые орудия дуруиторского варианта: скребки (1-7) и массивные острия (8-10). Старые Дуруиторы (1-4), Ярово (5,8,10); Осыпка (7); Выхватинцы (6,9).

Fig. 3. Flint tools of the type Duruitoarea: scrapers (1-7) and massive points (8-10). Duruitoarea Veche (1-4), Yarovo (5,8,10); Osyпка (7); Ofatintsy (6,9).

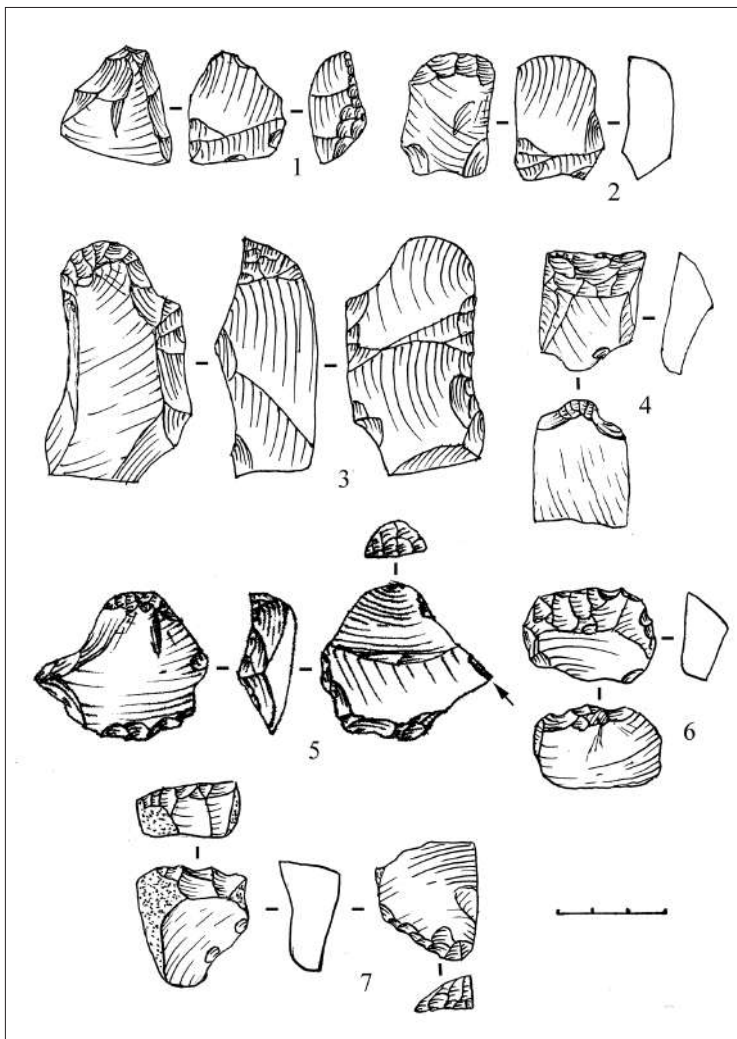
пов (butt end scrapers) и клювовидные резак (bill-hook) являются характерными орудиями английского клеттона [Oakley, Leakey 1937]. Похожие формы зачастую можно встретить в публикациях европейских исследователей, посвященных тайяку Европы, но описанное выше сочетание специально нигде не зафиксировано. Во всяком случае, в нижнем слое грота Киик-Коба его нет.

Рассматриваемые памятники, относящиеся к дуруиторскому варианту, были как пещерными, так и открытыми. Так, кремневые изделия местонахождения Ярово найдены в

лессовидных отложениях, а многочисленная коллекция Мерсыны собрана на поверхности древней террасы. Различной является и сохранность каменных изделий. При этом всюду, что важно подчеркнуть, дублируются одни и те же формы орудий и одинаковая технология первичного расщепления камня, подтвержденная техническими индексами.

Надежная стратиграфия и наличие в нижних слоях грота Старые Дуруиторы костей хозарского мамонта (*Mammuthus intermedius Jourdan*) позволяют датировать их началом рисского времени, сопоставляя с MIS-8,7 [Obade 2014; Anisiutkin 2017a]. В настоящее время абсолютный возраст этих изотопных стадий соответствует 303-245 тыс. лет тому назад [Hoffecker 2005, 50]. Предложенная дата подтверждена литологическими и палинологическими данными. Рисс-вюрмом условно датируются отложения нижнего слоя грота Выхватинцы, где недавно молдавским палеозоологом Т. Обадэ были найдены кости лесного слона (*Elephas antiquus*). Определение относительного возраста возможно и для местонахождений Осыпка и Шипот 2, где

находки происходили из отложений пойменного аллювия II надпойменной террасы Днестра. Этот аллювий однозначно датируется геологами самым началом вюрмского оледенения (MIS 5d). Датировка остальных памятников весьма условна. Стратиграфия и геоморфология дают некоторое основание датировать комплекс местонахождения Ярово рисским временем [Anisiutkin 2001]. В таком случае мы имеем группу памятников, где наиболее надежные относительные датировки сосредоточены на крайних звеньях единой цепочки. Самая ранняя дата установлена для отложений слоя IV грота Старые Дуруиторы. Они формировались во время первого рисского стадиала, соответствуя изотопно-кислородной стадии 8. Самая поздняя дата имеется для местонахождений Осыпка и Шипот 2. Пойменные отложения, в которых найдены археологические

Рис. 4. Кремневые орудия дуруиторского варианта. Скребки на площадках отщепов: 1-3 – Старые Дуруиторы; 4-5 – Мерсына (комбинированные орудия: 4 – скребло + скребок, 5 – скребок + клювовидное острие); 6-7 – Ярово (6 – скребло + скребок; 7 – скребок + скребло).

Fig. 4. Flint tools of the type Duruitoarea. Scrapers on flake platforms: 1-3 – Duruitoarea Veche; 4-5 – Mersyna (combined tools: 4 – side-scraperscraper, 5 – scraper + beak-shaped point); 6-7 – Yarovo (6 – side-scraperscraper; 7 – scraper + side-scraperscraper).

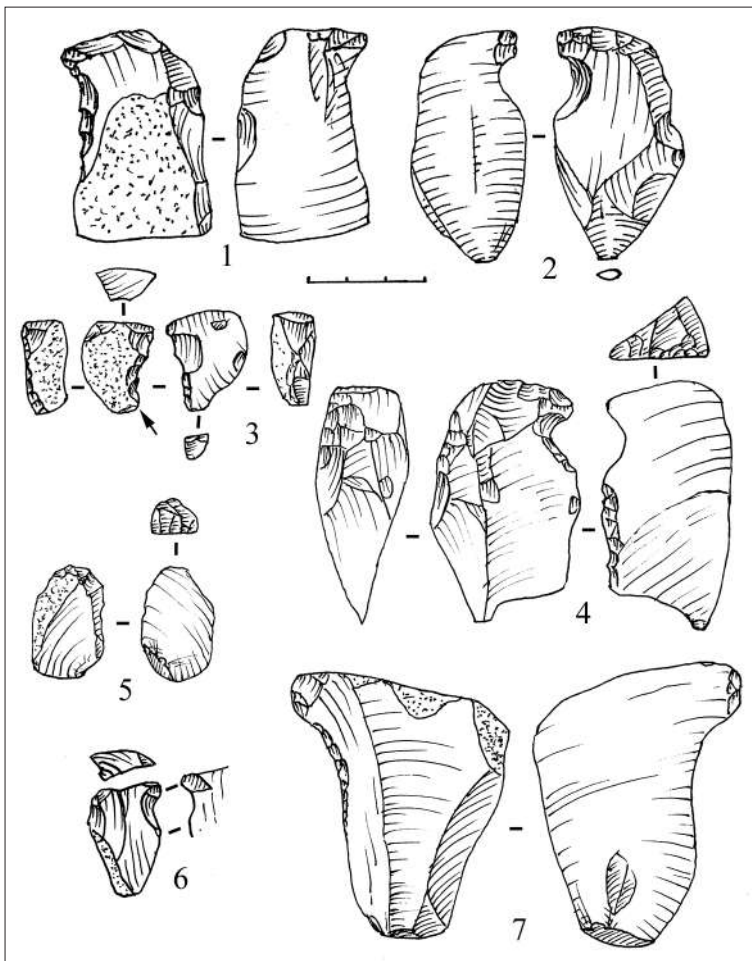
находки, образовались в самом начале последнего (вюрмского) оледенения. В таком случае мы можем допустить, что дуруиторский вариант существовал на территории Пруто-Днестровского междуречья от начала рисса до самого начала вюрма, т.е. около 170 тыс. лет (от 285 до 110 тыс. лет назад).

Проблема происхождения, развития и ареал

Рассматриваемый дуруиторский вариант, если использовать известные публикации, не имеет полных аналогий в тайяке Европы. Нигде не было установлено наличия отмеченной выше группы орудий. Массивные скребки и клювовидные формы – вполне обычны для каменных индустрий этого типа, изредка отмечаются и скребки на площадках отщепов, но аналогичного сочетания нет. Абсолютно надежно сопоставимы лишь технологические показатели. По композициям наиболее распространенных групп орудий, включая зубчатые и формы верхнепалеолитического облика, дуруиторскому варианту близок комплекс эвенозьяна [Anisiutkin 2011]. Наши памятники ограничены небольшой территорией юго-запада Восточно-Европейской равнины, включая Молдову и соседние районы Украины. В Румынии и на Балканах тайяка нет, а в Словакии и Чехии он иной. Восточнее долины Днестра можно указать на комплекс типа Андреевка 4 (Украина) и местонахождения у села Неготино на Десне в пределах Брянской области (Россия). Послед-

нее с большой долей вероятности связано с отложениями перемытой рисской морены [Tarasov 1989]. Однако эти местонахождения еще недостаточно изучены.

Тем не менее, истоки дуруиторского комплекса следует искать на востоке, на огромных просторах Восточно-Европейской равнины. В этом плане весьма перспективной может показаться идея автохтонного происхождения. Этому способствуют новые открытия в Приднестровье новых хорошо стратифицированных комплексов древнейшего раннего палеолита [Anisiutkin et al. 2015]. Проведенные исследования показали, что территория была заселена еще в эоплейстоцене (около 1 млн. лет тому назад). К числу таких памятников можно отнести слои 5-6 стоянки Байраки [Anisiutkin 2017b]. Здесь среди характерных для этого времени орудий на гальках и мелких отщепах выявлена серия редких клювовидных форм типа

Рис. 5. Кремневые орудия дуруиторского варианта: клювовидные резакы типа bill-hook: Старые Дуруиторы (1-4,7; 5 – скребок на отщепе); Ярово (6).

Fig. 5. Flint tools of the type Duruitoarea: beak-shaped points of the type bill-hook: Duruitoarea Veche (1-4,7; 5 – scraper on flake); Yarovo (6).

bill-hook, которые обычны для дуруиторского варианта. Но этим сходство и исчерпано. Сопоставляемые комплексы разные. Это же касается и каменных индустрий дубоссарского комплекса миндельского и кромерского возраста из верхних слоев 1-2 стоянки Байраки и местонахождений Погребя и Большой Фонтан [Anisiutkin 2016]. Здесь при сходной клектонской технологии нет прочих форм орудий, включая специфические. Отсюда следует, что проблема происхождения дуруиторского варианта все еще остается открытой.

В настоящее время самый ранний возраст имеет индустрия слоя IV грота Старые Дуруиторы, которая датируется началом рисского времени. Однако имеются данные о возможно бо-

лее раннем времени дуруиторского варианта. В данном случае можно указать на единичную стратифицированную находку кремневого изделия типа bill-hook. Это орудие обнаружено в 1975 году на местонахождении Шипот 1. Оно извлечено непосредственно из галечника руслового аллювия IV надпойменной террасы Днестра, который геологи однозначно датируют миндель-рисским или лихвинским межледниковьем [Ivanova 1981, 65]. Предмет изготовлен на уплощенной гальке со следами предшествующих сколов. Он покрыт интенсивной патиной белого и желтовато-белого цвета, а вся поверхность отличалась заметной окатанностью, что характерно для изделий из аллювиальных отложений. Ясно прослеживается двусторонняя обработка с отчетливо выделенным клювовидным рабочим элементом.

Разумеется, эта единичная стратифицированная находка напрямую не является надежным доказательством причастности ее именно к тайяку. Но, учитывая специфику данных форм и их исключительную редкость в прочих комплексах европейского раннего и среднего палеолита, подобное изделие с определенной долей вероятности, все же, может быть показательным. Поэтому, в качестве предположения можно считать, что тайяк типа Дуруиторы существовал в регионе уже, как минимум, в течение лихвинского или миндель-рисского межледниковья, предшествуя рисскому оледенению.

В течение длительного существования дуруиторский вариант оставался неизменным. Явное развитие прослеживается лишь в позднем плейстоцене, но уже после интерстадиала бреруп. В это время появляются комплексы с более совершенной техникой первичного расщепления и выразительными бифасами листовидных форм. Тем не менее, все еще заметны основные элементы технологии тайяка, но с явными элементами развития. На этом основании была выделена единая линия, названная дуруиторо-стинковским единством.

Наиболее заметная эволюция связана с периодом существования стинковского варианта. Возможно, это единство просуществовало до начала верхнего палеолита [Anisiutkin 2011].

Заключение

Тайяк следует рассматривать как заключительный этап раннего палеолита. Он базируется на клетонской технологии получения мелких (<50 мм) и массивных отщепов, где пластины и леваллуазские сколы редки. Напротив, показатели клетона и массивности имеют максимальные значения. Эти признаки являются основными для всего европейского тайяка. Как и в раннем палеолите для изготовления орудий широко использовались обломки и осколки, включая нуклеидные. Среди орудий отсутствуют или случайны ашельские бифасы, а также такие обычные для мустье формы, как остроконечники и типичные скребла, но постоянно встречаются тайякские острия и чопперы, при обилии комбинированных форм.

Для тайякского технокомплекса Европы характерно разнообразие типов памятников, и разная сохранность каменных изделий при стабильности их технико-морфологических показателей. Это не позволяет рассматривать их каменный инвентарь как некие псевдо индустрии

с набором изделий преимущественно поврежденных в слоях естественными процессами.

Этот технокомплекс, который воспринимается как пережиточный ранний палеолит, представлен несколькими вариантами, включая протошарантьен и эвенозьен – на западе Европы и своеобразный дуруиторский комплекс – на востоке. Он не может рассматриваться как некое культурно-генетическое явление, а представляет один из вариантов финального раннего палеолита.

Комплекс каменных изделий дуруиторского варианта остается практически неизменным на протяжении всего продолжительного периода своего существования. Эволюционная трансформация, связанная с появлением серий бифасов листовидных форм, фиксируются лишь после интерстадиала бреруп, т.е. уже в мустьерское время. Их появление можно увязать с микокским влиянием. Одновременно наблюдается заметное развитие технологии, в результате чего возрастает количество и качество пластин и пластинчатых заготовок. В отличие от европейского палеолита, где тайяк довольно быстро превращается в один из мустьерских вариантов, в нашем регионе многие элементы тайяка сохраняются до начала верхнего палеолита.

Библиография

- Anisiutkin 1977:** N.K. Anisiutkin, Rannemust'erskoe mestonakhozhdenie Osyпка i nekotorye voprosy zubchatoго must'e v mezhdurech'e Dnestra i Pruta. In: (red. N.D. Praslov) Problemy paleolita Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy (Moskva 1977), 7-14 // Н.К. Анисюткин, Раннемустьерское местонахождение Осыпка и некоторые вопросы зубчатого мустье в междуречье Днестра и Прута. В: (ред. Н.Д. Праслов) Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы (Москва 1977), 7-14.
- Anisiutkin 2001:** N.K. Anisiutkin, Must'erskaia epokha na iugo-zapade Russkoi ravniny (Sankt-Petersburg 2001) // Н.К. Анисюткин, Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины (Санкт-Петербург 2001).
- Anisiutkin 2016:** N.K. Anisiutkin, Dubossarskii rannepaleoliticheskii kompleks na territorii Pridnestrov'ia. RA XII, 1-2, 2016, 6-19 // Н.К. Анисюткин. Дубоссарский раннепалеолитический комплекс на территории Приднестровья. RA XII, 1-2, 2016, 6-19.
- Anisiutkin 2017a:** N.K. Anisiutkin, Ob osobennostiakh zubchatoго must'e Evropy. Zapiski Instituta Istorii Material'noi Kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk 15, 2017, 9-28 // Н.К. Анисюткин. Об особенностях зубчатого мустье Европы. Записки Института истории материальной культуры Российской Академии наук 15, 2017, 9-28.
- Anisiutkin 2017b:** N.K. Anisiutkin, Novye dannye o pervonochal'nom zaselenii Vostochno-Evropeiskoi ravniny v rannem paleolite. RA XIII, 1-2, 2017, 6-15 // Н.К. Анисюткин, Новые данные о первоначальном заселении Восточно-Европейской равнины в раннем палеолите. RA XIII, 1-2, 2017, 6-15.
- Anisiutkin et al. 2015:** N.K. Anisiutkin, A.L. Chepalyga, S.I. Kovalenko, Predvaritel'nye itogi piatiletnikh issledovaniy (2010-2014 gg.) drevneishei na territorii Vostochno-Evropeiskoi ravniny mnogoslinoi stoianki rannego paleolita Bairaki (Pridnestrov'e). Arkheologicheskie vesti 21, 2015, 11-30 // Н.К. Анисюткин, А.Л. Чепалыга, С.И. Коваленко, Предварительные итоги пятилетних исследований (2010-2014 гг.) древнейшей на терри-

тории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье). Археологические вести 21, 2015, 11-30.

Bonch-Osmolovskii 1940: G.A. Bonch-Osmolovskii, Grot Kiik-Koba. Paleolit Kryma, I (Moskva-Leningrad 1940) // Г.А. Бонч-Осмоловский, Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма I. (Москва-Ленинград 1940).

Bordes 1961: F. Bordes, Typologie du Paleolithique ancien et moyen. Publications de L'Institut de Prehistoire de l'Universite de Bordeaux, Mem. I (Bordeaux 1961).

Bordes 1984: F. Bordes, Lecons sur la Paleolithique. Cahiers du Quaternaire 7 (Paris 1984).

Bordes, Bourgon 1951: F. Bordes, M. Bourgon, Le complexe Mousterien: Mousterien, Levalloisien et Tayacien. L'Anthropologie 55, 1951, 1-23.

Bourgon 1957: M. Bourgon, Les industries Mousteriennes et Premousteriennes du Perigord. Archives de L'Institut de Paleontologie Humaine 27 (Paris 1957).

Breuil 1932: H. Breuil, Les industries à éclats du paleolithique ancien. Le Clactonien I (2) (Paris 1932).

Breuil, Kelley 1954: H. Breuil, H. Kelley, Le Paleolithique ancien. Bulletin de la Societe prehistorique Francais, LI (8) (Paris 1954).

Chabai 2004: V.P. Chabai, Srednii paleolit Kryma (Simferopol' 2004) // В.П. Чабай, Средний палеолит Крыма (Симферополь 2004).

Chetraru 1992: N.A. Chetraru, Contribuții la cunoașterea paleoliticului inferior în Moldova. Anuarul II (Chișinău 1992), 93-138.

Chirica, Borziak 2005: V. Chirica, I. Borziak, Gisements du Paleolithique inferieur et moyen entre le Dnestr et la Tissa (Iasi 2005).

Chmielewski 1969: W. Chmielewski, Ensembles micoquo-prondnikiens en Europe Centrale. Geographia Polonica 17, VI, Archaeology (Warszawa 1969), 371-386.

Combier 1967: J. Combier, Le Paléolithique de L'Ardèche. Publications de L'Institut de Prehistoire de l'Universite de Bordeaux, Mem. 4 (Bordeaux 1967).

Doronichev et al. 2007: V.B. Doronichev, L.V. Golovanova, G.F. Baryshnikov, B.A. Blekvell, N.B. Garutt, G.M. Levkovskaia, A.N. Molod'kov, S.A. Nesmeianov, G.A. Pospelova, D.F. Khoffeker, Treugol'naia peshchera. Rannii paleolit Kavkaza i Vostochnoi Evropy (Sankt-Petersburg 2007) // В.Б. Дороничев, Л.В. Голованова, Г.Ф. Барышников, Б.А. Блэквелл, Н.В. Гарутт, Г.М. Левковская, А.Н. Молодьков, С.А. Несмеянов, Г.А. Поспелова, Д.Ф. Хоффекер, Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и восточной Европы (Санкт-Петербург 2007).

Efimenko 1953: P.P. Efimenko, Pervobytnoe obshchestvo (ocherki po istorii paleoliticeskogo vremeni) (Kiev 1953) // П.П. Ефименко, Первобытное общество (очерки по истории палеолитического времени) (Киев 1953).

Gladilin 1966: V.N. Gladilin, Razlichnye tipy kamennoi industrii v must'e Russkoi ravniny i Kryma i ikh mesto v rannem paleolite SSSR. In: Doklady i soobshcheniia arkheologov SSSR, VII Mezhdunarodnyi kongress doistorikov i protoistorikov (Moskva 1966) // В.Н. Гладилин. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР. В: Доклады и сообщения археологов СССР, VII Международный конгресс доисториков и протоисториков (Москва 1966).

Gladilin 1976: V.N. Gladilin, Problemy paleolita Vostochnoi Evropy (Kiev 1976) // В.Н. Гладилин, Проблемы палеолита Восточной Европы (Киев 1976).

Guichard 1976: G. Guichard, Les civilisations du paleolithique inferieur en Perigord. In: (ed. H. de Lumley) La Prehistoire Francaise, Centre National de la Recherche Scientifique (Paris 1976), 909-928.

Hoffecker 2005: J.F. Hoffecker, A Prehistory of the North. Human Settlement of the Higher Latitudes. Rutgers University press (New Brunswick, New Jersey and London 2005).

Ivanova 1981: I.K. Ivanova, Geologiya i geomorfologiya okrestnostei stoianki Ketrosy. In: (red. N.D. Praslov) Must'erskaia stoianka na srednem Dnestre (Moskva 1981), 59-80 // И.К. Иванова, Геология и геоморфология окрестностей стоянки Кетросы. В: (ред. Н.Д. Праслов) Мустьерская стоянка на среднем Днестре (Москва 1981), 59-80.

Ketraru 1973: N.A. Ketraru, Pamiatniki epoch paleolita i mezolita. АКМ 1, 1973 // Н.А. Кетрару, Памятники эпох палеолита и мезолита. АКМ 1, 1973.

Ketraru, Anisiutkin 1967: N.A. Ketraru, N.K. Anisiutkin, Mersyna. Novee nizhnepaleoliticeskoe mestonakhozhdenie v Moldavii (Kishinev 1967) // Н.А. Кетрару, Н.К. Анисюткин, Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии (Кишинев 1967).

Khmelevskii 1965: V. Khmelevskii, Arkheologicheskie kul'tury verkhnego pleistotsena na territorii Pol'shi. In: (red. O.N. Bader) Stratigrafiia i periodizatsiia paleolita Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy (Moskva 1965), 15-23 // В. Хмелевский, Археологические культуры верхнего плейстоцена на территории Польши. В: (ред. О.Н. Бадер) Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы (Москва 1965), 15-23.

- Kolesnik 2017:** A.V. Kolesnik, Oчерк tipologii kremnevyykh izdelii poselenii srubnoi kul'tury srednego techeniia Severskogo Dona. In: (red. S.A. Vasil'ev, V.E. Shchelinskii) Drevnii chelovek i kameni: tekhnologiya, forma, funktsiia (Sankt-Petersburg 2017), 225-235 // A.B. Колесник, Очерк типологии кремневых изделий поселений срубной культуры среднего течения Северского Донца. В: (С.А. Васильев, В.Е. Щелинский) Древний человек и камень: технология, форма, функция (Санкт-Петербург 2017), 225-235.
- Korobkov 1965:** I.I. Korobkov, Novye paleoliticheskie nakhodki na Iashtukhe. SA 3, 1965, 91-99 // И.И. Коробков, Новые палеолитические находки на Яштухе. СА 3, 1965, 91-99.
- Korobkov 1967:** I.I. Korobkov, Itogi piatiletnikh issledovaniy Iashtukhskogo paleoliticheskogo mestonakhozhdeniia. SA 4, 1967, 194-206 // И.И. Коробков, Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения. СА 4, 1967, 194-206.
- Korobkov, Mansurov 1972:** I.I. Korobkov, M.M. Mansurov, K voprosu o tipologii teiiaksko-zubchatykh industrii. MIA 185, 1967, 55-67 // И.И. Коробков, М.М. Мансуров, К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий. МИА 185, 1972, 55-67.
- Liubin, Beliaeva 2011:** V.P. Liubin, E.V. Beliaeva, Stranitsy rannei preistorii Abkhazii (Sankt-Petersburg 2011) // В.П. Любин, Е.В. Беляева, Страницы ранней преистории Абхазии (Санкт-Петербург 2011).
- Lumley 1969:** H. de Lumley, Le Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen dans son cadre géologique, T. I-II (Paris 1969).
- Lumley 1976:** H. de Lumley, Les civilisations du Paléolithique inférieur en Languedoc Méditerranéen et en Roussillon. Le Préhistoire Française I (Paris 1976).
- Lumley, Barsky 2004:** H. de Lumley, D. Barsky, Evolution des caractères technologiques et typologiques des industries dans la stratigraphie de la Caune de L'Arago. L'Anthropologie 108, 2004, 185-237.
- Matiukhin 2010:** A.E. Matiukhin, Srednii paleolit Iuga Russkoi ravniny. Khronologiya, periodizatsiya i tipologiya industrii. In: (red. O.M. Davudov) Issledovaniia pervobytnoi arkheologii Evrazii (Makhachkala 2010), 139-159 // А.Е. Матюхин, Средний палеолит Юга Русской равнины. Хронология, периодизация и типология индустрий. В: (ред. О.М. Давудов) Исследования первобытной археологии Евразии (Махачкала 2010), 139-159.
- Oakley, Leakey 1937:** K.P. Oakley, M. Leakey, Report on Excavations at Jaywick Sand, Essex (1934), with some Observations on the Clactonian Industries, and Geological Significance of Clacton Channel. Proceedings of the Prehistoric Society 3, 217-260.
- Obade 2014:** T. Obade, Svidetel'stva kontakta Mammuthus intermedius Jordan 1861 s drevnimi liud'mi: Duruitoare Veke. Republica Moldova. In: Mistsenakhozhdenie Medzhibizh i problemi vivcheniia nizhn'ogo paleolitu Shkhidnevropeis'koi ravnini. Medzhibizh. Naukovii visnik 1 (2) (Ternopil' 2014), 217-226 // Т. Обадэ, Свидетельства контакта *Mammuthus intermedius* Jordan 1861 с древними людьми: Дуруитоаре Веке. Республика Молдова. В: Місцезнаходженне Меджибіж і проблеми вивчення нижнього палеоліту Східноєвропейської рівнини. Меджибіж. Науковий вісник. 1 (2) (Тернопіль 2014), 217-226.
- Peyrony 1938:** D. Peyrony, La Micoque. Les fouilles récentes – leur signification. Bulletin de la Société préhistorique Française 6.
- Praslov 1968:** N.D. Praslov, Rannii paleolit Severo-Vostochnogo Priazov'ia i Nizhnego Dona. MIA 157, 1968, 1-154 // Н.Д. Праслов, Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. МИА 157, 1968, 1-154.
- Shchelinskii 1983:** V.E. Shchelinskii, K izucheniiu tekhniki, tekhnologii izgotovleniia i funktsii orudii must'erskoi epokhi. In: (red. A.N. Rogachev) Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita (Leningrad 1983), 72-133 // В.Е. Щелинский, К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи. В: (ред. А.Н. Рогачев) Технология производства в эпоху палеолита (Ленинград 1983), 72-133.
- Shchelinskii 1992:** V.E. Shchelinskii, Funktsional'nyi analiz orudii truda nizhnego paleolita Prikuban'ia (voprosy metodiki). In: Voprosy arkheologii Adygei (Maikop 1992), 194-209 // В.Е. Щелинский, Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики). В: Вопросы археологии Адыгеи (Маикоп 1992), 194-209.
- Stepanchiuk 2006:** V.N. Stepanchiuk, Nizhnii i srednii paleolit Ukrainy (Chernovtsy 2006) // В.Н. Степанчук, Нижний и средний палеолит Украины (Черновцы 2006).
- Tarasov 1989:** L.M. Tarasov, Periodizatsiya paleolita basseina Verkhnei Desny. In: (red. I.A. Borziak, A.I. David) Chetvertichnyi period. Paleontologiya i arkheologiya (Kishinev 1989), 166-175 // Л.М. Тарасов, Периодизация палеолита бассейна Верхней Десны. В: (ред. И.А. Борзьяк, А.И. Давид) Четвертичный период. Палеонтология и археология (Кишинев 1989), 166-175.
- Valoch 1984:** K. Valoch, La Taubachien, sa géochronologie, paléoécologie et paléoethnologie. L'Anthropologie 88, 1984, 193-208.

- Valoch 1988:** K. Valoch, Die Erforschung der Kulna-Hohle. Antropos, Band 24 (N.S. 16), s. 1 - 200 (Brno1988).
- Vasil'ev et al. 2007:** S.A. Vasil'ev, G. Bozinski, B.A. Bredli, L.B. Vishniatskii, E.Iu. Giria, Iu.N. Gribchenko, M.N. Zheltova, A.N. Tikhonov, Chetyrekhiazychnyi (russkii-anglo-franko-nemetskii) slovar'-spravochnik po arkheologii paleolita (Sankt-Petersburg 2007) // С.А. Васильев, Г. Бозински, Б.А. Бредли, Л.Б. Вишняцкий, Е.Ю. Гиря, Ю.Н. Грибченко, М.Н. Желтова, А.Н. Тихонов, Четырехязычный (русский-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита (Санкт-Петербург 2007).
- Vishniatskii 2011:** L.B. Vishniatskii, Teiiak pocti ne viden. Retsenziia: P.G. Chaise, A. Debenath, H.L. Dibble, S.P. McPherron, The Cave of Fontchevade: Recent excavations and Their Paleoanthropologicacal Impications, New York 2009. In: Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik 1, 2011, 657-660 // Л.Б. Вишняцкий, Тейяк почти не виден. Рецензия: P.G. Chaise, A. Debenath, H.L. Dibble, S.P. McPherron. The Cave of Fontchevade: Recent excavations and Their Paleoanthropologicacal Impications, New York 2009. В: Российский археологический ежегодник 1, 2011, 657-660.

Николай Анисюткин, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Дворцовая набережная 18, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: leonid.dictiopter@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu

Geocronologia stațiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuți și unele paradoxuri în cercetarea ei

Keywords: Moldova, Upper Palaeolithic, Cosăuți site, the first terrace of Dniester, geochronology.

Cuvinte cheie: Moldova, paleoliticul superior, stațiunea Cosăuți, prima terasă a Nistrului, geocronologie.

Ключевые слова: Молдова, верхний палеолит, стоянка Косэуць, первая терраса Днестра, геохронология.

Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu

Geochronology of the multi-layered station in the Upper Palaeolithic Cosăuți and some paradoxes in its research

The main attention in the article is drawn to clarifying the location of the multilayer site of the Upper Palaeolithic Cosăuți and its connection to the first terrace of the Dniester. Personal observations of the authors of the article and the study of archival materials on the stratigraphy of the site make it possible to outline the sequence in the formation of its deposits, determined for each stage by special paleogeographic conditions, which is extremely important for considering issues of geochronology.

Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu

Geocronologia stațiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuți și unele paradoxuri în cercetarea ei

O atenție deosebită în articol este acordată precizării locului de amplasare a stațiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuți și a legăturii ei cu prima terasă a Nistrului. Observațiile personale ale autorilor studiului, precum și cercetarea materialelor de arhivă privind stratigrafia stațiunii, permit să stabilim succesivitatea în formarea depunerilor, determinate pentru fiecare etapă de condiții paleogeografice specifice, lucru extrem de important în discutarea problemelor de geocronologie.

Александр Левинский, Сергей Коваленко, Виталий Бурлаку

Геохронология многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць и некоторые парадоксы в ее изучении

Основное внимание в статье обращено на уточнение местоположения многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць и рассмотрение свидетельств ее приуроченности к первой надпойменной террасе Днестра. Личные наблюдения авторов статьи и изучение архивных материалов по стратиграфии стоянки, позволяют наметить последовательность в формировании ее отложений, определяемых для каждого этапа особыми палеогеографическими условиями, что является крайне важным для рассмотрения вопросов геохронологии.

De la descoperirea stațiunii paleolitice pluristratigrafice Cosăuți au trecut circa 40 de ani. Până la ora actuală au fost scoase din tipar circa cincizeci de publicații, articole analitice, note, teze ale conferințelor și compartimente în monografii, dedicate acestui minunat monument de istorie străveche a regiunii Nistrului. Cu toate acestea, din lucrare în lucrare, pe parcursul tuturor acestor decenii, în caracteristica vestigiilor de la Cosăuți se includ un șir de inexactități și reprezentări false, ce provocă mirare, și care nu pot fi calificate altfel decât lucruri confuze sau paradoxuri. De la bun început menționăm că punctul nostru de vedere în aprecierea lor nu poate fi indiscutabil, cu toate că el este bazat pe fapte și pe observațiile personale ale autorilor acestui studiu, ce au participat activ la lucrările de șantier împreună cu I. Borzic.

Vom începe prin a preciza când și cine a descoperit acest monument. După cum s-a dovedit, primele piese paleolitice la marginea de vest

a s. Cosăuți, raionul Soroca, pe panta din dreapta a râpei adânci de pe malul drept al Nistrului, au fost culese încă la sfârșitul anilor '50 de către V. Marchevici. În fondurile Muzeului Național de Istorie a Moldovei s-a păstrat o mică colecție de piese de silex și schema terenului cu indicarea punctului descoperirilor, ce coincide cu locul unde mai târziu a fost documentat situl stratificat din paleoliticul superior. Din cauze rămase necunoscute, acest punct nu a fost inclus în repertoriul monumentelor paleolitice din Moldova [Ketraru 1973]. În anul 1978, în timpul trasării drumului și a conductei principale de apă, în procesul de exploatare a carierei de nisip din vecinătate a fost dezvelită partea superioară a depunerilor de sediment ale sectorului din spatele terasei de la Cosăuți, ce se mărginea cu panta abruptă a văii nistrene. În pereții carierei și în șanțurile conductei de apă, I. Borzic și M. Anikovich au descoperit șiruri de piese din silex, fragmente de oase de ani-

male și cărbune de lemn, care au fost identificate drept rămășițe a cinci straturi de cultură [Borziak 1985], ce au și stat la începuturile cercetării unuia din siturile stratificate-reper ale paleoliticului superior din regiunea noastră.

Cititorul nepregătit ce face cunoștință atât cu primele publicații ale materialelor din stațiunea Cosăuți [Borziak 1984, 412; 1985, 3-4], cât și cu ultima ediție informațională asupra paleoliticului regiunii carpato-nistrene [Chirica, Bodi 2011, 61], poate să-și creeze o reprezentare incorectă privind amplasarea stațiunii stratificate Cosăuți. Din cauze necunoscute, I. Borziac insistă asupra amplasării ei la 0,5 km spre nord de satul eponim. Această idee preconcepută și-a găsit reflectare și în una din ultimele lui lucrări – teza de doctor habilitat în istorie [Borziac 2008, 151]. Este cert că stațiunea și localitatea lângă care ea a fost descoperită, se află pe teritoriul Republicii Moldova, pe malul drept al Nistrului, în zona meandrului foarte larg al Sorocii, fapt ce explică direcția cursului râului lângă Cosăuți dinspre vest spre est. De acest lucru e ușor de convins, analizând harta fizică sau topografică. Căutând, însă, stațiunea la 0,5 km spre nord sau nord-vest de sat (după I. Borziac), ne pomenim în Ucraina, pe malul stâng al râului.

Extrem de discutabilă este și problema corelării stațiunii Cosăuți cu prima sau a doua terasă a Nistrului, fapt ce are importanță principială în analiza geocronologiei stațiunii. La început, autorul săpăturilor corela situl cu nivelul terasei II [Borziak 1985, 3; Borziak, David 1986a, 204], admitând, de asemenea, și amplasarea ei intermediară, în calitate de stratificare în pantă destul de complicată a rocilor trenei deluvial-proluviale, ce cobora din terasa II spre I [Borziak 1986b, 130]. Ulterior, el a revenit la versiunea privind asocierea stațiunii, în exclusivitate, cu terasa II [Borziak et al. 1990, 56], fapt ce a fost reflectat și în lucrările lui ulterioare.

Un alt punct de vedere a fost expus de un grup de geologi în frunte cu O. Adamenko [Adamenko 1987, 53-58] și, independent de ei, de către geologul A. Khubka [Khubka 1983, aplicația 3]. Asupra corectării poziției lui I. Borziac a încercat să influențeze și geologul P. Haesaerts, care, în studiul său împreună cu I. Borziac, a determinat foarte exact amplasamentul stațiunii Cosăuți pe partea din spate a primei terase a Nistrului ce trece în panta unei văi laterale nu prea mari [Haesaerts et

al. 2003, 176]. Punctul de vedere al acestor cercetători, precum că terasa de la Cosăuți este prima, supraînălțată luncii inundabile, are argumentări solide în confirmarea sa [Covalenco 1995, 157-158]. Vom enumera doar unele din ele.

În primul rând, înălțimea suprafeței terasei de la Cosăuți, determinată în limita 12-15 m, și amplasarea soclului ei la nivelul suprafeței apelor Nistrului (la părerea lui A. Khubka, chiar mai jos) este mărturie a parametrilor ce se includ deplin în intervalele oscilațiilor nivelului primei terase supraînălțate luncii inundabile, determinate de I. Ivanova [Ivanova 1977, 139] și acceptate de majoritatea geologilor și paleogeografilor. În acest context, putem aminti că indicii corespunzători pentru a doua terasă supraînălțată luncii inundabile sunt fixați în limitele 25-40 m pentru suprafața terasei și 5-15 m pentru soclu. Schema destul de detaliată a extinderii teraselor r. Nistru în zona Cosăuți-Egorovca-Soroca, elaborată de către O. Adamenco, și descrierea fragmentară a acestor terase în raportul lui Khubka [Khubka 1986, 8-10] ne permit să vorbim despre justetea evidențierii primei terase supraînălțate luncii inundabile, exprimată în lanțul general al trecerilor terasoidale pe meandrul Cosăuți-Soroca.

În al doilea rând, diferența existentă în structura și componența stratificațiilor între terasele I și II ne permite să scoatem în evidență un șir de particularități, prezența sau lipsa cărora ne permite să afirmăm că depunerile analizate sunt parte componentă a uneia din ele. Indiciul-cheie pentru o astfel de diagnosticare este prezența, pe terasa II, a depunerilor de loess tipic, fapt nu o dată accentuat de I. Ivanova. Acest loess tipic, la rândul său, poate să se dezmembreze în orizonturile pontic și de Bug [Veklich 1968, 197-199].

Pentru terasa de Cosăuți, sunt evidențiate câteva orizonturi de argilă nisipoasă loessoidală, care se deosebește radical de loessul tipic prin densitatea sa sporită, cu mai multe straturi și de culoare mai închisă. Rezultatul observărilor lui Kriger [1965], expus în monografia dedicată în exclusivitate formațiunilor loessoidale, nu admite posibilitatea de a corela „loessul tipic” cu caracteristicile menționate mai sus. Parțial, acest lucru se explică prin perioada de formare a acestor depuneri. Astfel, acumularea loessului de Bug pe terasele II se presupune a fi legat de formarea soclului de albie pe terasele I, iar la trecerea spre interstadialul de

Briansk, posibil, cu acumularea aluviului argilono-sipos. Această din urmă acumulare este bine reprezentată în partea inferioară a secțiunii de la Cosăuți în forma unor depuneri argiloase stratificate destul de groase. Straturile masive de loess ale orizontului pontic de pe terasele înalte pot fi corelate cu acumulările depunerilor de precipitații ale așa-numitei „lunci inundabile înalte” a primei terase, pe care acumulările stratului de loess tipic erau imposibile în virtutea unui șir de factori. Printre aceștia sunt: modificarea particularităților fizico-chimice ale rocilor de acumulare în timpul ridicării nivelului apelor râului; acțiunea deplasării permanente a materialului de pe nivelele superioare ale văii; eroziunea plană sporită și acțiunea puternică a apelor subterane. Acest din urmă factor este caracteristic pentru toate pantele coluviale ale poalelor [Lastochkin 1991, 187] malurilor abrupte ale Nistrului.

Revenind la indiciile ce permit diferențierea depunerilor teraselor joase, este necesar să atragem atenție la prezența, deseori în condiții stratigrafice clare, a solurilor fosile. Drept exemplu clasic pot servi stratificările masive ale teraselor II în siturile stratificate de pe Nistrul de Mijloc, unde solurile fosile sunt o componentă nelipsită a secțiunilor stratigrafice. La Cosăuți, însă, sunt reprezentate doar unele argile nisipoase humusate, ce numai fac aluzie la solul fosil, și numite de O. Adamenco soluri fosile embrionare. Datarea absolută a acestor soluri embrionare, precum și caracterul ciclic și grosimea extrem de mică, permit a le pune în legătură cu perioadele scurte de încălzire în formă de pulsații, ce se manifestă după stadiul de maximă răcire din ultima eră glaciară. Iar acest lucru, la rândul său, nu vine în contradicție cu cunoștințele noastre despre posibilitatea unor astfel de manifestări în depunerile primei terase, perioada de acumulare a căroră include acest interval. Amintind însă de solurile fosile tipice, avem în vedere, în primul rând, formații cu caracter interstadial, ce preced ultimului (de tip Ostashkov) stadial. Ele sunt clar exprimate doar pe terasa II și pe cele superioare.

Încercările de a evidenția solul fosil al interstadialului Breansc/Paudorf/Dofin în secțiunea de la Cosăuți au dus doar la presupuneri privind posibilitatea lui legătură cu argila nisipoasă de culoare mai întunecată decât cea înconjurătoare, ce conținea o cantitate neînsemnată de structuri albicioase, la

interferența dintre depunerile nisipos-argiloase și blocul de argile nisipoase ale convenționalei „lunci inundabile joase” (adâncimea de depunere 12,55-12,90 m). [Borziiak 1985, 7]. Analiza de suprafață arată că substanța argilooasă a acestor straturi de culoare închisă nu este afectată de procesele din sol, iar pasta ei minerală constituie o structură rezistentă la apă.

Un indiciu nu mai puțin important în separarea primei terase supraînălțate luncii inundabile de cele amplasate mai sus este dezmembrarea intensă a stratului primei din ele de o mulțime de straturi intermediare bogate în pietriș și conglomerate de piatră spartă. Multe din ele sunt reprezentate prin conuri plate și late de coluviu/deluviu de scurgeri pe râpă sau vâlcea, care uneori se contopeau sau se suprapuneau, atingând în grosime circa jumătate de metru. După cum s-a exprimat I. Ivanova, aceste „haosuri” acoperă sectoare extinse ale luncii inundabile înalte și ale primei terase supraînălțate [Ivanova 1959, 231]. În secțiunea terasei de la Cosăuți, cel mai mare număr de astfel de „haosuri” este legat tocmai de depunerile așa-numitei „lunci inundabile înalte”.

Fără a lua în considerație alte argumente, mai puțin importante, în favoarea determinării terasei de la Cosăuți ca fiind prima, ne vom opri la un alt aspect, ce a servit drept pretext pentru încă un grup de divergențe. În articolul redactat de I. Borziiak, K. Kremenetski și A. Prepeleț este menționat că „masivul de deluviu, ce include straturile culturale ale stațiunii, a lunecat în pantă (lucru despre care mărturisesc discordanțele în datările radiocarbon, căpătate în baza bucăților de cărbune de lemn, împrăștiate prin stratul cultural și spălate de pe nivelele mai înalte ale reliefului)” [Borziiak et al. 1990, 62]. Tot în acest studiu este expusă o altă observație care, parcă, ar argumenta acest punct de vedere, precum că „părțile din spate ale teraselor au înălțime mai mică decât fațadele. Aspectul lor, la general, vorbește despre proveniența lor prin alunecare de teren” [Borziiak et al. 1990, 56].

Stabilind amplasarea stațiunii la nivelul terasei II supraînălțate luncii inundabile, acești cercetători ar fi trebuit să explice nivelul ei gipsometric atât de scăzut și, firesc, ei au încercat să-l pună în legătură cu proveniența lui prin alunecare de teren. Oare așa să fie? Chiar dacă nu luăm în considerare dispunerea soclului acestei „terase alunecate”, argumentul de bază ce diminuează valoarea

acestor idei, este lipsa oricăror dereglări însemnate sau transformări de caracter textural și nivelele de depunere a vestigiilor arheologice „in situ”. Acest lucru a fost observat, atât în secțiunea verticală transversală din 1988, cât și în profilul longitudinal al sondajului de documentare din 1995, executate până la soclul terasei, surprins la nivelul actual al oglinzii apei Nistrului. Lipsa deformării este vizibilă și în secțiunea stratigrafică, destul de mare ca întindere, din șantierul stațiunii și a peretelui vertical al carierei, care scoate în evidență partea superioară a depunerilor. Ba mai mult, dezvelirea consecutivă a straturilor culturale pe o suprafață ce depășește 200 m.p., de la 5,5 până la 9 metri adâncime, exclude orice deplasare sau alunecare a solului și în proiecție orizontală.

Discordanța menționată privind datarea absolută, ce are analogii în cumulara datărilor straturilor VI-IV din stațiunea Molodova V, este legată, probabil, de anumite fenomene naturale ce nu au nici o legătură cu dislocarea cărbunelui de lemn. Observațiile planigrafice nu presupun nici o sursă bine pronunțată, din care ar fi pătruns în stratul cultural cărbunii de lemn. Acestea ar fi doar complexe de ruguri și vetre, în care majoritatea cărbunelui preluat pentru analiză este bine localizat sau este reprezentat prin amprente de material lemnos ars în vechime. Prezența rară a cărbunilor în spațiile dintre straturile culturale se explică prin fenomenul implantării lor naturale din complexe gospodărești cotidiene ale stratului ce le suprapune.

Observația privind grosimea mai mică a părților din spate a teraselor, în comparație cu marginile lor, posibil, nu contrazice adevărului, însă este valabilă doar pentru resturile slab pronunțate ale teraselor înalte. În ce privește prima terasă (de la Cosăuți) – se remarcă o situație inversă. De acest lucru este lesne să ne convingem, comparând profilurile peretelui de nord al șantierului, cel mai îndepărtat de panta abruptă, și de sud, practic din apropierea nemijlocită de părțile din spate ale terasei. Distanța de 23 m dintre aceste profile a permis să fie scoasă în evidență creșterea bruscă a grosimii depunerilor și chiar stratificarea unor orizonturi aparte.

Caracterizând starea depunerilor terasei de la Cosăuți, nu putem să nu ne oprim și la rolul deosebit al straturilor subțiri de argile nisipoase compacte, suprasaturate cu material de piatră

spartă. Îndeplinind rolul de conservant ideal al multor componente organice ale stratului cultural, ele, totodată, nu permiteau împrăștierea acestor resturi, iar în cazul îngropării lor rapide - le protejau de acțiunile nefaste ale ridicării apelor râului.

Majoritatea cercetătorilor pun în legătură perioada de acumulare a straturilor de piatră spartă cu intervale scurte de timp. Probabil, ele sunt determinate de condițiile aride din primul stadiu de încălzire Liasko, când umiditatea rămânea a fi insuficientă pentru dezvoltarea unui acoperământ vegetal compact și formarea gazonului, ce stabilizează suprafața de călcare [Vasil'ev 1980, 27]. Drept mărturie a procesului scurt de formare a straturilor subțiri de pietriș pot servi amprente de materiale lemnoase în formă de putregai, ce repetă contururile obiectelor ce au nimerit sub „prăbușire”. Descompunerea materiei organice fără acces de oxigen presupune acumularea destul de rapidă a stratului conservant.

Studierea stratigrafiei stațiunii în timpul săpăturilor multianuale, precum și trasarea a două sondaje ce au atins cornișa terasei, au permis să fie urmărită nu numai succesivitatea acumulării depunerilor terasei, dar și a stabili identitatea lor litologică, fapt ce a asigurat o înțelegere mai adecvată a geocronologiei sitului în întregime. Primul sondaj, trasat în anul 1988 la hotarul de nord al șantierului și orientat cu latura lungă (de la 3 până la 6 m) de la vest spre est, a fost cercetat până la adâncimea de 17 m. El are cea mai detaliată descriere pe straturi. Cel de-al doilea sondaj, cu aceeași adâncime, trasat în 1994 în partea de est a șantierului și orientat de la nord spre sud, are o conturare mai calitativă a profilului. Neavând posibilitatea de a prezenta în această lucrare caracteristica amănunțită a stratigrafiei (fig. 1), vom menționa doar cele mai importante trăsături, completate cu datele căpătate de specialiștii în discipline științifice conexe.

Cornișa terasei, în formă de lespezi masive de gresie, este suprapusă de depunerile de aluviu de luncă inundabilă. Specificul lui este determinat de stratificarea unor argile și argile nisipoase diferențiate ca densitate și culoare, care deseori apar în clinuri, straturi subțiri, și care nu întotdeauna alternează succesiv. Este vizibil cum în partea superioară a acestui strat, gros de aproape 4 m, (12,90-17,00 m) crește concentrația nisipului.

Mai sus pe secțiune (la adâncimea 14,15-11,00 m) se remarcă un pachet de depuneri nisipoase de aluviu de luncă inundabilă, apar stratificări hleioa-

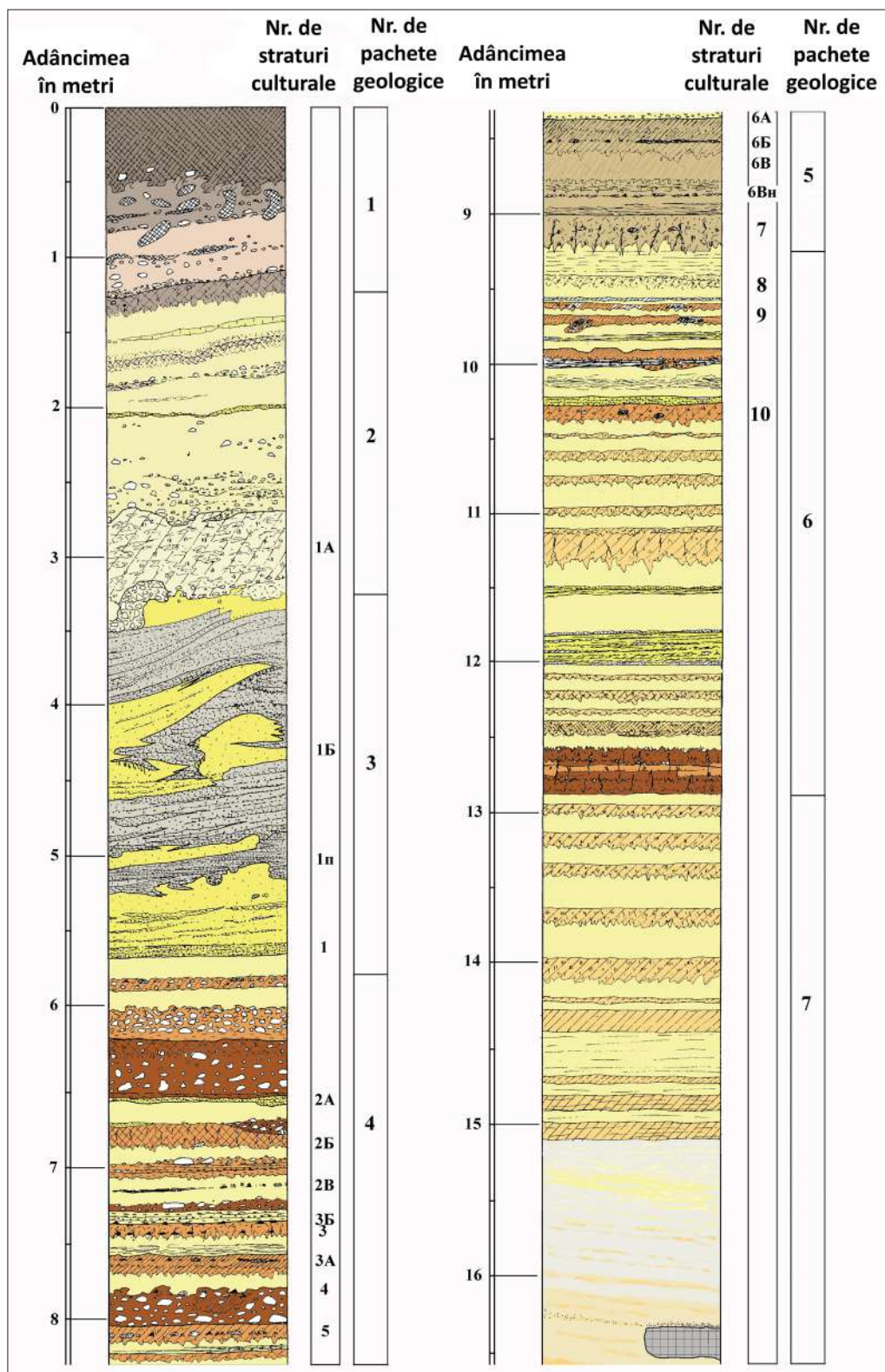

Fig. 1. Stratigrafia stațiunii paleolitice Cosăuți.

Fig. 1. The stratigraphy of paleolithic site Cosăuți.

se, încă suprasaturate cu rarele produse ale distrugerii rocilor de bază. Două straturi subțiri de nuanță întunecată din componența lor pot să coreleze cu rămășițele solului fosil din interstadialul Breansk/Paudorf/Dofin, limita superioară a căruia este determinată la 24 mii de ani. În acest caz, datarea celor mai timpurii straturi culturale (8-10), delimitate deasupra „solului fosil” (12,55-12,90 m) poate fi determinată în intervalul de 23-20 mii de ani. Pentru stratul cultural 9 sunt un șir de datări C14 – 19060 ±220 (OxA-5251), 19060 ±200 (OxA-5252), 19080 ±220 (OxA-5253), 19110 ±100 (GrN-21795), iar pentru stratul cultural 10, probabil, o datare cam ridicată 18980 ±200 (OxA-5254).

Și mai sus pe secțiune (8,30-9,20 m) sunt fixate urme de răcire, în formă de crăpături orientate înclinat cu proveniență prin îngheț. Luând în considerație posibilitatea manifestării unor astfel de procese în perioada de maximă răcire, suntem dispuși să datăm resturile celor cinci straturi culturale de la Cosăuți (6A, 6B, 6B, 6BH, 7), descoperite în „depunerile cu crăpături”, în faza de maximă răcire a ultimului glaciator, adică în intervalul de timp de 18-20 mii de ani. Pentru stratul cultural 7 există două datări radiocarbon – 19440 ±100 (GrA-6746) și 18980 ±220 (OxA-5250), pentru stratul 6B – 18935 ±160 (A-1864) și 18860 ±200 (OxA-5255), pentru stratul 6B – 19200 ±130 (GrN-21361), 18940 ±220 (OxA-5249) și 18560 ±200 (OxA-5256), pentru stratul 6A – 18780 ±200 (OxA-5248) și 18140 ±165 (A-1862). Ca mărturie a unei clime relativ reci poate servi componența faunei aclimatizate la frig – mamutul și rinocerul lănos, rar sau deloc întâlnite în straturile de supra-punere. Determinarea rozătoarelor mărunte, făcută, din păcate, doar până la adâncimea de 10 metri, ne arată prezența lemingului copitat la tranziția de la cel mai rece sector al secțiunii spre depunerile cu particularități de climă mai moale.

Următorul pachet de depuneri (5,80-8,30 m), ce include nouă straturi culturale (2A, 2B, 2B, 3B, 3, 3A, 4, 5, 5A), este pus în legătură sigură cu tranziția de la stadiul de maximă răcire a ultimului glaciator spre încălzirea interstadială, în formă de oscilații climaterice ce se repetau ciclic, cu formarea solurilor fosile embrionare, ce alternau cu intervale încă destul de reci, fixate după straturile subțiri de material spart. Ca încheiere a acestui proces putem considera scurta stabilizare a climei din etapa finală a acestui interval (Lascaux). Aceasta din urmă este

consemnată prin cel mai expresiv sol fosil embrionar gros de până la 0,15 m în partea superioară a celui de-al patrulea pachet (fig. 1).

Primele cinci cicluri de acumulări de precipitații din acest pachet au fost delimitate de către O. Adamenco în una din secțiunile intermediare de la Cosăuți, iar mai apoi acest lucru a fost confirmat și în secțiunea de bază a stațiunii. Fiecare din cicluri, ce includea trei, mai rar patru componente, în mod obligatoriu se începe cu argile nisipoase humusate, uneori înlocuite de un orizont de carbonat alburii, în cazuri aparte cu ingrediente cretoase sau incluziuni de silexuri mărunte rostogolite, mai rar cu boțurile moi de sol întunecat-humuos. Probabil, urme similare de formare a solului au fost fixate de I. Ivanova [Ivanova 1982, 233] pentru intervalul de timp de 16-17 mii de ani în stațiunea Molodova V, fapt ce a fost reflectat, din cauze neclare, doar în caracteristica generală a stațiunilor de pe Nistrul de Mijloc. Ca element de încheiere al fiecărui ciclu servesc straturile de pietriș argilo-nisipoase cu grosime de la 0,05 până la 0,7 m, în care materialul spart de mărimi diferite (mergel, silex, calcar) și grad diferit de rulare este cimentat de solul argilos compact. Secționarea întregului pachet al depunerii prin orizonturi îmbogățite cu pietriș, precum și reducerea concentrației de material nisipos, reflectă predominarea proceselor cu caracter deluvial-proluvial la formarea depunerilor „luncii inundabile înalte”. Un exponent al acestora sunt diversele moluște de suprafață, care doar la nivelul stratului cultural 3B, sunt completate de formele de apă dulce, ce populau brațele de râu (Lithoglyphis naticodes C.Pf., Fagotia esperi Fer., Theodeoxus danubialis C.P., Theodeoxus Luviatilis L., Bithinia Sp.).

Pentru majoritatea straturilor culturale din acest pachet de depuneri avem datări corecte după C14, efectuate în laboratoare diferite. Din cele 26 date majoritatea se include în limitele 17-18 mii de ani. Astfel, pentru stratul cultural inferior 5 sunt căpătate datele 17030 ±180 (ГНН 4152) și 18060 ±180 (OxA-5238), iar pentru stratul cultural superior 2A tot din acest pachet – 16869 ±770 (JE-3304), 16940 ±1215 (COAH-2452) și 17230 ±140 (GrN-21792).

Rezultatele analizei spor-polen, efectuat de către S. Medianec până la adâncimea 8,30 m, completate de datele lui K. Kremenetski, confirmă încălzirea treptată a climei de la cel mai rece sector al secțiunii (straturile culturale 6-7) spre depunerile secționate de straturile de pietriș cu soluri fosile

embrionare (straturile 2A-5). Analiza unor probe singulare din partea superioară a acestora din urmă a arătat prezența granulelor de polen de tei și carpen, pe care K. Kremenetski le pune în legătură cu amestecul de sol [Borziak et al. 1990, 59]. Dar bine cunoscutele caracteristici palinologice ale stațiunilor de la Molodova și Corman indică vădit prezența obligatorie a speciilor de foioase cu frunza mare pentru intervalul cald destul de pronunțat (Lascaux). Ponderea lor procentuală este nu prea mare – doar 2-3% [Pashkevich 1987, 150-151; 1977, 105-107], dar rolul lor de indicator este suficient de sigur. Spectrul palinologic al acestei perioade scurte de încălzire, sincronizându-se cu cel de la Molodova [Bolikhovskaia, Pashkevich 1982, 139-143; Pashkevich 1987, 150-151], se caracterizează prin prezența pinului [Borziak et al. 1990, 59], ce constituie nu mai puțin de 90% din numărul total al polenului pe specii lemnoase relevat. Se remarcă amestecul de brad, arin, salcie, precum și mesteacăn. Grupările vegetale ale locurilor deschise, reprezentate prin granule de polen de pelin și flori compozite, conform datelor lui K. Kremenetski, nu depășesc 6-7% din masa totală. Se constată prezența gramineelor, a rogozului, a păpurișului. Mai sus și mai jos pe secțiune, releveele probelor certifică condiții climaterice destul de reci și uscate. Importanță mare capătă polenul și sporii speciilor microtermice. Crește procentul polenului de mesteacăn tufos (*Betula nana*, *B. humilis*), ariniș (*Alnaster*) și a sporilor de specii arctico-boreale (spre exemplu, *Sellaginella selagin*). Este vizibilă răspândirea mai largă a reprezentantelor florei de stepă (*Kochia prostrate*, *Atriplex tatarica*, *Eurotia cezatoides* și altele) ce se dezvoltă în condiții relativ continentale, pe fundalul unei micșorări generale a procentului de polen de ierburi în componența spectrelor. Formarea unui înveliș vegetal similar este atribuit de către V. Gričuk [Gričuk 1973] tipului periglacial.

Continuând descrierea secțiunii de la Cosăuți, este necesar să abordăm și specificul depunerilor loessoidale de măr și nisipuri cu bobul mărunț (adâncimea 3,30-5,80 m). Spre deosebire de straturile nisipoase deja caracterizate, în formarea cărora au jucat un rol activ procesele aluvionare, depunerile din cel de-al treilea pachet au legătură cu proveniența eulodeluvială. Un indiciu indirect este distribuția uniformă a mulțimii de structuri nisipoase mărunte pe suprafața ondulată ușor înclinată a nivelului vechi de călcare și lipsa formei de moluște de apă dulce în

componența lui. O compoziție în multe privințe similară a părții superioare a secțiunii se observă și în stațiunea Corman IV. Amplasarea joasă a soclului terasei de la Corman și condițiile similare de acumulare a depunerilor în apropierea malului abrupt al Nistrului au făcut aproape identice procesele de formare a stratului de nisip, suprapus de pachetul de măr loessoidal [Ivanova 1977, 169-170], comparabil prin condițiile de depunere cu cele de la Cosăuți. După cum menționează I. Ivanova [Ivanova 1977, 173], nisipurile se depuneau în condiții de climă moderat-rece și umedă de la începutul Dryasului când erau răspândite pădurile amestecate cu predominarea speciilor de foioase, în timp ce mărurile loessoidale vorbesc despre constituirea peisajului de stepă cu climă uscată și răcoroasă.

Distribuția faunei de moluște în probele din cel de-al treilea pachet de depuneri, luate la fiecare 0,1 m pe verticală, scoate în evidență nu mai puțin de patru treceri de la speciile boreal-alpine ale spațiilor deschise spre formele mezofile tipice locurilor împădurite cu tufari [Voloshina 1985, aplicația 2].

Merită atenție observațiile privind legătura rămășițelor celor trei straturi culturale (1,1n,1B), incluse în pachetul nisipurilor de tip Dryas, cu straturile de hleiuri. Din nou, un context similar este fixat în depunerile glaciare târzii ale unuia din monumentele de la Molodova [Ivanova 1987, 104, fig. 8].

Datarea termoluminiscentă efectuată de L. Voskovaia a părții superioare a stratului nisipos cu 13000 ± 1000 a.u. permite a stabili hotarul superior al străvechiului Dryas și al corobora cu data perioadei de acumulare a rămășițelor unuia din cele mai târzii straturi culturale.

Și, în sfârșit, încununează secțiunea de la Cosăuți depunerile de argile puternic nisipoase (1,5-3,30 m) și un strat gros de sol fosil holocenic de tip cernozem, ce include material ceramic din epoca eneoliticului, din hallstatt și din perioada medievală.

Dacă e să facem un anumit bilanț, atunci informația geostratigrafică, datarea în baza științelor naturii și datele științelor conexe din stațiunea Cosăuți ne demonstrează că:

1. Reieșind din coroborarea terasei de la Cosăuți cu nivelul primei terase supraînălțate lunicii (conform înălțimii suprafeței ei și a soclului, lipsei de deplasări prin alunecare, precum și a depunerilor de loess tipic obligatorii pentru terasele

II, despărțite prin soluri fosile), stabilim, pentru depunerile din partea inferioară a secțiunii de la Cosăuți, perioada de timp nu mai timpurie de interstadiul Breansk/Paudorf/Dofin;

2. Depunerile de mai sus, ce s-au acumulat la scăderea bruscă a rolului proceselor aluviale, includ o serie de straturi culturale, partea inferioară a cărora are particularități de caracter criogen (în formă de crăpături adânci înclinat-orientate). Datarea radiocarbon a depunerilor din acest pachet este posibilă în limitele 19-20 mii de ani;

3. Depunerile cu soluri fosile embrionare ce alternează succesiv și cu straturi de pietriș, ce conțin rămășițele a nouă straturi culturale, sunt datate cu perioada de trecere de la stadiul de maximă răcire a glaciareului Ostashkov spre intervalul de încălzire

Lascaux. Seriile de datări radiocarbon din laboratoare diferite stabilesc intervalul de timp de 17-18 mii de ani. Datele analizei spori-polen efectuate de S. Medianec și K. Kremenetski confirmă îmblânzirea treptată a climei de la straturile 2A-5 spre 6-7. Teriofauna, studiată de către A. David, scoate în evidență faptul predominării multiple a rămășițelor de ren polar asupra altor specii de animale, prezența singulară a oaselor de mamut;

4. Cele trei nivele culturale de sus ale stațiunii Cosăuți, aflate printre straturile de hleiuri ale pachetului nisipos și care au analogii în similara, ca compoziție, terasă de la Corman, se includ ca timp în diapazonul evidențiat de datele termoluminescente ale L. Voskovaia (US Moscova) – 13000 ±1000 și 16000 ±1000 a.u.

Bibliografie

- Adamenko et al. 1986:** O.M. Adamenko, A.V. Gol'bert, O.R. Stel'makh, Obosnovanie vozrasta i vosstanovlenie prirodnykh uslovii obitaniia pervobytnogo cheloveka na arkheologicheskikh pamiatnikakh Moldavskogo Pridnestrov'ia. Arkhiv NMIM, raport inv. nr. 221, prilozhenie (Kishinev 1986) // O.M. Адаменко, А.В. Гольберт, О.Р. Стельмах, Обоснование возраста и восстановление природных условий обитания первобытного человека на археологических памятниках Молдавского Приднестровья. Архив НМИМ, отчет инв. № 221, приложение (Кишинев 1986).
- Bolikhovskaia, Pashkevich 1982:** N.S. Bolikhovskaia, G.A. Pashkevich, Dinamika rastitel'nosti v okrestnostiahk stoianki Molodova I v pozdnem pleistotsene (po materialam palinologicheskogo issledovaniia). In: (red. G.I. Goretskii, I.K. Ivanova) Molodova I. Unikal'noe must'erskoe poselenie na Srednem Dnestre (Moskva 1982), 120-145 // Н.С. Болиховская, Г.А. Пашкевич, Динамика растительности в окрестностях стоянки Молодова I в позднем плейстоцене (по материалам палинологического исследования). В: (ред. Г.И. Горетский, И.К. Иванова) Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре (Москва 1982), 120-145.
- Borziiak 1984:** I.A. Borziiak, Issledovanie stoianki Kosoutsy 1. AO v 1982 g., 1984, 412 // И.А. Борзияк, Исследование стоянки Косоуцы 1. АО в 1982 г., 1984, 412.
- Borziiak 1985:** I.A. Borziiak, Otkrytie novoi mnogoslainoi paleoliticheskoi stoianki Kosoutsy na Srednem Dnestre. AIM v 1981 g., 1985, 3-14 // И.А. Борзияк, Открытие новой многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. АИМ в 1981 г., 1985, 3-14.
- Borziac 2008:** I. Borziac, Paleoliticul superior din spațiul Carpato-Nistean (cronostratigrafie, culturogeneză, paleoecologie). Teza de doctor habilitat în științe istorice (Chișinău 2008).
- Borziiak et al. 1990:** I.A. Borziiak, K.V. Kremenetskii, A.Ia. Prepelitsa, Paleoecologiia pozdnepaleoliticheskoi stoianki Koseutsi. Izvestiia AN MSSR. Serii obshchestvennykh nauk 2 (94) (Kishinev 1990), 56-63 // И.А. Борзияк, К.В. Кременецкий, Ф.Я. Препелица, Палеоэкология позднепалеолитической стоянки Косэуць. Известия АН МССР. Серия общественных наук 2 (94) (Кишинев 1990), 56-63.
- Borziiak, David 1986a:** I.A. Borziiak, A.I. David, Mngoslainia pozdnepaleoliticheskai stoianka Kosoutsy na Srednem Dnestre. In: Korreliatsiia otlozhenii, sobytii i protsessov antropogena. Tezisy dokladov VI Vsesoiuznogo soveshchaniia po izucheniiu chetvertichnogo perioda (Kishinev 1986), 203-204 // И.А. Борзияк, А.И. Давид, Многослойная позднепалеолитическая стоянка Косоуцы на Среднем Днестре. В: Корреляция отложений, событий и процессов антропогена. Тезисы докладов VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода (Кишинев 1986), 203-204.
- Borziiak, David 1986b:** I.A. Borziiak, A.I. David, Pozdnepaleoliticheskai stoianka Kosoutsy. In: Antropogen i paleolit. Putevoditel' ekskursii VI Vsesoiuznogo soveshchaniia po izucheniiu chetvertichnogo perioda (Kishinev 1986), 130-137 // И.А. Борзияк, А.И. Давид, Позднепалеолитическая стоянка Косоуцы. В: Антропоген и

палеолит. Путеводитель экскурсий VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода (Кишинев 1986), 130-137.

Borziak, Kovalenko 1989: I.A. Borziak, S.I. Kovalenko, Poselenie sloia 1 mnogoslinoi paleoliticheskoj stoianki Kosoutsy na Srednem Dnestre. AIM v 1984 g., 1989, 16-32 // И.А. Борзияк, С.И. Коваленко, Поселение слоя 1 многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. АИМ в 1984 г., 1989, 16-32.

Chirica, Bodi 2011: V. Chirica, G. Bodi, Contribuții la crearea unui sistem informatic geografic pentru modelarea atlasului arheologic al spațiului Carpato-Nistorean (Iași 2011).

Covalenco 1995: S. Covalenco, The chronological division of the Late Palaeolithic sites from the Moldavian Dniester area. *Préhistoire Européenne* 7, 1995, 153-167.

Grichuk 1973: V.P. Grichuk, Rastitel'nost' Evropy v epokhu maksimal'nogo razvitiia verkhnepleistotsenovogo oledeneniia. In: (ed. V.P. Grichuk) *paleogeografiia Evropy v pozdnem pleistotsene (Moskva 1973)*, 92-109 // В.П. Гричук, Растительность Европы в эпоху максимального развития верхнеплейстоценового оледенения. В: (ред. В.П. Гричук) *Палеогеография Европы в позднем плейстоцене (Москва 1973)*, 92-109.

Haesaerts et al. 2003: P. Haesaerts, I. Borziak, V. Chirica, F. Damblon, L. Koulakovska, J. van der Plicht, The east Carpathian loess record : a reference for the middle and late pleniglacial stratigraphy in central Europe. *Quaternaire* 14 (3), 163-188.

Ivanova 1959: I.K. Ivanova, Geologicheskie usloviia nakhozheniia paleoliticheskikh stoianok Srednego Pridnestrov'ia. *Trudy Komissii po izucheniiu chetvertichnogo perioda 43 (Moskva 1959)*, 215-235 // И.К. Иванова, Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода 43 (Москва 1959), 215-278.

Ivanova 1977: I.K. Ivanova, Geologiiia i paleogeografiia stoianki Korman' IV na obshchem fone geologicheskoi istorii kamennogo veka Srednego Pridnestrov'ia. In: (ed. G.I. Goretskii, S.M. Tseitlin) *Mnogoslinoia paleoliticheskaiia stoianka Korman' IV (Moskva 1977)*, 126-181 // И.К. Иванова, Геология и палеогеография стоянки Кормань IV на общем фоне геологической истории каменного века Среднего Приднестровья. В: (ред. В.И. Горещкий, С.М. Цейтлин) *Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV (Москва 1977)*, 126-181.

Ivanova 1982: I.K. Ivanova, Geologiiia i paleogeografiia must'erskogo poseleniia Molodova I. In: (ed. G.I. Goretskii, I.K. Ivanova) *Molodova I. Unikal'noe must'erskoe poselenie na Srednem Dnestre (Moskva 1982)*, 188-235 // И.К. Иванова, Геология и палеогеография мустьерского поселения Молодова I. В: (ред. В.И. Горещкий, И.К. Иванова) *Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре (Москва 1982)*, 188-235.

Ivanova 1987: I.K. Ivanova, Paleogeografiia i paleoekologiiia sedy obitaniia liudei kamennogo veka na Srednem Dnestre. *Stoianka Molodova V. In: (ed. I.K. Ivanova, S.M. Tseitlin) Mnogoslinoia paleoliticheskaiia stoianka Molodova V. Liudi kamennogo veka i okruzhaiushchaia sreda (Moskva 1987)*, 94-123 // И.К. Иванова, Палеогеография и палеоэкология среды обитания людей каменного века на Среднем Днестре. Стоянка Молодова V. В: (ред. И.К. Иванова, С.М. Цейтлин) *Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда (Москва 1987)*, 94-123.

Ketraru 1973: N.A. Ketraru, Pamiatniki epoch paleolita i mezolita. *Arkheologicheskaiia karta Moldavskoi SSR 1 (Kishinev 1973)* // Н.А. Кетрару, Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР 1 (Кишинев 1973).

Khubka 1983: A.N. Khubka, Geologicheskaiia i geomorfologicheskaiia kharakteristika paleoliticheskikh stoianok Kosoutsy I, Ataki I, Ataki II. *Arkhib NMIM, raport inv. nr. 221, prilozhenie 3 (Kishinev 1983)* // А.Н. Хубка, Геологическая и геоморфологическая характеристика палеолитических стоянок Косоуцы I, Атаки I, Атаки II. Архив НМИМ, отчет инв. № 221, приложение 3 (Кишинев 1983).

Kruger 1965: N.I. Kriger, Less, ego svoistva i sviazi s geograficheskoi sredoi (Moskva 1965 // Н.И. Кригер, Лёсс, его свойства и связь с географической средой (Москва 1965).

Lastochkin 1991: A.N. Lastochkin, Relief zemnoi poverkhnosi (Leningrad 1991) // А.Н. Ласточкин, Рельеф земной поверхности (Ленинград 1991).

Pashkevich 1987: G.A. Pashkevich, Palinologicheskaiia kharakteristika otlozhenii mnogoslinoi stoianki Molodova V. In: (red. I.K. Ivanova, S.M. Tseitlin) *Mnogoslinoia paleoliticheskaiia stoianka Molodova V. Liudi kamennogo veka i okruzhaiushchaia sreda (Moskva 1987)*, 141-151 // Г.А. Пашкевич, Палинологическая характеристика отложений многослойной стоянки Молодова V. В: (ред. И.К. Иванова, С.М. Цейтлин) *Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда (Москва 1987)*, 141-151.

Vasil'ev 1980: Iu.M. Vasil'ev, Otlozheniia perigliatsial'noi zony Vostochnoi Evropy (Moskva 1980) // Ю.М. Васильев, Отложения перигляциальной зоны Восточной Европы (Москва 1980).

Veklich 1968: M.F. Veklich, Stratigrafiia lessovykh formatsii Ukrainy i sosednikh stran (Kiev 1968 // М.Ф. Веклич,

Стратиграфия лёссовой формаций Украины и соседних стран (Киев 1968).

Voloshina 1985: M.I. Voloshina, Izuchenie ostatkov nazemnykh molliuskov iz arheologicheskikh raskopok v Moldavii. Arkhiv NMIM, raport inv. nr. 221, prilozhenie 2 (Kishinev 1985) // М.И. Волошина, Изучение остатков наземных моллюсков из археологических раскопок в Молдавии. Архив НМИИМ, отчет инв. № 221, приложение 2 (Кишинев 1985).

Alexandru Levinschi, doctor în istorie, Centrul de arheologie, Institutul Patrimoniul Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: levinschi.alex@gmail.com

Serghei Covalenco, doctor în istorie, Centrul de arheologie, Institutul Patrimoniul Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: covalenco@bk.ru

Vitalie Burlacu, Centrul de arheologie, Institutul Patrimoniul Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: burlacu_vitale@mail.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Sergei Kurchatov

Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation

Keywords: Prut-Dniester interfluvium, X–XI centuries, Slavic settlement, astragal, rune, tamga.

Cuvinte-cheie: interfluviul pruto-nistrean, sec. X-XI, așezare slavă, astragal, rune, tamga.

Ключевые слова: Днестровско-Прутское междуречье, славянское городище, X-XI в, астрагал, руна, тамга.

Sergei Kurchatov

Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation

When exploring the Slavic settlement Rudi-*Farfuria Turkului*, an astragal with a rune-like ideogram carved on it was found in one of the dwellings. Similar single signs are well known on the territory of the First Bulgarian Kingdom, where they are often interpreted as tamgas. Farther to the East, similar graphemes are organically included in the system of Turkic runic writing. Remaining a replica of the Orkhon-Yenisei runic writing, the Turkic runic writing of Europe inherited the main part of its characters, without avoiding some modifications of the content. In it, as in the hieroglyphic writing, it is possible that each character (sign) can carry much more information than a simple unit of alphabetical writing.

Serghei Kurceatov

Astragalul cu semne de rună de la Rudi. Problema interpretării

În cadrul cercetărilor din așezarea medievală timpurie de la Rudi-*Farfuria Turkului*, în una din locuințe a fost descoperit un astragal cu o ideogramă asemănătoare runei. Astfel de semne sunt cunoscute și în spațiul primului regat Bulgar, unde sunt adesea interpretate ca tamga. Mai departe, spre est, grafemele similare sunt incluse în sistemul runic de scriere turcic. Ramânând o replică a scrierii lui Orkhon-Yenisei, runicul turcic al Europei a moștenit cea mai mare parte a caracterelor (runelor) sale, fără a scăpa însă de modificările de conținut. În cadrul acesteia, ca și în scrierea ieroglifică, nu este exclus faptul, ca fiecare semn să poarte mai multe informații decât o unitate simplă de scriere alfabetică.

Сергей Курчатов

Астрагал с руноподобными знаками из Руди. Проблема интерпретации

При исследовании посада славянского городища Рудь-*Фарфурия Туркулуй* в одном из жилищ был найден астрагал с вырезанной на нем руноподобной идеограммой. Подобные единичные знаки хорошо известны на территории Первого Болгарского царства, где они зачастую трактуются как тамги. Далеко на востоке аналогичные графемы органично включены в систему тюркской рунической письменности. Оставаясь репликой орхон-енисейского рунического письма, тюркская руника Европы унаследовала основную часть его знаков, не избежав некоторой модификации содержания. В ней, как и в иероглифическом письме, не исключено, что каждый знак может нести гораздо больше информации, чем простая единица алфавитного письма.

During the excavation of the Slavic settlement Rudi-*Farfuriya Turkului*, located on the left bank of the middle flow of the river Dniester near Rudi village, we came across a new phenomenon for the Dniester-Prut interfluvium related to the manifestation of the Turkic cultural influence on the spiritual life of the population of the medieval settlements of the region. When analyzing the osteological material from the furnace-heater of dwelling 10, a partially burnt astragal of a domestic goat-sheep was found with an ideogram carved on it consisting of a diamond-shaped sign with continuing lower rays and a straight cross in the center, a combination resembling two runic-like characters inscribed in one another [Vlasenko 2008, 319-326, ris. 4, 13]. In the Eastern European steppe, objects with lengthy

inscriptions made in Turkic runes are extremely rare [Kezlasov 2000, 74]. Often, these are single characters on ceramics or stone blocks interpreted as personal brands of the master, or tribal tamgas. Meanwhile, signs, similar to Rudi ones, are widely present in groups of logically related inscription-symbols from Romania and Northern Bulgaria, which is of unquestionable interest.

All parts of the ideogram, including the rays of the diamond-shaped sign, were cut separately. Moreover, its right lower part does not reach the opposite part. The signs are applied with a confident hand, the deep grooves reaching the spongy mass. Apparently, only in three cases did the cutting object, seemingly a knife, slip, leaving thin scratches on the astragal surface (fig. 1,1a,b).

In total, 10 astragals of small cattle were found in the dwelling. Except the item described above, one turned out to have a through hole in the middle part and was used, perhaps, as an amulet. On the other two, signs were made from haphazardly drawn lines (fig. 1,2-4). The remaining astragals were not subjected to additional processing.

Besides dwelling 10, astragals with graffiti and holes for hanging were found in two more dwellings of the investigated part of the site; in dwelling 12 (fig. 1,5-7) and in dwelling 21 (fig. 1,8-14). Judging by the materials found in them, all the structures under consideration belong to the last phase of the settlement existence, the end of the X century - the beginning and the first half of the XI century [Vlasenko 2008, 334].

A complete analogue to this sign could not be found. Structurally, it should be divided into two parts - the main one in the shape of a rhombus with continuing straight lower rays and a straight cross inscribed in it. The fusion of several runes denoting sound combinations are not rare in the Turkic writing [Klосon 1986, 153, tab. 5]. It should be noted that we do not know in what position the given sign should be considered, vertical or horizontal. In any case, in all runic alphabets where the sign in the shape of a cross was used, it was usually depicted obliquely. More promising in relation to its interpretation is the diamond-shaped sign with continuous rays.

The closest analogues to the signs under consideration are known in the settlement Garvan (Garvān-Dinogetia) of the IX-X centuries in the Romanian Dobrogea [Comşa 1960, 397-398, Abb. 1,1]. Here they are part of a group of characters sequentially placed in a row on the neck of a medieval amphora. In Basarabi (Murfatlar), similar signs are present among text graffiti depicted on the walls of a rock monastery [Kyzlasov 1994, tabl. XII,33]. Some researchers see a diamond-shaped sign with direct rays in the inscription that conveys the name of Princess Savinyug on vessels from Nagy-Saint-Miklos [Shcherbak 1959, 386]. In the Don region, a graphically close symbol is present in the inscription on the flask from settlement Krivyanskaya [Kyzlasov 1994, tab. V,37].

Single characters of similar styles and their variants are widely represented on the spherical cones of the Bilyar settlement [Khalikov 1988, 51, samples 5, 91, 97-98], on the Pliski stones, on the ceramics of the settlements of the Danube Bulgaria

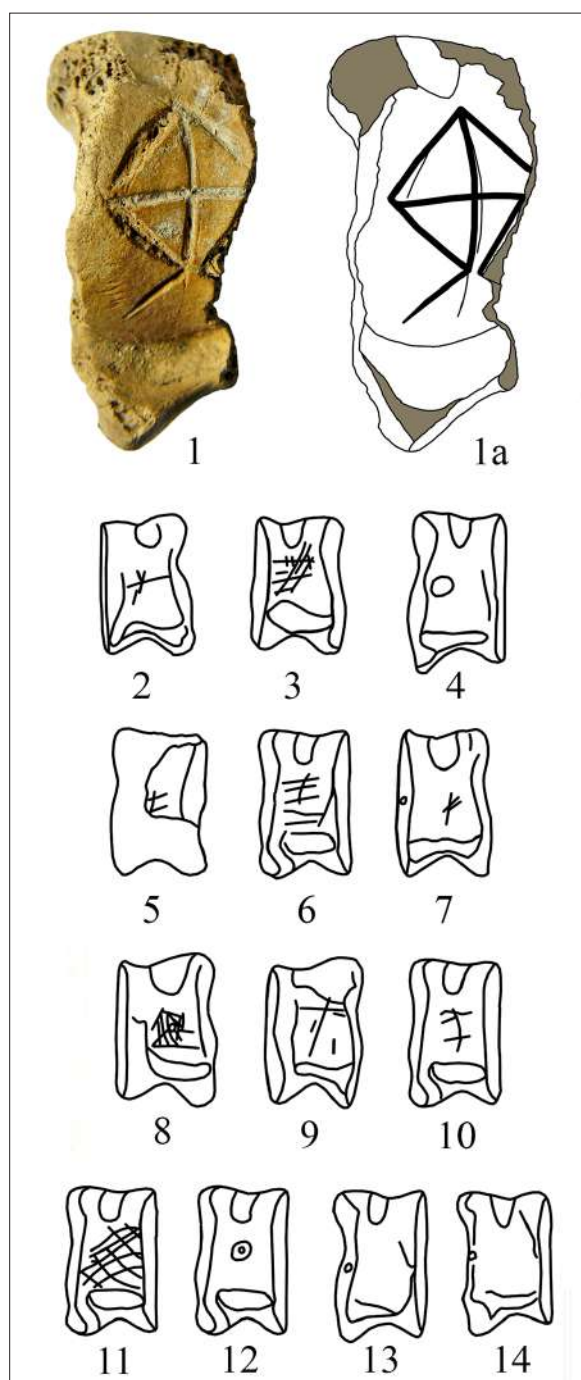

Fig. 1. Site of ancient settlement Rudi-Farfuria Turkului. 1 - astragals with signs and amulets from dwelling 10 (1-4); dwelling 12 (5-7); dwelling 21 (8-14).

[Shcherbak 1954, 281; Khalikov 1988, 52, sample 9], and on a marble column from Karali and Serbia [Komsha 1962, 264, fig. 5, 22, 27], where they could be used both as generic tamgas, and for magical purposes.

The earliest use of a rhombus with continuing lower rays as a unit of writing in Central and South-

eastern Europe was noted in the first half of the III century AD, in the alphabetical system of the senior all-German runes [Ioganes 1979, 141, ris. 233]. Similar signs are present on the tip of the spear from Kovel and in the materials of the culture of Sintan de Mures-Chernyakhov in the settlement of Lepesovka, in the burial ground Letscan in Trans-Prut Moldova [Tikhanova 1976; 1977, 133-141] and on a number of other monuments.

In the process of development of the all-German runic alphabet by the IX century, simplified local modifications of alphabets, the so-called minor runes, arise, in which the sign we are considering was already absent [Mel'nikova 1977, 10-11, tabl. 1], which practically excludes its possible connection with the Rudi signs.

At the same time, far in the East, in the Orkhon-Yenisei region, in the Turkic cultural environment, similar outlines of the rune appear, which have absolutely no connections with the Scandinavian runic script. By the IX-X centuries, variants of this sign were widespread in the Balkan-Danube region, on the territory located in the zone of influence of the first Bulgarian kingdom.

The latest at the moment use of a diamond-shaped sign with the continuing sides as a tamga surely dates from the first half of the XII century. The sign is applied to the gold Byzantine coin of John II Comnenus (1118-1143) [Gerasimova-Tomova 1981, tabl. III, 17]. The coin was part of the treasure found in the village Gornoslav, Plovdiv district, along with other coins on which graffiti close to it were applied [Gerasimova-Tomova 1981, tabl. I, 23; III, 16; IV, 8]. The circulation time of the coins included in the treasure covered the period from the reign of Alexius I Comnenus (1081-1118) to Isaac II Angelos (1185-1195).

Numerous finds of similar signs in Bilyar, Sarkel-Belaya Vezha, on the territory of the Turkic basically Saltovo-Mayaki culture, which acquired the seemingly Orkhon-Yenisei version of the runic script, indicate the initial region of its penetration to the Lower Danube [Shcherbak 1954; 1971, 80-81]. However, the identification of the signs under consideration with the classic Orkhon-Yenisei signs seems premature. Decryption attempts made for more expanded inscriptions on various objects

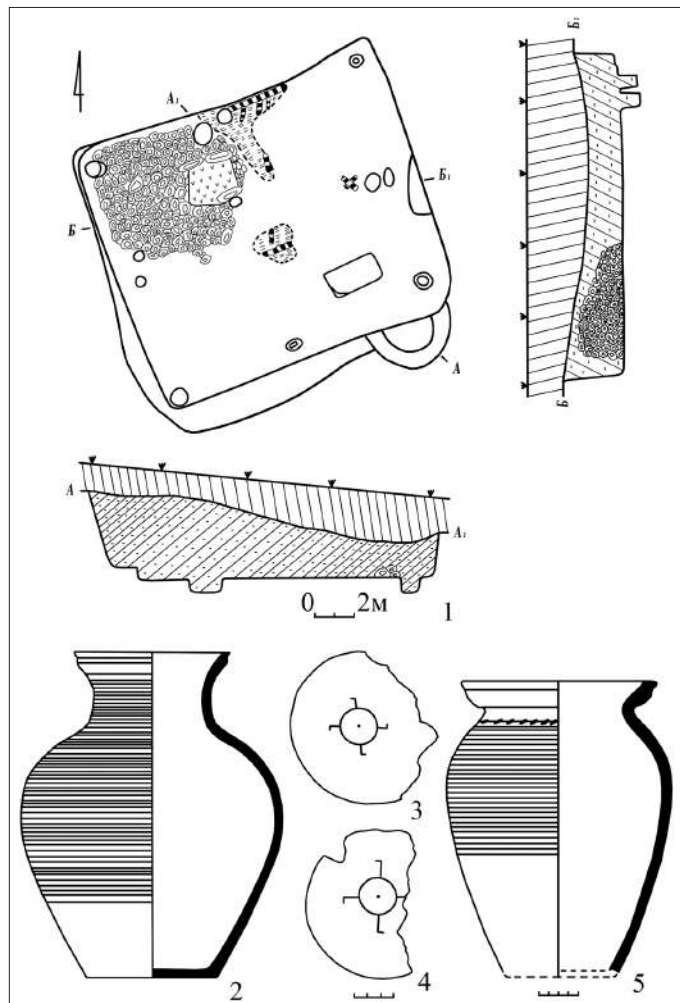

Fig. 2. The settlement of Rudi-Farfuria Turkului. 1 - plan and sections of dwelling 10; 2-5 ceramics from the furnace of dwelling 10 (according to I.G. Vlasenko).

found in the Sea of Azov region and in the Lower Danube did not lead to positive results [Shcherbak 1971, 77-78; Kyzlasov 2000, 81]. Having preserved the styles, the bulk of the Orkhon-Yenisei runes in the west acquired a new phonetic meaning, which changed their content.

The inclusion of the Eastern European steppes in the orbit of the settlement of Turkic peoples contributed to the spread of the fundamentals of runic writing here. "It was diverse paleographically and undoubtedly served different Turkic languages" [Bernshtam 1951, 85].

Stylistically, the technique of applying the sign from Rudi is identical to the slightly geometrically stylized Ж sign carved on the astragal found on the Obolonskaya street in Kiev [Sergeeva 2002, Picture 1, 17]. This mark is exclusively an Eastern European phenomenon. To the east of the Dnieper, direct

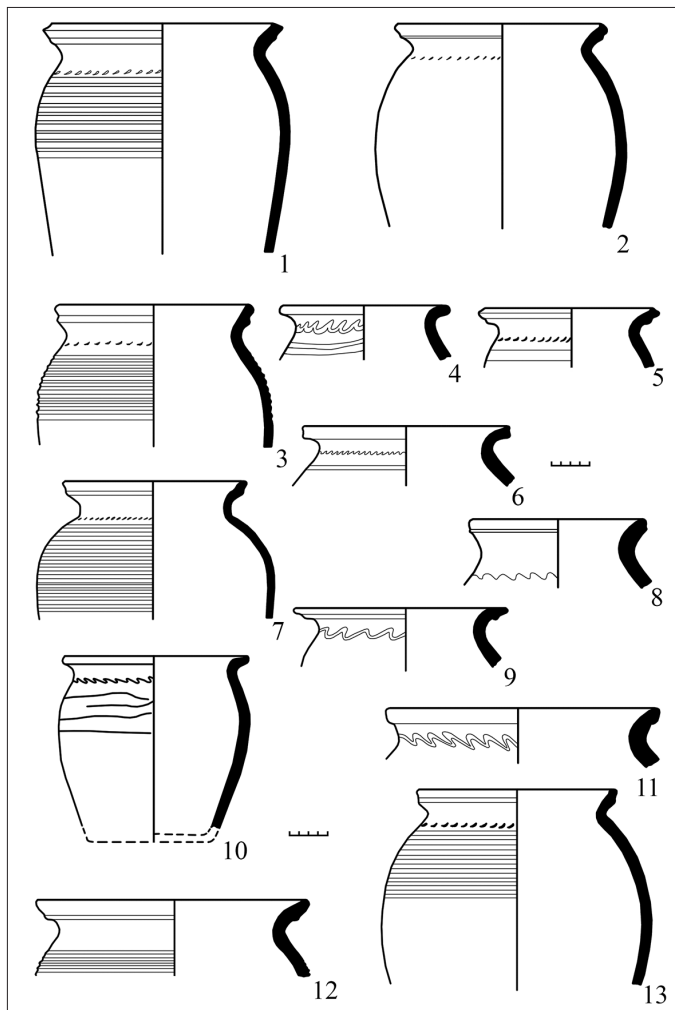

Fig. 3. The settlement of Rudi-Farfuria Turkului. 1-13 ceramics from the furnace of dwelling 10 (according to I.G. Vlasenko).

analogues to it, in the materials available to me, are known only on fragments of vessels and bricks from Sarkel-Belaya Vezha. It should be noted that A. M. Shcherbak found it difficult to attribute it to any of the groups classified by him, i.e. groups of property signs [Shcherbak 1959, 365, table X, XI, XX]. It became more widespread in the Balkans where it was used as a single sign on the bricks of a fortified point in the foothills of the Carpathians “Coliba Veche” in Slon [Comşa 1960, 401, Abb. 3, 3,9], Plisk [Shcherbak 1954, 281] and on a marble column from Carali [Komsha 1962, 265, fig. 6, 1]. In Basarabi (Murfatlar), the sign itself and its derivatives are widely represented in the Cyrillic (?) inscriptions of mixed lexis on the walls of the rock monastery complex [Barnia 1962, ris. 18, 19; Komsha 1964, 368; Diaconu, Petre 1969, fig. 3, 1,3]. In Murfatlar and Plisk, such inscriptions of signs are found together with

diamond-shaped signs with continuing direct rays, which, presumably, may indicate their belonging to one distinctive system of signs.

To understand the meaning of the finding from Rudi, it is necessary to turn to the semantics of astragal as an object on which runes were carved. Traditionally, astragals with signs are interpreted by researchers as an instrument of various dice games widespread among many peoples from ancient times. In the burial complexes of the Bronze Age, they are mainly represented by sets of additionally unprocessed astragals. In ancient times, the game of dice is particularly popular, both in mainland Greece and in the North Black Sea colonies. In addition to dices with traces of surface processing, astragals with various inscriptions and individual letters on them occupy a prominent place [Peters 1986, 83-84, 89, tab. XVII, 2,5,9,18], occasionally also found in the Scythian environment [Shaptsev 2012]. In some cases, they could indicate the digital merit of a given bone.

In the first centuries of our era, in the burials of nomads on the territories bordering the ancient centers, astragals appear in rare sets of dices with images of the patrimonial signs of famous Sarmatian clans on them. In this respect, the Sarmatian burial complex number 4 mound 25 investigated on the Middle Prut is interesting. Here, in addition to the cervical hryvnia, the burial place of a teenager included a set of 24 honed and unprocessed astragals arranged into unequal groups, with a tamga-shaped sign on one of them [Chirkov 1990, ris. 16].

In the early Middle Ages, astragals with various images printed on them were widely used in the materials of Volga Bulgaria and the Saltovo-Mayaki culture [Zakirova 1988, 233, ris. 103, 2-3]. Sets of astragals are well-known, sometimes reaching a significant amount in ancient Russian monuments. Often, individual specimens were additionally ornamented with various geometric symbols [Karger 1958, 203-204; Sergeeva 2002, 51-52].

The rare astragals with single letters applied to them should be particularly noted. One item, with two Cyrillic letters “KA” carved on it, comes from the mid XII century layer in the Zamchishche district of the Volkovysk settlement in Upper Ponemanie [Zverugo 1975, 126, ris. 38, 17]. Another as-

tragal with a mark on it resembling the Latin letter “Z” or “N” was found in Kiev [Sergeeva 2002, ris. 14]. However, some researchers are ready to see in it both the letters of the Greek or Old Slavonic alphabet, and the runic-like sign [Komsha 1964, 368; Shcherbak 1954, 278; 1959, 363].

The probable sphere of using astragals with ideograms or individual letters is ambivalent. In some cases, the signs made on the dice could have a numerical value. The absence of proper digital signs in the ancient Turkic writing was always replaced by the verbal spelling of the corresponding numeral [Kliashturnyi 1979, 275]. It is also known that astragals were often used in divination [Peters 1986, 80, 89] and conspiracies. “It is indisputable that in the history of the development of human society, the game was closely intertwined with magic, ritual behavior and cult” [Voitishek 2009, 3].

In many cultures, where cattle breeding was one of the main components of the economic development of society, astragals were associated with the magic of fertility of livestock and wealth and were sometimes used as amulets-talismans [Koi-Krylgan-Kala 1967, 158; Sergeeva 2002, 55].

It is possible that the astragal under consideration could be used both as a talisman and as a carrier of a certain sacred formula used in certain magical practices. Was this not the reason for the desire to destroy its carrier?

The question naturally arises of who ethnographically were the inhabitants of the village of Rudi-Farfuria *Turkului* who used the Turkic run-like signs in everyday life. The general appearance of the material culture, the principles of house-building

and ceramic shapes (fig. 2-3) indicate their close connection with the East Slavic world of the X-XI centuries [Vlasenko 2008, 334, 336]. Meanwhile, the use of astragals with the Turkic run-like signs printed on them, regardless for what purpose, testifies to their understanding of the information contained in them. At the same time, the presence of astragals in the sacred place of any medieval dwelling – the furnace, can testify to the residence of a mixed population speaking different languages in the settlement of Rudi-Farfuria *Turkului*, which was included in the sphere of influence of the First Bulgarian Kingdom.

The predominance of objects with short inscriptions or separate letters during the examined period does not contribute to a more or less clear border line between the grapheme and the tamga sign. The graphic combination of individual elements of writing with abstract symbols reflects the orientation of consciousness to extra-logical forms of cognition. Moreover, “an ideogram affects consciousness outside verbal formations, therefore the hieroglyphic unit carries more information than the unit of alphabetical writing” [Zavadskaya 1986, 9].

It is not ruled out that the population of the First Bulgarian Kingdom may have used their separate Balkan alphabet, which, in Alfred Khalikov’s opinion, partially developed on a Don Kuban alphabetical and runic basis [Khalikov 1988, 53]. We need to think that we only have echoes of a certain intermediate linguistic-graphic system, which was affected by decay processes; nonetheless we are not able to understand them due to the extremely limited number and meager nature of the main sources.

Bibliography

Barnia 1962: I. Barnia, Predvaritel’nye svedeniia o kamennykh pamiatnikakh v Basarabi (Obl. Dobrodzha). In: Dacian. s.t. VI (Bucarest 1962), 307-316 // И. Барня, Предварительные сведения о каменных памятниках в Басараби (Обл. Доброджа). В: Dacian. s.t. VI (Bucarest 1962), 307-316.

Bernshtam 1951: A.N. Bernshtam, Drevnetiurkskoe pis'mo na r. Lene. Epigrafika Vostoka, vyp. IV (Moskva-Leningrad 1951), 76-86 // А.Н. Бернштам, Древнетюркское письмо на р. Лене. Эпиграфика Востока, вып. IV (Москва-Ленинград 1951), 76-86.

Chirkov 1990: A.Iu. Chirkov, Otchet o polevykh issledovaniyakh Edinetskogo otriada Prutskoi arkheologicheskoi novostroechnoi ekspeditsii v 1989 g. Kishinev 1989. Arkhiv NMI RM, №399 // А.Ю. Чирков, Отчет о полевых исследованиях Единецкого отряда Прутской археологической новостроечной экспедиции в 1989 г. Кишинев 1989. Архив НМИ РМ, №399.

Comşa 1960: M. Comşa, Die bulgarische Herrschaft Nördlich der Donau während des IX. und X jh. Im lichte der Archäologischen forschungen. Dacia IV, 1960, 395-422.

Diaconu, Petre 1969: P. Diaconu, N. Petre, Quelques observations sur le complexe Archeologique de Murfatlar

(Basarabi). *Dacia XIII*, 1969, 448-456.

Gerasimova-Tomova 1981: V. Gerasimova-Tomova, Grafiti v'rkhu moneti ot Gornoslavskoto s'krovishche. *Nu-mizmatika 3* (Sofia 1981), 7-17 // В. Герасимова-Томова, Графити върху монети от Горнославското съкровище. *Нумизматика 3* (София 1981), 7-17.

Ioganes 1979: F. Ioganes, *Istoriya pis'ma* (Moskva 1979) // Ф. Иоганнес, *История письма*. Наука (Москва 1979).

Karger 1958: M.K. Karger, *Drevnii Kiev. Oчерki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda*. Т. 1. Изд. AN SSSR (Moskva-Leningrad 1958), 579 // М.К. Каргер, *Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города*. Т. 1. Изд. АН СССР (Москва-Ленинград 1958), 579.

Khalikov 1988: A. Khalikov, *Runichskite znatsi i nadpisi ot Volzhka B'lgariia i tekhnite dunavski paraleli*. *Arkheologiiia 3* (Sofia 1988), 47-53 // А. Халиков, *Рунические знаки и надписи от Волжка Блгария и техните дунавски паралели*. *Археология 3* (София 1988), 47-53.

Kliashturnyi 1979: S.G. Kliashturnyi, *Khazarskaia nadpis' na amfore s gorodishcha Maiaki*. SA 1, 1979, 270-275 // С.Г. Кляшторный, *Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки*. SA 1, 1979, 270-275.

Kloson 1986: Dzh. Kloson, *Proiskhozhdenie tiurkского „runicheskogo” pis'ma*. In: (otv. red. A.N. Kononov) *Drevnie tiurkские iazyki i literatura. Zarubezhnaia tiurkologiiia*, вып. I (Moskva 1986), 135-158 // Дж. Клосон, *Происхождение тюркского «рунического» письма*. В: (отв. ред. А.Н. Кононов) *Древние тюркские языки и литература. Зарубежная тюркология*, вып. I (Москва 1986), 135-158.

Koi-Krylgan-Kala 1967: Koi-Krylgan-Kala – pamiatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n.e. – IV v. n.e.). In: (otv. red. S.P. Tolstov, B.I. Vainberg) *TKhAEE*, t. V (Moskva 1967) // Кой-Крылган-Кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.). В: (отв. ред. С.П. Толстов, Б.И. Вайнберг) *ТХАЭЭ*, т. V (Москва 1967).

Komsha 1962: M. Komsha, *Znaki rannefeodal'noi ehpokhi, vyrezannye na rimsko-vizantiiskoi kolonne*. *Dacia VI*, 1962, 257-268 // М. Комша, *Знаки раннефеодальной эпохи, вырезанные на римско-византийской колонне*. *Dacia VI*, 1962, 257-268.

Komsha 1964: M. Komsha, *K voprosu istolkovaniia nekotorykh graffito iz Bassarabi*. *Dacia VIII*, 1964, 363-370 // М. Комша, *К вопросу истолкования некоторых граффито из Бассараби*. *Dacia VIII*, 1964, 363-370.

Kyzlasov 2000: I.L. Kyzlasov, *Novye materialy po stepnoi runologii Evropy. Rannebolgarskie nadpisi na chare iz afanas'evskogo klada*. In: (otv. red. A.D. Priakhin) *Evraziiskaia step' i lesostep' v epokhu rannego srednevekov'ia*. *Arkheologiiia Vostochnoevropеiskoi lesostepi*, вып. 14 (Voronezh 2000), 74-81 // И.Л. Кызласов, *Новые материалы по степной рунологии Европы. Раннеболгарские надписи на чаре из афанасьевского клада*. В: (отв. ред. А.Д. Пряхин) *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья*. *Археология Восточноевропейской лесостепи*, вып. 14 (Воронеж 2000), 74-81.

Mel'nikova 1977: E.A. Mel'nikova, *Skandinavskie runicheskie nadpisi. Teksty, perevod, kommentarii* (Moskva 1977), 276 // Е.А. Мельникова, *Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий* (Москва 1977), 276.

Peters 1986: B.G. Peters, *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarsvakh Severnogo Prichernomor'ia* (Moskva 1986), 192 // Б.Г. Петерс, *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья* (Москва 1986), 192.

Sergeeva 2002: M.S. Sergeeva, *Do istorii gri v babki v Kiiiv'skii Rusi*. *Arkheologiiia 4*, 2002 // М.С. Сергеева, *До истории гри в бабки в Киевській Русі*. *Археология*, 4, 2002.

Shaptsev 2012: M.S. Shaptsev, *Astragal z grafiti z gorodishcha Kara-Tobe*. *Arkheologiiia 3*, 2012, 108-110 // М.С. Шапцев, *Астрагал з графіті з городища Кара-Тобе*. *Археология 3*, 2012, 108-110.

Shcherbak 1954: M.A. Shcherbak, *Neskol'ko slov o priemakh chteniia runicheskikh nadpisei naidennykh na Donu*. SA XIX, 1954, 264-282 // А.М. Щербак, *Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону*. SA XIX, 1954, 264-282.

Shcherbak 1959: M.A. Shcherbak, *Znaki na keramike i kirpichakh iz Sarkela-Beloi Vezhi* (K voprosu o iazyke i pis'mennosti pechenegov). *MIA 75*, 1959, 362-414 // А.М. Щербак, *Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи* (К вопросу о языке и письменности печенегов). *МИА 75*, 1959, 362-414.

Shcherbak 1971: M.A. Shcherbak, *O runicheskoi pis'mennosti v Iugo-Vostochnoi Evrope*. *Sovetskaia tiurkologiiia 4*, 1971, 76-82 // А.М. Щербак, *О рунической письменности в Юго-Восточной Европе*. *Советская тюркология 4*, 1971, 76-82.

Tikhanova 1976: M.A. Tikhanova, *Sledy runicheskoi pis'mennosti v cherniakhovskoi kul'ture*. In: *Srednevekovaia Rus'* (Moskva 1976), 11-17 // М.А. Тиханова, *Следы рунической письменности в черняховской культуре*. В: *Средневековая Русь* (Москва 1976), 11-17.

Tikhanova 1977: M.A. Tikhanova, *Starsherunicheskie nadpisi*. In: (E.A. Mel'nikova) *Skandinavskie runicheskie nadpisi. Teksty, perevod, kommentarii* (Moskva 1977), 133-141 // М.А. Тиханова, *Старшерунические надписи*. В кн.: Е.А. Мельникова, *Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий* (Москва 1977), 133-141.

Vlasenko 2008: I.G. Vlasenko, Pozdnie zhilye komplekсы rannesrednevekovogo poseleniia Rud'. Tyragetia II, 1, 2008, 319-338 // И.Г. Власенко, Поздние жилые комплексы раннесредневекового поселения Рудь. Tyragetia II, 1, 2008, 319-338.

Voitishek 2009: E.E. Voitishek, Igrovyie traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreia, Iaponiia) (Novosibirsk 2009), 309 // E.Э. Войтишек, Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). (Новосибирск 2009), 309.

Zakirova 1988: I.A. Zakirova, Kostoreznoe delo Bolgara. In: (otv. red. G.A. Fedorov-Davydov) Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Moskva 1988), 220-243 // И.А. Закирова, Косторезное дело Болгара. В: (отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов) Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности (Москва 1988), 220-243.

Zavadskaia 1986: E.V. Zavadskaia, Iaponskoe iskusstvo knigi (Moskva 1986), 221 // E.В. Завадская, Японское искусство книги (Москва 1986), 221.

Zverugo 1975: Ia.G. Zverugo, Drevnii Volkovysk X-XIV vv. Nauka i tekhnika (Minsk 1975), 142 // Я.Г. Зверуго, Древний Волковыск X-XIV вв. Наука и техника (Минск 1975), 142.

Sergei Kurchatov, Center for Archeology, Institute of Cultural Heritage, 1 Ștefan cel Mare și Sfânt Bl., MD-2001, Chisinau, Republic of Moldova, e-mail: serg-kurchatov@mail.ru

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тиры (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS

Roman Croitor, Ghenadie Sîrbu

Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordinești II-*Stînca goală* (Edineț district). Part 2

Keywords: domestic animals, horse, tool marks, burnt bones.

Cuvinte cheie: animale domestice, cal, urme de utilizare a uneltelor, oase arse.

Ключевые слова: домашние животные, лошадь, следы использования орудий, обожжённые кости.

Roman Croitor, Ghenadie Sîrbu

Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordinești II-*Stînca goală* (Edineț district). Part 2

The article describes a new archaeozoological material from the Eneolithic settlement Gordinești II-*Stînca goală*, collected during the archaeological excavations of the 2017 and 2018 field campaigns. The new material comes from sectors A and B of the excavated part of the archaeological site. In addition to the remains of cattle, domestic goat, horse, wild boar, fox, red deer, and roe deer, known on this monument according to the data from the previous excavation, the new archaeozoological material indicates the presence of the domestic pig and sheep in the settlement. The dog remains are extremely few. It should also be noted the relatively large number of remains of red deer and roe deer, which make up about 21% of the total number of the determined archaeozoological material. The new findings of the horse are of particular interest, since the new material allows us to give a preliminary characterization of the Eneolithic form of the domestic horse from Moldova.

Roman Croitor, Ghenadie Sîrbu

Resturi de animale din aşezarea eneolitică târzie Gordinești II-*Stînca goală* (r-nul Edineț). Partea a doua

Articolul prezintă descrierea unui nou eșantion arheozoologic din aşezarea eneolitică Gordinești II-*Stînca goală*, colectat ca urmare a săpăturilor arheologice din anii 2017 și 2018. Noul material provine din sectoarele A și B ale părții excavate a sitului arheologic. Pe lângă rămășițele de bovine, capră domestică, cal, mistreț, vulpe, cerb nobil și căprioară, care sunt cunoscute în aşezare din materialele săpăturilor anterioare, resturile faunistice indică prezența porcinelor și oilor domestice. Rămășițele osteologice ale câinelui sunt extrem de puține. Se remarcă numărul relativ mare de resturi de căprior și cerb nobil, care reprezintă aproximativ 21% din totalul materialului arheozoologic determinat. Deși puține, descoperirea oaselor de cal reprezintă un interes deosebit, deoarece ne permit să facem o caracterizare preliminară a formei de cal domestic specific eneoliticului final din Moldova.

Роман Кроитор, Геннадий Сырбу

Остатки животных из позднеэнеолитического памятника Гординешть II-*Стынка гоалэ* (Единецкий район). Часть вторая

В статье описывается новый археозоологический материал из энеолитического поселения Гординешть II-*Стынка гоалэ*, собранный в результате археологических раскопок во время полевых сезонов 2017 и 2018 годов. Новый материал происходит из секторов А и В раскопанной части археологического памятника. Помимо остатков крупного рогатого скота, домашней козы, лошади, дикого кабана, лисицы, благородного оленя, и косули, известных на данном памятнике согласно материалам предыдущих раскопок, новый археозоологический материал указывает на присутствие на памятнике домашней свиньи и овцы. Обнаруженные остатки собаки крайне немногочисленны. Также следует отметить сравнительно большое количество остатков благородного оленя косули, которые составляют около 21% от всего определённого археозоологического материала. Особый интерес представляют новые находки лошади, которые позволяют дать предварительную характеристику энеолитической форме домашней лошади из Молдовы.

Introduction

The present work proposes the systematic description of archaeozoological remains unearthed from the Late Eneolithic settlement Gordinești II-*Stînca goală* (excavation seasons 2017 and 2018)

and the analysis of the entire archaeozoological sample, including the osteological material described in our earlier publication [Croitor, Sîrbu 2017]. The description of the site and the artefacts is published by Sîrbu et al. [Sîrbu et al. 2017a;

2017b]. The unearthed archaeozoological material comes from the sectors A and B. The applied research methods correspond to the classical methodology of archaeozoological research and briefly explained in our previous publication [Croitor, Sirbu 2017]. The determination of postcranial remains of small cattle was carried out according to Fernandez [Fernandez 2001]. Measurements of archaeozoological material are taken according to von den Driesch (1976). Abbreviations used in the text: DLM, lateromedial diameter or measurement; DAP, anteroposterior diameter or measurement; L, length; D, breadth; prox., proximal; dist., distal; BBN, burnt bone number.

Description

The archaeozoological material is quite rich in species, however, most of them are represented by few remains. This is the case of human bones from Sector B, which are represented by two fragments of metatarsal or metacarpal bone with shed epiphysis, i.e. this bone belongs to a very young individual. Dog remains are found only in Sectors A and B, but not in smaller archaeozoological complexes. A single bird bone and a shell of *Unio* sp. also come from Sector A. Many complexes contain rodent remains, mostly *Citellus suslica*, which, apparently, does not belong to the archaeozoological samples. The better-represented species are described below in more details.

Cattle (*Bos taurus*). The remains of cattle are very numerous (43% of the total number of osteological remains), however, they are heavily fragmented. All identified bone fragments represent postcranial skeleton, while cranial fragments and isolated teeth are completely absent. There are no tool marks found on the skeletal remains and only three bone fragments (one from Sector A and two from "agglomeration 4") are burnt.

Domestic sheep (*Ovis aries*). Skeletal remains of sheep represent an important part (24%) of the archaeozoological material from Gordinești II-*Stînca goală*. The osteological remains are heavily fragmented and the exact species determination often was not possible. In some cases (S.V, layer 3, Nr. 05; layer 1, Nr. 03; and S. IV, sector A), the morphology of postcranial bones confirms the belonging of the skeletal remains to sheep. The bone surface of the small cattle material does not bear tool marks. Few bone fragments (a fragment of the humerus from

layer 3, Nr. 05; a small fragment of long bone from layer 1, Nr. 03 and three fragments from Sector A, agglomeration 4) are burnt.

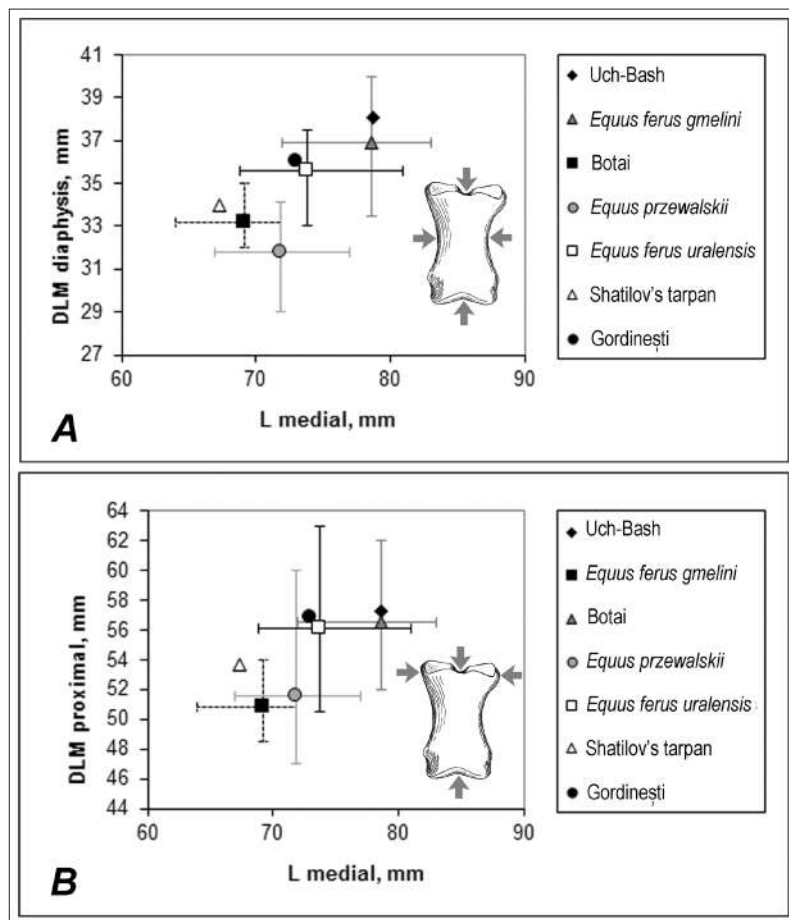
Domestic pig (*Sus scrofa domesticus*). The pig remains represent a small fraction (6%) of the archaeozoological material from Gordinești II-*Stînca goală*. The skeletal remains are represented by postcranial bones: a vertebra and a fragment of pelvis from layer 1 (Caseta A), a humerus and a metapodium from layer 3 (Nr. 05), a metapodium from layer 4 (Nr. 05), a humerus, a rib and a pelvis from Sector B, a fragment of pelvis from layer 5 ("șanț"), and small fragments of limb bones from Sector A, layer 2 (Nr. 05). The recorded bone remains belong to rather mature individuals.

Horse (*Equus ferus caballus*). The horse remains are mostly represented by isolated teeth. The osteological sample includes the upper canine and the burnt sesamoid from layer 3 (Sector V, Nr. 05), the upper cheek teeth from layers 1 (Section V, Nr. 03) and 4 (Section V, Nr. 05), and the upper third molar (M3) from layer 5 (Section V, "șanț"). The horse remains represent only ca. 3% (10 isolated teeth and bone fragments) of the total number of animal remains. The upper fourth premolar (P4) from layer 1 (Nr. 03) is the best-preserved piece that provides us with measurements and diagnostic morphological information. The tooth length (L) is 25.5 mm, breadth (D) is 25.7 mm, the length of protocone is 11.5 mm. The tooth crown breadth is quite close to the tooth crown length value, therefore one can assume that the tooth under study is rather a premolar (P3 or P4), according to observations of Gromova [1949]. If this assumption is correct, the tooth under study is quite small compared to domestic horses (*E. ferus caballus*) and falls within the variation range of tarpan (*E. ferus ferus*). The protocone of the tooth from Gordinești II-*Stînca goală* has a small incision on its lingual wall that approaches this specimen to the morphological condition seen in Iron Age domestic horses. The protocone is moderately long and attains 45.1% of the crown tooth length, thus suggesting that the tooth is rather P4 according to the data provided by Gromova [Gromova 1949], Kuzmina [Kuz'mina 1997], and Croitor [Croitor 2018]. In this case, the moderate length of protocone approaches the specimen from Gordinești II-*Stînca goală* to the partially preserved horse skull from the Eneolithic site of Iablona 1 [Croitor

2015], as well as to *E. ferus uralensis* Kuzmina from the Late Pleistocene of Urals (Russia) and the supposedly domestic horse from Botai (Kazakhstan) described in details by Kuzmina [Kuz'mina 1997]. The relative protocone length in P4 of the horse from Iablona is 45.0% (left) and 45.5% (right), suggesting the closest morphological affinity with the tooth from Gordinești II-*Stânca goală*. The upper cheek teeth of the horse from Iablona 1 are relatively small (32.1 % of the condylobasal length), the skull proportions are rather elongated, while the protocone in upper cheek teeth is much longer than in wild tarpan [Croitor 2015]. Therefore, one can assume a certain morphological uniformity of dental horse remains from the Eneolithic sites from Moldova.

The first posterior phalanx from layer 3 represents a special interest for horse morphology comparison. The measurements (in millimeters) are the following: L medial – 73.0; L lateral – 75.3; DLM prox. – 56.8; DAP prox. – 29.5; DLM dist. – 44.5; DAP dist. – 23.7; breadth in the middle of diaphysis – 36.0 mm. The phalanx from Gordinești is somewhat shorter than the sample from Botai and the single known posterior phalanx from the Early Iron Age site of Uch-Bash (Crimea, Ukraine) (fig. 1). The phalanx under study is clearly more robust than the samples of wild horses *E. ferus ferus* (tarpan), and *E. przewalskii*. The measurements and proportions of the horse phalanx from Gordinești II-*Stânca goală* are very close to mean values of the sample of Late Pleistocene *E. ferus uralensis* from Urals (Russia) reported by Kuz'mina [Kuz'mina 1997].

Red deer (*Cervus elaphus*). The remains of red deer attain 20% of the total number of bone remains. The material is represented by antler fragments with traces of tools and fire (Section IV, sector B, pit 2 complex – one fragment with tool marks; „under the wall” complex – three burnt fragments), isolated teeth (Section V, layer 4, Nr.

Fig. 1. Measurements of the first posterior horse phalanx compared with samples and specimens of domestic and wild horses from Eastern Europe and Kazakhstan (A, the phalanx length plotted against the diaphysis breadth; B, the phalanx length plotted against the proximal epiphysis breadth). The data on the horse from Botai, *E. przewalskii*, *E. ferus gmelini*, and *E. ferus uralensis* are adapted from Kuz'mina [Kuz'mina 1997]; the data on Shatilov's tarpan are adapted from Gromova [Gromova 1949], the data on the horse from Uch-Bash are adapted from Croitor [Croitor 2016].

05), and postcranial bones (Section IV, sector B, the complexes pit 3 and „control”).

Two molars (M2 and M3) from layer 4 (Nr. 05) are characterized by the following measurements (taken at the crown base): M2 L×D – 24.5×25.0 mm; M3 L×D – 23.2×25.8 mm. M3 is supplemented with a weak cingulum at the base of protocone.

The talus from pit 3 complex is interesting since it bears tool marks on its anterior side. The main measurements: L – 62.2 mm; DLM dist – 37.1 mm, DAP dist – 29.7 mm. The material from the “control” complex (=“martor”) contains five postcranial fragments of red deer, including a burnt vertebra.

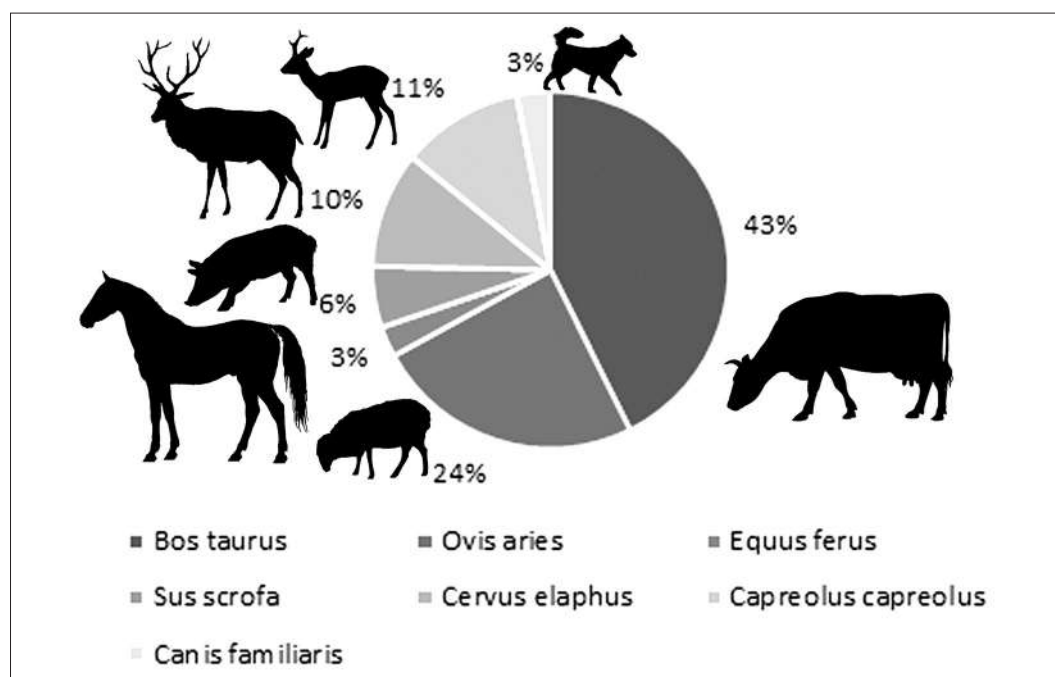

Fig. 2. The graphical representation of the structure of archaeozoological material from Gordinești II-*Stînca goală* (excavations of the 2017-2018 field campaign).

Roe deer (*Capreolus capreolus*). The remains of roe deer are relatively numerous (40 bone fragments, or 21% of the studied sample). Most of the remains are small fragments of postcranial bones. Three skeletal fragments of roe deer from the complex “agglomeration 4” are represented by a first phalanx, a cervical vertebra, and a symphyseal fragment of the mandible. Three burnt fragments of a metacarpal bone are yielded by layer 2.

Discussion and conclusions

The archaeozoological material is characterized by the particularly high number of wild animals (ca. 21% of the total bone number). The remains of wild animals (red deer and roe deer) are particularly numerous in square Nr. 05 of layers 3 and 4, probably indicating a butchery place (Table 1). The remains of wild boar (two fragments of ribs and a canine of mature male) are reported from the complex “Dwelling” [Croitor, Sirbu 2017]. The tool marks are very rare and found only on red deer antler fragments and the talus from the pit complex “pit 3”.

The “domestic herd” from Gordinești II-*Stînca goală* is characterized by the dominance of large cattle (*Bos taurus*) remains. The number of skeletal remains of small cattle is important too (Table 1, fig. 2). The present study revealed the only

presence of sheep (*Ovis aries*) remains, however, in our previous study [Croitor, Sirbu 2017] we reported the findings of goat (*Capra hircus*) remains from the archaeozoological assemblage “dwelling” and from the Sector E.

The new osteological material from Gordinești II-*Stînca goală* attested the presence of pig remains, which, however, are less numerous. As in the case of large and small cattle, cranial fragments and isolated teeth are absent in the studied archaeozoological material. It is important to indicate, that all pig remains belong to adult individuals, not piglets as in younger cultures from Eastern Europe [Croitor 2016].

The burnt bone remains attain 8.6% of the total number of bones and the number of burnt bones generally correspond to that from the archaeozoological excavations of the previous 2016 field campaign (7.6%) [Croitor, Sirbu 2017].

The new findings of horse remains confirmed our assumption that the badly preserved horse upper molar [Croitor, Sirbu 2017, fig. 2] belongs to a domesticated horse, not a tarpan. The statistical analysis of postcranial bones of Late Bronze Age horses from Eastern Europe carried out by Tsalkin [Tsalkin 1972] revealed a biometrical uniformity of Late Bronze Age horses from this vast area of Eastern Europe and statistically meaningful differences from smaller Early Iron Age horses. The

scanty material (the single well-preserved tooth and the posterior first phalanx) yielded by the Gordinești II-*Stînca goală* site indicates a clear similarity with the dental morphology of the skull from the Eneolithic site of Iablona 1 (Moldova) and suggests a certain resemblance with the pre-

sumably domesticated horse from Botai (Kazakhstan) and the wild extinct form *E. ferus uralensis* from the Late Pleistocene of Urals. Nonetheless, more well-preserved horse remains from the Eneolithic of Eastern Europe are needed to confirm our preliminary results.

Section	Sector	Layer	Number	Complex	<i>B. taurus</i>	<i>O. aries</i>	<i>E. ferus</i>	<i>S. scrofa</i>	<i>C. elaphus</i>	<i>C. capreolus</i>	<i>C. familiaris</i>	<i>C. suslica</i>	<i>H. sapiens</i>	<i>Urtio sp.</i>	Indeterm.	BBN	TOTAL
V		1	03		35	17	1	5									58
V		1		ditch	3										1		4
V		2	05		8			6				1			25	2	42
V		2		ditch	1	1											2
V		3	05		34	2	2		14	12				1	48	1	114
V		4	05			5	1	1	10								17
V		4		ditch	3							1					4
V		5		ditch			1	1									2
	A			control South	4	1										1	5
	A	1					1	2							1		4
	A	2			8					5						3	13
	A	3				8	2									5	10
	A	1		aglom. 1	2												2
	A			control East	1	1											2
IV	A			control					5							1	6
IV	A			aglom. 1	2										1		3
IV	A				9	33	2	2	2	4	5	1		1	87	16	162
IV	A			aglom. 4	3	10				3						5	21
IV	B		05	control	5	1											6
IV	B			pit 1						1					1		2
IV	B			pit 2		1			2			1			1		5
IV	B			pit 3					1						4		5
IV	B			pit 4		3											3
IV	B			under the wall	1												1
IV	B				35	5		3	4	15	6	7	2	2	102	26	207
TOTAL					154	88	10	20	38	40	11	11	2	4	271	60	700

Table 1. Distribution of osteological remains from Gordinești II-*Stînca goală* in the layers and archaeological complexes (excavations of the 2017-2018 field campaign).

Bibliography

- Croitor 2015:** R. Croitor, Horse skull from Eneolithic settlement of Iablona 1. In: Conferința științifică internațională „Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei și studiului artelor”, Programul și rezumatele comunicărilor, Ediția a VII-a, Chișinău, 26-28 mai, 2015, 50-51.
- Croitor 2016:** R. Croitor, Zhivontovodstvo i okhota. Ispol'zovanie kostnykh ostatkov v khoziaistvennoi deiatel'nosti. In: (E.A. Kravchenko i dr.) Ot bronzy k zhelezu: khoziaistvovanie zhitelei Inkermanskoi doliny (Kiev 2016), 191-222 // Р. Кройтор, Животноводство и охота. Использование костных остатков в хозяйственной деятельности. В: (Е.А. Кравченко и др.) От бронзы к железу: хозяйствование жителей Инкерманской долины (Киев 2016), 191-222.
- Croitor 2018:** R. Croitor, Middle Age horses from the western borders of Khazar Khaganate (saltovo-mayaki culture of eastern Ukraine). *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences*, 3 (5), 2018, 706-713.
- Croitor, Sirbu 2017:** R. Croitor, Gh. Sirbu, Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordinești II-*Stînca goală* (Edineț district). Part 1. RA, XIII, 1-2, 2017, 215-219.
- Driesch 1976:** A. fon den Driesch, A guide to the measurements to animal bones from archaeological sites. Peabody Museum Bulletin (Harvard University 1976), 1-137.
- Fernandez 2001:** H. Fernandez, Ostéologie comparée des petits ruminants eurasiatiques sauvages et domestiques (genres *Rupicapra*, *Ovis*, *Capra* et *Capreolus*): diagnose différentielle du squelette appendiculaire. Thèse pour obtenir le grade de Docteur en sciences, mention biologique, Université de Genève (Genève 2001), v. 1-2.
- Gromova 1949:** V.I. Gromova, Istoriia loshadei (roda *Equus*) v Starom Svete. Chast' 1. Trudy Paleontologicheskogo instituta AN SSSR, 17(1), 1949, 1-374 // В.И. Громова, История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. Часть 1. Труды Палеонтологического института АН СССР, 17(1), 1949, 1-374.
- Kuz'mina 1997:** I.E. Kuz'mina, Loshadi Severnoi Evrazii ot pliotsena do sovremennosti. Trudy Zoologicheskogo instituta, 273, 1997, 1-223 // И.Е. Кузьмина, Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности. Труды зоологического института, 273, 1997, 1-223.
- Sirbu et al. 2017a:** Gh. Sirbu, M. Rybicka, O. Levițki, A. Diacenco, D. Król, L. Sirbu, V. Burlacu, Investigațiile arheologice din așezarea Gordinești II-*Stînca goală*. Campania anului 2016. Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2016. (Chișinău 2017), 25-27.
- Sirbu et al. 2017b:** Gh. Sirbu, L. Sirbu, O. Levițki, M. Rybicka, D. Król, Raport despre investigațiile arheologice din așezarea Gordinești II-*Stînca goală* (campania 2016). Chișinău 2017, Arhiva MNIM, nr. inv. 589.
- Tsalkin 1972:** V.I. Tsalkin, Domashnie zhivotnye Vostochnoi Evropy v epokhu pozdnei bronzy. Soobshchenie 3. Biulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologii, 77(3), 1972, 61-71 // В.И. Цалкин, Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 3. Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии, 77(3), 1972, 61-71.

Roman Croitor, associated researcher, Aix-Marseille University, CNRS, UMR 7269, MMSH BP674, F-13094 Aix-en-Provence, France / senior scientific researcher, Institute of Zoology, 1 Academiei str. , MD-2028, Chișinău, Republic of Moldova, e-mail: romancroitor@europe.com

Ghenadie Sirbu, Centre of Archaeology, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare și Sfânt Bl., MD-2001, Chișinău, Republic of Moldova, e-mail: ghenasirbu2014@gmail.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”**
(Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого**
(Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)**
(Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой**
(Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

**INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL
MAGAZINE** 199

Арсен Арутюнян, Сергию Матвеев

**Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина):
новые находки**

Keywords: armenians, epigraphic sources, epitaphs, cemetery, Ismail.

Cuvnite cheie: armeni, surse epigrafice, epitafii, cimitir, Ismail.

Ключевые слова: армяне, эпиграфические источники, эпитафии, кладбище, Измаил.

Arsen Harutyunyan, Sergiu Matveev

Armenian epigraphic sources from Ismail (Ukraine): new found items

The town of Ismail previously located in the province of Bessarabia and at present within the region of Odessa in Ukraine. Before its fortress having been taken by generalissimus A. Suvorov in 1790, its fortress used to be one of the famous Armenian centers, where Armenians had several churches, were engaged in handicraft (especially in tailoring) and trade. About a dozen of epigraphs, found in the Armenian cemetery adjacent to St. Astvatsatsin Church, were published by Christopher Kuchuk-Hovhannisyan. Unfortunately, those epigraphs have not been preserved but two epitaphs have recently been discovered in Ismail (1725, 1758). The discovery of new tombstones again reaffirmed once again the active life of the Armenian community in Ismail, especially in the 18th century, as well as it served as an occasion to refer to the history of this Armenian colony and to the non-preserved epigraphic inscriptions in a new way.

Arsen Harutyunyan, Sergiu Matveev

Izvoare epigrafice armenesti din Ismail (Ucraina): Noi descoperiri

Orașul Ismail din componența fostei Basarabii, iar în prezent în regiunea Odesa a Ucrainei, până la cucerirea cetății de către generalul Al. Suvorov (1790) a fost un centru important al diasporei armenesti. În oraș existau câteva biserici armenesti, armenii se ocupau cu meșteșugăritul (în special cu croitoria) și comerțul. Despre rolul comunității armenesti ne relatează și inscripțiile publicate încă la începutul secolului trecut de către Christophor Kuciuk-Oganesian. Cu regret, aceste inscripții nu s-au păstrat, dar recent au fost descoperite și documentate alte două inscripții funerare (1725, 1758). Descoperirea noilor epitafii vine drept o confirmare a activității intense a comunității armenesti a orașului Ismail în special în secolul al XVIII-lea, și a servit un motiv în plus, de a reveni la istoria acestei colonii armenesti și la inscripțiile lor pierdute.

Арсен Арутюнян, Сергию Матвеев

Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки

Город Измаил (Исмаил) бывшей Бессарабской области, а ныне – Одесской области Украины, до взятия местной крепости генералом Ал. Суворовым (1790 г.) был значимым центром армянской диаспоры. Здесь имелось несколько армянских церквей, армяне занимались ремеслами (в особенности портновским делом) и торговлей. О некогда многочисленной армянской общине свидетельствуют опубликованные еще в начале прошлого века Христофором Кучук-Оганесяном около десятка эпиграфических надписей. К сожалению, сами эти надписи не сохранились, однако недавно случайно были обнаружены и задокументированы две другие надгробные надписи (1725, 1758). Обнаружение новых эпитафий стало еще одним подтверждением активной деятельности армянской общины Измаила в особенности в XVIII веке, а также послужило поводом по-новому обратиться к истории этой армянской колонии и к уже утерянным памятным надписям.

Для всестороннего исследования истории армянских поселений помимо летописных данных и архивных документов первоочередными источниками являются также обнаруженные в этих областях эпиграфические надписи. Каменные памятники письменной культуры, к сожалению, с течением времени, находясь под открытым небом, существенно повреждаются и уничтожаются, а с ними утрачиваются и представляющие научную значимость бесценные эпиграфические надписи. С этой точки

зрения очень важно обнаружение эпиграфических первоисточников, как в Армении, так и в находящимся за ее пределами армянских поселениях (колониях). По возможности раннее изучение и публикация делает их, прежде всего достоянием общественности и важным источником для исследователей.

Ослабление и падение царства Багратидов в Армении в 1045 году, а также непрерывные набеги в XI-XIII веках турок-сельджуков на территории Византийской империи и, в частности,

в Армении стали причиной массового переселения армян, как из Восточной, так и из Западной Армении и Малой Азии. Многочисленная диаспора обосновалась на Крымском полуострове, откуда многие перебрались в Молдавию, на Украину, в Болгарию, Польшу и другие страны Южной и Восточной Европы. И хотя до сего дня в историографии нет единого мнения относительно времени обоснования армян в Молдавии, все же принято считать, что, по крайней мере в X-XI веках армянская община восточнее Карпат начала формироваться, достигнув расцвета в XIV-XV веках [Tohamanian 1976, 175; 1986, 3; 1991, 4-5]¹.

Относительно густонаселенная армянами Бессарабии, расположенная в нижнем течении рек Днестр, Прут и Дунай, с половины XIV века находилась под владычеством Молдавии, которая в XVI веке попала под тяжелое турецкое иго вплоть до начала XIX века. В 1812 году 16 мая в Бухаресте при дипломатическом посредничестве Манук-бейя был подписан русско-турецкий мирный договор, по которому турки уступили Бессарабию России [IA 2010, 238]. Значимыми центрами проживания армянской диаспоры были Кишинев, Аккерман (Белгород-Днестровский), Бельцы, Григориополь, Измаил и другие города и поселения, в которых армяне развивали свою духовно-культурную жизнь и

занимались большей частью ремеслами и торговлей.

Цель исследования

Настоящее исследование посвящено армянским памятным надписям на камне, случайно обнаруженном много лет назад на приусадебном участке одного из жителей города Измаила (Исмаила)², находящегося на территории исторической Бессарабии, а ныне – Одесской области Украины, а также армянской памятной надписи на надгробном камне, находящаяся во дворе одного из местных музеев, которое было сфотографировано одним из авторов настоящей статьи для расшифровки деканом Исторического факультета Государственного Университета в г. Кишиневе – археологом Сержиу Матвеевым. Опубликованные ранее эпиграфические надписи не сохранились, следовательно, и с этой точки зрения документирование новообнаруженных надписей имеет большую историко-ведческую ценность. Надгробные камни снабжены датой: один из них датирован 1725 годом, а второй – 1758 годом (рис. 1).

Прежде, чем перейти к анализу надписей, обратимся к духовной и культурной жизни Измаила, а также рассмотрим работы предыдущих исследователей памятных надписей.

Армяне в Измаиле и опубликованные ранее эпиграфические надписи

Наиболее ранние сведения о проживании армян в городе-крепости Измаиле сообщает в 1669 году в своих путевых заметках французский миссионер Мариа Луиджи Пиду [Siruni 1940, 17]. Позднее румынский историк Николае Йорга отмечает, что до 1693 года армянская церковь Измаила находилась под юрисдикцией местного армянского епископа [Iorga 1900, 193]. В городе проживало много армян до конца XVIII века, когда в ходе второй русско-турецкой войны (1787-1791 гг.) 23 декабря 1790 года войска генералиссимуса Ал. Суворова

1. Относительно причин и времени поселения армян в Молдавии в арменоведении существуют разные мнения. Так, по убеждению историка Л. Бабаяна, армяне в Молдавии обосновались до XIV века, поскольку строительные памятные надписи на церквях в городе Яссы (Яш), а также Потышан относятся к XIV веку [Babaian 1911, 38-39]. Позднее, по примеру исследования переселения армян в Григориополь, историю молдавской колонии попытался исследовать Ж. Ананян, считавший, что в Молдавии и Бессарабии в особенности в городских поселениях (Сучава, Аккерман, Килия и др.) армянские колонии основывались начиная с X-XI веков и своего расцвета достигли в XV-XVI веках [Ananian 1966, 93]. По мнению историка М. Оганяна, армянская диаспора Молдавии (а также смежных территорий – Южной России, Валахии, Подолья) образовалась начиная с XIII века [IAK 2003, 64]. По утверждению историка Ов. Алексаняна, армянская диаспора Молдавии стала наиболее многочисленной в 1359 году после установления молдавского господства, а немного позднее, в 1401 году, в Сучаве, бывшем некогда столицей Молдавии (в настоящее время находится на территории Румынии), по указу князя Александра Доброго (1400-1432) была утверждена церковная епархия под главенством епископа Ованнеса. Одновременно армяне получили определенные привилегии, право свободной торговли и др. [Aleksanian 2012, 167-168].

2. По сообщению турецкого путешественника XVII века Эвлии Челебии, в 1484 году город завоевал султан Баезид хан Исмаил, по имени которого он и получил свое название. В первой половине XVII века в городе было 2000 домов, мусульманский, греческий, армянский и еврейский кварталы. Из прославленных горожан упоминаются Эрмини-оглу, Мурад-оглу и др., занимавшиеся большей частью торговлей [Chelebi 1961, 31-32].

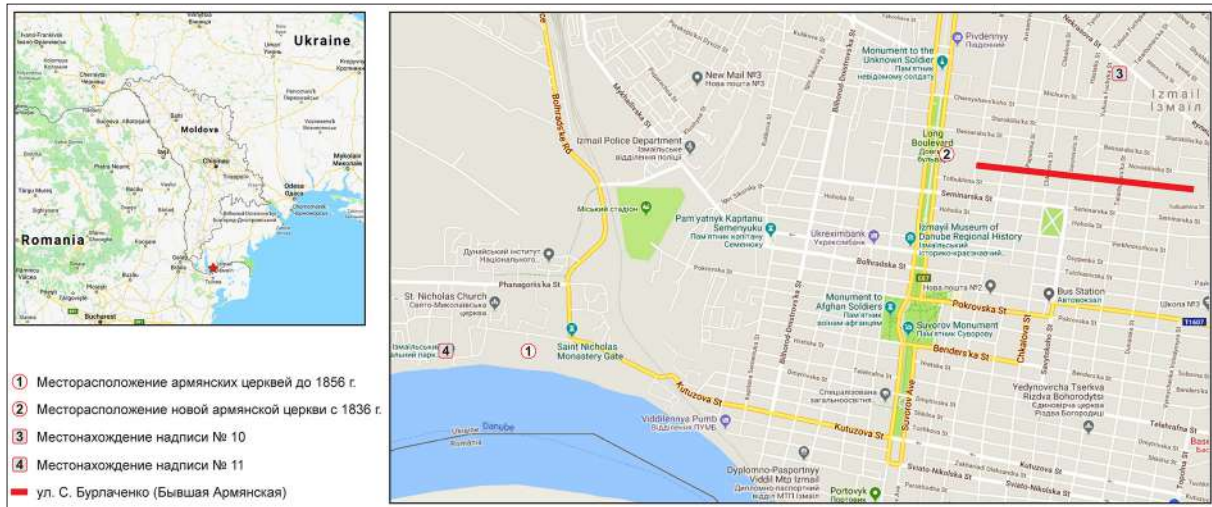

Рис. 1. Армянское наследие в истории г. Измаил.

Fig. 1. Armenian heritage in the history of Ismail.

взяли крепость Измаил. За этим последовала организованная русско-армянским деятелем – архиепископом Овсепом Аргутяном (а также Степаном Давтяном и священнослужителем Григором Захаряном) эмиграция населения из Измаила в новообразованный Григориополь (провозглашенный армянским городом указом императрицы Екатерины Второй от 25 июля 1792 года) [Ananian 1969, 35; Toramanian 1991, 163-164]. Не случайно одно из кладбищ Григориополя, на котором, фактически, захоронены тела переселенцев из Измаила, носит название «իզմաիլիական» (Измаильское)³. Из года в год со-

3. В соответствующем выпуске «Свода армянских надписей» (далее в тексте САН) Гр. Григорян опубликовал 15 эпитафий с этого кладбища, некоторые из которых билингвальные [SAN 1996, 311-317].

Из опубликованных Х. Кучук-Оганесяном некогда существовавших надгробных надписей особо примечательна следующая: «Այս է տաշան հանգստեան Ամասիացի մահտեւի Աստուածատուրի որդի Աւետիք(ի), որ է հանգուցեալ Բամաի, թվին ՌՄԼԷ. (1788), յունվարի ԺԵ.-ին (15)» («Гробница упокоения уроженца Амасии Аветика сына мугдуси Аствацатура, почившего в Измаиле, в 1788 году, 15 января» [Kuchuk'-Ioannesov" 1896, 11; см. также: Toramanian 1991, 52]. Возможно, надпись является подтверждением того, что, переезжая из Измаила в Григориополь, армяне перевозили с собой также надгробные камни родных. Об этом свидетельствует и Минас Бжшкян, который при описании новопостроенной церкви Св. Креста в Григориополе отмечает, что «здесь увидели привезенный из Измаила мраморный камень, памятная надпись на котором не такая уж древняя: «Այս է տաշան հանգուցեան Սաֆարի որդի Աստուածատուրին, որ հանգեալ թվին ՌՃՀ.-ին (1721)» («Гробница упокоения Аствацатура сына Сафара, который сканчался года 1721-го» [Bzhshkian 1830, 184].

кращалось число армян-жителей Измаила. По сообщению члена Конгрегации Мхитаристов Минаса Бжшкяна, в 1820-ые годы в Измаиле проживало 60 армянских семей [Bzhshkian 1830, 216]. Из сохранившихся архивных документов стало известно, что с 1840-ых годов по 1915 год число проживающих здесь армян продолжало постепенно уменьшаться [Shakarian 2014, 123-124].

Армянская церковь Св. Богородицы, постройку которой относят к XVII веку, согласно одной из опубликованных в прошлом эпиграфических надписей была основательно отреставрирована в 1763 году. Церковь не сохранилась, а известные памятные надписи, являющиеся большей частью надгробными памятниками, еще в конце XIX века были перевезены и установлены во дворе построенной в Измаиле на Армянской улице церкви⁴ (рис. 2), откуда, по

4. Эта новая церковь была построена не позднее первой середины XIX века, поскольку упоминания о ней есть уже в 1840 году. В данном контексте заслуживает внимания и информация, предоставленная Г. Безвикони, указывающая на более позднюю дату основания новой армянской церкви: «... Карабет Маркарян (1816-1892), основатель церкви в Измаиле и похороненный рядом с ней прибыл из Константинополя в детском возрасте» [Bezviconi 1941, 390]. В 1910 году церковь была закрыта, но, по сообщению источников, с некоторыми перерывами она действовала до 1940 года [Shakarian 2014, 123, прим. 3]. В 1960-ых годах церковь была разрушена, а на ее месте построена гостиница «Измаил».

По некоторым сведениям, в Измаиле находилась также построенная из дерева церковь Св. Георгия [Toramanian 1991, 58], которую иногда путали с церковью Преображения Св. Богородицы.

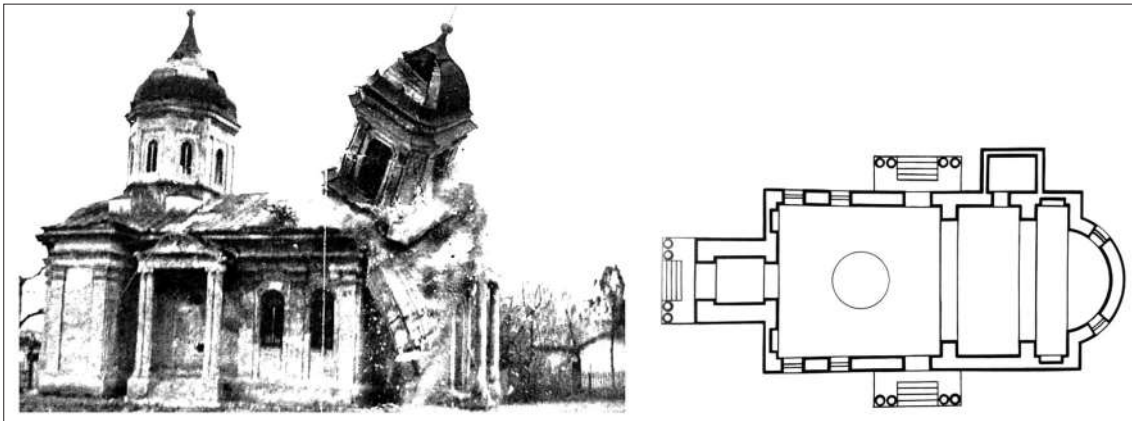

Рис. 2. Церковь Св. Богородицы (Св. Георгия), была разрушена в 1960-ых годах (фото П. Ангелов) и план церкви (по А. Тораманяну).

Fig. 2. Church of St. Astvatsatsin (St. George), destroyed in the 1960s (photo by P. Angelov) and the plan of the church (according to A. Toramanian).

указанию отца Элмазяна, они были вновь перевезены на территорию бывшей армянской церкви⁵. Сведения о нахождении этих памятников в настоящее время отсутствуют. Некоторые эпиграфические надписи в начале прошлого века были опубликованы Христофором Кучук-Оганесяном с пометкой о том, что 25 мраморных надгробий с памятными надписями он застал во дворе церкви Преображения Св. Богородицы в неутешительном состоянии – некоторые были опрокинуты, многие надписи заросли мхом. С помощью местных работников ему удалось поправить опрокинутые надгробья (за исключением одного), очистить и расшифровать надписи. По убеждению исследователя, надгробья явно были не на своем первоначальном месте, а перевезены с кладбища у старой армянской церкви, разрушенного в годы взятия Суворовым крепости Измаила, то есть, в конце XVIII века [Kuchuk³-Ioannesov³ 1903, 61, прим. 16]⁶. К сожалению, Кучук-Оганесян из скопированных им памятных надписей опубликовал лишь семь и представил содержание еще одной, остальные же не упоминаются [Kuchuk³-Ioannesov³ 1903,

5. В контексте топографического исследования Измаила 1770-ых годов А. Красножон (Одесса) отмечает, что на одном из русских планов города 1770 года присутствуют две армянские церкви, одна из которых, по-видимому, была построена на месте бывшей церкви Преображения Св. Богородицы, а другая – в результате военных действий 1790-ых годов, существенно пострадала; на ее месте, вероятно, и была построена по сей день существующая православная церковь Св. Преображения Господня [Krasnozhon 2014, 99-101].

6. Об этом см. также [Krasnozhon 2014, 99-100].

61-62]⁷. В последующем сделанные им расшифровки знатоком эпиграфики Григором Григоряном были включены в том серии «Свод армянских надписей», посвященный армянским эпиграфическим надписям Украины и Молдавии [SAN 1996, 257-258, надпись 614-620]. Таким образом, по имеющимся у нас сведениям в прошлом было опубликовано семь памятных надписей из Измаила, одна из которых является, по сути, строительной надписью и имеет дату 1763 г., а шесть других представляют собой эпитафии и датируются 1556-1749 годами.

Для обобщения эпиграфического материала, прежде всего, представим опубликованные ранее, но несохранившиеся ныне памятные надписи⁸.

1. Памятная надпись о восстановлении церкви Св. Богородицы на одном из упавших камней.

7. Одну из надписей, которая в действительности представляет собой четыре помещенных на одном камне надписей, Кучук-Оганесян представил повествовательно. Согласно этим надписям, усопшие – четверо 3-7-летних детей, скончавшихся в 1737 году от какой-то эпидемии. Их родители были персидскими армянами, родом из Хоя, Нахичевана [Kuchuk³-Ioannesov³ 1903, 627].

8. При расшифровке надписей использовались следующие условные обозначения:

/ – обозначены границы между строками оригинального текста;

[ ] – обозначены пропущенные резчиком либо сокращенные буквы, восстановленные нами;

[ ] – обозначены искаженные или поврежденные буквы, восстановленные нами.

Относящиеся к Господу слова представлены сокращениями, принятыми в оригинальном тексте, например, ԱՕ – Бог, ՄԲ – Святой, ՔՄ – Христос и т. д.

Ողորմութեամբ Ա[ստուծոյ], ի հիմանէ նորոգեցաւ Ս[ուրբ] Ա[ստուա]ծածին եկեղեցիս, ի հայրապետութեան Ս[ուրբ] Էջմիածնի տ[եառ]ն Յակօբայ սրբազնագոյն կաթողիկոսին եւ ի պատրիարքութեան Սրբոյ Երուսաղէմին Կարապետի եւ ի պատրիարքութեան Կ. Պօլսոյ տեառն Յակոբա[ստուա]ծաբան արքեպիսկոպոսին, վերակացութեամբ եւ յորդորմամբ եւ արդեամբ քահանայի եւ ժողովրդոց քաղաքիս եւ ըստ հրամանան... եւ աշխատութեամբ եւ արդեամբք արեւելցի մահտեսի Մաղաքիային եւ եղբօրն մահտեսի Յակօբին, այլեւ յիշեսչիք զարեւելցի մահտեսի Պերխուդարին, որ աշխատութեամբ եւ յորով արդեամբք օգնեաց շինութեամբ եկեղեցիս եւ տուք զողորմին ամենայն ջատագովաց. ամէն: Ի ՌՄԺԲ. (1763) թին Հայոց, յունվարի Ժ. (10):

Милостью Божьей, церковь Св. Богородицы возобновлена от основания, во время патриаршества Святейшего католикоса Эчмиадзинского, Владыки Акопа, Св. Иерусалимского патриарха Карапета и Константинопольского патриарха, Владыки Акопа, архиепископа-бogosлова, под наблюдением, по увещанию и иждивением священника и прихожан города и по велению... и усердием и на средства восточных выходцев: мугдуси Магакии и его брата, мугдуси Акопа; помяните также восточного выходца мугдуси Берхудара, много содействовавшего построению церкви своими трудами и средствами, и помилуйте всех ее покровителей, Аминь. 1212 года арм. эры (1763 г.), Января 10-го.

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1903, 611. Тороманян, 1986, 45 (на арм. яз., Թորմանյան, 1986, 45). Тороманян, 1991, 57-58. Григорян, 1996, 257⁶¹⁴ (на арм. яз., Գրիգորյան, 1996, 257⁶¹⁴). Красножон, 2014, 100. Тер Саак Вардапет Шакарян, 2014, 122 (на арм. яз., Տ. Սահակ վրդ. Շարարյան, 2014, 122).

Представляя оригинальный текст, мы старались придерживаться версии перевода первого издателя Кучук-Оганесяна (приблизив грамматический строй текста к современным языковым нормам). На основании данной эпиграфической надписи, представляющей по своему содержанию большую источниковедческую ценность, можно констатировать, что церковь не только существовала в XVIII веке, но и подверглась основательной реставрации. Примечатель-

но, что резчик посчитал должным перечислить имена духовных лидеров того времени, прежде всего, Католикоса всех армян Акопа V Шамахеци, который предшествовал Симеону Ереванци и патриаршествовал в 1759-1763 годах, а затем имена патриархов Карапета Гандзакеци (1761-1768) из Иерусалима и Акопа Нальяна Зммареци (1741-1748, 1752-1764) из Константинополя. Далее упоминаются представители местного духовного и светского сословия, на материальные средства которых была осуществлена реконструкция церкви: «арդեամբ քահանայի եւ ժողովրդոց քաղաքիս» (священника и жителей города). К сожалению, не известно – видимо, повреждено имя непосредственного инициатора реконструкции, поскольку после фразы «եւ ըստ հրամանան» (и по велению), автор поставил троеточие. Затем следуют упоминания имен непосредственно способствующих ремонтным работам мугдуси Магакии, его брата Акопа, мугдуси Бархудара (Перхудара). В конце стоит дата, которая, по-видимому, относится ко времени переосвящения храма – 1763 г., 10 января.

Обратимся к эпитафиям.

2. Надгробный камень. Находился на территории существовавшей прежде церкви.

Շիրիմս այս է գերեզման Թոխաթցի Փերխատի որդի, անուն նորա Մանուկ կոչի, ԼԵ. (35) ամեայ հասակի փոխեցաւ թվ[ին]ՌԵ. (1556), ԺԵ. (15) օգոստոս, որք հանդիպիք, սիրելիք, յիշեցէք զսա նորմեկի:

Сей надгробный памятник есть могила Ферхатова сына из Тохата (в Малой Азии), имя его прозывается Манук, он скончался в тридцатипятилетнем возрасте. Лета 1005, Августа 15-го, кто встретит, любезные, помяните его, достойного жалости (от Р. Х. 1556 г.).

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1903, 62з.

Григорян, 1996, 257⁶¹⁶.

Покойный является Мануком, сыном Ферхата, родом из Тохата (Токат, Евдокия), который рано – в 35-летнем возрасте, ушел из жизни, в 1556 году 15 августа. Дата данной эпитафии представляет особую ценность в контексте проблемы года основания г. Измаила.

3. Надгробный камень. Находился на территории существовавшей прежде церкви.

Այս է տաշան հանգստեան Մար[կոսի]

որդի Խարամանցի Նախաարդի, որ փոխեցաւ առ Քրիստոս, թվ[իւն] ՌՃԼԶ. (1687), օգոստոսի ԺԲ. (12):

Гробница упокоения Маркова сына Хараманци Навасарда, который переселился к Христу. Лета 1136, Августа 12-го (1687 г.).

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1903, 62а.

Григорян, 1996, 258⁶¹⁷.

Сын Марка хараманский Навасард скончался в 1687 году 12 августа. Хараман или Караман – один из районов Горной Киликии, столицей которого является одноименный Хараман. Позже эта территория вошла в состав области Адана [STAPR 1991, 15].

4. Надгробный камень. Находился на территории существовавшей прежде церкви.

Այս է տապան Շուրճուացի իսկայ Ղազարի որդի Խոջիսապարին, որ փոխեցաւ թվ[իւն] ՌՃԽԹ. (1700), ախիս սեպտեմբերի, Հայր մեր...

Гробница упокоения сына ходжа Казара, из Журжево, Хошхабара, который переселился [в жизнь вечную]. Лета 1149, месяц Сентябрь (1700 г.). Отец наш и т.д.

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1903, 62а.

Григорян, 1996, 257⁶¹⁵.

Покойный является Хошхабаром, сыном ходжи Казара, родом из Шуржуа. Под последним, видимо, имеется в виду селение Шоржа Новобаязедского уезда, которое известно также под названием Шуржа. Имя собственное Хошхабар с персидского переводится как «благая весть», подобно армянскому имени Аветис. В источниках фигурирует с XVI века [Acharian 1944, 524].

5. Надгробный камень. Находился на территории существовавшей прежде церкви.

Այս է տապան հանգստեան Իսմայելիցի աւագերէց տէր Ստեփանի դուստր Ճոհերին, որ հանգեաւ ի Քրիստոս, թվ[իւն] ՌՃԼԲ. (1743), սեպտեմբերի ԺԵ. (15):

Гробница упокоения дочери измаилского протоиерея Тер Степана, Джохер, почившей во Христе. Лета 1192, Сентября 15-го (1743 г.).

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1903, 62а.

Григорян, 1996, 258⁶¹⁸.

На надгробье указано имя Джохер, дочери измаильского, то есть, местного протоиерея

Степана, скончавшейся 15 сентября 1743 года.

6. Надгробный камень. Находился на территории существовавшей прежде церкви.

Այս է տապան Թիֆլիզցի մահտեսի Սահակի որդի Մանուկ[ի]ն, որ փոխեցաւ թվ[իւն] ՌՃԼԸ. (1749)

Гробница упокоения Манука, сына Тифлисского уроженца мугдуси Саака, который скончался в 1198 году арм. эры (1749 г.).

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1903, 62^{6а}.

Григорян, 1996, 258⁶¹⁹.

7. То же надгробье.

Այս [է] տապան Թիֆլիզցի մահտեսի Սահակի դուստր Աննայի, որ փոխեցաւ թվ[իւն] ՌՃԼԸ. (1749):

Гробница упокоения Анны, дочери Тифлисского уроженца мугдуси Саака, умершей в 1198 году арм. эры (1749 г.).

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1903, 62^{6б}.

Григорян, 1996, 258⁶²⁰.

Очевидно, что упомянутые на этом и предыдущем надгробье тбилисцы Манук и Анна являются детьми одного и того же отца – мугдуси Саака. Это отмечал также первый издатель надписи Кучук-Оганесян.

Надписи на церковной утвари

8. О том, что в среде измаильских армян были развиты ремесла, свидетельствует памятная надпись на некогда имеющемся потире (чаше для причастия) 1750 года из армянской церкви Григориополя, согласно которой, потир был преподнесен в дар измаильской церкви Св. Богородицы для поминовения местного «братства терза» («թերզի ախարտոցն»), то есть, амкарства портных. Оригинальный текст приводим ниже.

Յիշատակ է սկիհս Իզմայելցոյ թերզի ախարտոցն, ձեռամբն մահտեսի Յակոբին, ի դուռն Սբ. Աստուածածնայ եկեղեցուն, թվին ՌՃԼԹ. (1750):

Для поминовения амкарства портных Измаила мугдуси Акон передал потир в дар церкви Св. Богородицы, года 1750.

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1896, 4з.

Тораманян, 1991, 49.

Тораманян, 1986, 44 (на арм. яз.,

Թորամանյան, 1986, 44).

Григорян, 1996, 322⁷⁷⁴ (на арм. яз.,

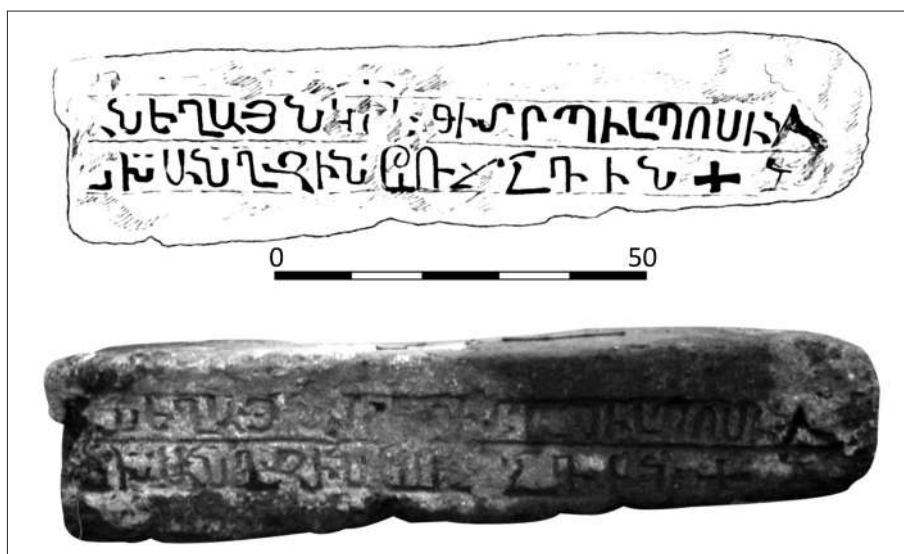

Рис. 3. Надгробный камень с памятной надписью обнаружен на участке одного из жителей Измаила.

Fig. 3. Tombstone with a commemorative inscription found on the sector of the residents of Ismail.

Գրիգորյան, 1996, 322⁷⁷⁴).

9. Примечательна и другая памятная надпись из собрания церковной утвари Григориополя примерно того же периода, согласно которой церкви Св. Богородицы Измаила была передана в дар митра (в оригинальном тексте – венец).

Յիշատակ է թագու թոխասոցի մահտետի Աստուածատուրի որդի Ֆերիաստին եւ իւր ծնողացն. Իսմայլէ, ի դուռն Սր. Աստուածածնայ եկեղեցւոյն, թվին ՌՄ. (1751):

Преподнесен в дар венец для поминовения сына тохатского мугдуси Аствацатура Ферхата и его родителей – церкви Св. Богородицы Измаила, года 1751.

Опубл. Кучук-Иоаннесов, 1896, 54.

Тораманян, 1991, 49.

Тораманян, 1986, 44 (на арм. яз.,

Թրիւմանյան, 1986, 44).

Григорян, 1996, 322⁷⁷⁵ (на арм. яз.,

Գրիգորյան, 1996, 322⁷⁷⁵).

Приведенные памятные надписи являются важными первоисточниками не только для исследования жизни армянской общины Измаила, но и истории церкви Св. Богородицы.

Новообнаруженные памятные надписи

1 (10). Как было отмечено выше, имеются две новообнаруженные эпитафии, обе они датированы, сравнительно более ранней из них

является памятная надпись 1725 года, случайно найденная на приусадебном участке одного из жителей Измаила (рис. 3). Получив от г-на Сержиу Матвеева как общую фотографию надписи, так и фототографии отдельных ее фрагментов, удалось расшифровать следующее⁹:

[Ա]ՆԵՂ ԱՅՆ Կ[Ո]Շ[Ե]ՅԻ Տ[Է]Դ

ՊԻԼՊՈՍԻՆ, /

ԵՒ ԽԱՆԳԶԻՆ: ԹԻ[ԻՆ] ՌՃՀԴ.-ԻՆ (1725) +:

По воле всесущего Бога, надгробный камень Тер Пилпоса из Коша и Хангз. [Скончались] года 1725.

В надписи упомянуты Тер Пилпос (Филипос) и, вероятно, его супруга Хангз, которые, судя по всему, скончались одновременно в 1725 году. Начало надписи переведено нами несколько условно, поскольку разборчивая на первый взгляд группа букв семантически не связывается с основной частью текста. Исходя из надписи, считаем вероятным, что Тер Пилпос был родом из Коша – это современное селение Кош (в средневековье Куаш, Кваш) области Арагацотн Республики Армения. Первые же два слова прочитаны нами как ԱՆԵՂ ԱՅՆ

9. По просьбе Сержиу Матвеева памятную надпись ранее пробовал расшифровать археолог Гамлет Петросян, согласно которому, самое начало надписи, по-видимому, не сохранилось, а вероятным переводом является следующее: «ՆԵՂԱՅՆ ՊԼԻՊՈՍԻՆ, ԽԱՆԳԶԻՆ» (Пилипосу, Хангз. Эта первоначальная расшифровка предоставлена Сержиу Матвеевым).

Рис. 4. Надгробный камень с памятной надписью обнаружен на территории крепости Измаила.

Fig. 4. Tombstone with a commemorative inscription found in the fortress of Ismail.

– всесущий (последнее, вероятно относится к Богу), то есть, усопшие суть дети Христа – самозарожденного, самосущего Бога.

Собственное имя Хангз нам не известно. Р. Ачарян упоминает женское имя Ханхангз, которое единожды встречается в рукописи, датированной 1597 годом [Acharian 1944, 462]. Можно предположить, что упомянутое в рассматриваемой эпитафии имя Хангз является кратким вариантом последнего.

2 (11). Второй надгробный камень с памятной надписью обнаружен на территории крепости Измаила и в настоящее время выставлен во дворе отдела Исторического музея им. А. В. Суворова диорамы «Штурм крепости Измаил»¹⁰.

10. Благодарим руководство Музея за предоставление возможности опубликовать данный надгробный камень.

Прямоугольная мраморная плита с ровной верхней поверхностью имеет двухчастную обработку. В центре композиции находятся два рельефных хорана (арки), под которыми помещены вазы с цветами (один из хоранов поврежден). Как следует также из содержания надписи, камень был установлен для двух усопших (рис. 4). Трехстрочная надпись гласит следующее:

ԱՅՍ Է՝ ՏՄԱՊԱՆ ՀԱՆԳ[ՄՏԵ]ԱՆ ՊՍՍՍՅԻ
ԱԲՐ[Ա]ՀԱՄԻ / ԴՈ[Ի]ՍՏԸ ԱՐԶՈՒԽԱՆԻՆ
ԵՒ ԾՍՏՕՐԻ ՈՐԴԻ ՅՈՍԷՓ/ԻՆ, ՈՐ
ՓՕԽԵՅԱԻ Ի ԿԷԱՆՍ ԹՎԻՆ ՌՄԷ.-ԻՆ (1758):

Сея есть могила упокоения дочери пстац-кого Абраама Арзухан и сына Цатура Овсена, которые перенеслись в жизнь [вечную] года 1758.

Судя по содержанию надписи, усопшие – дочь Абраама, происходящего родом из Биста

Рис. 5. Населенные пункты, упомянутые в измайльских эпитафиях.

Fig. 5. Settlements mentioned in Ismail epitaphs.

(Писта) Ордубадской области Нахичевана, Арзухан и сын Цатура Овсеп, которые были, видимо, супругами и скончались одновременно.

Таким образом, помимо имен и дат смерти, большая часть представленных эпитафий указывают на местности происхождения армян населявших Измаил в XVI-XVIII вв. (рис. 5).

Материалы, повествующие о торговой деятельности измайльских армян

О широких торговых связях и деятельности проживающих в Измаиле армян свидетельствуют хранящиеся в архиве Армянского общества в Бухаресте документы под номерами 1790 и 1795, в которых упоминается измайльский торговец Мелкон. Один из документов содержит прошение Мелкона к местному барину (ага) с целью отбытия из Измаила в Стамбул и получения заказа. Документ написан арабскими буквами, содержит дату – 1204 год по календарю Хиджры (лунному календарю, 1789/90 г.), состоит из четырех частей: запрос, дополнительные сведения о купце, положительный отклик барина, разрешение на поездку. Второй документ на армянском языке, довольно хорошо сохранившийся, оригинальный текст которого считаем уместным процитировать:

Զօրութիւն գրոյս այս է, որ եղև ի քաղաքն Եաշ, ի թվին Հայոց ՌՄԽԴ-ին (1795) և ամսեանն ապրիլի ԺԵ. (15) օրին, որ ես՝ մահտեսի Գաբրիէլս և ես՝ Մելքոնըս, օրթախ Էղանք անցեալ տարի ՌՄԽԴ-ին (1794), ապրիլի ԺԵ.-ին (15) և ի լուման տարւոյն նստանք հէսապ արինք Ա. (մի) թամամ և դարձեալ Աստուծոյ հրամանաւ խորհուրդ արինք այս տարի օրթախ Էղանք, ի վերոյ գրեալ թվանականիս ՌՄԽԴ-ին (1795), ապրիլի ԺԵ.-ին (15) ԴՌՁԿ. (4660) մարչիլ ես՝ մահտեսի Գաբրիէլս դրի սերմայէ և ԵՃ. (500) մարչիլ ես՝ Մելքոնըս դրի և այս խաֆիլովս, որ ինչ Աստուած տայնէ, թէ շահ, թէ զէն, կէսըն իմն լինի և կէսն Մելքոն աղբորն և վասն հաւատարմութեան շինեցինք այս վկայեականս, որ ի դիպող ժամու վկայեսցէ տեսողաց և լսողաց հաճոյ թվեսցի և մեր կամանն եղև, մեզ դապուլ է: Ես՝ տէր Ներսէսըն, գրեցի Աստուծոյ համար, վկայ էմ: Ես՝ Ղայսարացի Գրիգոր, այս բանիս վկայ էմ: Ես՝ Եղիյաս, վկայ էմ: Ես՝ տիրացու Մըկըրտիչըս, վկայ էմ: Իմ՝ Մելքոնիս կամանն է (ունի նան ութանկյուն կնքադրոշմ) [Siruni 1940, Прилож. II, V]¹¹.

11. Ср. с тем же соч. того же автора: Siruni 1944

Судя по содержанию текста, документ является трудовым соглашением, заключенным между купцами магдуси Габриелом и Мелконом. Согласно договоренности, упомянутые лица, бывшие «компаньонами» (օրբաշխի) уже с предыдущего 1794 года, письменно задокументировали свое сотрудничество в торговой сделке также спустя год, согласно которой Габриел в качестве исходной суммы для начала сделки предоставил 4460, а Мелкон – 500 марчилов, то есть, европейских серебрянных монет. Полученная от сделки прибыль, согласно договору, должна быть разделена между ними поровну. Соглашение заверено печатью, его подписали священник Нерсес, пономарь Мкртич, Григор и Егия из Гайсара. Топоним Измаил в этом

документе прямо не указан, тем не менее, полагаем, что речь здесь идет о том же купце Мелконе.

Таким образом, наличие письменных первоисточников из Измаила является, прежде всего, свидетельством существования здесь некогда многочисленной армянской общины. Две вновь обнаруженные эпитафии послужили поводом вновь обратиться к истории армянской диаспоры в средневековой Молдавии и к уже несохранившимся сегодня эпиграфическим надписям. По нашему убеждению, как в Измаиле, так и в других местах проживания армянской диаспоры, существует еще множество неопубликованных эпиграфических надписей, которые воистину еще только ждут своих исследователей.

Библиография

- Aleksanian 2012:** O. Aleksanian, Armiane i armianskaia tserkov' v Moldavii. In: (sost. K. Khachatryan, O. Aleksanian) Iz istorii armiano-ukrainskikh, vengerskikh i moldavskikh otnoshenii. Sbornik statei i materialov (Erevan 2012), 167-176 // O. Алексанян, Армяне и армянская церковь в Молдавии. В: (сост. К. Хачатрян, О. Алексанян) Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений. Сборник статей и материалов (Ереван 2012), 167-176.
- Ananian 1966:** Zh. Ananian, K istorii pereseleniia armian v Moldaviiu i Besarabiiu. Vestnik Obshchestvennykh Nauk, 9, 1966, 90-98 // Ж. Ананян, К истории переселения армян в Молдавию и Бессарабию. Вестник Общественных Наук, N 9, 1966, 90-98.
- Ananian 1969:** Zh. Ananian, Armianskaia koloniia Grigoriopol' (Erevan 1969) // Ж. Ананян, Армянская колония Григориополь (Ереван 1969).
- Acharian 1944:** A. Acharian, Slovar' armianskikh sobstvennykh imen, t. II (Erevan 1944) // А. Ачарян. Словарь армянских собственных имен, т. II (Ереван 1944).
- Babaian 1911:** L. Babaian, Armiane v Moldavii i Bukovine. Istoriko-Etnograficheskoe issledovanie (Tiflis 1911) // Л. Бабаян, Армяне в Молдавии и Буковине. Историко-этнографическое исследование (Тифлис 1911).
- Bezviconi 1941:** C. Bezviconi, Morminte armenesti dintre Prut si Nistru. In: H.Dj. Siruni, Anuarul culturii armenie (Bucuresti 1941), 389-393.
- Bzhshkian 1830:** M. Bzhshkian, Puteshestvie v Pol'shu i drugie mestnosti, obitaemye armianami, potomkami zhitel'ei goroda Ani» (Venetsiia 1830) // М. Бжшкян, Путешествие в Польшу и другие местности, обитаемые армянами, потомками жителей города Ани» (Венеция 1830).
- Chelebi 1961:** E. Chelebi, Kniga puteshestviia (Izvlacheniiia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka), vup. 1, Zemli Moldavii i Ukrainy (M. 1961) // Э. Челеби, Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века), вып. 1, Земли Молдавии и Украины (М. 1961).
- IA 2010:** Istoriiia Armenii (red. A. Melikian s soavt.), t. 3, Novoe vremia (vtoraia polovina XVII veka – 1918 g.), kniga pervaiia (vtoraia polovina XVII veka – konets XIX veka) (Erevan 2010) // История Армении (ред. А. Меликян с соавт.), т. 3, Новое время (вторая половина XVII века – 1918 г.), книга первая (вторая половина XVII века – конец XIX века) (Ереван 2010).
- IAK 2003:** Istoriiia armianskikh kolonii (s perioda srednevekov'ia do 1920-ykh godov) (pod red. akad. V. Mikaelian), t. I (Erevan 2003) // История армянских колоний (с периода средневековья до 1920-ых годов) (под ред. akad. В. Микаелян), т. I (Ереван 2003).
- Iorga 1900:** N. Iorga, Studii istorice asupra Chiliei si Cetății-Albe (București 1900).
- Krasnozhon 2014:** A. Krasnozhon, Armianskie tserkvi Izmaila v kontekste istoricheskoi topografii goroda 1770-kh godov. Do 250-Richchia virmens'koï tserkvi v berezhanakh aktual'ni pitaniaia virmenoznavstva, II, 2014, 97-101 // А. Красножон, Армянские церкви Измаила в контексте исторической топографии города 1770-х годов. До

250-Річчя вірменської церкви в бережанах актуальні питання вірменознавства, II, 2014, 97-101.

Kuchuk^o-Ioannesov^o 1896: Kh. Kuchuk^o-Ioannesov^o, Armianskii nadpisi v^o g. Grigoriopol' Khersonskoi gubernii. In: Drevnosti vostochnyia iz II toma Trudov Vostochnoi kommissii Imperatorskago moskovskago arkheologicheskago obshchestva, M., 9, 1896, 4-16 // X. Кучукъ-Іоаннесовъ, Армянскія надписи въ г. Григоріополь Херсонской губерніи. "Древности восточныя" изъ II тома Трудовъ Восточной комиссіи Императорскаго московскаго археологическаго общества, М., 9, 1896, 4-16.

Kuchuk^o-Ioannesov^o 1903: Kh. Kuchuk^o-Ioannesov^o, Starinnyia armianskii nadpisi i starinnyia rukopisi v^o pred^olakh^o Iugo-Zapadnoi Rusi i v^o Krymu. In: (red. A.E. Krymskogo) Drevnosti vostochnyia. Trudy Vostochnoi kommissii Imperatorskago moskovskago arkheologicheskago obshchestva, t. vtoroi, vyp. III, M., 1903, 33-75 // X. Кучукъ-Іоаннесовъ, Старинныя армянскія надписи и старинныя рукописи въ предѣлахъ Юго-Западной Руси и въ Крыму. В: (ред. А.Е. Крымского) Древности восточныя. Труды Восточной комиссіи Императорскаго московскаго археологическаго общества, т. второй, вып. III, М., 1903, 33-75.

SAN 1996: Svod armianskikh nadpisei (sost. Gr. Grigorian), vyp. VII, Ukraina, Moldaviia (Erevan 1996), 311-317, soobshch. 747-761 // Свод армянских надписей, (сост. Гр. Григорян), вып. VII, Украина, Молдавия (Ереван 1996), 311-317, сообщ. 747-761.

Siruni 1940: H. Siruni, Armenii în România cu prilejul unui centenar (București 1940).

Siruni 1944: H. Dj. Siruni, Armenii în viața economică a Țărilor Române. Balcania II-III, 1939-1940 (București 1944).

STAPR 1991: Slovar' toponimov Armenii i prigranichnykh regionov (sost. T. Akopian, St. Melik-Bakhshian, O. Barsegian), t. 3 (Erevan 1991) // Словарь топонимов Армении и приграничных регионов (сост. Т. Акопян, Ст. Мелик-Бахшян, О. Барсегиан), т. 3 (Ереван 1991).

Toramanian 1976: A. Toramanian, Armiane i pamiatniki armianskoi kul'tury na territorii Moldavii XIV-XIX vv. v istochnikakh i literature. Istoriko-filologicheskii zhurnal 4, 1976, 175-185 // А. Тораманян, Армяне и памятники армянской культуры на территории Молдавии XIV-XIX вв. в источниках и литературе. Историко-филологический журнал 4, 1976, 175-185.

Toramanian 1986: A. Toramanian, Armianskie arkhitekturno-istoricheskie pamiatniki Moldavii (Erevan 1986) // А. Тораманян, Армянские архитектурно-исторические памятники Молдавии (Ереван 1986).

Toramanian 1991: A. Toramanian, Iz istorii stroitel'noi deiatel'nosti armian v Moldavii (M. 1991) // А. Тораманян, Из истории строительной деятельности армян в Молдавии (М. 1991).

Shakarian 2014: I.S. Shakarian, «Armianskaia eparkhiia Nakhichevana i Bessarabii», Sv. Echmiadzin, 2014 // И.С. Шакарян, «Армянская епархия Нахичевана и Бессарабии», Св. Эчмиадзин, 2014.

Арсен Арутюнян, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Археологии и Етнографии НАН, ул. Чаренца 15, Ереван, Республика Армения / «Матенадаран» – Институт древних рукописей имени Месропа Маштоца, проспект Маштоца 53, Ереван, Республика Армения, e-mail: ars.vimagraget@gmail.com

Сержиу Матвеев, доктор исторических наук, доцент, НИЛ «Фракология», Факультет истории и философии, Молдавский Государственный Университет, ул. Алексей Матеевич 60, MD-2009, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: sssmatveev@yahoo.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Mariana Gugeanu

Conservare-restaurare și investigații *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriansa

Keywords: archaeological textiles, liturgical girdle, preservation-restoration, Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni, Căpriansa Monastery.

Cuvinte cheie: textile arheologice, brâu liturgic, conservare-restaurare, mitropolitul Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriansa.

Ключевые слова: археологический текстиль, литургический пояс, сохранения-реставрация, митрополит Гавриил Банулеску-Бодони, Каприанский монастырь.

Mariana Gugeanu

Conservation-restoration and investigation of a *liturgical Girdle* from the Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni's crypt, Căpriansa Monastery

This article discusses the textile archaeological piece called *Girdle*. This is a component of the liturgical costume discovered in the crypt of Metropolitan Gavriil Bănulescu-Bodoni. The discovery was made during the archaeological researches carried out in 2016 at Căpriansa Monastery, occasioned by the metropolitan canonization. The research covered both the conservation and restoration interventions carried out within the Center for Research and Conservation-Restoration and "Moldova" National Museum Complex of Iași, as well as the identification of the weave structure of the archaeological textile item in order to classify it. The study regarding the structure of the weave was undertaken in collaboration with the Department of Textile Products Engineering and Design within the Faculty of Textile-Leathering and Industrial Management, "Gh. Asachi" Technical University of Iași. The results of the researches carried out, correlated with the analysis of the state of preservation of the textile piece, allowed to establish the stages of the conservation-restoration process. They consisted of mechanical cleaning, wet cleaning, chemical cleaning, neutralization and consolidation by sewing on a new support silk cloth of areas with ruptures and large material gaps, respecting the principle of chromatic integration. The saving of the archaeological textiles discovered at Căpriansa Monastery, thanks to the preservation and restoration process, contributes to the safeguarding of a historical, ecclesiastical, artistic and documentary treasure that is integrated into the national cultural heritage.

Mariana Gugeanu

Conservare-restaurare și investigații *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriansa

Subiectul acestei lucrări îl constituie piesa textilă arheologică *Brâu*, element component al costumului liturgic descoperit în cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, în cadrul cercetărilor arheologice desfășurate în anul 2016 la Mănăstirea Căpriansa, cu ocazia canonizării mitropolitului. Tematica abordată se referă atât la intervențiile de conservare-restaurare efectuate în cadrul Centrului de Cercetare și Conservare-Restaurare, Complexul Muzeal Național „Moldova”, Iași, cât și la identificarea structurii țesăturii piesei textile arheologice în vederea clasificării acesteia. Studiul privind structura țesăturii a fost efectuat în colaborare cu Departamentul Ingineria și Designul Produselor Textile, Facultatea de Textile-Pielărie și Management Industrial, Universitatea Tehnică „Gh. Asachi” Iași. Rezultatele cercetărilor efectuate, corelate cu analiza stării de conservare a piesei textile, au permis stabilirea etapelor procesului de conservare-restaurare. Acestea au constat în curățiri mecanice, curățiri umede, curățiri chimice, neutralizări și consolidări, prin coasere pe un suport nou din mătase naturală, ale zonelor care prezentau rupturi cu lacune mari de material, respectând principiul integrării cromatice. Salvarea, prin conservare-restaurare, a textilelor arheologice descoperite la Mănăstirea Căpriansa, contribuie la dăinuirea în timp, a unui tezaur valoros din punctele de vedere istoric, ecleziastic, artistic și documentar integrat în moștenirea cultural națională.

Марианна Гуджяну

Сохранение-реставрация и исследования *литургического Пояса* из склепа митрополита Гавриила Банулеску-Бодони, монастырь Кэприана

Предметом этой работы является *Пояс-археологический текстиль*, часть литургического костюма, обнаруженного в склепе митрополита Гавриила Банулеску-Бодони во время археологических исследований, проведенных в 2016 году в монастыре Каприана, по случаю канонизации митрополита. Рассматриваемая тема относится к мероприятиям по сохранению и восстановлению проводимых в Научно-исследовательском и реставрационном центре в Национальном музейном комплексе «Молдова», Яссы, а также, идентификации структуры ткани археологического тек-

стильного изделия, для дальнейшей классификации. Исследование структуры ткани проводилось в сотрудничестве с Департаментом Инженерии и Дизайна Текстильной Продукции и Факультетом текстиля и кожи и Промышленного управления, Технического университета «Г. Асаки» Яссы. Результаты проведенных исследований, позволили установить этапы процесса реставрации. Они состояли из очистки: механической, влажной и химической, а также нейтрализации и консолидации путем шитья на натуральном шелке, участков с разрывами и с большими зазорами материала, соблюдая принцип хроматической реинтеграции. Реставрация литургического пояса, способствует сохранению во времени ценного сокровища с исторической, церковной, художественной и документальной точки зрения, интегрированное в национальное культурное наследие.

Introducere

Mănăstirea Căpriană se înscrie printre cele mai vechi lăcașe creștine de pe teritoriul Republicii Moldova. Situată la obârșia râului Ișnovăț, în partea centrală a spațiului pruto-nistean, într-o zonă colinară cu păduri istorice cunoscute drept „Codrii Lăpușnei”, Mănăstirea Căpriană, a constituit pe parcursul timpului, cel mai important centru monahal de la răsărit de Prut [Postică 2003]. Pentru prima dată, Mănăstirea Căpriană, este menționată în cartea domnească de danie din 10 februarie 1429, prin care domnul Alexandru cel Bun dăruia soției sale, Marena „mănăstirea de la Vișnevăț unde este egumen Chiprian” [DRH.A, doc. 84, 124-127]. În secolul al XV-lea, la Căpriană a fost edificată biserica *Adormirea Maicii Domnului*, care după multiplele prefaceri și-a păstrat aspectul general inițial, până în prezent.

Între anii 1812-1813, Mănăstirea Căpriană devine reședință eparhială, subordonată direct mitropolitului Chișinăului și Hotinului care, în acea perioadă, era Gavriil Bănulescu-Bodoni. Acesta a fost înmormântat, la Mănăstirea Căpriană, în anul 1821. Figură marcantă a Bisericii Ortodoxe, mitropolitul Gavriil Bănulescu-Bodoni a fost canonizat, la 3 septembrie, 2016, Tomosul de Canonizare fiind citit la Mănăstirea Căpriană.

Laboratorul de conservare-restaurare textile, din cadrul Centrului de Cercetare și Conservare-Restaurare a Patrimoniului Cultural Național, a fost solicitat în luna august, 2016, să participe la cercetarea arheologică efectuată la Mănăstirea Căpriană de către Prof. dr.hab. Gheorghe Postică. Lucrările arheologice s-au desfășurat în exteriorul Bisericii „Adormirea Maicii Domnului”, la cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, în contextul canonizării Sale.

Inventarul arheologic al criptei în care mitropolitul Gavriil Bănulescu-Bodoni s-a odihnit, vreme de 195 de ani, a fost bogat, cuprinzând o tipologie diversă de artefacte: veșminte clericale (*Stihar, fragmente Mănecuțe, Brâu, Epitrahil, Omofor Mare, Sacos, Bederniță, Mitră, Învelitoare de cap*), galoane textile provenite de la sicriu, fragmente din piele de la încălțăminte, fragmente arheologice din metal – *elemente ornamentale și funcționale: cuie; pioneze, provenite de la sicriu*, obiecte de cult: *cruce de mână, cruce cu panglică*, accesorii vestimentare – *nasturi, fragmente de lemn, de la sicriu* [Gugeanu, Anăstăsoaei 2017, 119].

Unul dintre elementele componente importante ale costumului liturgic provenit din mediu arheologic, respectiv, din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, îl constituie piesa textilă *Brâu* (fig. 1).

Utilizat de către multe popoare, în diferite epoci, începând cu Epoca Bronzului, atât în vestimentația laică cât și liturgică, cunoscut sub diferite denumiri – brâu, centură, cingătoare, curea etc., realizat din materiale diverse – fibre textile, țesături, piele, metal, prin tehnici diferite, în

Fig. 1. Brâu. Ansamblu înainte de conservare-restaurare.

Fig. 1. Girdle. Overall presentation before conservation-restoration.

funcție de materialul utilizat (împletire, țesere, confecționare) acest element de îmbrăcăminte a avut, inițial, un rol funcțional, fiind fixat în jurul taliei pentru a conferi lejeritate de mișcare în cazul hainelor ample și lungi [Palade 2007, 64-65].

În ceea ce privește vestimentația liturgică, brăul reprezintă un element important al acesteia. Pentru sfințele slujbe, arhiereul îmbracă 7 veșminte: stihar, epitrahil, brâu, mânecuțe, bederniță, omofor, sacos, precum și o serie de insigne sau ornate - cruce, engolpion, mitră și cărjă. Brăul, ca veșmânt liturgic, a fost introdus în cultul creștin începând cu secolul V d. Chr. Având inițial un rol funcțional, acesta era purtat de către preoți și arhierii peste stihar și epitrahil, fiind înfășurat în jurul mijlocului, pentru ca mișcările acestora în timpul slujbei să nu fie stânjenite de veșmintele ample. În timp, i s-a conferit și un rol decorativ, în prezent, fiind confecționat din brocart, cu o cruce brodată sau aplicată în zona centrală, cu lungimea de 50 cm și lățimea de 6-8 cm, având la capete două fâșii de material cu care se leagă strâns în jurul mijlocului. În același timp, însă, la fel ca și celelalte veșminte componente ale costumului liturgic, brăul are și o semnificație spirituală, constituind un simbol al puterii, al credinței și al adevărului, al purității și sfințeniei, al comuniunii cu Dumnezeu [Gregorian, 1941, 71-76; Braniște 2015, 320-321].

Conservare - restaurare

În momentul recepției obiectelor textile arheologice, inclusiv a piesei textile **Brâu**, de către specialiștii Centrului de Cercetare și Conservare – Restaurare, din punctul de vedere al stării de conservare a piesei textile menționăm prezența urmelor unui atac de mucegai (cauzat de valoarea ridicată a umidității din mediul de înhumare); se remarcă efectul negativ al acestui atac, în sensul contribuției, alături de ceilalți factori de degradare, la fragilizarea excesivă a materialului textil. De asemenea, existau, în cantitate mare, exuvii, depuneri de pământ, săruri, și depuneri provenite din descompunerea materiilor organice din mediul de înhumare (fig. 2,a-b). pH-ul materialului textil înainte de aplicarea intervențiilor de conservare activă indica valoarea de 5. Pe anumite porțiuni, erau prezente urme de vegetație (rădăcini de plante inserate în structura țesăturii) care au contribuit la accentuarea stării de degradare a materialelor textile.

Piesa textilă prezenta, în proporție mare, rupturi și lacune de material, ale țesăturii de mătă-

Fig. 2. Brâu. a - înainte de conservare; b - fața piesei – detalii.

Fig. 2. Girdle. a - before conservation; b - The front side of the piece – details.

se care constituie fața brăului. De asemenea, erau prezente cute adânci și plieri accentuate, produse în mod aleatoriu (fig. 2,a-b). Efectul conjugat al factorilor de degradare din mediul de înhumare, s-a reflectat în procesul de alterare a proprietăților mecanice ale materialelor textile, rezultatul final constituindu-l diminuarea accentuată a rezistenței mecanice a acestora.

Primele operații efectuate în cadrul procesului de conservare activă au constat în dezinfectia materialului arheologic urmată de hidratare progresive alternate cu curățiri mecanice¹. Detașarea mecanică

1. Conservarea post situ, desfășurată la Mănăstirea Căprioara, a fost realizată în colaborare cu doamna expert, dr.hab. Nicoleta Vornicu de la Centrul Mitropolitan de Cercetări T.A.B.O.R, Iași.

Fig. 3. Brâu. a - în timpul tratamentelor umede. Ansamblu; b - în timpul uscării. Ansamblu.

Fig. 3. Girdle. a - During the wet treatment. Overall view; b - during the drying. Overall view.

a impurităților grosiere, fixate superficial, s-a efectuat prin perierea ușoară a piesei. Operația de hidratare progresivă, desfășurată în mai multe etape, a însumat un necesar de timp de 276 ore, deoarece piesa, aflată în stare de degradare avansată, „a răspuns” foarte greu la acest tratament, permițând, după un timp îndelungat, manevrarea, deplierea și imersarea în soluția de curățire. A urmat deplierea parțială a materialului textil și continuarea curățirii mecanice. Procesul de conservare-restaurare a continuat cu etapa de curățire umedă, prin imersie în baie cu soluție de apă, alcool, glicerină și detergent neutru (pentru îndepărtarea depunerilor solubile și deplierea totală a materialului textil). Curățirea mecanică și curățirea umedă s-au efectuat în etape alternative, în funcție de natura și aderența depunerilor de impurități la materialul ar-

heologic (fig 3,a). Uscarea fragmentelor s-a făcut pe sticlă, urmărind întinderea țesăturii și deplierea ușoară a cutelor formate aleatoriu (fig. 3,b).

Pentru etapa de consolidare au fost vopsite, în nuanțe cât mai apropiate de nuanța piesei, atât țesătura de mătase naturală cât și firele de borangic. Consolidarea s-a făcut prin coasere, cu fire de borangic, în gherghef, pe noul suport textil de mătase naturală, pregătit anterior. Ca o măsură suplimentară de protecție, pe fața piesei a fost atașat, prin coasere, un tul, vopsit în nuanța piesei textile (fig. 4).

Elemente descriptive

Piesa textilă arheologică *Brâu*, care constituie subiectul acestei lucrări, prezintă, în ansamblu, culoarea ocru-maronie, cu mențiunea faptului că, se remarcă o diferență de nuanță între firele de urzeală care alcătuiesc *motivele decorative* și firele de bătătură componente ale țesăturii care reprezintă *fondul* motivele decorative. Acest lucru poate constitui un indiciu al faptului că, probabil, culorile originale ale celor două sisteme de fire au fost diferite. Țesătura este realizată din fire de mătase naturală, decorul fiind alcătuit din trei registre cu motive florale (unul cu lățimea de 5,5 cm și două cu lățimea de 3 cm), individualizate cu ajutorul a patru benzi (două mai late și două mai înguste) cu motive geometrice. Piesa textilă s-a păstrat în stare fragmentară. Cele cinci fragmente de brâu au dimensiuni diferite atât pe direcția lungimii, cât și pe direcția lățimii, respectiv, lungimea cuprinsă între 5,5 – 68 cm iar lățimea cuprinsă între 11,5 – 18 cm. Pe direcția lungimii brâului, în zonele unde se observă urme de tivire a materialului, benzile decorative

Fig. 4. Etapă intermediară de conservare-restaurare – detaliu.

Fig. 4. Intermediate stage of restoration-conservation – detail.

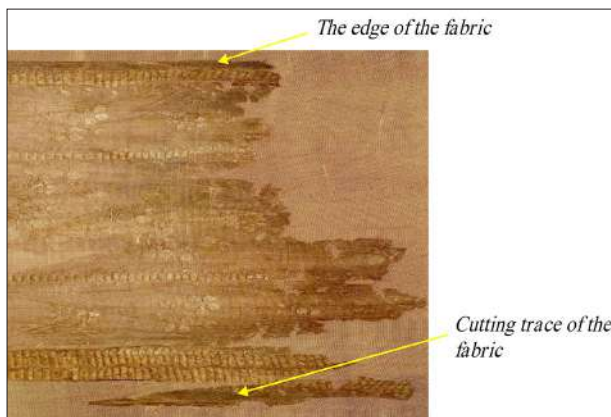

Fig. 5. Fragment brâu după curățirea umedă.

Fig. 5. Fragments of the girdle after the wet cleaning.

marginale au lățime diferită în cazul tuturor celor cinci fragmente. Lățimea diferită, atât a fragmentelor textile, cât și a benzilor decorative marginale, ne determină să presupunem că, aceste fragmente au fost decupate, pe direcția lungimii, dintr-o țesătură

Fig. 6. Reprezentarea grafică a motivelor decorative ale țesăturii.

Fig. 6. Graphical representation of the decorative motifs of the weave.

cu o lățime mai mare (fig. 5) și, ulterior, îndoite și tivite la margine, apoi înnădite pe direcția lățimii, pentru a se obține, în final, dimensiunile dorite ale brâului, respectând continuitatea motivului decorativ. Realizarea reprezentării grafice a motivelor decorative ale țesăturii a relevat existența, în zona benzilor decorative mai înguste, a motivului crucii, simbol al credinței creștine (fig. 6). Descoperirea acestui element ne îndreptățește să presupunem că, țesătura a fost destinată confecționării veșmintelor liturgice.

Date tehnice privind structura țesăturii. Investigații

Rezultatele studiului, referitor la structura țesăturii, au relevat faptul că țesătura de mătase naturală din care este confecționată piesa textilă arheologică *Brâu* se încadrează în clasa țesăturilor compuse, fiind o țesătură lănciată de urzeală. Aceasta conține 3 sisteme de fire: o urzeală de bază (UB) și o bătătură de bază (BB), care formează fondul țesăturii și o urzeală de lănciere (UL), care este dispusă discontinuu peste urzeala de bază și contribuie la realizarea motivelor decorative de pe fața țesăturii (fig. 7). De regulă, când nu evoluează pe fața țesăturii, urzeala de lănciere face flotări mari pe reversul țesăturii. În cazul piesei textile arheologice studiate, în structura țesăturii se remarcă existența unor fire de bătătură speciale, cu rol în ancorarea flotărilor lungi ale firelor urzelii de lănciere de pe reversul țesăturii, în zona motivelor decorative. Firele speciale de ancorare au o finețe redusă comparativ cu cea a firelor bătăturii de bază și prezintă aceeași evoluție (3 luat/1 lăsat) în raport cu urzeala de bază. Acestea sunt introduse în structura țesăturii, în majoritatea cazurilor, la intervale regulate (considerând ca reper un număr de 9 fire de bătătură de bază). Există, însă, și zone în care acest interval este diferit, respectiv, 7/11 fire de bătătură de bază, această neregularitate, conducând la presupunerea că țesătura a fost realizată pe un război de țesut cu acționare manuală.

Urzeala și bătătura de bază leagă cu legătură pânză, constituind fondul pe care sunt dispuse motivele decorative create cu ajutorul firelor de urzeală de lănciere (fig. 8). Acestea leagă cu bătătura de bază și realizează motive complexe pe suprafața țesăturii (fig. 9,a-b). Desimile urzelii

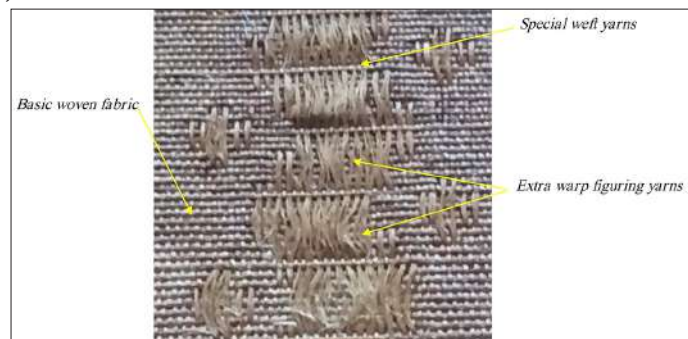

Fig. 7. Brâu. Fața piesei – detaliu. Țesătură lănciată de urzeală.

Fig. 7. Girdle. Front side of the piece – detail. Overshot warp weave.

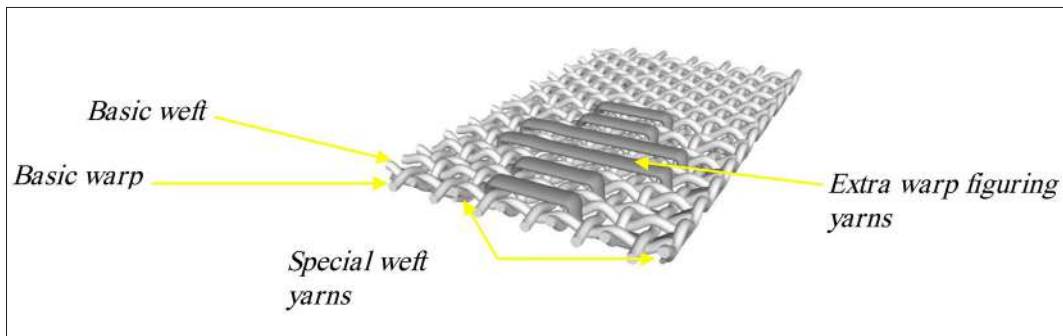

Fig. 8. Reprezentare tridimensională a structurii țesăturii realizată cu programul TexGen. Fața piesei – detaliu.

Fig. 8. 3D graphical representation of the woven fabric (TexGen software). The front side of the piece – detail.

și bătăturii de bază sunt $D_u = 36$ fire/cm, respectiv $D_b = 68$ fire/cm). Urzeala de lanciere are puține zone de discontinuitate, liniile decorative ocupând aproape toată lățimea țesăturii. Reversul țesăturii este „curat”, fără flotări lungi ale urzelii de lanciere în zonele dintre motive (fig. 9,b).

Sistemul suplimentar - urzeala de lanciere – apare, pe fața țesăturii, doar în zona motivelor decorative (fig. 9,a; 10,a). Pe reversul țesăturii, în

zonele corespondente motivelor decorative de pe față, urzeala de lanciere face flotări lungi, fixate cu ajutorul firelor de bătătură speciale (fig. 9,b; 10,b). Din acest motiv, pe reversul țesăturii, în zonele în care urzeala de lanciere flotează, apare efectul de dungi (fig. 9,b).

Remarcăm faptul că, pe reversul țesăturii, în zonele corespondente motivelor decorative de pe față țesăturii (fig. 11,a), zone în care ar trebui să fie vizibilă țesătura de bază ca un negativ al motivelor, urzeala de lanciere este prezentă majoritar

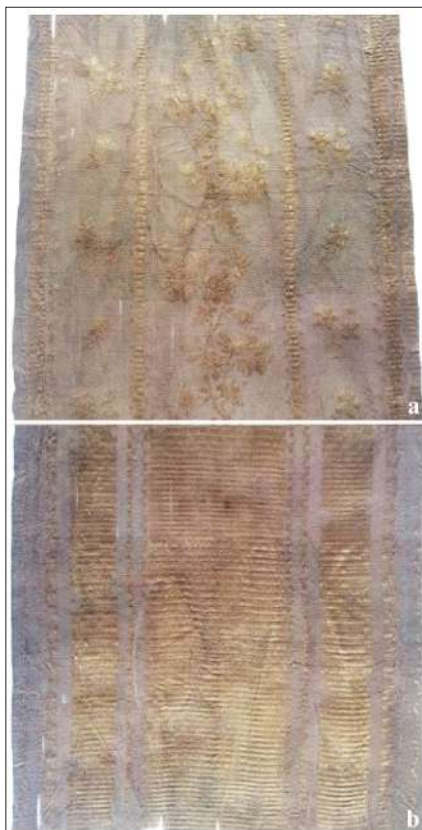

Fig. 9. Brâu. **a** - Fața piesei – detaliu; **b** - Reversul piesei – detaliu.

Fig. 9. Girdle. **a** - Front side of the piece - detail; **b** - Back side of the piece – detail.

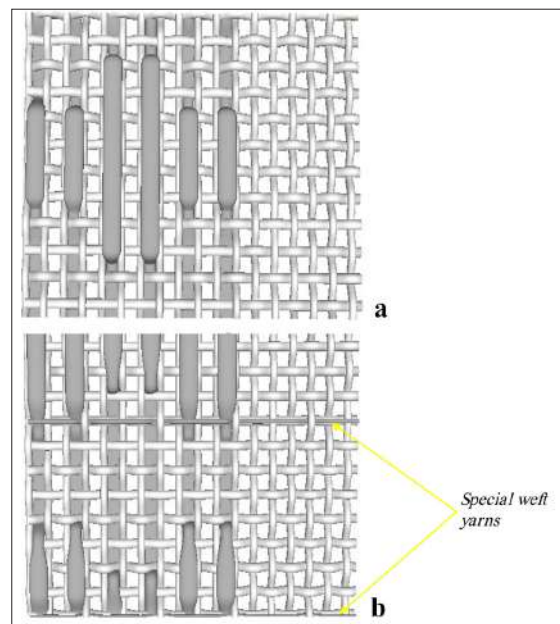
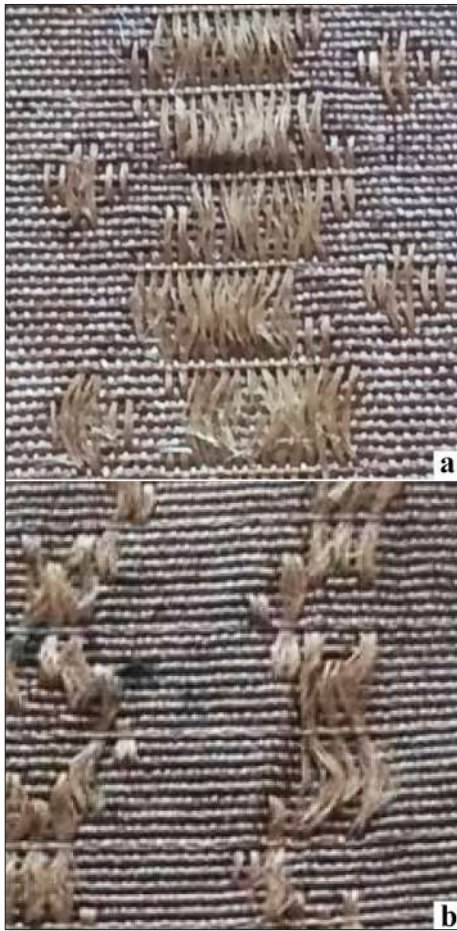

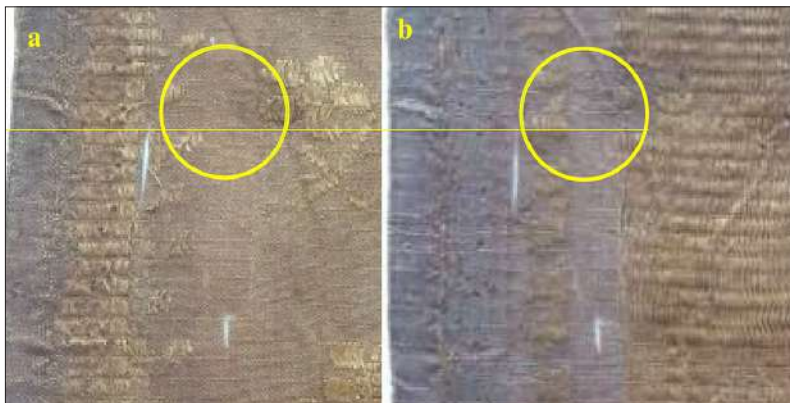
Fig. 10. **a** - Reprezentare tridimensională a structurii țesăturii utilizând programul TexGen. Fața piesei – detaliu; **b** - Reprezentare tridimensională a structurii țesăturii utilizând programul TexGen. Reversul piesei – detaliu.

Fig. 10. **a** - 3D graphical representation of the woven fabric (TexGen software). Front side of the piece – detail; **b** - 3D graphical representation of the woven fabric (TexGen software). Back side of the piece – detail.

Fig. 11. Brâu, după conservare-restaurare. **a** - Fața piesei – detaliu; **b** - Reversul piesei – detaliu.

Fig. 11. Girdle, after conservation-restoration. **a** - Front side of the piece – detail; **b** - Back side of the piece – detail.

Fig. 12. Brâu – detaliu. **a** - Urzeala de lanciere vizibilă pe fața țesăturii, formând motivul decorativ (floare); **b** - Urzeala de lanciere vizibilă, parțial, pe reversul țesăturii, în aceeași zonă.

Fig. 12. Girdle – detail. **a** - The extra warp figuring yarns visible on the front side of the woven fabric, forming the decorative motif (flower); **b** - The extra warp figuring yarns visible partially on the back side of the woven fabric, in the same area.

și pe reversul țesăturii (fig. 11,b). Aceasta se datorează faptului că urzeala de lanciere nu prezintă aceeași desime în toate zonele în care este prezentă, fiind suprapusă peste urzeala de bază cu rapoarte de alternanță 2UB:1UL și 1UB:1UL. În detaliul evidențiat (fig. 12), se observă că motivul floral realizat cu fire de lanciere pe fața țesăturii apare negativ doar parțial pe revers, zona în care urzeala de lanciere începe să fie dispusă cu desime mai mare, începând chiar din zona centrală a motivului floral.

Dublarea numărului de fire de lanciere în zona centrală a *Brâului* și modul de legare selectiv al acestora în cadrul diverselor elemente ale motivelor decorative sugerează ideea că s-au folosit urzeli de lanciere de diferite culori. În cazul țesăturilor semiduble pentru care se utilizează o urzeală suplimentară pentru realizarea unor motive decorative multicolore, pe reversul țesăturii, flotările lungi ale firelor de urzeală de o anumită culoare sunt fixate între flotările firelor de urzeală de culoare diferită, fiind, practic, „ascunse” de către acestea. În concluzie, putem presupune că, în anumite zone, motivele decorative ale brâului au avut culori diferite.

Vestimentația liturgică reprezintă, prin forma deosebită și calitatea materialelor, o componentă importantă a ritualului, constituind, prin ea însăși, un vehicul pentru mesajul creștin, corespunzător unui anumit cod de credințe și simboluri. Totodată, în afara rolului ornamental, veșmintele liturgice reprezintă un mijloc de permanentă aducere aminte a principalelor evenimente din istoria biblică care sunt întipărite în semnificația lor spirituală.

Concluzii

Rezultatele studiului, referitor la structura țesăturii, au relevat faptul că țesătura de mătase naturală din care este confecționată piesa textilă arheologică *Brâu* se încadrează în clasa țesăturilor compuse, fiind o țesătură lanciată de urzeală. Realizarea reprezentării grafice a motivelor decorative ale țesăturii a relevat existența, în zona benzilor decorative mai înguste, a motivului crucii, simbol al credinței creștine. Descoperirea acestui element ne îndreptățește să presupunem că, țesătura a fost destinată confecționării veșmintelor liturgice.

Finalizarea procesului de conservare-resta-

urare pentru textilele arheologice descoperite la Mănăstirea Căpriană, va contribui la punerea în valoare a tezaurului documentar, deopotrivă istoric, ecleziastic, artistic, pe care acești mesageri îl poartă pentru generațiile de astăzi și viitoare.

Multe dintre informațiile istorice, artistice, tehnice, privind textilele istorice, sunt obținute datorită supraviețuirii textilelor utilizate în scop liturgic. Îmbinarea, cu rafinament, a diferitelor materiale prețioase (mătase, fire de aur sau argint, perle, pietre prețioase) prin diferite tehnici textile, respectând inspirația din izvoare canonice și liturgice și totodată simbolismul, demonstrează talentul și priceperea celor care, în trecut, au creat adevărate opere de artă textilă.

Mulțumiri

Domnului profesor dr. hab. Gheorghe Postică, Ministerul Educației, Culturii și Cercetării, Republica Moldova, doamnei conf. dr. ing. Irina Cristian, Facultatea de Textile – Pielărie și Management Industrial, Universitatea Tehnică „Gheorghe Asachi” din Iași pentru studiul privind structura țesăturii, doamnei ing. Doina Anăstăsoaei, expert restaurator textile, Complexul Muzeal Național „Moldova” Iași, studentului Ionuț Gugeanu, Facultatea de Arhitectură „G. M. Cantacuzino”, Universitatea Tehnică „Gh. Asachi”, Iași pentru realizarea desenului motivelor decorative și domnului Loredan Baiardi, TVR Iași, pentru documentația foto realizată.

Bibliografie

Braniște 2015: E. Braniște, Liturgica generală, vol II, Ediția a II-a (București 2015).

DRH-A: Documenta Romaniae Historica. A. Moldova, Vol. I (București 1975).

Gregorian 1941: V. Gregorian, Veșmintele liturgice în Biserica Ortodoxă. Tipografia Sfintei Mitropolii a Olteniei (Craiova 1941).

Gugeanu, Anăstăsoaei 2017: M. Gugeanu, D. Anăstăsoaei, Conservarea in situ a textilelor arheologice de la Mănăstirea Căpriană, Republica Moldova. In: RESTITUTIO, Nr.11 (Muzeul Satului, București 2017), 113-123.

Palade 2007: M. Palade, The Symbolic Significance of the String-Course in Orthodox Sacred Architecture. In European Journal of Science and Theology, June 2007, Vol.3, No.2, 61-70.

Postică 2003: Gh. Postică, Mănăstirea Căpriană (de la întemeiere până în zilele noastre) (Chișinău 2003).

Pruteanu 2010: P. Pruteanu, Arheologia liturgică a Bisericii Ortodoxe, Ediția a III-a (Zăbriceni 2010).

Mariana Guceanu, expert restaurator textile, IA, Centrul de Cercetare și Conservare Restaurare a Patrimoniului Cultural, Complexul Muzeal Național „Moldova”, Iași, România, e-mail: m_guceanu@yahoo.com

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriansa 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

RECENZII ȘI PREZENTĂRI DE CARTE – РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW

Ștefan Honcu. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.).*
Constanța, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planșe.
ISBN 978-606-565-135-7

Sub auspiciile Institutului de Cercetări Eco-Muzeale „Gavrilă Simion” Tulcea, în colecția Scythia Minor (coordonată de dr. Mihaela Iacob și dr. Constantin Băjenaru) a Bibliotecii Istro-Pontica, Seria Arheologie, cu nr. 15, recent a apărut o carte foarte utilă pentru arheologii preocupați de studierea vestigiilor din epoca antică, consacrată unei categorii de vase de lut romane mai puțin analizată în literatura de specialitate – ceramica de bucătărie. Lucrarea are la bază teza de doctorat a domnului Ștefan Honcu, susținută sub îndrumarea prof. univ. dr. Lucrețiu Bîrliba la prestigioasa Facultate de Istorie a Universității „Alexandru Ioan Cuza” din Iași în anul 2015, completată și definitivată ulterior grație unor solide documentări la bibliotecile școlilor străine din Roma. În calitate de referenți științifici ai publicației apar numele a două personalități notorii în studiul ceramicii romane din *Scythia Minor* – dr. Andrei Opaț și dr. Dorel Paraschiv. Volumul constă din introducere (pp. 11-21), cinci capitole (pp. 23-191), dintre care trei structurate în mai multe subcapitole, o anexă cu rezultatele analizelor petrografice (pp. 193-198), lista abrevierilor din lucrare și catalog (pp. 199-200), o consistentă bibliografie (pp. 201-219), un succint rezumat în limba engleză (pp. 221-225) și ilustrația alcătuită din 33 de planșe grafice și color.

În **Introducere** autorul argumentează necesitatea demersului său științific în condițiile lipsei unui studiu care ar fi vizat în mod special vesela de bucătărie din primele trei secole ale erei creștine, descoperită în spațiul istro-pontic, propunându-și atât o abordare de ansamblu a problematicii acestei categorii ceramice, cât și analiza modului în care descoperirile respective pot fi corelate cu vase similare găsite în alte zone geografice ale Imperiului roman. Pentru realizarea lucrării au fost consultate studii elaborate de specialiști în domeniu din Marea Britanie, Germania, Italia, Franța etc., iar stagiile de documentare în bibliotecile din Roma și Viena, participarea la diferite congrese internaționale și

contactul cu diverși specialiști au avut un rol primordial pentru o mai bună înțelegere a literaturii aferente subiectului și a ceramicii ca parte integrantă a culturii materiale și a economiei romane. Sunt menționate laconic problemele legate de limitarea accesului la unele materiale descoperite în diferite situri dobrogene și de lipsa publicării rezultatelor cercetărilor arheologice.

În subcapitolul *Relevanța temei* autorul susține că acum, în contextul dezvoltării continue a metodelor și tehnicilor de investigare a trecutului, al abordărilor interdisciplinare, se impune studierea tuturor aspectelor ce țin de activitățile antropice din diferite perioade istorice, iar studiul ceramicii de bucătărie din spațiul dintre Dunăre și Marea Neagră, care nu a beneficiat de o cercetare detaliată în ultimele decenii, ar putea furniza un ansamblu complex de informații de ordin economic și social, în măsură să contribuie la reconstituirea unei secvențe veridi-

ce despre utilizarea cotidiană a acesteia în sec. I-III p.Chr. Ceramica de bucătărie a fost împărțită după criterii tipologice, ținându-se cont de caracteristicile morfologice și de centrele de producție a vaselor. S-au folosit informații din alte domenii – epigrafie, literatură antică, religie, antropologie, arheozoologie și arheobotanică, iar pentru o imagine cât mai completă s-au avut în vedere rezultatele cercetărilor similare asupra vaselor de bucătărie din alte teritorii ale lumii romane.

Importanța și necesitatea studiilor referitoare la problemele de metodologie a ceramicii romane sunt evidențiate în subcapitolul *Considerații de natură metodologică*, autorul expunându-și regretul că propunerile judicioase ale cercetătoarei I. Bogdan-Cătănicu dintr-o publicație apărută în 1980 au rămas un deziderat și după mai bine de un sfert de veac, fără să existe nici acum o concepție unitară în privința descrierii și publicării ceramicii romane din Moesia Inferior și Dacia. Este formulată definiția ceramicii de bucătărie (*vasa conquina(toria)*) – totalitatea vaselor care erau întrebuintate pentru prepararea mâncării (fiert, fript, copt) – oale, cratițe, castroane, tigăi și capace. De asemenea, sunt concretizate limitele cronologice ale studiului: intervalul de timp corespunzător începutului sec. I (aparitia puterii romane la gurile Dunării) și, respectiv, al reorganizării administrative de la sf. sec. III p.Chr. Abordarea metodologică pentru îndeplinirea obiectivelor studiului include mai multe direcții: metoda analitică, comparativă, descriptivă, statistică, tipologică, criteriul stabilirii funcționalității și destinației vasului.

Ultimul subcapitol al introducerii, *Stadiul cercetării ceramicii romane de bucătărie*, cuprinde succinte referiri la istoricul cercetării ceramicii de bucătărie romane la nivel internațional, în spațiul românesc și cel istro-pontic. Autorul menționează înființarea în anul 1957 a asociației *Rei Cretariae Romanae Fautores*, iar în ultimele decenii – *Late Roman Coarse Ware* și *International Lychnological Association*, create pentru promovarea realizărilor științifice în domeniul ceramologiei. Este subliniat rolul lui A. Shepard, care în 1985 propunea o nouă abordare pentru obținerea tipurilor ceramice specifice, parte integrantă a activității de relevare a esenței societăților trecute – scopul fundamental al misiunii arheologului. P. Rice în anul 2005 a sistematizat o serie de concepte și probleme legate de studiul olăriei, oferind o perspecti-

vă unitară asupra înțelegerii statutului obiectului ceramic. M. Vegas (1973) analizează ceramica comună (amforele, vasele de băut, ceramica de masă și ceramica de bucătărie) descoperită în provincia romană Hispania, iar A. Bruckner – ceramica din Germania. Cercetătorul francez M. Bats definește ceramica de bucătărie, oferind câteva criterii de determinare, cercetătoarea C. Panella din Italia propunând o divizare a recipientelor de bucătărie în funcție de utilitatea lor. Importante probleme sunt abordate în lucrările semnate de D.P.S. Peacock și Th. Peña. Pentru regiunea Dunării de Jos și a litoralului nord-vest pontic sunt enumerate contribuțiile cercetătorilor ruși, polonezi și bulgari referitoare la ceramica romană: T. Knipovič, V. Gaidukevič, I. Zeest, T. Arseneva, A. Burakov, T. Krapivina, S. Vnukov, E. Klenina, D. Zhuravlev, P. Dyczek, B. Sultov, G. Guzmanov, G. Kabakčieva și A. Dimitrova-Milčeva. Dintre lucrările arheologilor români care au studiat ceramica romană din România în general și Scythia Minor în special sunt menționate cele semnate de Gh. Popilian, V. Rusu-Bolindeț, I. Bogdan-Cătănicu și Al. Barnea, Al. Suceveanu, A. Opaț, Fl. Topoleanu, I.C. Opriș, V.H. Baumann, Al. Bădescu și M. Mocanu.

Capitolul I. **Centre de producere a ceramicii de bucătărie din spațiul istro-pontic** este alcătuit din patru subcapitole. În primul, *Direcții de cercetare*, autorul subliniază că studiile asupra ceramicii au avut drept obiectiv principal reconstituirea fenomenului economic în antichitatea clasică greco-romană. Începând cu cercetarea inscripțiilor de pe amfore, a *terra sigilata* și opaițelor cu marca producătorului, s-a trecut la clasificări tipologice și identificarea centrelor de producere a ceramicii, ultimul aspect fiind cel mai dificil de stabilit (echipamentul de bucătărie deținut de militari, spre exemplu, avea forme preluate și răspândite pe arii extrem de largi). Prin cercetarea ceramicii de bucătărie s-a urmărit identificarea produselor realizate pe plan local, delimitarea tipologică și ponderea lor în cadrul economiei provinciei. Altă direcție de cercetare o constituie problema importurilor vaselor de bucătărie și măsura în care ele au influențat și suplinit manufacturarea acestora pe plan local. Autorul include în categoria ceramicii locale atât vasele de tradiție geto-dacă, cât și imitațiile unor produse romane în serie, pentru satisfacerea solicitărilor noii populații romane instalate în zonă. Sunt puține date despre confecționarea vaselor pe

plan local în sec. I p.Chr., iar începând din sec. II se constată creșterea importurilor ceramicii de bucătărie, imitarea unor importuri și dezvoltarea unei producții locale în centre cum ar fi *Nicopolis ad Istrum* (Hotnica, Butovo, Pavlikeni), *Durostorum*, *Histria*, Barboși, *Novae*.

Al doilea subcapitol, *Ateliere pentru producerea ceramicii de bucătărie descoperite în mediul militar*, începe cu constatarea faptului că problematica producției locale a ceramicii din spațiul istro-pontic în epoca Principatului este una complicată, deoarece n-au fost descoperite decât foarte puține ateliere, cu toate că cercetări arheologice s-au desfășurat încă din a doua jumătate a sec. XIX. O serie de instalații și *officinae* au fost cercetate de arheologii bulgari în preajma localităților Hotnica, Butovo și Pavlikeni din teritoriul nicopolitan, care au funcționat din sec. II până în sec. IV p.Chr. și unde s-a produs și ceramică de bucătărie – B. Sultov delimitează patru forme atribuite acestei categorii. Dacă apariția și funcționarea centrului respectiv de producție a ceramicii sunt puse în contextul general al dezvoltării economice a provinciilor romane, atunci existența celor amplasate în limitele castrelor de la *Novae* și *Oescus* (în ultimul, ipotetic) din teritoriul actual al Bulgariei, și *Durostorum*, *Troesmis* și *Noviodunum* (ateliere ceramice nefiind descoperite deocamdată nici în ultimele două cetăți), unde au staționat diferite unități militare romane, se consideră a fi datorată anume prezenței acestor trupe. La *Novae* și *Oescus*, printre alte unități militare, se numără legiunile *V Macedonica* și *I Italica*; la *Durostorum* este atestată prezența *Cohors II Flavia Brittonum* din a doua jumătate a sec. I până în perioada de domnie a lui Traian, apoi *Legiunea XI Claudia*; la *Troesmis* – *Ala I Pannoniorum* și sediul *Legiunii V Macedonica*; *Noviodunum*-ul se dezvoltă urban și militar ca bază a flotei romane create de Vespasian *Clasis Flavia Moesica* și a unor detașamente din *Legiunea V Macedonica*, ulterior din *Legiunea I Italica*. Autorul este de acord cu afirmația lui A. Rădulescu din 1975 că în Dobrogea romană trebuie să fi existat o activitate meșteșugărească de primă importanță cu puternice tradiții în orașele de pe litoral și în centrele de pe *limes* – o producție locală, cu imitații, dar și cu trăsături proprii. În încheierea subcapitolului este citat M. Bats (1994), care menționează că studiul atent al ceramicii descoperite în centrele militare poate demonstra faptul

că modalitățile obișnuite de aprovizionare având ca punct de plecare atelierele civile puteau susține nevoia acestora, în timp ce producția militară era redusă la minimum.

Subcapitolul trei, *Ateliere pentru producerea ceramicii de bucătărie descoperite în orașele grecești (secolele I-III p.Chr.) de pe litoralul vest-pontic*, este consacrat analizei situației referitoare la producția locală de vase, cu foarte puține date disponibile. Deși la *Histria*, de exemplu, cercetările arheologice au început cu peste un secol în urmă, se cunosc doar două cuptoare – unul care producea ceramică fină în prima jumătate a sec. II p.Chr., și al doilea din sec. I p.Chr. Al. Suceveanu a atribuit ceramicii romane lucrate în ateliere locale 430 de exemplare din totalul celor descoperite la *Histria*. Cronologic, au fost delimitate patru perioade de funcționare a acestor ateliere: debut modest în sec. I p.Chr.; dezvoltare majoră în cursul sec. II; productivitate maximă între anii 170-250 și declin brusc după mijlocul sec. III p.Chr. Autorul nu exclude posibilitatea confecționării vaselor de bucătărie la *Histria*. Alt centru ipotetic de olărie este localizat la *Tomis* – cu toate că nu este publicat nici un cuptor, însă au fost descoperite cupe, cănițe, boluri, kratere, oale de bucătărie, ulcioare, unguentarii și străchini produse local. Merită toată atenția și informația primită de autor de la cercetătorul ieșean dr. Costel Chiriac despre descoperirea la Constanța, acum câteva decenii, a unui complex de câteva cuptoare cu șarja în ele, inclusiv veselă de bucătărie, rămas nepublicat. La *Argamum* a fost identificat un cartier meșteșugăresc în afara incintei cetății – un cuptor din perioada elenistică și altul din perioada romano-bizantină – până în 2012 *extramuros* fiind descoperite sute de fragmente de vase de bucătărie – lucrate cu mâna și la roată, importate, getice sau provincial-romane – care (cu excepția celor importate) sugerează ideea unei producții ceramice locale. Și pentru *Callatis* sunt puține date, însă recent A. Opaiț și M. Ionescu au publicat ceramica de bucătărie descoperită în două puncte distincte din Mangalia, incluzând trei tipuri de oale, patru tipuri de caserole și trei de tigăi.

Ultimul subcapitol, *Ateliere pentru producerea ceramicii de bucătărie descoperite în mediul rural*, conține informații referitoare la rezultatele cercetărilor arheologice efectuate în mediul rural al cetăților de pe limesul dunărean – așezări de tip *villa rustica* sau tradiționale. La Valea Mori-

lor, Frecăței, Telița Amza și Sarichioi-Sărătura au fost descoperite centre ceramice specializate în producerea vaselor utilitare în perioada sec. II-IV p.Chr. cuprinzând oale, castroane, tigăi, căni, opaite, cratițe și afumători lucrate atât la roată, cât și cu mâna. Două cuptoare identificate la Gura Canliei au activat în sec. II-III p.Chr. – vasele descoperite în ruinele instalațiilor sunt din categoria celor de masă, dar nu se exclude încadrarea unora dintre ele în grupa ceramicii de bucătărie. Autorul încearcă să surprindă fenomenul romanizării prin producerea în aceste ateliere ceramice rurale a ceramicii de tip roman, după cum dovedesc cercetările arheologice. În epoca romană târzie atelierele rurale își încetează activitatea din cauza atacurilor popoarelor migratoare, iar în cele din orașe producția se standardizează și are loc un declin generalizat al producției ceramice.

Capitolul II. **Principalele tipuri de vase de bucătărie descoperite în spațiul istro-pontic** reprezintă catalogul-repertoriu al materialelor provenind de la *Argamum*, Baia-Caraburun, *Durostorum*, *Histria*, *Ibida*, Niculițel, *Noviodunum* și *Tomis* și este alcătuit din 13 subcapitole ce corespund categoriilor delimitate de autor după formă, utilitate și proveniență. În total sunt prezentate 319 vase – cu date tehnice, descriere amănunțită, date, referințe bibliografice (dacă au fost publicate), analogii largi pentru fiecare tip. Primul subcapitol include *Oale provincial-romane* – 96 de recipiente, în cadrul cărora sunt evidențiate 17 tipuri. Cel de-al doilea subcapitol, intitulat *Oale lucrate cu mâna și/sau la roată de tradiție La Tène* cuprinde 20 de exemplare, toate încadrate într-un singur tip. În subcapitolul al treilea, *Oale importate*, sunt incluse 11 recipiente împărțite în patru tipuri, iar în subcapitolul al patrulea – *Oale pentru depozitare (dolia)* – 9 vase divizate în trei tipuri. Astfel, în total au fost analizate 136 de oale. Următorul compartiment, al cincilea, *Cratițe (caserole)*, cuprinde 29 de exemplare-voci clasificate în trei tipuri. Subcapitolele șase – *Tigăi provincial-romane* (51 de vase, opt tipuri) și șapte – *Tigăi importate* (6 exemplare, de două tipuri – cu slip roșu pompeian și cărămizii, provenind probabil din zona cetății Heraclea), cuprind prezentarea a 57 de tigăi în total. Compartimentul al optulea, *Castroane (patera)*, vizează 55 de exemplare de astfel de vase, clasificate în 16 tipuri. Subcapitolul al nouălea este dedicat *Mortaria (pelves)*, cu 6 exemplare împărțite în trei tipuri,

iar al zecelea – *Recipientelor pentru apă (căldărilor)*, care includ numai două exemplare. Compartimentul al unsprezecelea, *Strecurători (cribum)*, include un singur vas. Subcapitolul al doisprezecelea – *Capace provincial-romane (opercula)* – cuprinde 32 de exemplare delimitate în trei tipuri și ultimul, al treisprezecelea, *Capace importate*, este reprezentat printr-un singur exemplar.

Capitolul III. **Ceramica de bucătărie și romanizarea spațiului istro-pontic**, este alcătuit dintr-o scurtă introducere și trei subcapitole. Autorul, pornind de la afirmația lui Al. Suceveanu referitoare la romanizarea teritoriului rural dintre Dunăre și Marea Neagră, că „reacția mediului rural poate da măsura realelor dimensiuni ale romanizării”, discută factorii care au contribuit la acest fenomen prin intermediul studiului ceramicii de bucătărie. Se formulează o succintă definiție a romanizării, arătându-se cele două procese paralele ce au însoțit fenomenul – pe de o parte, adaptarea romanilor la mediul local și, pe de altă parte, acceptarea noilor veniți și adaptarea populației locale la beneficiile civilizației romane.

Primul subcapitol, *Produce romane în mediul militar și civil din spațiul istro-pontic: cerere și ofertă*, se referă la analiza fluxului importurilor romane înainte și după cucerirea romană, în mediul militarilor din castre și lagăre, în mediul urban și cel rural. Se observă că în mediul rural predomină ceramica autohtonă, în special în perioada de început a stăpânirii romane, și invers, în orașe și în mediul militar predomină ceramica provincial-romană, iar cea de tradiție locală este slab reprezentată. Se amintesc câteva surse epigrafice descoperite la *Troemis* și *Durostorum*, ce atestă comunități din care făceau parte și negustori – prezența unităților armate le asigurau acestora o piață de desfacere sigură.

În al doilea compartiment, intitulat *Aspecte ale influenței romane asupra civilizației locale văzute prin prisma ceramicii de bucătărie*, autorul menționează că cucerirea romană a forțat populația autohtonă să se redefinească, să accepte noua civilizație, mai avansată. Modificările se pot sesiza prin noi stiluri ceramice, materiale de construcție, elemente vestimentare, diete. C. Scorpan a constatat apariția la *Tomis* și *Callatis* a unor noi forme și tipuri ceramice, utilizarea mai largă a roții olarului, iar în așezarea rurală din Valea lui Marinciu – acceptarea de către populația getică

locală a multor produse romane: sticlă, ceramică, fibule, monede. În aşezarea daco-romană de la Straja au fost descoperite țigle și vase romane, ultimele păstrând însă și tradițiile autohtone. De asemenea, în siturile de la Fântânele și Baia-Caraburun se atestă simbioza dintre trei culturi – locală, greacă și romană. La Baia-Caraburun vesela de bucătărie este reprezentată prin ceramică provincial-romană (inclusiv imitații), de import și locală. Așezarea de la Ibida este una autohtonă, peste care s-a suprapus habitatul apărut odată cu venirea romanilor. În necropola birituală de la Enisala s-au găsit 27 de vase confecționate în mediu roman, inclusiv 24 de ulcioare amforoidale. Procesul de aculturație și interculturație mai este dovedit prin practică depunerii monedelor (obolul lui Charon) în morminte, prin inscripții epigrafice, existența *villae rusticae*, incorporarea autohtonilor în armata romană etc.

Subcapitolul *Romanizarea din perspectiva ceramicii* include un pasaj referitor la ceramica geto-dacică, care cunoaște o înflorire în perioada sec. I-II p.Ch., de la începutul sec. III constatându-se diminuarea ei cantitativă continuă, iar în sec. IV dispare, din cauza activității marilor ateliere din provincie. Pe de altă parte, prezența ceramicii getice în mediul militar demonstrează faptul că armata romană se aproviziona și cu recipiente produse în mediul rural. Confecționarea acestei ceramici, atât cu mâna, cât și la roată, în perioada romană, indică gradul de romanizare și adaptare a populației rurale prin preluarea noilor tehnologii. Astfel, ceramica getică din perioada romană trebuie privită ca o verigă de trecere de la perioada clasică a populației getice la cea romană și la standardizarea vaselor de bucătărie pe întreg cuprinsul provinciei *Moesia Inferior*. Acceptarea tehnologiilor superioare romane de către autohtoni a dus la confecționarea ceramicii getice la roată, dar n-a avut efectele scontate (crearea unei industrii ceramice getice), susține Ș. Honcu, ci la acceptarea noilor forme ceramice provincial-romane, care erau net superioare – în aceste condiții se poate vorbi despre o romanizare a populației autohtone văzută prin prisma confecționării ceramicii de bucătărie.

Capitolul IV. **Dieta populației romane din spațiul istro-pontic în lumina descoperirilor arheozoologice și arheologice.** După instalarea puterii romane la gurile Dunării, s-a trecut la un nou mod de organizare economică și teritorială a provinci-

ei nou înființate. Clima secetoasă vara și friguroasă iarna, terenul accidentat nu erau tocmai prielnice practicării agriculturii, totuși acolo se cultivau din cereale meiul, grâul și orzul. Grâul constituia elementul de bază în dieta anticilor – din grâu se cocea pâine, se fierbea terci etc. Descoperirile arheologice demonstrează pătrunderea uneltelor agricole romane (depozitul de la Moșneni; săpăliga de la Fântânele; un brăzdar, o daltă, o sapă și lame de seceră de la Telița Amza; unelte de la *Tropaeum Traiani*). La Moșneni au fost găsite semnițe carbonizate de grâu și orz, la Murighiol – boabe de linte și măzărache. Inul, cânepa și pelinul erau plantele din care se obțineau fibre textile vegetale. Era produs și vinul pe plan local, iar numeroase recipiente ceramice utilizate pentru transportarea, păstrarea și servirea băuturilor, pe lângă plăcile votive de la Beroe și *Tomis*, susțin această presupunere. Studiile arheozoologice au arătat că în zona istro-pontică se creșteau oi și capre, taurine și porcine, cai și măgari, găini, găște, rațe și porumbei în gospodării. De asemenea, se practica vânatul și pescuitul.

Se trage concluzia, că principalele produse alimentare consumate de populația spațiului istro-pontic în sec. I-III p.Ch. erau legumele, cerealele, carnea și peștele. După informațiile lui Ari-an, carnea era fie fiartă, fie friptă, iar unul dintre cele trei vase de bucătărie folosite în acest scop era oala „cu smalt”. Pentru coacerea pâinii se utilizau tigaiile acoperite cu slip roșu pompeian. În cratițe se prepara sau se încălzea mâncarea. Autorul a observat că cratițele din diverse situri, analizate de el, spre deosebire de oale și tigăi, aveau pereții și baza subțiri. Dieta soldaților romani staționați în zonă consta din grâu, slănină, brânză și legume pentru mâncare și vin acru pentru băut. Populația civilă se aproviziona cu produse alimentare, în special carne, pește și legume din piețe (*macellum*), care se organizau zilnic, iar mâncarea se prepara acasă, în bucătării amenajate.

Capitolul V. **Considerații finale** conține o serie de concluzii ale autorului despre rezultatele cercetărilor realizate pe baza ceramicii de bucătărie din regiunea istro-pontică în perioada principatului. Studiul acestei categorii ceramice oferă informații despre diverse aspecte ale modului de viață: rute comerciale, diete, categorii sociale, stări materiale, activități culturale. Caracteristicile pastei din care au fost modelate recipientele pot indica proveniența lor. Vasele de culoare bej-

alburie ce conțin pietricele, calcar, oxizi de fier și mică argintie în structura pastei de lut și alcătuiesc majoritatea descoperirilor puteau fi confecționate în ateliere din *Durostorum* (unde au fost atestate), dar și (ipotetic) în cele din *Noviodunum*, *Arubium* și *Troesmis*. Pe locul al doilea cantitativ se situează recipientele de culoare cărămizie, cu calcar și mică în compoziția pastei (27%), lucrate la *Durostorum* și cu probabilitate la *Tomis*, *Histria* și *Argamum*. Urmează numeric vasele de culoare oranj importate din zona egeeană și Palestina (Gaza), imitate la *Ibida* și *Argamum*, cu mult oxid de fier, calcar și mică argintie în pastă.

În cadrul acestui capitol sunt plasate și opt diagrame color – prima ilustrează distribuirea procentuală a tipurilor de vase de bucătărie descoperite în spațiul geografic și cronologic analizate în lucrare (p. 175) cu 55% oale, 14% castroane, 12% capace, 9% tigăi, 8% cratițe, 2% mortaria, 2 căldări și o strecurătoare. A doua diagramă (p. 186) conține cotele procentuale ale vaselor de bucătărie descoperite la *Noviodunum*: 36% oale, 22% tigăi, 18% castroane, 13% cratițe, 7% capace, 2% mortaria și 2% oale de depozitare. O situație puțin diferită este atestată la *Troesmis* (p. 187), cu 32% oale, 23% castroane, 16% tigăi, 16% caserole, 7% mortaria, 3% strecurători și 3% căldări. La *Durostorum* (p. 187) oalele alcătuiesc 48%, tigăile 16%, castroanele 11%, capacele și mortaria câte 10% și oalele de depozitare 5%. În mediul

elenofon de la *Argamum* (p.188) oalele constituie 71%, castroanele 13%, capacele 8%, tigăile 7% și cratițele 1%. La Baia Caraburun (p. 189), 83% dintre vase reprezintă oale, 8% cratițe, 5% castroane și 4% tigăi. Dintre descoperirile de la *Ibida* (p.190), 69% sunt oale, câte 9% castroane și capace, câte 4% cratițe și tigăi, iar 4% – oale getice. Ultima diagramă (p. 191) indică situația de la Niculițel: 49% oale, 14% cratițe, 12% castroane, 10% capace, 9% tigăi, 4% oale de depozitare și 2% mortaria.

Autorul consideră că orientarea comercială a centrelor din *Moesia Inferior* era atât spre lumea greco-orientală – cetățile de pe litoralul pontic, cât și spre cea occidentală – centrele de pe limes. Calea fluvială a fost esențială pentru difuzarea mărfurilor occidentale prin orașele *Durostorum*, *Novae* și *Oescus*, iar în relațiile cu lumea greco-orientală rolul principal revine orașului *Tomis*. Prezența recipientelor de import din zona egeeană arată deschiderea locuitorilor pentru astfel de mărfuri și o piață facilă pentru negustori.

În încheiere, subliniem efortul considerabil de documentare a autorului pentru elaborarea lucrării de față, îndeosebi acribia dovedită la alcătuirea catalogului foarte bine structurat, care, cu siguranță, va servi drept un util și valoros instrument de lucru pentru determinarea viitoarelor descoperiri (dar și a celor rămase încă inedite) din categoria ceramicii de bucătărie.

Larisa Ciobanu

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfa din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

VIAȚA ȘTIINȚIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

Masa rotundă

„65 de ani de la nașterea arheologului Victor Sorochin și 60 ani de la nașterea arheologului Anatol Gorodenco”

Institutul Patrimoniului Cultural continuă frumoasa tradiție de a organiza mesele rotunde dedicate omagierii unor înaintași notorii ai arheologiei Moldovei. Așadar, la 16 aprilie 2019 a avut loc masa rotundă cu genericul **Arheologia Moldovei: trecut, prezent și viitor** consacrată celor 65 de ani de la nașterea arheologului Victor Sorochin și 60 ani de la nașterea arheologului Anatol Gorodenco, organizată de Centrul de Arheologie al Institutului Patrimoniului Cultural, MECC. Manifestarea a fost moderată de dnul dr. hab. Oleg Levițki. La acest eveniment au participat colegii de la Institutul Patrimoniului Cultural, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Agenția Națională Arheologică, un grup de studenți, împreună cu profesori de la Facultatea de Istorie și Filosofie a USM.

Cu mesaje de salut a venit dr. Adrian Dolghi, dr.hab. Gheorghe Postică și dr. Ion Tentiuc, care au subliniat importanța și semnificația acestui eveniment în contextul păstrării și transmiterii amintirilor despre cercetătorii arheologi, care au pus fundamentul arheologiei de astăzi din Republica Moldova. De asemenea, s-au alăturat dr. Vlad Vornic și dr. Aurel Zanoci, care au remarcat faptul că majoritatea celor prezenți în sală au lucrat împreună sau i-au cunoscut personal pe arheologii V. Sorochin și A. Gorodenco, iar atâta timp cât există amintiri despre ei și le putem transmite generației mai tinere de arheologi, sunt vii și ei.

Colegii de la Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Mariana Vasilache-Curoșu și Veaceslav Bicbaev, au susținut două comunicări consacrate arheologului Victor Sorochin. Vorbitorii au adus o serie de date biografice, printre care destul de interesantă a fost cea legată de faptul că pentru viitorul arheolog, încă de pe băncile școlii istoria era obiectul de studiu preferat. Iar, după ce în clasa a X-a a participat pentru prima dată la săpăturile arheologice din situl cucutenian Vărvăreuca VIII (r-nul Florești), cercetat de către V. Marchevici, a fost cucerit de farmecul arheologiei. Ulterior, pasiunea pentru civilizația Cucuteni-Tripolie i-a influențat în

mare măsură destinul. Una dintre multele calități frumoase a fost deschiderea și susținerea tinerilor cercetători și doctoranzi, fiind mereu la dispoziție pentru un sfat sau o îndrumare. Nu în ultimul rând, s-a făcut referire și la opera științifică a acestui specialist de înaltă calificare, bazată pe experiența bogată a valorificării materialelor de teren, a importanțelor observații stratigrafice, dar și pe vaste cunoștințe teoretice în domeniu. S-a remarcat prin meticulozitate, documentare impecabilă și înalt profesionalism. Datorită acestor distinse calități ale cercetătorului V. Sorochin, studiile semnate de el sunt și vor rămâne de referință încă mult timp.

Domnul dr. Mark Tkaciuk a prezentat o comunicare despre *Anatol Gorodenco. Deloc romantic*. Cum era de așteptat, discursul a fost bazat pe emoție, amintiri și elogii. Domnia sa a remarcat că Anatol Gorodenco a fost un arheolog remarcabil, plecat din viață mult prea devreme. El a rămas în amintire, în primul rând, ca un om cu suflet mare, capabil de gesturi generoase, care mai mult a trăit viața unui

poet boem, decât cea a unui cercetător pragmatic. Mark Tkaciuc a scos în evidență importanța ideilor acestuia referitoare la tipologie. Astfel, este interesantă afirmația că tipologia, clasificarea, taxonomia – sunt cele mai complicate operațiuni de gândire logică, care aduc arheologia până la hotarul cu alte științe mult mai riguroase (biologia, sociologia, teoria sistemelor). Nu în ultimul rând, s-a accentuat forța sa de muncă, ardoarea, tenacitatea, pedantismul și corectitudinea sa față de orice lucru pe care îl făcea. Toate aceste calități au făcut ca numele lui Anatol Gorodenco să se înscrie în lista personalităților notorii de la noi din țară.

Doamna dr. Ludmila Bacumenco-Pîrnău în comunicarea sa s-a axat pe contribuția lui Anatol Gorodenco la cercetarea arheologică a așezărilor rurale din Moldova medievală. Inițial, a remarcat că regretatul arheolog și-a început cariera profesională cu studierea epocii fierului, Halstattului, dar apoi și-a consacrat activitatea științifică studierii problemelor epocii medievale. A participat la cercetările arheologice efectuate în cadrul mai multor situri medievale (Orheiul Vechi, Lucașeuca, Mereșeuca, Stîncăuți, Malaeștii Vechi ș.a.). În anul 1999, a susținut teza de doctorat în Iași, iar în anul 2000, pe baza tezei de doctorat, a publicat monografia „Ceramica locală de la Orheiul Vechi în secolele XIV-XVI” la cunoscuta editură Istros din Brăila (România). În final, s-a constatat că s-a stins din viață prea devreme, la doar 49 de ani, la vârsta când puterile creative și maturitatea unui cercetător ating apogeul lor.

Important este de menționat că în cadrul manifestării organizate de Centrul de Arheologie, doamna dr. hab. Aurelia Hanganu, secretar general al Academiei de Științe a Moldovei i-a înmănat domnului dr. hab. Valentin Dergaciov medalia Academiei de Științe a Moldovei „Nicolae Milescu Spătaru”,

pentru realizări științifice importante și în înalt semn de apreciere a întregii sale activități. Cu această ocazie, domnul Valentin Dergaciov a ținut un cuvânt de mulțumire, iar cei prezenți i-au adus sincere felicitări.

Pe parcursul evenimentului, au avut loc discuții interesante, implicându-se toți cei prezenți în sală. Considerăm oportun să menționăm încă odată importanța acestor mese rotunde, care ne permit pe de o parte să valorificăm rezultatele, realizările și contribuțiile cercetătorilor marcanți din arheologia Moldovei, iar pe de altă parte să-i elogiem și să le păstrăm vie amintirea.

Natalia Pașenciu

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfa din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тиры (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă”

Joi, 27 iunie, în incinta Sălii de festivități a Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă” s-a produs un eveniment important atât pentru instituția noastră, cât și pentru întregul mediu academic al țării. Profesorii universității, în prezența Șefului adjunct al Ambasadei Germaniei în Republica Moldova, Florian Seitz, împreună cu reprezentanții breslei arheologice de la principalele instituții de profil din țară (Universitatea de Stat din Moldova, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural, Agenția Națională Arheologică și Școala Superioară de Antropologie) au marcat conferirea titlului onorific de Doctor Honoris Cauza distinsului Profesor Michael Meyer, director-adjunct al Institutului de Arheologie Preistorică al Freie Universität Berlin, Director al Clusterului de Excelență *Topoi*.

Acordarea unor astfel de distincții pornește de la principiul elementar, conform căruia o instituție academică se afirmă drept valoroasă anume prin oamenii săi, prin personalitățile pe care știe să le aprecieze și să le pună în valoare, prin modelele pe care știe să le promoveze și care devin, în timp, repere fundamentale pentru generații întregi. Profesorul Michael Meyer, cu siguranță, este un reper și un model, căruia îi mulțumim că a acceptat această distincție.

Numele Profesorului Meyer este deja de mult timp unul de referință în mediile academice europene, fiind considerat unul dintre cei mai buni cercetători și cunosători ai Europei barbare din mileniul I a. Chr., dar și a civilizației romane. În calitate de director al Clusterului de Excelență *Topoi*, a fost persoana cheie în conceptualizarea, elaborarea, iar apoi și coordonarea (până în prezent) a extrem de valorosului și prestigiosului proiect de studii interdisciplinare privind *Formarea și transformarea spațiului și cunoștințelor în civilizațiile antice*. Dincolo de eforturile proprii, Profesorul Meyer a știut să adune, de-a lungul anilor, în jurul celor mai moderne și mai avansate idei, specialiști de calitate din cele mai diverse domenii și din cele mai prestigioase centre univer-

sitate, ale căror eforturi au fost conjugate pentru a demonstra valoarea studiilor interdisciplinare și potențialul enorm de extindere a cunoștințelor despre civilizațiile antice în baza acestor tipuri de abordări.

Profesorul Michael Meyer a făcut o excelentă carieră științifică și didactică. Și-a făcut studiile în preistorie, geografie, etnologie europeană și arheologie clasică la prestigioasele universități din Marburg/Lahn, Heidelberg și la Institutul de Arheologie din Londra. În anul 1990 și-a luat doc-

toratul la Universitatea Marburg, după care a fost angajat în calitate de cercetător asociat la Institutul de Cercetări Arheologice din Hesse cu sediul în Büdingen, unde, de-a lungul a patru ani de zile, s-a afirmat ca un cercetător de mare perspectivă, oferindu-i-se, în anul 1994, funcția de asociat la Departamentul de Preistorie și Istorie timpurie a Universității Humboldt-Universität din Berlin. Deja în cadrul acestei importante oaze de studii arheologice avea să elaboreze și să susțină, în anul 2005, teza de habilitat. Profunzimea cercetării l-a ridicat, imediat după susținere, în funcția de Privatdozentur la Humboldt-Universität din Berlin, fiindu-i oferit cursul de Preistorie și Istorie timpurie, iar în paralel și cea de șef al diviziunii *Serviciu arheologic* la Oficiul de Stat pentru Conservarea Monumentelor din Brandenburg și Muzeul de Stat Arheologic din Wünsdorf. Erudiția cizelată de-a lungul anilor, clarviziunea și profunzimea ideilor, conjugată cu utilizarea celor mai noi metode interdisciplinare de cercetare și cu o capacitatea enormă de muncă, avea să-l transforme, la o distanță de numai doi ani, în Profesor titular de arheologie preistorică la Universitatea Liberă din Berlin, Institutul de Arheologie Preistorică, dar și în director-adjunct al Institutului, funcție deținută până astăzi.

Ceea ce este mai surprinzător, e că în spatele acestui mare și sobru Cercetător, Profesor cu o strălucită carieră, Savant cu numeroase realizări și aprecieri, cu un statut extrem de prestigios și foarte apreciat în mediul academic, nu vom vedea nici umbră de emfază, orgoliu sau autoritarism. Din contra, ni se conturează imaginea unui om extrem de modest, foarte deschis și cooperant, de o hărnicie intelectuală aparte, receptiv și gata oricând

să intervină cu susținere și ajutor. Un gânditor profund și, respectiv, un om sensibil. Un Intellectual subtil și rafinat, cu care poți aborda orice subiect din orice domeniu. Un Interlocutor agreabil și receptiv, care știe nu doar să asculte, dar să și audă, să pătrundă în esența mesajului și să disece firul în patru. Orice acțiuni ar întreprinde, fie cercetare, fie activitatea didactică, sunt caracterizate prin Exigență și Rigoare, dar care în mod strălucit se îmbină cu toleranța și îngăduirea, iar tactul, cu care tratează oricare persoană, sunt pur și simplu dezarmante. De altfel, la fel de dezarmantă a fost atitudinea de intelectual rasat față de cei care au asistat la decernarea onorantei distincții. Cu o dezinvoltură aproape adolescentină și într-o manieră extrem de rafinată, profesorul Meyer și-a rostit discursul în dulcea limbă pe care o avem moștenită de la Creangă și Eminescu, lăsând în suspans, pentru o bună bucată de timp, întreaga sală.

Un aspect distinct al activității Profesorului Michael Meyer este determinat de inițierea și dezvoltarea, în anul 2014, a unei fructuoase colaborări moldo-germane. Pentru universitatea noastră a fost o filieră care a deschis numeroase oportunități pentru studenți și profesori prin intermediul acordului de colaborare semnat între Institut für Prähistorische Archäologie, Freie Universität Berlin și Facultatea de Istorie și Geografie a UPSC „Ion Creangă”. În baza acestui acord au fost organizate conferințe publice; au fost organizate vizite de documentare și cercetare la Freie Universität Berlin pentru studenții și profesorii de la UPSC, inclusiv în cadrul programului *Erasmus Plus*; au

fost organizate anual șantiere-școală în Republica Moldova cu participarea studenților din Moldova și Germania, finanțarea fiind susținută de Freie Universität Berlin. În cadrul cercetărilor de teren au fost utilizate metode moderne de cercetare, inclusiv non-invazive, unele dintre ele fiind pentru prima dată aplicate în Republica Moldova pentru anumite tipuri de situri: pentru prima dată au fost realizate prospecțiuni geomagnetice în 2 situri de tip Poieniști-Lucașeuca; pentru prima dată în astfel de situri au fost realizate prospecțiuni geografice în care au fost prelevate probe de sol; pentru prima dată s-au realizat analize comparate fizico-chimice ale vestigiilor arheologice descoperite; pentru pri-

ma dată s-au prelevat probe de semințe din siturile de tip Poieniști-Lucașeuca, care vor fi analizate inclusiv prin metoda radiocarbonului. Între timp fusese organizat un seminar științific de șantier (Butuceni, 2016) dedicat epocii fierului în Centrul și Estul Europei, la care au participat profesori din 5 state, iar în rezultatul seminarului a fost editată publicația *Pre-Roman and Roman Iron Age in Central and Southeastern European Barbaricum*, P L U R A L, Editura ARC, 2017. Cu susținerea plenară a Profesorului Meyer au fost elaborate, în colaborare, prezentări la conferințe internaționale și publicate articole în reviste de specialitate, a fost

elaborat proiectul de organizare a unei importante conferințe internaționale la Chișinău în cadrul programelor Humboldt, proiect care a fost susținut de Fundație și în anul 2018 la Chișinău și-au dat întâlnire peste 30 de specialiști din 12 țări europene. Acum urmează să fie publicat un volum pe marginea acestei conferințe, care – sperăm – să fie unul de referință pentru subiectele discutate în toamna anului trecut.

Constatăm cu ușurință că doar în câțiva ani s-a reușit un important număr de realizări, care devin importante cu precădere prin prisma perspectivelor ce s-au deschis pentru cercetătorii de la Universitatea „Ion Creangă”, în mod special pentru numeroasele porțițe pe care le-a deschis Profesorul Meyer pentru tinerii care au ales să-și lege soarta de știință.

În baza celor menționate mai sus, Senatul UPSC a decis să acorde Profesorului Meyer, pentru rezultate excepționale obținute de-a lungul timpului, dar și pentru contribuțiile deosebite aduse dezvoltării UPSC „Ion Creangă”, titlul onorific de Doctor Honoris Cauza, înscriindu-i numele în lista de aur a personalităților care au marcat istoria Universității Pedagogice de Stat „Ion Creangă”. Este recunoștința publică pe care universitatea noastră o aduce astăzi domnului Profesor Meyer.

Vivat Professore!

Octavian Munteanu

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

IN HONOREM

Profesorul Ion Niculiță, conducător de șantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)

Profesorul Ion Niculiță reprezintă una dintre puținele figuri basarabene care au adus o contribuție atât de însemnată la dezvoltarea învățământului istoric universitar din Republica Moldova. Pedantismul profesional, ținuta, disciplina și, nu în ultimul rând, verticalitatea sa sunt trăsături omenești de invidiat și caracteristici demne de a fi urmate.

Ion Niculiță s-a născut la 27 mai 1939, într-o familie de oameni gospodari din satul Zârnești, județul Cahul, fiind înrudit pe linie maternă cu renumitul savant, „părintele” arheologiei românești – Vasile Pârvan. După absolvirea școlii generale din satul natal, în anul 1958, este înmatriculat la Facultatea de Istorie a Universității de Stat din Chișinău. După cum mărturisește însuși omagiatul, încă din anul I de studii a avut o pasiune deosebită pentru arheologie, care ulterior va deveni vocația vieții Domniei Sale.

După studiile de licență, în 1963, a fost angajat în funcția de lector-asistent la facultatea pe care a absolvit-o, astfel începându-și cariera de cadru didactic, pe care o continuă cu pasiune până în prezent.

În anii 1968-1971 își face studiile de doctorat la Universitatea „M.V. Lomonosov” din Moscova, care se finalizează cu susținerea, în 1972, a tezei de doctorat. În anul 1991, revine la aceeași universitate pentru discutarea și susținerea tezei de doctor habilitat.

Pe parcursul carierei sale pedagogice la Universitatea de Stat din Chișinău/Moldova a trecut toate etapele firești, pe care trebuia să le urmeze un cadru didactic: asistent, lector, lector superior, conferențiar, iar din 1992 – profesor universitar, rămânând fidel acestei instituții până la momentul de față.

În anii de activitate la universitate a făcut și o strălucită carieră administrativă, fiind șef de catedră în anii 1983-2012 și, totodată, decan al Facultății de Istorie în perioada 1992-2002.

În același timp, în cadrul Universității de Stat din Moldova Domnia Sa a creat și dezvoltat o școală științifică de arheologie, numită pe bună dreptate, „Școala profesorului Ion Niculiță”. În această școală s-au format ca specialiști mai mulți arheologi, care

în prezent activează cu succes în instituțiile de profil din Republica Moldova, printre care și actualele cadre didactice ale Universității de Stat din Moldova: Aurel Zanoci, Sergiu Matveev, Andrei Corobcean și Mihail Băț, precum și peste hotare (România, Ucraina, Rusia, Germania). Sub conducerea profesorului Ion Niculiță au fost elaborate și susținute în Consiliul științific specializat – Arheologie, din cadrul Universității de Stat din Moldova, patru teze de doctor habilitat și opt teze de doctor.

Pe parcursul activității Domnia Sa a avut și continuă să aibă o prodigioasă activitate științifică, care s-a încununat cu publicarea a nouă monografii și a peste 200 de studii și articole științifice. Preocupările științifice ale profesorului Niculiță au un spectru larg – de la sfârșitul epocii bronzului până în primele secole ale erei creștine. Însă, perioada „de suflet”, cărei și-a consacrat cea mai mare parte a activității lui, rămâne a fi epoca fierului. Astfel, pentru a cunoaște și a înțelege mai bine această epocă, erau necesare cercetări arheologice de teren. Pe parcursul activității Domnia Sa a condus mai multe șantier arheologice, însă cele mai îndelungate și cu cele mai spectaculoase rezultate au

fost șantierul de la Hansca, Butuceni și Saharna.

Activitatea pe șantierul de la Hansca a început-o în anul 1966, care a continuat până în 1981. Aici tânărul arheolog Ion Niculiță a coordonat săpăturile arheologice la așezările getice din punctele „Limbari”, „Pidașca”, „La Matcă” și la necropola getică Hansca „Lutăria”. Vestigiile descoperite fiind publicate punctual în mai multe articole și studii de sinteză. Printre acestea evidențiindu-se articolul dedicat ritului funerar al geților din sec. IV-III a.Chr. – „Погребальный обряд гетов IV-III вв. до н.э.”, publicat în revista *Sovetskaia Arheologia*, în anul 1973, studiu care în mare parte se bazează pe rezultatele investigațiilor la necropola Hansca „Lutăria”. De asemenea, vestigiile descoperite în microzona Hansca își vor găsi reflectare în monografia „Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях / Geții din sec. IV-III a.Chr. în spațiul carpato-nistean”, Chișinău, 1977. Chiar dacă au trecut deja câteva decenii de la finalizarea cercetărilor arheologice la siturile getice de la Hansca, studiile profesorului Niculiță, cu referire la această regiune, rămân a fi actuale până în prezent.

Un alt șantier, nu mai puțin important în viața profesorului Ion Niculiță, a fost cel de la Butuceni, la care își concentrează activitatea în anii 1983-2000. Aici, pe parcursul anilor, profesorul Niculiță, însoțit de discipolii săi, va reuși să cerceteze practic integral suprafața fortificației. Ca urmare evidențiind o locuire fără întrerupere pe promontoriul de la Butuceni, începând cu sec. X a.Chr. și până la sfârșitul sec. III /începutul sec. II a.Chr. De asemenea, cantitatea impresionantă a artefactelor de proveniență grecească, recuperate de pe acest, i-au permis profesorului Niculiță să emită ipoteza existenței la Butuceni a unui important centru economic, mediator în relațiile comerciale ale grecilor cu geții. Un rol important în studierea acestui sit va avea și colaborarea, inițiată la începutul anilor '90 ai secolului trecut, cu Institutul Român de Tracologie, care va delega-o la Butuceni pe doamna dr. Silvia Teodor, specialist consacrat în domeniul civilizației getice.

Primele rezultate ale cercetărilor arheologice de la Butuceni își vor găsi reflectare în studiul monografic al profesorului Niculiță „Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. / Tracii de nord în sec. VI-I a.Chr.”, Chișinău, 1987. După care vor urma mai multe articole, publicate atât în țară cât și peste hotare. Însă, lucrarea de bază dedicată unei publicări exhaustive a rezultatelor cercetărilor arheologice de la acest sit ră-

mâne a fi „Butuceni. Monografie arheologică”, editată în anul 2002, la București, coautori fiind Silvia Teodor și Aurel Zanoci.

Deopotrivă cu fortificația getică de pe promontoriul Butuceni, Ion Niculiță va cerceta și alte cetăți getice de prin apropiere, cum ar fi Trebujeni „Potârca” și Mașcăuți „Poiana Ciucului”.

În anul 2001, profesorul Niculiță inițiază și conduce cu succes până în prezent șantierul arheologic Saharna. Aici, în centrul atenției profesorului Niculiță și a echipei lui se află situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”, unde până la momentul de față a fost cercetată o suprafață de cca 2800 m². Ca urmare s-a stabilit că pe promontoriul Saharna Mare s-au perindat mai multe așezări deschise și fortificații, ce se încadrează în intervalul de timp cuprins între a doua jumătate a sec. XII a.Chr. și sfârșitul sec. III a.Chr. Astfel, în a doua jumătate a sec. XII - sec. XI a.Chr. aici a existat o așezare deschisă, care, conform artefactelor recuperate, a fost atribuită culturii Holercani-Hansca. În secolele următoare (X-IX a.Chr.) pe promontoriu a funcționat o fortificație și o întinsă așezare deschisă în imediata apropiere, ce au aparținut purtătorilor culturii Cozia-Saharna. Pentru sec. VIII-VII a.Chr. au fost descoperite dovezi în favoarea existenței aici a unei așezări caracteristice culturii Basarabi-Șoldănești. Iar în sec. VI-III a.Chr. pe promontoriul Saharna Mare a funcționat o puternică fortificație, atribuită comunităților traco-getice.

Un alt sit din această regiune, la care s-au desfășurat investigații arheologice sub conducerea profesorului Niculiță, este cel de la Saharna Mică. Aici, ca urmare a cercetărilor arheologice, efectuate pe o suprafață de peste 400 m², au fost identificate mai multe complexe arheologice, precum și un bogat inventar, care denotă prezența a două niveluri de locuire: sfârșitul sec. XII - începutul sec. X a.Chr. și sec. VII-III a.Chr.

Cu rezultate spectaculoase s-au soldat și investigațiile arheologice, conduse de Ion Niculiță, la așezarea Saharna „Țiglău”, unde au fost descoperite mai multe locuințe, gropi menajere etc., precum și materiale arheologice care au permis atribuirea acestui sit purtătorilor culturii Cozia-Saharna.

Deopotrivă cu cercetările arheologice sistematice, realizate la siturile menționate mai sus, în microzona Saharna au mai fost efectuate periegeze și sondaje la așezările din epoca fierului de

la Stohnaia, Saharna „La Vile”, Saharna „Dealul Grimidon” și altele.

Rezultatele cercetărilor arheologice din această regiune și-au găsit reflectare în numeroase articole, precum și în trei studii monografice („Habitatul din mileniul I a.Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu. Siturile din zona Saharna”, Chișinău, 2008; „Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Țiglău”, Chișinău, 2014; „Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului”, Chișinău, 2016), semnate de destinsul profesor, împreună cu discipolii lui.

Astfel, prin cercetările arheologice realizate de către profesorul Ion Niculiță la cele trei șantiere – Hansca, Butuceni și Saharna, precum și la cele de la Dănceni, Suruceni, Satu Nou, Orlovka etc. a fost adusă o contribuție substanțială la studierea epocii fierului din spațiul carpato-danubiano-pontic și la soluționarea unor probleme legate de cronologia și periodizarea acestei epoci.

Cu ocazia frumoasei aniversării Vă urăm multă sănătate, succese remarcabile și încă multe șantiere arheologice, conduse cu măiestrie de către Dumneavoastră.

La mulți ani, domnule Profesor!

Aurel Zanoci

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfa din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

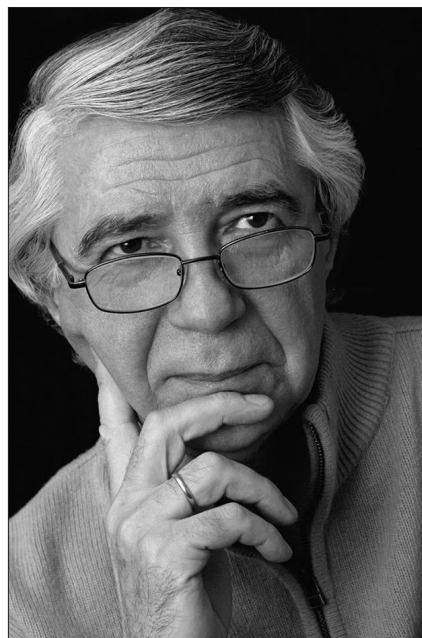
К юбилею Сергея Анатольевича Скорого

В этом году семидесятилетие отмечает Сергей Анатольевич Скоро́й, известный специалист в области археологии раннего железного века, доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии раннего железного века Института археологии Национальной академии наук Украины.

Сергей Анатольевич родился 14 декабря 1949 года в г. Старый Крым (Крымской области) в семье служащих – Анатолия Кирилловича Скорого и Евгении Васильевны Гордеевой. Богатый памятниками древности родной город уже с детства развивал интерес будущего археолога к истории. Но чтобы стать профессиональным исследователем юбиляру пришлось пройти непростой путь. По окончании школы, сначала были Феодосийский политехникум и Токмакский кузнечно-штамповочный завод, служба в армии и работа в воинской части в г. Судак. Но любовь к истории своей земли манила на интересные и неизведанные просторы науки о древностях. Поворотным стало знакомство юноши с крымским археологом М.А. Форонджуло. А позже – с известными специалистами А.А. Щепинским и Т.Н. Высоцкой. Под их началом будущий ученый делает свои первые шаги в археологии. Участвует в раскопках в гетуэзской крепости в Судаке, а позже – скифских курганов в Восточном Крыму.

В 1975 году С.А. Скоро́й поступает на исторический факультет Симферопольского государственного университета. Здесь он полностью окунается в загадочный и прекрасный мир археологии. Под руководством Т.Н. Высотской, К.К. Орлова, В.А. Колотухина работает на раскопках Усть-Альминского городища в Юго-Западном Крыму, Неаполя Скифского в черте Симферополя, поселений эпохи бронзы у Коктебеля и Феодосии.

Будущий ученый в течение нескольких лет возглавляет студенческое научное общество исторического факультета. Вместе со своими сокурсниками и однодумцами В.А. Кутайсовым и В.Л. Мыщом организует студенческий археологический клуб «Эос». С успехом участвует во Всесоюзной студенческой архео-

логической конференции. Публикует ряд статей, в том числе – в центральном союзном издании «Советская археология».

В 1979 году Сергей, имея направление исторического факультета СГУ, поступает в аспирантуру Института археологии АН УССР. Здесь он занимается наукой под руководством выдающихся учёных В.А. Ильинской, А.И. Тереножкина, Е.В. Черненко. В 1983 г. им успешно защищена кандидатская диссертация «Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)». По окончании аспирантуры молодой специалист остается на работу в Отделе археологии раннего железного века, где он прошёл путь от младшего научного сотрудника, до заведующего названным подразделением.

Научные интересы С.А. Скорого с начала 1980-х годов обращены к памятникам предскифского и скифского времени Днепрового Лесостепного Правобережья и взаимодействию оседлого лесостепного населения со степными номадами. Им опубликован ряд солидных статей и несколько фундаментальных монографий, в числе которых «Киммерийцы в украинской Лесостепи» (Киев-Полтава, 1999), «Скифы в Днепроградской Правобережной Ле-

состепи» (Киев, 2003). В 1997 г. С.А. Скорым блестяще защищена докторская диссертация «Кочевники предскифского и скифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи (вопросы этнокультурной истории)». В 2008 г. ученому присвоено звание «профессор».

С 2002 года Сергей Анатольевич возглавляет свой родной институтский отдел, вдохновенно и плодотворно трудясь на этой должности уже 17 лет. В работу подразделения включилась целая когорта молодых исследователей. Защищен ряд кандидатских диссертаций по важным вопросам археологии раннего железного века на юге Восточной Европы. Большой их частью руководил профессор С.А. Скорый. Среди его учеников – А.Д. Могилов, Д.В. Каравайко, С.А. Задников, Д.С. Гречко, М.Н. Дарган, А.В. Ромашко, Р.В. Зимовец. Отделом организовано ряд научных конференций, издается ежегодный сборник научных трудов.

Юбиляр – активный полевой ученый, почти полвека занимающийся раскопками в разных регионах Украины. Исследовать пришлось комплексы от энеолита до нового времени. Но главное внимание, конечно, было уделено древностям раннего железного века. Среди много-

численных открытий следует выделить раскопки Большого Рыжановского кургана, осуществлённые совместно с польским коллегой, профессором Яном Хохоровским, давшего великолепные образцы шедевров ювелирного искусства. Многолетние раскопки на Мотронинском городище и могильнике, произведенные совместно с С.С. Бессоновой и Яном Хохоровским, увенчанные исследованиями крупнейшего кургана – Скифской Могилы, подняли знания об этом интереснейшем памятнике на новый уровень. Много лет велись работы на Бельском городище. В последние годы ученый активно занимается полевым изучением курганов знати в Восточной и Центральной Украине. Эти и другие исследования нашли свое отражение в научных работах автора, получивших широкое признание коллег-ученых. Перу Сергея Анатольевича принадлежит 340 научных работ, в том числе 15 монографий, написанных самостоятельно или в соавторстве. Он член редколлегий ряда ведущих восточноевропейских археологических изданий, многих археологических комиссий, советов, обществ.

Друзья, коллеги, ученики желают юбиляру исполнения всех научных и творческих планов в его восьмом десятилетии!

Александр Могилов

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева† (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfă din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тиры (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

IN MEMORIAM

Petre I. Roman (1935-2019)

Dr. Petre Roman a fost unul dintre cei mai reputați specialiști din Europa de Sud-Est în domeniul arheologiei preistorice, profesor universitar. Aflându-se în funcția de director al Institutului Român de Tracologie (IRT), domnia sa a fost implicat activ în activitatea de amplificare a cercetărilor arheologice din România, fiind susținut atât de angajații filialelor Cluj, Iași, Timișoara, Sibiu, Constanța, Craiova ale IRT, cât și de a mai multor muzee județene. Cunoscând faptul că mai multe structuri din faza finală a epocii eneoliticului – epoca fierului, identificate în spațiul românesc se extind și la est de munții Carpați, inclusiv în interfluviul Prut-Nistru, la inițiativa lui, IRT se implică și în cercetarea arheologică din Republica Moldova – prin susținerea financiară a cercetărilor de teren, invitarea cercetătorilor de la Chișinău la diverse manifestări științifice, valorificarea rezultatelor investigațiilor obținute în paginile revistelor editate de IRT. Mai mult ca atât, la inițiativa lui Petre Roman a fost înființată filiala Chișinău a IRT.

Cercetări de teren susținute financiar de IRT, pe teritoriul Republicii Moldova au fost efectuate în următoarele puncte: microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă – Arionești (1993); situl fortificat de la Butuceni (1993-1994); microzona Trinca – situl cu mai multe nivele de locuire Trinca-Izvorul lui Luca și necropola tumulară Trinca-Drumul Feteștilor (1994-2002); în incinta fortificată de la Stolniceni (1994); stațiunea de epocă romană de la Sobari (1994); așezarea neolitică de la Sacarovca (1995-1998); cetatea traco-getică Potârca, așezarea culturii Poienești-Lucașeuca de la Orheiul Vechi (1997-1998) etc. Institutului Român de Tracologie, nu numai a finanțat lucrările în aceste situri până la finalizarea lor, dar a contribuit cu specialiști (R. Maxim Alaiba, Fl. Burtănescu, S. Teodor, M. Witenberger ș.a.) și a asigurat materialele necesare bune desfășurări a lucrărilor.

Dintre manifestările științifice organizate de IRT, la care au participat cercetători din Republica Moldova, menționăm doar câteva: Colocviul Internațional *Archaeological Research Regarding the populations of the Late Bronze – Noua-Sabatinovka-*

Coslogeni Cultural Complex, desfășurat la 15-19 octombrie 1991 la Călărași, Slobozia, Brăila și Galați (E. Sava, O. Levițki); *Al XIV-lea Symposium național de Thracologie (cu participare internațională)*, Băile Herculane (14-19 septembrie 1992) (E. Sava, O. Levițki, I. Niculiță, M. Tcaciuc, V. Haheu, T. Arnăutu); Colocviul Internațional *Premier age du fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noir*, septembrie 1993, Tulcea (O. Levițki, I. Niculiță, V. Haheu, S. Agulnicov); *Congresul al VII-lea de Tracologie*, 20-26 mai 1996, Constanța-Mangalia-Tulcea (I. Niculiță, S. Agulnicov, V. Banaru, M. Tcaciuc, A. Zanoci, V. Dergacev, Al. Furtună, M. Gabinsky, V. Haheu, E. Jarovoi, Al. Levinschi, O. Levițki, I. Manzura, V. Marchevici, E. Sava, M. Kashuba); Colocviul *Der Basarabi-Komplex in Mittel – und Sudosteuroopa*, Drobeta-Turnu Severin, 7-9 noiembrie 1996, (O. Levițki) etc.

Prin recomandările dr. Petre Roman, cercetătorii din Republica Moldova au fost invitați la majoritatea manifestărilor științifice organizate de filialele IRT – Iași, Cluj, Constanța, Banat, Sibiu,

Craiova, precum și de muzeele județene din România – Piatra Neamț, Roman, Iași, Tulcea etc.

Comunicările prezentate la aceste simpozioane au fost publicate în culegerile: *Culture et Civilisation au Bas Danube*, Călărași, vol. X, 1993; *Relation Thracico-Illyro-Helleniques*, Bucurest, 1994; *The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. Reports and Summaries*, București, 1996; *Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Sudosteuropa*, București, 1996, ș.a.

Valorificarea rezultatelor investigațiilor cercetătorilor din Republica Moldova (arheologi, etnografi, lingviști) a fost realizată prin intermediul edițiilor IRT, revista institutului *Thraco-Dacica* ș.a., fondate la inițiativa lui Petre Roman.

De la început, vom menționa faptul că arheologii din Republica Moldova au fost acceptați să publice studii în revista IRT *Thraco-Dacica*, paginile căreia sunt descise cercetătorilor din domeniile arheologiei, istoriei, lingvisticii, etnografiei și antropologiei. Astfel, volumul XV cuprinde în sumar studii din domeniul arheologiei, redactate numai de cercetători din Republica Moldova (I. Borzic, O. Larina, V. Sorochin, I. Manzura, V. Dergacev, E. Sava, O. Levițki, M. Tcaciuc). Studiile de sinteză publicate în acest volum vin să facă cunoscute cercetătorilor din România rezultatele la zi ale investigațiilor întreprinse în spațiul pruto-nistean. Toate sunt însoțite de planșe, bibliografie amplă și rezumate în limba engleză. În următorul, volumul XVI, cercetătorii de la Chișinău sunt prezenți în toate compartimentele: *lingvistică* cu două titluri (A. Eremia, V. Potlog) din totalul de patru; *arheologie* șase titluri din totalul de 12 (I. Niculiță, V. Banaru, S. Agulnicov, A. Zanoci, Gh. Postică, I. Hîncu); *etnografie* – trei titluri din totalul de trei (Al. Furtună, A. Hîncu, N. Băieșu). Arheologii, etnografii și lingviștii din Republica Moldova sunt prezenți cu studii și în următoarele volume XVII-XXIII, care au văzut lumina tiparului până în anul 2002, inclusiv.

Cercetătorii din Republica Moldova se regăsesc, de asemenea și în edițiile nou fondate de IRT - „Bibliotheca Thracologica” și „Cercetări arheologice în aria nord tracă”.

În seria *Bibliotheca Thracologica*, IRT a tipărit șapte monografii cu profil arheologic și una cu tematica etnografică semnate de cercetători de la Institutul de Arheologie și Istorie Veche al Academiei de Științe a Moldovei (vol. VII, 1994 – O. Levițki; vol. XIV, 1996 – S. Agulnicov; vol. XVII, 1996 – O. Levițki, I. Manzura, T. Demcenko; vol. XXXI, 2000

– M. Kașuba, V. Haheu, O. Levițki; vol. XL, 2003 – O. Levițki) și de la Universitatea de Stat din Moldova (vol. XXV, 1998 – A. Zanoci; vol. XXXV, 2002 – I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci). Volumul XXXIV, 2002 este semnat de etnograful Z. Șofranksy de la AȘM.

Volumele editate în seria *Cercetări arheologice în aria nord tracă* (I – 1995, II – 1997, III - 1999) constituie o serie fondată în scopul valorificării rezultatelor investigațiilor de teren inițiate și susținute financiar în întregime sau cofinanțate de IRT. Cu referire la Republica Moldova, vol. I însumează rapoarte despre investigațiile de la Trinca-Izvorul lui Luca și necropola tumulară Trinca-Drumul Feteștilor din anul 1994; investigațiile istorico-arheologice în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărauca Nouă – Arionești din anul 1993; investigațiile din incinta fortificată de la Stolniceni din anul 1994; săpăturile arheologice de la Butuceni din anul 2004, precum și din stațiunea de epocă romană de la Sobari din anul 1994. Volumul II cuprinde rapoarte desfășurate cu privire la investigațiile de la Trinca-Izvorul lui Luca, Trinca-Drumul Feteștilor și de la Butuceni din anii 1995 – 1996. În volumul III sunt incluse rapoarte despre cercetările arheologice efectuate în anii 1997-1998 la Trinca-Izvorul lui Luca; cetatea traco-getică Potârca, așezarea culturii Poienești-Lucașeuca de la Orheiul Vechi. De asemenea, în aceste volume sunt publicate și materiale din săpături efectuate în Republica Moldova anterior, fără concursul IRT: așezarea culturii Noua de la Petrușeni „La Cigoreanu”; tumulii scitici din bazinul Prutului Inferior – Manta și Crihana Veche; complexe funerare tumulare din epoca bronzului de la Nikolskoe, Ciobruți, Doina, Rumeanțev etc.

Astfel, contribuția IRT, condus de Petre Roman, la continuarea cercetărilor arheologice în Republica Moldova în ultimul deceniu al sec. XX a fost substanțială, în condițiile când finanțarea de la stat a fost sistată, întrerupte lucrările de ameliorație, plantare a masivelor de livezi și vii noi, construcții de diverse obiective economice etc., beneficiarii cărora puteau să asigure suport financiar pentru investigarea siturilor arheologice aflate în aceste zone. Arheologii din Republica Moldova rămân recunoscători profesorului universitar dr. Petre Roman pentru implicare și, respectiv, promovarea realizărilor arheologiei din țara noastră nu numai în România, dar în întreg spațiu sud-est european.

Oleg Levițki

Categoria A

REVISTA ARHEOLOGICĂ

serie nouă _ vol. XV _ nr. 2

Indexată în bazele de date:

SCOPUS, ERIH PLUS, DOAJ, CEEOL, ROAD, ISIFI, CiteFactor

CHIȘINĂU 2019

INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICĂ

Redactor șef/Editor-in-chief: dr. hab. Oleg Levițki

Colegiul de redacție/Editorial Board

Dr. hab. **Igor Bruiako** (Odesa), dr. **Ludmila Bacumenco-Pîrnău** (Chișinău), dr. **Roman Croitor** (Aix-en-Provence), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chișinău), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Kașuba** (Sankt Petersburg), prof. dr. **Michael Meyer** (Berlin), prof. dr. **Eugen Nicolae** (București), prof. dr. hab. **Gheorghe Postică** (Chișinău), dr. **Svetlana Reabțeva†** (Chișinău), prof. dr. **Petre Roman†** (București), dr. hab. **Eugen Sava** (Chișinău), dr. hab. **Sergei Skoryi** (Kiev), prof. dr. **Victor Spinei**, membru al Academiei Române (București, Iași), dr. **Nicolai Telnov** (Chișinău), dr. hab. **Petr Tolochko**, membru al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei (Kiev), dr. **Vlad Vornic** (Chișinău)

Secretar de redacție/editorial secretary – **Livia Sîrbu**

Machetare și prelucrarea materialului ilustrativ/
layout and processing of the illustrative material – **Ghenadie Sîrbu**

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al „Revistei Arheologice”, Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural, bd. Ștefan cel Mare și Sfânt 1, MD-2001, Chișinău, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия, бул. Штефан чел Маре ши Сфынт 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the “Archaeological Magazine”, Archaeology Centre, Institute of Cultural Heritage, 1 Stefan cel Mare si Sfiant bd., MD-2001 Chisinau, Republic of Moldova

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu după modelul *double blind peer-review*
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами по модели *double blind peer-review*
All the papers to be published will be reviewed by experts according to the *double blind peer-review* model

CUPRINS – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

STUDII – ИССЛЕДОВАНИЯ – RESEARCHES

Сергей Коваленко (<i>Кишинэу</i>). Каменное сырье на многослойной палеолитической стоянке Косэуць (источники, первичный отбор и обработка, предназначение)	5
Dmytro Kiosak (<i>Odessa</i>). Attack and defence? New evidence for “Trypillia-Steppe” interaction in the valley of the Southern Bug River (Central Ukraine)	14
Илья Палагута (<i>Санкт-Петербург</i>). О методах исследования керамических комплексов и принципах локально-хронологического деления Триполья VI - Кукутень А	29
Анастасия Корохина (<i>Киев</i>). Керамика бондарихинской культуры: подход к морфологическому анализу	41
Виктория Котенко, Денис Гречко (<i>Киев</i>). Керамический импорт Херсонеса Таврического в восточноевропейской лесостепи	53
Светлана Рябцева † (<i>Кишинэу</i>). Клады Войнешть (Румыния) и Черемно (Польша) и некоторые специфические черты ювелирного убора населения Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в XIII – начале XIV вв.	68

MATERIALE ŞI CERCETĂRI DE TEREN – МАТЕРИАЛЫ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – PAPERS AND SURVEYS

Sergiu Bodean (<i>Chişinău</i>). Plastica antropomorfa din aşezarea Cucuteni A-B Peticeni V	81
Oleg Leviţki, Livia Sîrbu, Ghenadie Sîrbu (<i>Chişinău</i>). Investigaţiile arheologice de la periferia sud-estică a promontoriului Trinca-Izvorul lui Luca din anul 2000	86
Денис Масюта (<i>Одесса</i>). Псевдородосские амфоры из Тире (II – первая половина III вв. н.э.)	100
Vlad Vornic, Ludmila Bacumenco-Pîrnău (<i>Chişinău</i>). Vase de piatră descoperite în situl medieval de la Costeşti-Gârlea (r-nul Ialoveni)	111

DISCUŢII – ДИСКУССИИ – DISCUSSIONS

Николай Анисюткин (<i>Санкт-Петербург</i>). Дуруиторский вариант тайякского технокомплекса на территории Восточной Европы	120
Alexandru Levinschi, Serghei Covalenco, Vitalie Burlacu (<i>Chişinău</i>). Geocronologia staţiunii stratificate din paleoliticul superior Cosăuţi şi unele paradoxuri în cercetarea ei	134
Sergei Kurchatov (<i>Chişinău</i>). Astragal with rune-like signs from Rudi. The problem of interpretation	144

**CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ – INTERDISCIPLINARY SURVEYS**

- Roman Croitor** (*Aix-en-Provence*), **Ghenadie Sîrbu** (*Chişinău*). Animal remains from the Late Eneolithic settlement of Gordineşti II-*Stînca goală* (Edineţ district). Part 2 151
- Арсен Арутюнян** (*Ереван*), **Сержиу Матвеев** (*Кишинэу*). Армянские эпиграфические источники Измаила (Украина): новые находки 157
- Mariana Gugeanu** (*Iaşi*). Conservare-restaurare şi investigaţii *Brâu liturgic* provenit din cripta mitropolitului Gavriil Bănulescu-Bodoni, Mănăstirea Căpriană 168

**RECENZII ŞI PREZENTĂRI DE CARTE –
РЕЦЕНЗИИ И КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ – PAPER AND BOOK REVIEW**

- Ştefan Honcu**. *Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I-III p.Chr.)*. Constanţa, Editura Dobrogea, 2017, 228 de pagini, plus 33 de planşe. ISBN 978-606-565-135-7 (Larisa Ciobanu, *Chişinău*) 176

VIAŢA ŞTIINŢIFICĂ – НАУЧНАЯ ХРОНИКА – SCIENTIFIC LIFE

- Masa rotundă „65 de ani de la naşterea arheologului Victor Sorochin şi 60 ani de la naşterea arheologului Anatol Gorodenco”** (Natalia Paşenciuc, *Chişinău*) 182
- Profesorul Michael Meyer Doctor Honoris Cauza al Universităţii Pedagogice de Stat „Ion Creangă”** (Octavian Munteanu, *Chişinău*) 184

IN HONOREM

- Profesorul Ion Niculiţă, conducător de şantier arheologic (la cea de-a 80-a aniversare)** (Aurel Zancoci, *Chişinău*) 187
- К юбилею Сергея Анатольевича Скорого** (Александр Могилов, *Киев*) 190

IN MEMORIAM

- Petre I. Roman (1935-2019)** (Oleg Leviţki, *Chişinău*) 192
- Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой** (Николай Тельнов, *Кишинэу*) 194

LISTA ABREVIERILOR – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATION 197

INFORMAŢII ŞI CONDIŢIILE DE EDITARE A REVISTEI ARHEOLOGICE 198

INFORMATION AND CONDITION OF PUBLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL MAGAZINE 199

Памяти Светланы Станиславовны Рябцевой

21 июня 2019 г. после тяжелой и продолжительной болезни, в расцвете творческих сил, в Кишиневе скончалась Светлана Станиславовна Рябцева, видный исследователь истории ювелирного и прикладного искусства Восточной и Юго-Восточной Европы.

Светлана Станиславовна родилась 7 декабря 1966 г. в городе Ленинграде, в семье преподавателей высшей школы. Параллельно с учебой в средней школе, она окончила художественное училище. Любовь к рисованию у нее сохранялась на протяжении всей жизни. Это ей очень пригодилось и при занятии наукой. В школьные годы она стала активно посещать археологический кружок в Государственном Эрмитаже, которым руководила Т.В. Чукова. Там же читали лекции Д.А.Мачинский, Б.Б. Пятровский, М.Б. Шукин и другие известные исследователи. Это в дальнейшем предопределило выбор профессии. В 1985 г. Светлана поступила на исторический факультет Ленинградского университета и специализировалась по кафедре археологии под руководством В.А. Булкина. Под его же влиянием она начала разрабатывать тему по украшениям. После окончания университета в 1990 г. на протяжении ряда лет работала в составе постоянно действующей Архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. С 1993 по 2000 г. работала научным сотрудником Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, где являлась ответственным за хранение археологических материалов из раскопок древнерусских городов. В это же время у нее окончательно формируется сфера научных интересов – история ювелирного и прикладного искусства Восточной и Юго-Восточной Европы. С 1996 г. обучалась в аспирантуре Государственного Эрмитажа. Кандидатскую диссертацию по теме «Древнерусский женский ювелирный убор IX – XIII вв. в контексте евразийских культурных связей (Основные тенденции формирования)», выполненную под руководством Р.С. Минасяна, защитила в ИИМК РАН 30 мая 2001 г.

С 1998 по 2000 г. Светлана Станиславовна проходила стажировку в Институте археологии и этнографии Академии наук Республики Мол-

дова в г. Кишиневе. В 2000 г., в связи с семейными обстоятельствами, она переехала на постоянное место жительства в г. Кишинев и была принята на работу в Институт археологии и этнографии АН РМ, где, в отделе античной и средневековой археологии, прошла путь от научного сотрудника до ведущего научного сотрудника.

Светлана Станиславовна принимала участие в работе более двадцати историко-архитектурных и археологических экспедиций Государственного Эрмитажа и АН Республики Молдова. Они проходили в таких городах России как Псков, Новгород, Старая Русса, Ярославль, Ростов и др. и в Сибири, а также Молдавии и Болгарии. Она часто бывала в научных командировках, где знакомилась с коллекциями, в отдаленных российских городах на Урале, в Пермском крае, а также в Украине, Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехии, Польше. С одной из выставок Государственного Эрмитажа ей довелось побывать и в Японии. Хронологический диапазон ее интересов был широк: она изучала ювелирные древности от ранней античности до позднего средневековья. Светлана Станиславовна хорошо знала русскую средневековую архитектуру, а после переезда в Кишинев, изучив румынский язык, освоила достаточно глубоко

архитектуру средневековой Молдавии и Юго-Восточной Европы. Переехав в Молдавию, она не выключилась из активной научной жизни Петербурга, была непременным участником ежегодных научных конференций по ювелирному делу, проводимых Государственным Эрмитажем и Русским этнографическим музеем.

Светлана Станиславовна при изучении ювелирных украшений сочетала разные направления, привлекая данные технологического, морфологического, стилистического и искусствоведческого характера. Она особенно продуктивно работала в последние годы. Приобретенный богатый научный опыт и знания литературы и источников позволяли ей при анализе материалов оперировать данными многих источников широкого хронологического и географического диапазона и более глубоко и аргументировано решать проблемы, вытекающие из рассматриваемого материала. Она активно участвовала в многочисленных научных конференциях, выступала с докладами и публиковала результаты исследований. Всего ею было опубликовано около двухсот разного плана научных работ. Среди этих работ следует выделить две монографии, которые заслуживают особого внимания. Одна монография «Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования», Санкт-Петербург, 2005 г., 384 с., вышла на русском языке. Работа посвящена исследованию процесса формирования комплексов украшений, составляющих парадные женские головные уборы в Древней Руси. В ювелирных уборах ранних славян и соседних народов выделяются типы украшений, получившие развитие и в более позднее время. Формирование древнерусского ювелирного убора изучается на фоне широкого круга аналогий из других регионов, позволяющих выявить исторический контекст включения в него изначально народных украшений. В монографии рассматривается процесс смены парадных ювелирных уборов древнерусского времени как отражение этнических и культурных контактов Древней Руси, изменений ценностных приоритетов ее населения. Работа является важным фундаментальным исследованием, нужным и востребованным специалистами.

Другая монография «*Piese de podoabă și vestimentație din Voldova și Țara Românească în contextul relațiilor cultural-istorice (secolele XIV –*

XVII)», Brăila, 2014, 376 p. вышла на румынском языке в Румынии. Она посвящена истории возникновения комплекса ювелирных украшений, характерного для населения Молдовы и Цара Ромэньскэ. В этом исследовании украшения Карпато-Балканского региона рассматриваются в широком контексте находок, представленных на археологических памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы. Изделия с территории современной Республики Молдова и Румынии изучаются в сравнении с находками с территории Болгарии, Венгрии, Сербии, Македонии, Хорватии, Украины и России. Работа получила позитивные отзывы специалистов и пользуется вниманием у исследователей.

Светлана Станиславовна обладала редкой интуицией и способностью определять значение разрозненных и случайных находок и вписывать их в систему известных культур. Увлечение своей работой, любовь к ней и приобретенный опыт и знания, позволяли ей при изучении источников делать обоснованные заключения и из массы ювелирных изделий надежно выделять те, которые имеют более выраженную этнокультурную специфику, которую, в значительной степени, можно было отнести к определенному этносу. Особенно ярко это проявилось в выделении материалов, соотнесенных с древними венграми. По этой теме она написала несколько интересных работ, что позволило значительно активизировать изучение истории и материальной культуры древних венгров в регионе между Днестром и Карпатами.

Светлана Станиславовна на протяжении ряда лет являлась членом Ученого совета Института Культурного наследия АН РМ. Она преподавала в университете «Высшая Антропологическая Школа», где вела лекционные спецкурсы, в том числе и в магистратуре, посвященные истории искусства и истории костюма, опубликовала ряд научно-педагогических работ.

Особо следует отметить, что Светлана была хорошей дочерью, матерью и женой. Она всегда заботилась о родных, помогала им, переживала за них. Когда заболела, долго скрывала от родителей и сына свою болезнь, берегла их.

У Светланы Станиславовны всегда были добрые отношения к коллегам. Человек благородной и щедрой души, она не только уделяла

много внимания воспитанию молодых кадров, но и оказывала необходимую помощь коллегам, которые обращались к ней в различных ситуациях за консультациями и советом. Она не только могла помочь, но способна была увлечь коллегу интересной темой, которую он сам не всегда мог выделить и определить ее перспективы. Ее открытость, честность в любых ситуациях, сопереживание и соучастие притягивали к ней людей, которым она становилась другом. Она была светлым человеком, что соответствовало ее имени.

Светлана Станиславовна прожила короткую жизнь, но оставила о себе добрую память.

Это не только ее замечательные научные работы, но и то искреннее и позитивное вдохновение, которое исходило от нее к близким людям, друзьям и коллегам. С нею было надежно и комфортно, так как была уверенность, что она в любой ситуации поможет и не подведет. Горько и больно осознавать, что Светланы Станиславовны Рябцевой уже нет рядом с нами. Незаконченными остались ее многие творческие замыслы. Она до последнего часа жила полноценной научной жизнью. Ее светлый образ, образ обаятельного человека, замечательного ученого, друга и коллеги навсегда останется в наших сердцах.

Николай Тельнов